АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ВОПРОСЫ СКИФО-САРМАТСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

ВОПРОСЫ СКИФО-САРМАТСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

(по материалам конференции ИИМК АН СССР 1952 г.)

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Ответственный редактор
Д. Б. ШЕЛОВ

Н. Н. Погребова

СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМ СКИФО-САРМАТСКОЙ АРХЕОЛОГИИ К КОНФЕРЕНЦИИ ИИМК АН СССР 1952 г.

Перед советскими археологами, изучающими культуру скифов и сарматов, встала неотложная задача пересмотреть существующие в области скифо-сарматской археологии положения, выявить чуждые марксизму концепции, вскрыть имевшие место ошибки и обсудить важнейшие вопросы скифологии, назревшие в трудах советских исследователей, но еще далекие от своего окончательного разрешения.

Основным вопросом скифо-сарматской археологии, в постановке которого особенно сильно сказалось влияние школы и методики Марра, является вопрос об этнической принадлежности скифов и о том, что именно следует понимать под «скифами», «Скифией» и «скифской культурой». При наличии в трудах различных исследователей разных точек зрения этот вопрос стал особенно острым.

Еще в XIX в. чешский ученый Шафарик указал на наличие иранских корней в сохранившихся до нас скифских собственных именах[1]. В русской науке сторонниками иранского происхождения скифов и сарматов были В. Ф. Миллер и А. И. Соболевский. В. Ф. Миллер считал, что среди скифов Геродота в числе других этнических элементов, несомненно, был иранский элемент [2]. К иранской языковой группе относил скифский язык и А. И. Соболевский [3]. В среде историков и археологов до последнего времени по поводу иранства скифов преобладало представление, развитое в трудах М. И. Ростовцева, преувеличивающего значение иранских элементов в культуре скифов. М. И. Ростовцев представлял себе скифов, как иранских по языку и культуре завоевателей, поработивших местное население Северного Причерноморья и установивших на широком пространстве Юго-Восточной Европы единую скифскую культуру, в которой скрещивались иранский, греческий и местный элементы[4]. В противоположность ему А. А. Спицын [5] в своих работах, вышедших в первые годы после революции, решающее значение придавал местным элементам, местному генезису и внутреннему развитию скифской культуры и пытался связать отдельные группы памятников скифского времени с конкретными скифскими племенами. Так, он выделял по ряду данных культуру земледель-

[1] П. И. Шафарик. Славянские древности, т. 1, кн. 2, М., 1848, стр. 27—28.

[2] В. Ф. Миллер. К вопросу о происхождении скифов. Известия о занятиях VII археологического съезда в Ярославле от 20/VIII 1887 г. № 11, стр. 9.

[3] А. И. Соболевский. Русско-скифские этюды, ИОРЯС, XXVII (1924), стр. 321 и сл.

[4] М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор, 1925; его же. Эллинство и иранство на юге России, 1918; M. Rostovtzeff. Iranians and Greeks, Oxford, 1922.

[5] А. А. Спицын. Курганы скифов-пахарей, ИАК, вып. 65 (1918); его же. Скифо-сарматские курганы Крымской степи, ИТУАК, вып. 54 (1918).

ческих племен лесостепи Украины и Кубани, условно отождествляя их с геродотовскими скифами-пахарями; отличную от них группу скифских племен он видел в Крыму.

Г. И. Боровка[1] вслед за Ростовцевым воспринимал скифскую культуру как единое целое и считал областью ее распространения причерноморские степи и Сибирь, но основное значение в ее сложении придавал элементу, выводимому им из первобытных культур севера Европейской России и Сибири.

В начальный период советской археологии вопросы этногенеза были безнадежно запутаны Н. Я. Марром. В соответствии с марровским учением о стадиальности, скифы в основном были отнесены к яфетической, т. е. доиндоевропейской «стадии» языков, хотя в то же время Н. Я. Марр допускал наличие в скифском языке и иранских, т. е. индоевропейских элементов [2].

Особенно яркое выражение стадиальная теория Марра в приложении к археологии юга нашей Родины нашла в работе В. И. Равдоникаса, вышедшей в период расцвета марровского «аракчеевского режима»[3]. В этой работе развитие культуры Северного Причерноморья рассматривалось как целиком автохтонный процесс, а смена одних племен и народностей другими представлялась как переход общества с одной стадии на другую. В эпоху бронзы В. И. Равдоникас видел в Северном Причерноморье родовое общество киммеров, состоявшее из мелких полуоседлых матриархальных родовых групп, занимавшихся «мотыжным земледелием, пастушеским скотоводством и ...охотой» [4]. В известный момент развития производительных сил киммеры переходят на скифскую стадию: «возникает сплоченное родо-племенное общество скифов с кочевым скотоводством как ведущей формой хозяйства» [5]. Сарматская эпоха, по мнению автора, стадиально связана со скифской, но отличается от нее более сильной социально-экономической дифференциацией общества [6]. В период феодализма из стадиально более низких племен образуются готы и начинается готская стадия [7].

В той или иной степени стадиальная теория Марра оказала влияние на взгляды целого ряда исследователей, работавших в области этногенеза племен нашего юга, как, например, А. Д. Удальцова, П. Н. Третьякова, М. И. Артамонова и др. Интерес к вопросам происхождения и этнической принадлежности скифов особенно оживился в связи с выдвинутой в годы Великой Отечественной войны проблемой этногенеза славян и возможного участия в нем скифских племен [8]. Заново подверглись тщательному анализу письменные источники и, прежде всего, данные Геродота. В центре внимания оказались приводимые последним три легенды о происхождении скифов, интерпретируя которые исследователи делали разные выводы. А. Д. Удальцов, П. Н. Третьяков, М. И. Артамонов, И. В. Фабрициус не считали скифов этнически едиными и в самом термине «скифы» видели собирательное понятие, покрывающее этнически различные племена. Эти исследователи различали среди скифских племен автохтонное население и пришлые кочевые племена. К автохтонному населению Ски-

---

[1] G. Borovka. Scythian Art, New York, 1928.

[2] Н. Я. Марр. Избранные работы, т. V (1935), стр. 44.

[3] В. И. Равдоникас. Пещерные города Крыма и готская проблема в связи со стадиальным развитием Северного Причерноморья, ИГАИМК, т. XII (1932).

[4] В. И. Равдоникас. Ук. соч., стр. 49.

[5] Там же, стр. 62.

[6] Там же, стр. 78 и сл.

[7] Там же, стр. 86.

[8] С. П. Толстов. Древнейшая история СССР в освещении Г. Вернадского, ВИ, 1946, № 4, стр. 118; его же. «Нарцы» и «волхи» на Дунае, СЭ, 1948, № 2, стр. 22; П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена, М. — Л., 1948, стр. 56.

фии А. Д. Удальцов относил оседлые земледельческие племена степи и лесостепи, объединявшиеся им под именем сколотов, пришлым элементом считал кочевые племена (царские скифы и скифы-кочевники) [1]. М. И. Артамонов разделял скифские кочевые племена на автохтонные племена скифов-кочевников, населявших, по его мнению, Крым и этнически родственных земледельческим племенам Скифии, и на пришлые кочевые племена царских скифов [2]. П. Н. Третьяков рассматривал происхождение скифских племен в Северном Причерноморье с одной стороны как процесс скрещения местного киммерийского населения с покорившими его пришлыми скифскими племенами, носителями иранской культуры, но главным образом как результат перехода местного населения на новую стадию, связанную с освоением железа, кочевого скотоводства и пашенного земледелия [3]. После обсуждения работ И. В. Сталина по вопросам языкознания П. Н. Третьяков пересмотрел свои установки на вопросы этногенеза и от решения их в духе марровской стадиальности отказался [4]. М. И. Артамонов считал автохтонное население Скифии в целом родственным фракийцам [5]. В отношении большей части автохтонных племен это предполагал и А. Д. Удальцов [6].

Различно толковали А. Д. Удальцов и М. И. Артамонов высказывания Геродота по поводу «сколотов» и «паралатов». А. Д. Удальцов был склонен распространять название «сколотов» на все автохтонные земледельческие племена скифов, термин же «паралаты» по признаку иранского корня «пар»— плуг связывал со скифами-пахарями [7]. М. И. Артамонов, наоборот, «паралатами» считал пришлые кочевые племена, а «сколотами» — все подчиненное им автохтонное население, но главным образом скифов-кочевников [8].

Несколько иначе поставил вопрос о происхождении скифов Б. Н. Граков [9]. Он также различал двойственность легенд о происхождении скифов, утверждавших, с одной стороны, местный, с другой,— пришлый характер скифского населения. Однако Б. Н. Граков предполагал, на основании археологических данных, не внезапное вторжение кочевых племен, как это представляется по Геродоту, а постепенное и длительное их проникновение в черноморские степи, в течение не менее чем 200 лет, и частичное вытеснение ими живших, по Геродоту, здесь до них киммерийцев. Вместе с тем, по мнению Б. Н. Гракова, часть позднейших скифов сложилась из местных жителей, т. е. киммерийцев. Они приняли язык и основные черты культуры завоевателей и стали вместе с ними называться скифами[10]. Б. Н. Граков указывал, что в языке скифов сохранилось много следов иранского его происхождения, но что, передав свой язык

---

[1] А. Д. Удальцов. Основные вопросы этногенеза славян, СЭ, VI—VII, 1947, стр. 4; его же. Начальный период восточнославянского этногенеза, Ист. журн., 1943, № 11—12, стр. 70.

[2] М. И. Артамонов. Вопросы истории скифов в советской науке, ВДИ, 1947, № 3, стр. 76—77.

[3] П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена, М.—Л., 1948, стр. 26—27.

[4] П. Н. Третьяков. Некоторые вопросы происхождения народов в свете произведений И. В. Сталина о языке и языкознании, ВИ, 1950, № 10.

[5] М. И. Артамонов. Вопросы истории скифов в советской науке, ВДИ, 1947, № 2, стр. 76; его же. Происхождение славян, Л., 1950, стр. 27.

[6] А. Д. Удальцов. Проблема происхождения славян в свете современной археологии, ВИ, 1949, № 2, стр. 7.

[7] А. Д. Удальцов. Начальный период восточнославянского этногенеза, Ист. журн., 1943, № 11—12, стр. 70.

[8] М. И. Артамонов. Вопросы истории скифов в советской науке, ВДИ, 1947, № 3, стр. 76.

[9] Б. Н. Граков. Скіфи, Киев, 1947.

[10] Там же, стр. 21.

местному населению, они в свою очередь вобрали в него элементы местного языка [1].

Более определенно высказался Б. Н. Граков об этническом единстве скифов в статье «Скифский Геракл», вышедшей в 1950 г.[2] Здесь обе легенды о происхождении скифов от мифического родоначальника трактованы как две версии одного и того же мифа, принятого и оседлыми и кочевыми племенами скифов и объединяющего всех скифов в одно целое. В этом мифе, возникшем тогда, «когда грани между кочевниками-завоевателями и местным оседлым населением» уже стерлись, Б. Н. Граков видел подтверждение скифской этнической общности.

Как А. Д. Удальцов, так и П. Н. Третьяков и М. И. Артамонов ставили вопрос о генетической связи раннеславянских племен со скифским миром, однако, не со всеми скифами, а только с земледельческими племенами лесостепной полосы. А. Д. Удальцов [3], рассматривая формирование славянства как длительный «многовековой процесс» и устанавливая понятие раннеславянских или протославянских племен, начавших складываться еще в последние столетия до н. э., в значительной степени отошел от позиций марризма. А. Д. Удальцов указал на автохтонное развитие раннеславянской культуры как в западных областях, на территории лужицкой культуры, так и в восточных, на территории культуры полей погребений между Карпатами, Средним Днепром и Припятью. На этой последней территории А. Д. Удальцов проследил генетическую связь раннего (корчеватово-зарубинецкого) этапа славянской культуры с культурой земледельческого автохтонного населения Северного Причерноморья и в первую очередь с культурой среднеднепровских племен, которых он отождествлял со скифами-пахарями и этнически противопоставлял вместе с другими автохтонными скифскими племенами скотоводческим кочевым племенам степей Северного Причерноморья[4]. М. И. Артамонов также указывал на местный генезис раннеславянской (антской) культуры Среднего Поднепровья и устанавливал этническое отличие населения этого последнего от кочевников степной Скифии, среди которых «главенствующую роль играл иранский этнический элемент». В отличие от А. Д. Удальцова, М. И. Артамонов совсем выключал Среднее Поднепровье из собственно скифской территории и полагал, что оно было населено будинами и гелонами, т. е. теми соседними со скифами и близкими к ним по образу жизни племенами, которые, по Геродоту, этнически не были скифскими [5]. По П. Н. Третьякову, в Среднем Поднепровье жило нескифское племя невров [6]. Однако в соответствии с разделявшейся им тогда концепцией в предки славян П. Н. Третьяков зачислял в равной мере и невров и меланхленов и разные другие племена, рассматривая процесс образования славянства как качественный скачок, как некий взрыв, при котором разнородные племена, «подобно металлам, попавшим в один горн, мало-помалу создали новый, ранее неизвестный этнический сплав — славянские племена» [7].

Б. Н. Граков принимал в общих чертах возможность постановки вопроса о генетической связи ранних славян с населением Среднего Поднепровья, но глубже эту проблему не разрабатывал [8].

---

[1] Б. Н. Граков. Скіфи, стр. 17.
[2] КСИИМК, вып. XXXIV (1950).
[3] А. Д. Удальцов. Проблема происхождения славян в свете современной археологии, ВИ, 1949, № 2, стр. 15.
[4] Там же, стр. 17.
[5] М. И. Артамонов. Этногеография Скифии, УЗЛГУ, сер. ист. наук, вып. 13 (1949), стр. 158 и сл.; его же. Происхождение славян, Л., 1950, стр. 26.
[6] П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена, М.—Л., 1948, стр. 30.
[7] Там же, стр. 56.
[8] Б. Н. Граков. Скіфи, стр. 93.

В дальнейшем П. Н. Третьяков, как уже сказано выше, пересмотрел свои взгляды на процесс этногенеза славян. Однако понимание Скифии как объединения разнородных племен у П. Н. Третьякова осталось прежним [1]. Более того, он нашел возможным применить именно к Скифии ту характеристику, которую И. В. Сталин дал великим империям древности, определяя их как «...конгломерат племён и народностей, живших своей жизнью и имевших свои языки» [2].

Повторение, часто бессознательное, этногенетических домыслов Марра и его последователей, зачислявших самые различные по своей этнической принадлежности племена в предки славян, привело к необоснованной тенденции некоторых крымских археологов связывать этногенез славян с крымскими скифами и даже с таврами. П. Н. Шульц рассматривал крымских скифов как предков славян [3], включая их вместе с нижнеднепровскими скифами в южные группы протославянских племен [4].

Недавно М. И. Артамонов, как и Б. Н. Граков, высказался против версии Геродота о внезапном вторжении в Приднепровье из Азии масс скифских кочевников, как не подтверждающейся археологическими данными. Основываясь на исследованиях О. А. Кривцовой-Граковой в области культуры поздней бронзы в Поволжье и на Украине, М. И. Артамонов развил мысль, уже ранее высказывавшуюся Б. Н. Граковым, о происхождении скифов от этнической группы носителей срубной культуры, передвинувшихся в Южную Украину из-за Волги еще во II тысячелетии до н. э. и ассимилировавших туземное население, что в дальнейшем было переосмыслено Геродотом в его третьей легенде как вторжение скифов из Азии [5]. Признавая, что древние носители срубной культуры в степной Евразии явились важнейшей основой для образования позднейших иранцев, М. И. Артамонов тем самым признал и иранское происхождение пришлой части скифских племен и именно скифов царских, языки же их он отнес к особой группе «индоевропеизирующих языков». Этим пришлым племенам М. И. Артамонов противопоставил автохтонное население Скифии, этнически родственное «таврам, синдам и другим яфетическим племенам Причерноморья и Кавказа» [6].

Отличая понятие скифского этноса от скифской культуры, М. И. Артамонов утверждал, что скифская культура — признак не этнический и не может ни в какой мере служить доказательством распространения скифов как таковых. Общими для различных скифских племен степного и лесостепного Поднепровья, Крыма и Поднестровья у М. И. Артамонова, в конце концов, оказываются «только некоторые типы оружия, конского снаряжения и личного убора, в украшениях которых видное место занимали изображения животных» [7]. Таким образом, скифская культура может быть названа так «лишь весьма условно, так как совершенно такие же формы, такой же звериный стиль распространены далеко за пределами Скифии»[8]. Однако распространение скифской культуры М. И. Артамонов понимал в духе марровской автохтонности, считая, что в Северном

---

[1] П. Н. Третьяков. Некоторые вопросы происхождения народов в свете произведений И. В. Сталина о языке и языкознании, ВИ, 1950, № 10, стр. 15—16.

[2] И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 12.

[3] П. Н. Шульц. Тавро-скифская археологическая экспедиция в Крыму, «Сов. Крым», 1946, № 2, стр. 116.

[4] П. Н. Шульц. Историко-археологические исследования в Крыму, альманах «Крым», 1950, № 6, стр. 152.

[5] М. И. Артамонов. К вопросу о происхождении скифов, ВДИ, 1950, № 2, стр. 45.

[6] М. И. Артамонов. Вопросы истории скифов в советской науке, ВДИ, 1947, № 3, стр. 80.

[7] М. И. Артамонов. К вопросу о происхождении скифов, ВДИ, 1950, № 2, стр. 39.

[8] Там же, стр. 40.

Причерноморье, на Алтае «и в ряде других мест она возникает независимо, как результат развития в сходных исторических условиях...» [1].

Еще в XIX в. Н. И. Надеждин, Ф. К. Брун, Ф. А. Браун и другие исследователи, на основе сведений Геродота, пытались разместить перечисленные им скифские и нескифские племена Северного Причерноморья на современной географической карте. Их изыскания в наше время продолжили советские археологи — М. И. Артамонов, Б. Н. Граков, И. В. Фабрициус, каждый из которых дал вариант скифской этнической карты.

В основу своей работы М. И. Артамонов положил проверку данных Геродота на современном археологическом материале. При этом в качестве основного критерия для выделения этнических групп М. И. Артамонов берет погребальный обряд и типы погребальных сооружений, указывая, что «погребальный обряд является самой устойчивой, самой консервативной и вследствие этого самой надежной этнической особенностью» [2].

Результаты проделанной М. И. Артамоновым работы сводятся к следующему.

Автохтонных скифов-кочевников он выделяет по признаку погребения в яме, перекрытой деревом или каменными плитами, или в каменном ящике и на этом основании отводит им территорию Нижнего Поднепровья, Керкинитский полуостров и западную часть степного Крыма. Скифы царские, по Геродоту, кочевали на широких просторах степей от Дуная до Дона, но М. И. Артамонов, не зная к востоку от Днепра скифских памятников дальше Мелитополя, находит нужным эту территорию сократить. Скифов царских до IV в. до н. э. М. И. Артамонов связывает с погребениями в больших грунтовых ямах, а факт повсеместного перехода с IV в. до н. э. в Нижнем Поднепровье к захоронениям в земляных катакомбах объясняет результатом скрещения скифов царских с местным населением — скифами-земледельцами, борисфенитами, ведущими свои погребальные обычаи от традиции катакомбных погребений медно-бронзового века и обитавшими по берегам Нижнего Днепра. Каллиппидов, в согласии с Геродотом, М. И. Артамонов поселяет в окрестностях Ольвии «и, вероятно, в самом городе». При этом, указывая на многообразие варварских погребальных памятников в некрополе Ольвии, М. И. Артамонов видит в каллиппидах не особое племя, а выходцев из самых разных племен Скифии, как оседлых, так и кочевых. Алазонов М. И. Артамонов, как и А. Д. Удальцов и П. Н. Третьяков, в соответствии с Геродотом, размещает по нижнему течению Буга, а в поисках характерных для них погребальных памятников обращается к грушевидным (вероятно, заброшенным зерновым.— *Н. П.*) ямам около селений Мал. Кринички и Варваровки. Скифов-пахарей М. И. Артамонов помещает в лесостепи, но не в Среднем Поднепровье, как это стало традицией со времени А. А. Спицына и как это делал А. Д. Удальцов, а в Подолии, связывая их с подольской группой курганов в Северо-Западном Поднестровье. Как уже было указано, насельниками Среднего Приднепровья и ближайшими претендентами на роль предков славян он считает гелоно-будинские племена, в состав которых он зачисляет также андрофагов и меланхленов. В отношении собственно гелонов М. И. Артамонов выдвинул предположение о связи их с поворсклинской группой памятников Левобережья. Неврам М. И. Артамонов приписывал памятники высоцкой культуры в Северной Галиции и на Волыни [3]. Савроматов, в соответствии с ясными высказываниями Геродота и археологическими свидетельствами, он помещает к востоку от Дона. Близко к М. И. Артамонову решал вопрос о будинах С. П. Толстов,

---

[1] М. И. Артамонов. К вопросу о происхождении скифов, ВДИ, 1950, № 2, стр. 40.
[2] М. И. Артамонов. Этногеография Скифии (1949), стр. 133.
[3] М. И. Артамонов. Происхождение славян, Л., 1950, стр. 32.

видевший «в будинах в широком смысле этого термина северные группы протославянских племен... от Верхнего Дона до Эльбы» [1].

Б. Н. Граков во время написания своей популярной книжки «Скифы», вышедшей в 1947 г. в Киеве на украинском языке, разделял господствовавшее тогда представление о распространении скифов как в степи, так и в лесостепи и локализовал скифов-пахарей в верховьях Буга и Днестра. Остальная же часть лесостепи у него, как и у М. И. Артамонова, оказывается заселенной нескифскими племенами. Наиболее существенное расхождение у Б. Н. Гракова и М. И. Артамонова в локализации племен Геродота касается расселения скифских кочевых племен. На основании указаний Геродота, Б. Н. Граков поселяет скифов-кочевников на левом берегу Днепра вплоть до р. Герроса, отождествленной им с р. Молочной, а Северный Крым относит к территории скифов царских, занимавших степь от Днепра до Азовского моря и Дона. В отношении скифов-земледельцев Б. Н. Граков подчеркивает, что они жили не только на левом, но и на правом берегу Днепра. Алазонов Б. Н. Граков помещает выше каллиппидов по Днепру и Бугу, в месте сближения этой реки с Днестром.

Что касается нескифских племен, то в лесной полосе Правобережья Б. Н. Граков размещает андрофагов, а меланхленов — в лесах Средней России. Будинов и гелонов, так же как иирков и фиссагетов, он, вопреки М. И. Артамонову, относит значительно дальше к Востоку, в область Татарской АССР, Прикамья и лесного Приуралья.

Полевыми изысканиями последних лет, особенно проведенными Институтом археологии УССР, были добыты новые данные для установления местного происхождения культуры Среднего Поднепровья (работы А. И. Тереножкина в Черном лесу), а также генетической связи культуры Среднего Поднепровья скифского времени с культурой полей погребений и через нее с ранними славянами. В отношении населения Среднего Поднепровья часть исследователей продолжала держаться точки зрения А. А. Спицына, отождествлявшего эти племена со скифами-пахарями, и добавляла новые аргументы в пользу этой гипотезы. Кроме А. Д. Удальцова, особенно решительно отстаивали эту точку зрения В. А. Ильинская [2] и П. Д. Либеров [3]. В. А. Ильинская предприняла также изыскания в отношении будинов, размещая их в бассейнах Верхнего Дона и Северского Донца, на Харьковщине и в Воронежской области (Частые и Мастюгинские курганы)[4].

И. В. Фабрициус, в специальной статье, посвященной размещению племен Геродота [5], относит к собственно скифским только четыре племени: скифов царских, скифов-кочевников, скифов-земледельцев и скифов-пахарей. Алазонов она выделяет как нескифское племя (понимая именно так Геродота), а каллиппидов считает смешанным греко-скифским населением.

Кочевые племена, как царских скифов, так и кочевников, И. В. Фабрициус поселяет в Приазовье — между Днепром и Доном; скифов-земледельцев — в бассейне Ингульца, который был густо заселен в эпоху бронзы, скифов-пахарей — в Верхнем Побужье между реками Збручем и Синюхой, каллиппидов — в окрестностях Ольвии, алазонов — выше по Бугу.

---

[1] С. П. Толстов. «Нарцы» и «волхи» на Дунае, СЭ, 1948, № 2, стр. 19.

[2] В. А. Ильинская. Скифы-пахари и будины Геродота, КСИИМК, вып. 40 (1951).

[3] П. Д. Либеров. К вопросу о скифах-пахарях, ВДИ, 1951, № 4.

[4] В. А. Ильинская. Ук. соч.

[5] І. В. Фабрицiус. До питання про топографізацію племен Скіфії, Археологія, т. V (1951).

Как и М. И. Артамонов, основную часть лесостепной полосы И. В. Фабрициус заселяет несколькими племенами будинов и гелонов, выделяя среди них ряд локальных групп. Северную часть Киевской области, где преобладали трупосожжения и захоронения в урнах, И. В. Фабрициус считает одним из центров формирования славянства.

Наибольший протест среди других скифологов вызвало утверждение И. В. Фабрициус о принадлежности тясминской группы памятников Среднего Поднепровья гелонам, которых она трактует как эллинов, выселившихся из причерноморских греческих городов[1].

Таким образом, богатая культура тясминской области, местный характер которой хорошо засвидетельствован археологическими исследованиями, определяется И. В. Фабрициус как культура греческих колонистов; греческой колонией считает она и Бельское городище на р. Ворскле, левом притоке Днепра.

Особую позицию в трактовке вопроса об этнической принадлежности скифов занял Д. П. Каллистов в своей книге «Очерки по истории Северного Причерноморья». Соглашаясь с М. И. Артамоновым и другими исследователями по вопросу о собирательном характере термина «скифы», Д. П. Каллистов лишь часть из племен, перечисленных Геродотом, считал соответствующими их подлинным наименованиям (каллиппиды, алазоны). Названия же таких племен, как скифы-пахари, скифы-земледельцы, скифы царские и скифы-кочевники, по мнению Д. П. Каллистова, лишь определяют наиболее характерные черты их экономики или общественного устройства и соответствуют крупным группам местного населения, включающим в себя целый «ряд отдельных племен, имеющих свои особые имена» [2].

По вопросу о языке скифов Д. П. Каллистов разделял марровскую теорию стадиальности и допускал связь скифского языка с иранским лишь с известными оговорками [3].

Языковой принадлежностью скифов занялся В. И. Абаев в своей статье «Скифо-аланские этюды» [4]. Здесь он вновь выдвинул положение о господстве ираноязычного элемента среди степных племен юга России в скифское время. «Если под общим наименованием скифов и сарматов скрывались также некоторые неиранские элементы, что возможно, то приходится согласиться, что для их этнической и языковой характеристики сделано пока недостаточно. Исключение составляют фракийские элементы, наличие которых несомненно и которые легко объясняются соседством и общением иранских племен с фракийскими. Во всяком случае ничего, что можно было бы противопоставить иранскому, как равноценное по объему и значению, пока не обнаружено»[5]. При этом заслугой В. И. Абаева является четкое разграничение понятия североиранской языковой группы, к которой, надо думать, принадлежали скифы, и иранской (персидской) культуры. «Персия... была в древности не более, как отсталой по культуре периферией иранского мира. Древнейшими областями культуры ираноязычных народов были области, принадлежащие ныне СССР»,— Хорезм, Согдиана. «В близком языковом родстве и в оживленном общении с ними находился и скифо-сарматский мир» [6]. К сожалению, значе-

---

[1] Ср. рецензию А. И. Тереножкина, ВДИ, 1952, № 2.

[2] Д. П. Каллистов. Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи, Л., 1949, стр. 123.

[3] Там же. После дискуссий по языкознанию Д. П. Каллистов пересмотрел свою точку зрения и в своей последней книге «Северное Причерноморье в античную эпоху» (М., 1952) он допускает существование общего для всех скифских и сарматских племен языка, достигшего относительно высокой ступени развития, обладающего богатым словарным фондом и относительно развитым грамматическим строем (стр. 47).

[4] В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор, М.—Л., 1949.

[5] Там же, стр. 147.

[6] Там же, стр. 238—239.

ние труда В. И. Абаева в целом снижается бесплодной попыткой объединить достижения сравнительного языкознания с принципами марровской стадиальности.

Таким образом, по вопросу об этнической принадлежности скифов и об их этническом единстве перед конференцией существовали большие разногласия среди исследователей. В значительной мере господствовали концепции марровской школы. Неясно было общее представление об этносе и о культуре, недостаточно освещалась или совсем игнорировалась роль языка при выделении этнических групп. Существовали расхождения и по вопросу о локализации отдельных конкретных племен скифского времени в Северном Причерноморье. Однако со все большей уверенностью ставился вопрос об участии Среднего Поднепровья в этногенезе славян и все больше наблюдалось единодушия в выделении лесостепной полосы и в частности Среднего Поднепровья как области формирования славянства.

Громадное значение для изучения культуры скифов имели полевые исследования советского периода и особенно раскопки скифских городищ — Каменского на Днепре (Б. Н. Граков) и Неаполя Скифского в Крыму (П. Н. Шульц). Исследования этих крупнейших скифских городищ позволили по-новому осветить ряд вопросов истории скифской культуры, скифского общества и государства. Однако работ, обобщающих результаты исследований этих городищ, к моменту конференции не было опубликовано.

Такое же большое значение для истории Прикубанья имело открытие и изучение за советский период мэотских, сарматских и синдских городищ, поселений и могильников Прикубанья (В. А. Городцов, Н. В. Анфимов, К. Ф. Смирнов и др.). Были выявлены своеобразные черты прикубанского варианта скифской культуры, однако вопрос о роли собственно скифского этнического элемента в сложении культуры Прикубанья оставался открытым.

Много нового дали археологические исследования советского времени в области сарматской культуры в степях между Доном и Волгой, в Поволжье и в Южном Приуралье. Вопросы сарматской культуры были лишь слабо освещены в трудах М. И. Ростовцева, который, располагая ограниченным археологическим материалом, рассматривал сарматов, подобно скифам, как кочевое иранское племя конных рыцарей, господствовавших над местными племенами [1]. Савроматов М. И. Ростовцев считал за отличное от сарматов племя, различая их по общественному строю; для первых, по его мнению, был характерен матриархат, у вторых он отсутствовал. Работами П. Рау, Б. Н. Гракова, И. В. Синицына, К. Ф. Смирнова и других исследователей установлено длительное пребывание сарматов в поволжско-приуральских степях и поставлен вопрос о формировании здесь сарматской культуры и постепенном распространении ее отсюда на Северный Кавказ и в украинские степи. П. Рау и Б. Н. Граков наметили основные этапы периодизации сарматской культуры. Доказав наличие пережитков матриархата в быту сарматов, Б. Н. Граков опроверг точку зрения М. И. Ростовцева на различие культур савроматов и сарматов и установил преемственность между ними [2].

Большое значение для решения проблемы этногенеза сарматов имели работы ряда археологов, изучающих культуры эпохи бронзы в Приуралье, Поволжье и Западном Казахстане, наметившие генетическую связь ранних сарматов с этими культурами.

---

[1] М. И. Ростовцев. Курганные находки Оренбургской области, эпоха раннего и позднего эллинизма, МАР, вып. 37 (1918), стр. 80.

[2] Б. Н. Граков. Пережитки матриархата у сарматов, ВДИ, 1947, № 3.

Особую актуальность приобрели вопросы сарматской культуры в послевоенные годы в связи с выдвижением в исторической литературе проблемы этногенеза славян. Еще В. А. Городцов в 1926 г. высказал мысль о наличии сарматских культовых мотивов в северных русских вышивках [1]. С. П. Толстов возродил гипотезу, выдвинутую в свое время М. В. Ломоносовым, о происхождении русов от сарматского племени роксолан. Этногенез сармато-аланских племен С. П. Толстов рассматривал как продукт многовекового смешения массагетских племен Средней Азии с индо-иранскими саками [2]. Другой исследователь — Л. А. Мацулевич — считал подонско-прикубанские степи местом формирования основного ядра сарматского объединения.

Для раннего периода сарматской культуры Л. А. Мацулевич выделял конкретные племена — сираков, которых он локализовал в долине Маныча, и аорсов — на Каспийском побережье и в предгорьях Восточного Кавказа. Аорсы, по его мнению, постепенно продвинулись в Среднюю Азию и «сарматизировали различные местные племена вплоть до Приаралья и Нижней Сыр-Дарьи» [3].

Для позднесарматского времени (II — III вв. н. э.) Л. А. Мацулевич различал внутри сарматского союза две основные группировки: западную аланскую, автохтонную для Северного Кавказа, и восточную алано-аорскую, включившую в свой состав сильно сарматизированные массагетские племена. По поводу взаимоотношений сарматов с Хорезмом Л. А. Мацулевич разделял точку зрения С. П. Толстова о сильном политическом влиянии Хорезма, подчинившего своей власти сармато-аланские племена от Приаралья до Восточного Приазовья. Обе работы — С. П. Толстова и Л. А. Мацулевича — построены на принципах марровской стадиальности. Отмеченные выше результаты работы советских археологов в степях Заволжья и Казахстана указанными исследователями не были приняты по внимание.

Выделение конкретных сарматских племен на основе археологических данных намечал в своих работах К. Ф. Смирнов, особенно много поработавший над культурой роксолан [4].

За советское время были произведены выдающиеся открытия памятников культуры скифского времени на Алтае (С. И. Руденко, М. П. Грязнов). Результаты этих работ были освещены главным образом в ряде работ С. И. Руденко. Устанавливая общие черты между культурой горноалтайских племен и скифской культурой Северного Причерноморья, С. И. Руденко рассматривал первую, как северный вариант скифо-сакской культуры, а горноалтайское население скифского времени считал местной этнической группой, входящей в состав общей массы скифо-сакских племен [5]. Скифо-сакскую культуру С. И. Руденко распространял на огромные пространства степей Евразии — от Алтая до Карпат на запад, хотя и отмечал «существенные различия в физическом типе и языке племен, объединенных этой культурой» [6].

Такая же расширительная тенденция в толковании скифской культуры, коренящаяся в марровской концепции скифской стадии, проявилась в работах Б. Б. Пиотровского, А. Н. Бернштама, С. П. Толстова, распро-

---

[1] В. А. Городцов. Дако-сарматские религиозные элементы в русском народном творчестве. Труды ГИМ, вып. 1 (1926).

[2] С. П. Толстов. Из предистории Руси, СЭ, VI—VII (1947).

[3] Л. А. Мацулевич. Аланская проблема и этногенез Средней Азии, СЭ, VI—VII (1947).

[4] К. Ф. Смирнов. О погребениях роксолан, ВДИ, 1949, № 1.

[5] С. И. Руденко. Пятый Пазырыкский курган, КСИИМК, вып. XXXVII (1951), стр. 116.

[6] С. И. Руденко. Раскопки Пазырыкской группы курганов, КСИИМК, вып. XXXII (1950), стр. 25.

странявших скифскую стадиальную культуру на Закавказье и Среднюю Азию.

Другим важнейшим дискуссионным вопросом скифской археологии являлся вопрос об общественном строе скифов.

Фрагментарность письменных сведений и полное отсутствие таких археологических данных, которые могли бы послужить надежным материалом для бесспорного суждения по этому вопросу, приводили к существованию разных точек зрения. М. И. Ростовцев рассматривал скифское общество как военно-феодальную державу типа Хазарского царства или Золотой Орды, сложившуюся еще в VII в. до н. э.[1] Концепция М. И. Ростовцева нашла отражение и в работах некоторых советских историков (Ю. В. Готье, С. В. Юшков), но в основном встретила решительную критику в советской научной литературе. Однако и среди противников взглядов Ростовцева по этому вопросу не было единодушия. С. А. Семенов-Зусер рассматривал строй степных кочевых скифов как родо-племенную организацию [2]. До известной степени к нему примыкал В. И. Равдоникас [3], который, отмечая в скифском обществе начавшееся имущественное расслоение и возникновение элементов рабовладения, категорически отрицал рабовладельческий характер скифского общества в целом. С другой стороны, А. П. Смирнов еще в 1935 г. поставил вопрос о рабовладельческом строе скифских кочевых племен и о создании в их среде государства раннерабовладельческого типа. При этом А. П. Смирнов обратил внимание на многообразие форм рабовладения у разных народов и на то, что наличие развитого рабовладения классического типа в Греции и Риме не исключает рабовладельческого способа производства более примитивного характера у других народов [4]. В то же время у земледельческих скифских племен А. П. Смирнов предполагал сохранение патриархально-родового уклада.

За последнее время в среде советских скифологов стало общепризнанным рассмотрение скифского общества времени Геродота как строя военной демократии, на основе которого постепенно складывается государство раннерабовладельческого типа, но по поводу времени возникновения последнего между исследователями нет единодушия. В этом отношении четко выделились два лагеря. С. А. Жебелев, М. И. Артамонов, Д. П. Каллистов не видят у скифов никаких объединений государственного типа до III—II вв. до н. э., когда в Крыму складывается скифское «рабовладельческое государство варварского типа» (М. И. Артамонов) [5]. При этом М. И. Артамонов и Д. П. Каллистов в своих работах отрицали значительную роль рабства в скифском обществе и указывали на труд свободных общинников как на основу хозяйства скифов [6].

Этой точке зрения была противопоставлена концепция Б. Н. Гракова, который в статье «Скифский Геракл» [7] развил мысль о резком и быстром переходе скифского общества в конце V и в первой половине IV в. до н.э. от строя военной демократии к рабовладельческому государству, создан-

[1] М. И. Ростовцев. Эллинство и иранство на юге России, Пг., 1918, стр. 38.

[2] С. А. Семенов-Зусер. Родовая организация у скифов Геродота, ИГАИМК, т. IX, вып. 1 (1931).

[3] В. И. Равдоникас. Пещерные города Крыма..., ИГАИМК, т. XII, вып. 1—8.

[4] А. П. Смирнов. Рабовладельческий строй у скифов-кочевников, М., 1935.

[5] С. А. Жебелев. Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре, ВДИ, 1938, № 3, стр. 53; М. И. Артамонов. Скифское царство в Крыму, ВЛГУ, 1948, № 8, стр. 77; Д. П. Каллистов. Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи, Л., 1949, стр. 14.

[6] М. И. Артамонов. О землевладении и земледельческом празднике у скифов, УЗЛГУ, сер. ист. наук, вып. 15 (1948), стр. 19; Д. П. Каллистов. Ук. соч., стр. 141.

[7] Б. Н. Граков. Скифский Геракл, КСИИМК, вып. XXXIV (1950).

ному Атеем. В этой же работе подчеркнута значительная роль, которую играло рабство в скифском обществе еще в эпоху военной демократии, в форме отношений зависимости земледельческих племен от кочевнических, напоминающей своеобразную форму общинного рабства в Спарте или Фессалии.

Таким образом, из изложенного выше состояния проблем скифо-сарматской археологии накануне созыва конференции ИИМК АН СССР 1952 г. становится понятным, что на конференции узловыми вопросами оказались: 1) вопросы этнической принадлежности и этнического единства племен Северного Причерноморья скифского времени; 2) вопросы участия скифских племен в этногенезе славян; 3) вопросы выделения конкретных скифских и сарматских племен на основании новых археологических данных и 4) вопросы общественного строя и государственности скифо-сарматского мира.

К участию в конференции были привлечены археологи Москвы, Ленинграда, Киева, Саратова, Краснодара и других городов. К сожалению, ряд докладов по важнейшим вопросам скифо-сарматской археологии не состоялся в связи с болезнью докладчиков. Так, не могли быть заслушаны доклады М. И. Артамонова, И. В. Синицына, И. В. Фабрициус.

Конференция продолжалась шесть дней — с 28 января по 2 февраля 1952 г. Были заслушаны следующие доклады.

28 января утром. Б. Н. Граков, А. И. Мелюкова, Н. Н. Погребова — Основные культуры скифского времени в Причерноморье. А. И. Тереножкин — Памятники предскифской эпохи в Среднем Правобережном Поднепровье (чернолесский этап).

28 января вечером. Е. Ф. Покровская — Селище на Тарасовой горе. К. Ф. Смирнов — Вопросы изучения сарматских племен и их культуры в советской археологии.

29 января утром. Б. Н. Граков — К истории скифского царства. Э. И. Соломоник — О государстве поздних скифов.

29 января вечером. П. Н. Шульц — Исследование Неаполя Скифского в послевоенный период. А. А. Иессен — Характеристика памятников Северного Кавказа VIII — VII вв. до н. э.

30 января утром. В. А. Ильинская — Керамика скифских погребений Посулья. М. И. Вязьмитина — Сарматский некрополь села Ново-Филипповки Запорожской области.

30 января вечером. Б. Б. Пиотровский — Скифы и Древний Восток. К. Ф. Смирнов — Этапы развития культуры населения Среднего Прикубанья.

31 января утром. А. П. Манцевич. — Из истории связей Скифии и Фракии (по материалам Крыма). С. Ф. Стржелецкий — Таврские памятники эпохи бронзы и раннего железа.

31 января вечером. Н. Н. Погребова — Скифские погребальные памятники Крыма. А. И. Мелюкова —Культура скифского времени северо-западной части Среднего Поднестровья.

1 февраля утром. В. И. Канивец — Раскопки Высоцкого могильника в Западной Украине в 1951 г. С. С. Баранович — Новые памятники белогрудовского типа на Уманьщине. И. В. Яценко — О связях степных скифов с соседними племенами (по материалам конского убора).

1 февраля вечером. Н. В. Анфимов — Синдика в VI — IV вв. до н. э.

2 февраля утром. П. Д. Либеров — Хронология памятников лесостепи в скифскую эпоху. Е. И. Крупнов — О походах скифов через Кавказ.

Оживленные прения, возникшие по основным докладам, показали своевременность конференции и актуальность поставленных вопросов. Ход работы конференции освещен в информационных сообщениях

Т. Д. Златковской[1] и А. И. Мелюковой[2], к которым я и отсылаю читателя. Основные доклады сотрудников ИИМК и некоторых других участников печатаются в настоящем сборнике, остальные уже появились или должны появиться в ближайшее время в разных археологических изданиях. Моей задачей в данной статье является подытоживание основных результатов, достигнутых конференцией в области решения узловых проблем скифо-сарматской археологии, состояние которых перед конференцией было освещено выше.

Прежде всего, конференция решительно осудила применение антимарксистского «учения» Н. Я. Марра о языке к проблемам скифо-сарматской археологии. В результате этого применения было создано антиисторическое понятие «скифской стадии», проблемы этногенеза решались в духе гипертрофированного автохтонизма при игнорировании роли взаимосвязей в жизни древних племен, усваивалось пренебрежение к археологическому материалу как к историческому источнику.

«Сторонники так называемого «нового учения» Н. Я. Марра о языке,— говорится в резолюции конференции,— на словах отгораживались от концепции М. И. Ростовцева о кочевниках, господствовавших над населением Северного Причерноморья и принесших с собой один из трех элементов, якобы слагавших скифскую культуру, «иранский, собственно персидский», и создавших, по мнению Ростовцева, на огромных пространствах единую в основных формах культуру. На деле же сторонниками Марра было переоформлено и часто повторялось ростовцевское понятие о трех скрестившихся здесь культурных элементах (местном, греческом и иранском) и полностью было усвоено понятие об «иранцах-завоевателях», якобы господствовавших над стадиально ниже стоявшими «яфетическими» элементами».

Хотя разгром марризма в языкознании значительно облегчил и стимулировал развитие скифо-сарматской археологии, однако некоторые недостатки, в том числе и «связанные с влиянием марризма, в этой области сказываются и в настоящее время. Как отмечает резолюция конференции, «а) до сих пор ощущаются пережитки влияния школы Н. Я. Марра, особенно в стремлении видеть во многих случаях автохтонное изолированное развитие племен и культур без достаточных к тому оснований; б) есть случаи преувеличения роли миграций в скифо-сарматское время; в) имеет место лишенное научных оснований присвоение скифам, а иногда и сарматам (без учета места их пребывания и их языковой принадлежности) роли предков славян или других народов; г) допускается неправильное освещение роли античных городов Причерноморья в истории скифо-сарматских племен, несмотря на многочисленные высказывания классиков марксизма-ленинизма о значении античных народов во всеобщей истории (указанное в пунктах *в* и *г* особенно проявлялось в местной прессе Крыма и в некоторых музеях УССР. Местные научные учреждения иногда не уделяют достаточного внимания разъяснению этих необоснованных искажений исторической действительности); д) недостаточно мобилизуются материалы как хранящиеся в музеях, так и вновь добываемые раскопками, недопустимо затягивается их обработка и публикация; е) недостаточна публикация работ обобщающего характера по археологии и истории скифских и сарматских племен; ж) мало появляется в печати статей, посвященных критике работ, выходящих по этому важному разделу советской археологической науки».

---

[1] Т. Д. Златковская. Конференция ИИМК АН СССР по вопросам скифо-сарматской археологии, ВДИ, 1952, № 3.

[2] А. И. Мелюкова. Конференция ИИМК, посвященная вопросам скифо-сарматской археологии, КСИИМК, вып. XLIX (1953).

Конференция призвала советских исследователей продолжать и углублять свою работу в духе творческого марксизма и вести решительную борьбу как со всякими проявлениями влияния учения Марра, так и с чуждыми марксизму концепциями буржуазных ученых, которые все еще иногда дают себя знать в высказываниях советских ученых и тормозят развитие советской археологии.

Одной из важнейших задач советской археологии конференция признала изучение конкретных племен скифо-сарматского времени на юге нашей страны в сложных исторических условиях, при которых «...племена и народности дробились и расходились, смешивались и скрещивались...»[1]. Важнейшим признаком этнической принадлежности племени или народности является язык, поэтому при решении вопросов этногенеза громадное значение имеет привлечение лингвистических данных. Конференция признала необходимым продолжать и углублять плодотворный контакт археологов с языковедами, установленный после дискуссии по языкознанию и имевший место и в работах данной конференции. Выступления присутствовавших на конференции языковедов (Б. В. Горнунга, П. С. Кузнецова, В. Н. Сидорова) во многом помогли уяснению возникавших на конференции спорных вопросов этногенеза и, в частности, вопроса о роли скифов в этногенезе славян, вопроса, по которому во время конференции неоднократно разгорались оживленные прения.

В своих выступлениях на конференции лингвисты предостерегали археологов от слишком поспешных выводов в области этногенеза на основе одних только археологических данных и указывали, что преемственность материальной культуры далеко еще не означает непрерывной эволюции языка[2], так же как единая материальная культура может покрывать племена, говорящие на разных языках, а племена с общим языком могут отличаться по своей культуре[3]. В то же время было признано, что устанавливаемая археологически материальная культура является важнейшим историческим источником и в качестве такового имеет большое значение для решения и этногенетических вопросов, особенно при скудости лингвистических данных. Поэтому археологи не должны оставлять усилий по выделению отдельных этнических группировок, привлекая для окончательного решения этих вопросов лингвистические материалы и, в частности, данные топонимики.

Как видно из изложенного выше обзора состояния проблем скифо-сарматской археологии, из всех вставших перед конференцией вопросов наиболее запутанным оказался вопрос об этническом единстве или этническом различии скифов и связанный с этим вопрос об их участии в этногенезе славян. Поэтому первый же собственно археологический доклад, поставленный на конференции, был посвящен проблеме этнического и культурного единства скифских племен. Доклад, зачитанный Б. Н. Граковым, был составлен им совместно с А. И. Мелюковой, написавшей раздел о культуре лесостепных племен, и при участии Н. Н. Погребовой, разработавшей вопросы историографии[4]. Основное положение доклада сводится к тому, что собственно скифами нужно считать только степных скифов, которые объединялись в союз родственных племен, частью земледельческих, частью кочевых, с племенем кочевых царских скифов во главе и этнически отличались от племен, живших в лесостепи. Таким

---

[1] И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 27.

[2] Стенограмма выступления П. С. Кузнецова на вечернем заседании 28 января, стр. 84.

[3] Стенограмма выступления В. Н. Сидорова на вечернем заседании 29 января, стр. 74 и сл.

[4] Текст доклада печатается в расширенном и переработанном виде в настоящем сборнике (см. стр. 39—93).

образом, такие культурные области, как Среднее Приднепровье и Прикубанье, которые по старой традиции скифской археологии, казалось, прочно входили в состав Скифии, даже более того, считались областями, где характерные черты скифской культуры проявились особенно ярко, остаются, по мысли авторов доклада, за пределами собственно Скифии. Однако, как показано в докладе и как это выяснилось в ходе прений, именно в том и заключалась «огромная ошибка археологов до последнего времени..., что они не замечали существенной разницы между культурами скифского времени полосы лесостепи и степи»[1]. Путем сопоставления и анализа археологического материала — погребальных сооружений и обряда, характера поселений, керамики и украшений — в докладе было показано резкое отличие лесостепной культуры скифского времени от степной. Точно так же в нем отмечены своеобразные черты культуры Прикубанья скифского времени, отличающие ее от культуры степной Скифии. В докладе утверждается, что кажущееся единство культуры разных областей Северного Причерноморья создавалось распространением на всем этом пространстве однородных элементов так называемой скифской культуры, которые в основном сводятся к единству трех категорий: оружия, конского убора и звериного стиля («скифская триада», по Б. Н. Гракову). Иными словами, это те портативные элементы, которые легко переходили от племени к племени, выходя и за пределы Северного Причерноморья и связывая с причерноморскими скифами такие этнически различные культуры, как ананьинскую, тагарскую, горноалтайскую и др. Место зарождения скифской триады авторы доклада не определяют, допуская лишь, что она возникла «где-то у племен скифского времени» в Причерноморье [2].

По поводу доклада возникли оживленные прения. Одни решительно одобрили подобную постановку вопроса, другим она показалась неожиданной, наносящей ущерб привычному содержанию, которое обычно вкладывалось в понятие «скиф», «скифская культура», третьи согласились с докладом лишь частично. А. И. Тереножкин всецело поддержал принципиальную постановку вопроса об этническом единстве собственно скифов, т. е. степных скифов, объединявших и кочевые и земледельческие племена, и этнически и культурно отличавшихся от лесостепных племен. В своем докладе «Памятники предскифской эпохи в Среднем правобережном Поднепровье» [3] А. И. Тереножкин очень хорошо показал местные корни культуры Среднего Поднепровья, отличные от срубной культуры, на основе которой, видимо, сложилась степная скифская культура. Это же было выявлено и в докладе П. Д. Либерова «Хронология памятников лесостепи в скифскую эпоху». Однако в то же время А. И. Тереножкин и В. А. Ильинская считают, что если собственно скифы были этнически едины, то Скифия в целом объединяла разноэтничные племена. Скифия, по их мнению, была крупным политическим объединением, в которое входили этнически различные племена и степи и лесостепи [4]. Таким лесостепным, этнически нескифским, но входящим в скифское объединение племенем, по А. И. Тереножкину и В. А. Ильинской, является прежде всего племя скифов-пахарей, локализуемое ими в Среднем Поднепровье между Днепром и Бугом и определяемое памятниками журовско-тясминской группы. По мнению А. И. Тереножкина и В. А. Ильинской, воздействие скифской культуры на тясминскую группу памятников сказалось слишком сильно и слишком глубоко проникло во внутреннюю жизнь населения

---

[1] Стенограмма выступления Б. А. Шрамко на утреннем заседании 1 февраля, стр. 7.

[2] Стенограмма утреннего заседания 28 января, стр. 26.

[3] Текст доклада печатается целиком в настоящем сборнике (см. стр. 94—111).

[4] Стенограмма вечернего заседания 28 января, стр. 60.

этого района, изменив и погребальный обряд и весь общественный уклад «чтобы в данном случае можно было говорить только о влиянии»[1]. А. И. Тереножкин предполагает также, что в состав Скифии входили некоторые нескифские племена и лесостепного Левобережья, а именно Посулья [2]. Помимо этого, среди самих степных скифов А. И. Тереножкин отличает собственно скифское этническое ядро, охватывающее кочевые скифские племена и скифов-земледельцев-борисфенитов, от таких племен, как алазоны, которые, по его мнению, собственно скифами никогда не были [3]. В подтверждение этого положения А. И. Тереножкин сослался на известное место из Геродота, где последний, говоря про алазонов, указывает, что они, «как и каллиппиды, в прочих отношениях живут одинаково со скифами, но сеют и употребляют в пищу хлеб» и т. д. (Herod., IV, 17).

Таким образом, А. И. Тереножкин и В. А. Ильинская не считают Скифию этнически единой. В этом заключается расхождение взглядов указанных исследователей с точкой зрения доклада Гракова—Мелюковой. Лишь на позднем этапе истории скифского царства, когда от него отпали все его нескифские части, оно, по мысли А. И. Тереножкина и В. А. Ильинской, сузилось до своего первоначального этнического ядра [4].

По вопросу о территории скифов-пахарей энергичную поддержку точке зрения А. И. Тереножкина и В. А. Ильинской оказал П. Д. Либеров, который как в своей статье в «Вестнике древней истории» [5], так и в докладе, зачитанном на конференции, настаивал на локализации скифов-пахарей между Днепром и Бугом, в бассейне р. Тясмина.

П. Н. Шульц и П. Д. Либеров высказались вообще против разграничения культуры степи и лесостепи. П. Н. Шульц настаивал на том, что такое разграничение механистично, что культура лесостепи (Басовское городище, Старшая могила) имеет слишком много общих черт с культурой степной Скифии, что лесостепь является классическим районом распространения «скифской триады» и что, следовательно, «скифская культура формировалась не только в степных, но и в лесостепных и прикубанских районах»[6]. П. Д. Либеров, возражая Б. Н. Гракову, указал на то, что характерные черты скифской культуры ярче всего выражены именно в лесостепной полосе, что архаический звериный стиль известен только в лесостепи, а не в степи, и также привел Старшую могилу в качестве типичного памятника скифской культуры [7]. Однако в то же время в своем докладе «Хронология памятников лесостепи в скифскую эпоху» П. Д. Либеров, признавая общее единство материальной культуры скифского времени во всем Северном Причерноморье, указал, что в отношении деталей инвентаря, погребального обряда и погребальных сооружений нельзя не обратить внимания на различие между культурами степи и лесостепи, а также правобережья и левобережья лесостепного Поднепровья [8]. Отвечая на вопросы, П.Д. Либеров прямо признал, что под общими для степи и лесостепи чертами скифской культуры он понимает в основном лишь единство оружия и конского убора [9]. Из самого же текста доклада П. Д. Либерова выявляется своеобразное развитие в Среднем Поднепровье культуры скифского времени, имевшей глубокие корни в местной предскифской культуре и сохранившей «несомненную местную этническую основу» вплоть до времени полей погребе-

---

[1] Стенограмма утреннего заседания 30 января, стр. 69 сл.
[2] Там же.
[3] Стенограмма утреннего заседания 29 января, стр. 82 сл.
[4] Там же, стр. 92.
[5] П. Д. Либеров. К вопросу о скифах-пахарях, ВДИ, 1951, № 4.
[6] Стенограмма утреннего заседания 2 февраля, стр. 79.
[7] Там же, стр. 2.
[8] Стенограмма утреннего заседания 2 января, стр. 16.
[9] Там же, стр. 18.

ний черняховского типа [1]. От этой местной основы П. Д. Либеров отличает погребения в срубах и катакомбах, которые он объясняет влиянием или проникновением носителей срубной или скифской степной культуры [2].

С поддержкой основных положений доклада Б. Н. Гракова — А. И. Мелюковой выступили Б. А. Шрамко, И. И. Ляпушкин, А. А. Иессен. Они указали, что разграничение культуры степи и лесостепи не механистично, но основано на глубоких внутренних различиях, что объединять разные племена Северного Причерноморья на основе лишь наличия общих черт в оружии, конском уборе и зверином стиле неправильно, так как эти общие черты мы можем встретить везде, от Дуная до Сибири. При выделении культуры, указал Б. А. Шрамко, нужно брать за основание не отдельные формы инвентаря, а целый комплекс особенностей культуры: обряд погребения, керамику, устройство поселений и жилищ, хозяйственный уклад, особенности культа и т. п. С этой точки зрения единство культуры на территории степи и лесостепи установить нельзя [3].

Выступая в прениях, Б. Н. Граков подчеркнул, что в вопросе об этническом единстве скифов решающую роль играют данные языка, указывающие на преобладание в языке степных скифов иранских элементов. Процесс образования скифов нужно себе представить как процесс скрещения пришлых ираноязычных племен с местным населением, при котором победителем вышел элемент ираноязычный. Поэтому Б. Н. Граков не исключает возможности включения в скифское этническое единство скифов-пахарей и алазонов. Племена же лесостепи, с точки зрения Б. Н. Гракова, ни в этническое единство, ни в политическое объединение степных скифов не входили. В качестве дополнительного довода он указал на то, что лесостепные городища расположены все по южной кромке лесостепи и, следовательно, направлены против своих степных соседей [4].

Таким образом, полного единства взглядов по основным вопросам, затронутым в докладе Гракова — Мелюковой, на конференции достичь не удалось. Осталось нерешенным, какие именно племена входили в скифское политическое объединение и состояло ли это объединение только из одних родственных племен. Однако в результате обсуждения доклада Гракова — Мелюковой участники конференции согласились с тем, что существуют глубокие различия культуры скифских степей и культуры лесостепной полосы Европейской части СССР. Было признано, что это различие обусловлено своеобразием местного развития. Не вызвало также возражения выделение Прикубанья в отдельный этно-культурный массив. Выводы конференции в этой части выражены в § VI резолюции: «В настоящее время можно считать наметившимися четыре основных больших культурных области скифского времени в Восточной Европе, сходных между собой по ряду черт.

а) Лесостепная полоса Молдавии, Украины и РСФСР с культурой ряда племен различного происхождения. В западной части этой области, где со II в. до н. э. установлено развитие раннеславянской культуры, начиная со скифского периода (культуры полей погребений) вполне вероятно искать культуру части древнейших славян, которую следует связывать с историей летто-литовской языковой группы, имевшей со славянами давнюю языковую связь, а следовательно, с соседними археологическими культурами запада. Эта культура может быть связана с культурами бронзового века.

б) Степная, собственно скифская культура на Нижнем Буге, Нижнем

---

[1] Стенограмма утреннего заседания 2 января, стр. 34—35.

[2] Там же, стр. 17.

[3] Стенограмма выступления Б. А. Шрамко на утреннем заседании 2 февраля, стр. 75.

[4] Стенограмма утреннего заседания 29 января, стр. 133.

Днепре и в приазовских степях. Здесь, судя по историческим и лингвистическим данным, обитала не принадлежавшая к славянской общности группа кочевых и земледельческих, собственно скифских племен (по данным современной советской лингвистики наиболее вероятна их принадлежность к так называемой североиранской группе индоевропейских языков). Устанавливаются значительные отличия этой культуры от лесостепной и кубанской культурных групп. Именно в этой части с большой вероятностью можно предполагать образование в IV в. до н. э. на основе племенного союза рабовладельческого государства, центр которого в III—II вв. до н. э. был перенесен в Крым. Вопрос о времени и условиях появления славян в степях УССР и в Крыму требует самой тщательной дальнейшей проработки. Можно думать, что с появлением в III в. н. э. (но не раньше) поселений черняховской (раннеславянской) культуры на Нижнем Днепре часть скифских племен низовьев Днепра влилась в состав славянства. В Крыму в это же время появляются признаки этой культуры, что, однако, еще не обозначает непременного проникновения сюда самих славян.

в) Культура синдо-мэотских племен в Прикубанье и Восточном Приазовье, имеющая некоторые общие черты с культурой лесостепной части Северного Причерноморья и более восточных районов Северного Кавказа. В этой области наблюдается с III—II вв. до н. э. появление основных элементов новой культуры в связи с воздействием и постепенным проникновением сюда сарматов.

г) Культура сарматов (несомненно относящихся к так называемой североиранской языковой группе) поволжско-уральских степей, возникшая в VII—VI вв. до н. э. Она имеет ряд черт близости к трем предыдущим культурам при наличии сходства с соседними культурами Западной Сибири.

Сходство всех указанных культур объясняется историческими связями, в которых заметную роль играли степные племена, обогащавшие эти культуры путем культурных и торговых сношений общими так называемыми «скифскими» культурными элементами, а именно: оружием, конским убором и произведениями так называемого звериного стиля. Влияние этих культур заметно в ряде мест Приуралья, Сибири, Средней Азии и Кавказа».

Однако попытки распространить понятие скифской культуры на культуру племен, населявших эти последние области, были осуждены конференцией. В резолюции указано, что такая расширительная тенденция коренится в антиисторическом понятии «скифской стадии», созданном последователями Марра, которое позволило «присваивать название скифов различным нескифским племенам на огромных пространствах Европы и Азии».

Признав существование указанных четырех больших культурных массивов, конференция постановила, в качестве первоочередной задачи скифо-сарматской археологии: «углублять изучение больших культурных групп и их внутреннего членения в целях более отчетливого выяснения состава племен и народностей скифо-сарматской эпохи и их роли в образовании современных народов СССР и формировании их культур».

Чрезвычайно важной является договоренность участников конференции по вопросу о роли и месте скифских племен в славянском этногенезе. Со всей отчетливостью был поставлен вопрос о том, что не все племена скифского времени в Северном Причерноморье могут претендовать на роль предков славян. Справедливое указание И. В. Сталина о том, что «...элементы современного языка были заложены ещё в глубокой древности, до эпохи рабства» [1], не позволяет устанавливать непосредственную связь

[1] И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 26.

славян с ираноязычными скифами. Как указал Б. В. Горнунг, протославянские и протоиранские языковые элементы выделились из индоевропейской языковой общности еще задолго до скифского времени. Когда через очень большой промежуток времени произошло вторичное столкновение славянских и иранских языковых элементов, связанное с движением части ираноязычных племен обратно с востока на запад, в пределы причерноморских степей, то это было «взаимодействие уже не близких диалектов, а особых языков», и при этом взаимодействие «не столь сильное, чтобы о нем можно было говорить, как о скрещивании»[1]. В то же время доклады и выступления А. И. Тереножкина, Е. Ф. Покровской, П. Д. Либерова, С. С. Баранович показали, что лесостепное Поднепровье развивалось на совсем иной генетической основе, чем степная скифская культура. Если за последнее время все с большей очевидностью устанавливается генетическая связь степной скифской культуры с позднесрубной, то в Среднем Поднепровье все более убедительно вырисовывается картина постепенного непрерывного развития местной культуры от эпохи бронзы к скифскому времени. В этом отношении громадное значение имеет открытие археологами Украины памятников белогрудовской и чернолесской культуры, которые, как показали в своих докладах и выступлениях А. И. Тереножкин и Е. Ф. Покровская, являются последовательными этапами развития местной культуры, непосредственно предшествующими жаботинскому этапу раннескифского времени. Чернолесский этап, как показал А. И. Тереножкин в докладе «Памятники предскифской эпохи в Среднем правобережном Поднестровье», занимает время VIII — VII вв. до н. э. и является, таким образом, промежуточной порой между белогрудовской культурой конца эпохи бронзы и памятниками скифского времени. Жаботинский этап, следующий непосредственно за чернолесским, является промежуточным между последним и большими городищами лесостепного Поднепровья VI — начала V в. до н. э. А. И. Тереножкин в упомянутом докладе и Е. Ф. Покровская в докладе «Селище на Тарасовой горе (жаботинский этап)» хорошо проследили постепенное развитие местных форм материальной культуры, переходящей в культуру скифского времени, и местный генезис этой последней. Характеризуя чернолесскую культуру, А. И. Тереножкин указал на ее связи и этническую близость с культурой лужицких (лужицко-гальштатских) племен Центральной Европы, в чем он видит коренное отличие Среднего Поднепровья от киммерийского юга и срубно-протоскифского востока. В скифское время, указал А. И. Тереножкин, этническая основа Среднего правобережного Поднепровья продолжает оставаться местной, несмотря на сильное влияние скифской степной культуры, а с распадом Скифии местные элементы в Среднем Поднепровье вновь усиливаются и создают предпосылки для образования культуры полей погребений корчеватовского типа, которая «является связующим звеном между скифским временем и венедо-антским периодом погребений черняховского типа» [2].

В процессе прений выявилось разногласие между А. И. Тереножкиным и П. Д. Либеровым по вопросу о погребениях в срубах Среднего Поднепровья. В то время, как П. Д. Либеров усматривал в этих погребениях пришлый с востока скифский элемент [3], А. И. Тереножкин, возражая ему, указывал на слишком большой хронологический разрыв во времени между собственно срубной культурой эпохи бронзы и деревянными срубами Среднего Поднепровья скифского времени и доказывал местное происхождение последних [4]. П. С. Кузнецов обратил внимание А. И. Тереножкина

[1] Стенограмма вечернего заседания 28 января, стр. 78.
[2] Стенограмма утреннего заседания 28 января, стр. 40.
[3] Стенограмма утреннего заседания 2 февраля, стр. 31—32.
[4] Стенограмма утреннего заседания 28 января, стр. 91 и сл.

на то, что преемственность материальной культуры еще не означает непрерывной эволюции языка [1]. В том же духе высказался Б. В. Горнунг, который допустил, что в скифское время на территории Среднего Поднепровья могли победить иранские этнические элементы и племена чернолесской культуры в скифский период могли даже стать ираноязычными. Однако в конце скифского периода местные этнические элементы, повидимому, восторжествовали над ираноязычными и территория Среднего Поднепровья вновь включилась в орбиту славянской общности [2].

О связях украинской лесостепи с западными археологическими культурами говорил в своем докладе о Высоцком могильнике В. И. Канивец. Докладчик указал, что «с каждым годом все яснее вырисовывается большой этнический массив от Эльбы и Заале до Днепра, на основе которого позднее складывается культура полей погребений» [3].

А. И. Тереножкин и Е. Ф. Покровская нашли возможным поставить памятники лесостепного Правобережного Поднепровья в прямую связь с этногенезом восточных славян. Однако А. Д. Удальцов указал, что в эпоху полей погребений еще не произошло разделения славян на восточные, западные и южные племена и что для этого времени следует рассматривать славян в виде единой славянской или вернее еще балто-славянской общности [4].

В результате обмена мнений по вопросу о генетической связи между скифами и славянами участники конференции пришли к заключению, что западную часть восточноевропейской лесостепи, вероятно, можно считать очагом возникновения культуры части древнейших славян.

Ввиду огромной важности проблемы происхождения и развития культуры восточных славян, понятно то большое значение, которое имеют изучение археологических культур на указанной территории и попытки связать их с теми или иными конкретными племенами. Особую остроту приобрел вопрос о населении Среднего Поднепровья и об его отношении к обитателям степной Скифии. Поскольку участники конференции по этому вопросу не пришли к единой точке зрения, необходимо продолжать поиски в этом направлении.

Резолюция конференции признает необходимым «особое внимание обратить на изучение культуры лесостепной полосы скифского времени в связи с вопросом о происхождении славян, а также на элементы скифской и сарматской культур, вошедших в славянскую и позднее в русскую культуры».

В отношении выделения локальных групп в лесостепном культурном массиве схема, предложенная в докладе Гракова — Мелюковой и различающая в лесостепи, кроме указанной правобережной группы памятников, еще четыре группы в Левобережье (посульская, севернодонецкая, воронежская и поворсклинская) и две в Среднем Поднестровье (северо-западная и молдавская), в основном не встретила возражений, но, конечно, она потребует уточнений, которые могут быть проведены только на основе широких раскопок в этих районах. На конференции были освещены более детально две из этих локальных групп: северо-западная или среднеднестровская — в докладе А. И. Мелюковой («Культура скифского времени северо-западной части Среднего Поднестровья») и посульская группа — в докладе В. А. Ильинской («Керамика скифских погребений Посулья»).

А. И. Мелюкова установила, что памятники скифской эпохи в Северо-Западном Поднестровье принадлежат местному населению, обитавшему здесь с эпохи бронзы, и опровергла мнение польских буржуазных архео-

[1] Стенограмма вечернего заседания 28 января, стр. 84 и сл.
[2] Стенограмма вечернего заседания 31 января, стр. 63.
[3] Стенограмма утреннего заседания 1 февраля, стр. 41.
[4] Стенограмма утреннего заседания 2 февраля, стр. 123 и сл.

логов, которые в согласии с концепцией М. И. Ростовцева утверждают, что местное население этой области было якобы завоевано скифами. Докладчица убедительно показала, что в Северо-Западном Поднестровье «скифская культура оказала сравнительно слабое влияние на культуру местного населения», которое никогда не входило в скифский союз. Импорт скифских вещей шел в Северо-Западное Поднестровье из Среднего Поднепровья в VI — начале V в. до н. э., но в середине V в. порвалась и эта связь. Развитие местной культуры в Северо-Западном Поднестровье представляется поэтому «более плавным и менее осложненным скифским воздействием, чем это было на территории Среднего Поднепровья»[1]. На этом основании докладчица полемизирует с М. И. Артамоновым, локализующим в Северо-Западном Поднестровье скифов-пахарей. Сама А. И. Мелюкова склонна связывать население рассматриваемой области с неврами.

Последнее положение А. И. Мелюковой о заселении Северо-Западного Поднестровья неврами вызвало возражения В. А. Ильинской и Т. Д. Златковской, которые нашли его недостаточно обоснованным. В. А. Ильинская указала, что «с большим основанием можно видеть невров в памятниках высоцкой культуры» [2]. Б. В. Горнунг предположил, что территория Северо-Западного Поднестровья была той промежуточной территорией, которая несомненно должна была существовать между ираноязычными скифами и будущими славянскими племенами [3].

В. А. Ильинская в своем докладе на основе анализа керамики Посулья установила локальное своеобразие посульской группы памятников скифского времени и ее отличие от культуры лесостепного Правобережья, объясняя это отличие формированием указанных групп на разной культурной основе. В то время, как днепровское Правобережье входило в большую группу культур с чернолощеной керамикой, связанных с лужицкой и гальштатской культурами Центральной Европы, в бассейне Сулы и Псла культура скифского времени, повидимому, сформировалась на основе позднесрубной культуры. Другая же группа памятников Левобережья, и именно поворсклинская, по своему культурному облику стоит ближе к днепровскому Правобережью и В. А. Ильинская вместе с М. Я. Рудынским и М. И. Артамоновым допускает возможность рассматривать ее как результат передвижения сюда части населения из лесостепного Правобережья.

Иначе поставил вопрос о посульской группе памятников П. Д. Либеров, который в своем докладе высказал мнение, что Посулье явилось областью распространения типично скифской степной культуры [4]. В. А. Ильинская решительно возражала против такого предположения, указывая, что наличие отдельных черт сходства между культурой посульцев и степных скифов можно понимать лишь как генетическую связь и тех и других с племенами срубной культуры [5]. В таком же плане рассматривает посульцев и А. И. Тереножкин, допускающий в то же время, что политически эти племена входили в состав степного скифского объединения [6].

Не согласился с выделением посульской группы как локальной культуры И. И. Ляпушкин, который рассматривает посульскую группу лишь как более поздний хронологический этап лесостепной культуры. В доказательство своего мнения он указывал на то, что керамика посульского типа имеется и на Ворскле [7]. В. А. Ильинская, однако, объясняет этот факт продвижением в позднее время на Ворсклу населения с Сулы, а также

---

[1] Стенограмма вечернего заседания 31 января, стр. 43.
[2] Там же, стр. 54.
[3] Там же, стр. 63.
[4] Стенограмма утреннего заседания 2 февраля, стр. 2.
[5] Там же, стр. 106.
[6] Стенограмма утреннего заседания 30 января, стр. 69 и сл.
[7] Там же, стр. 87.

с Северского Донца, поскольку, судя по материалу Мерефинского поселения под Харьковом, она предполагает аналогичное формирование культуры скифского времени на основе срубной культуры и для бассейна Северского Донца. Последнее утверждение было оспорено Б. А. Шрамко, указавшим, что материал Мерефинского поселения основания для утверждения преемственности скифской культуры от срубной не дает и что, с другой стороны, в бассейне Северского Донца имеются аналогии керамике правобережного белогрудовского типа. Таким образом, локальные группы Левобережья вырисовываются еще недостаточно ясно, что в значительной степени связано с недостаточной археологической изученностью этих мест, особенно бассейна Северского Донца.

Не менее оживленные прения разгорелись по вопросам собственно скифской степной культуры Северного Причерноморья.

Генезис культуры степных скифов в докладе Гракова — Мелюковой связывается с развитием позднесрубной культуры, распространившейся в приазовские и нижнеднепровские степи из Поволжья. Исследования О. А. Кривцовой-Граковой убедительно показали постепенную эволюцию позднесрубной керамики в южноукраинских степях и переход ее в скифские формы. У большинства участников конференции положения доклада Гракова — Мелюковой в этой части не вызвали возражений; только П. Н. Шульц на основании рассмотрения скифских погребальных катакомб нашел возможным поставить вопрос о генетической связи скифской культуры не только с культурой срубной, но и с катакомбной [1].

Горячо обсуждался также тезис доклада Гракова — Мелюковой об ираноязычии скифов. В ходе прений выяснилось, что многие до сих пор представляют себе иранство скифов в смысле происхождения их из Ирана или в том смысле, что они были носителями персидской культуры ахеменидского Ирана. Однако, как уже было указано выше, такое неправильное представление ничего общего с отнесением скифского языка к североиранской группе не имеет. Племена, говорившие на языках этой группы, в число которых входили усуни, саки, массагеты, скифы, сарматы и пр., жили на обширных пространствах степной Евразии. Формирование их, повидимому, происходило в степях Средней Азии. По отношению ко всему этому массиву племена Ирана составляли только небольшую его ветвь. Частичное сходство между скифской культурой и культурой Ирана, особенно ахеменидского, в значительной степени объясняется не их генетической связью между собой, а происхождением их из одного источника.

Решение вопроса о языке скифов затрудняется недостаточностью имеющегося лингвистического материала. Однако присутствовавшие на конференции языковеды согласились с тем, что при современном состоянии знаний больше всего данных говорит за преобладание в среде собственно скифов ираноязычного элемента [2]. Возражавшие указывали на наличие скифских наименований, не поддающихся выведению их из иранских корней [3]. Б. Н. Граков согласился с тем, что среди племен геродотовой Скифии наличие неираноязычных племен все же возможно: в таком случае это вероятнее всего будут фракийские элементы. Объясняется это тем, что процесс скрещивания языка пришлых ираноязычных племен с языками местных племен явился длительным процессом, в результате которого язык первых вышел языком-победителем, сохранившим свой грамматический строй и основной словарный фонд, продолжавшим развиваться по внутренним законам своего развития и обогатившим свой словарный фонд за счет побежденного языка, в данном случае языка местных племен. Как

[1] Стенограмма вечернего заседания 28 января, стр. 29.

[2] Там же, стр. 77.

[3] Стенограмма выступления П. Н. Шульца на вечернем заседании 29 января, стр. 100.

указал в прениях Б. Н. Граков, в скифское время «этот процесс в какой-то степени уже закончился» [1], но часть племен могла еще не быть ассимилирована до конца [2], и такое племя, как, например, алазоны, в течение длительного времени могло оставаться двуязычным [3]. Однако преобладающим среди собственно скифских и кочевых и земледельческих племен был все же элемент ираноязычный.

В связи с вопросом об ираноязычии скифов встал вопрос о том, можно ли относить к североиранской группе языков носителей срубной культуры, легшей в основу скифской. С. В. Киселев и Б. В. Горнунг высказались в пользу этого предположения [4].

Результат обмена мнений по вопросам скифского языка отражен в § VI резолюции, в котором говорится, что «по данным современной лингвистики наиболее вероятна» принадлежность собственно скифских племен «к так называемой североиранской группе индоевропейских языков».

Нужно думать, что все племена степных скифов были объединены одним общим языком, языком североиранской группы, ассимилировавшим остальные языки. Очень досадна скудность лингвистического материала, не позволяющая решать эту проблему с достаточной категоричностью. Восполнить пробел в этом отношении может только новый эпиграфический материал. Всякое новое открытие в этом отношении имеет огромное значение. Большой интерес представляют попытки прочтения так называемых загадочных знаков Северного Причерноморья, которые некоторые исследователи признают скифской письменностью. Однако все эти попытки, в том числе и гипотезы Н. А. Константинова и В. П. Пожидаева, к сожалению, пока еще не могут быть признаны удачными.

Участники конференции согласились с тем, что в состав собственно скифских племен входят как кочевые, так и земледельческие племена. Однако решение вопроса о том, какие именно из перечисленных Геродотом племен относятся к собственно скифам и как они локализуются на современной карте, все еще вызывает затруднения. Особенно много разногласий вызывает вопрос о скифах-пахарях. Таким образом, географическое определение «скифского квадрата» Геродота до сих пор остается открытым.

В докладе Гракова — Мелюковой вопрос о локальных группировках среди собственно скифского массива племен поставлен несколько иначе, чем в ранее предлагавшихся вариантах А. Д. Удальцова и М. И. Артамонова.

Прежде всего в докладе выделяется восточная, приазовская часть степной Скифии, где предполагаются племена передовых сарматов, продолжавшие хоронить своих покойников по древнему обряду в широтных ямах, перекрытых деревом, даже и в то время, когда скифские племена на Нижнем Днепре повсеместно перешли (с половины V и особенно в IV—III вв. до н. э.) к обряду захоронения сначала в широтных, а затем в меридиональных катакомбах. Таким образом, захоронения в катакомбах рассматриваются авторами доклада, в противоположность мнению М. И. Артамонова, не как результат скрещения скифов царских с местным населением, а как локальный обычай Нижнего Поднепровья, отличный от обычаев племен Верхнего Приазовья.

Далее в докладе подчеркивается, что скифы-кочевники и скифы-земледельцы жили в Нижнем Поднепровье рядом и вперемежку. Для Нижнего Буга отмечена отличная от Нижнего Днепра восточная ориентировка покойников.

---

[1] Стенограмма утреннего заседания 29 января, стр. 130.
[2] Стенограмма утреннего заседания 30 января, стр. 75.
[3] Стенограмма утреннего заседания 29 января, стр. 136.
[4] Стенограмма вечернего заседания 28 января, стр. 79, 92.

Для Припорожья в докладе указан новый локальный вариант погребений V — III вв. до н. э. в курганах с каменной обкладкой основания и каменной кладкой над широтной ямой при западной ориентировке покойников. В докладе выдвигается предположение о связи этих погребений с андрофагами или, может быть, со скифами-пахарями.

Для степного Крыма авторы доклада отметили этническое родство его населения со скифами Нижнего Днепра при одинаковой, в основном, керамике и пестроте типов погребальных сооружений, указывающей на разноплеменный состав населения. Появление в Крыму группы катакомб нижнеднепровского типа Б. Н. Граков связывает с принудительным переселением в Крым части скифов-земледельцев с Нижнего Днепра.

Однако в выступлениях П. Н. Шульца и С. Ф. Стржелецкого и в докладе Н. Н. Погребовой о погребальных памятниках Крыма больше подчеркивалось культурное своеобразие скифских памятников Крыма в отличие от Нижнеднепровья (погребальные памятники, керамика) и указывалось на существование в культуре крымских скифов сильных пережитков элементов культуры местного населения, жившего в Крыму до скифов и, повидимому, ассимилированного ими. Н. Н. Погребова указала на постепенную тавризацию скифской культуры Крыма, что, в частности, усматривается ею в появлении каменных склепов с коллективными захоронениями. Это явление Н. Н. Погребова ставит в связь с письменными источниками, называющими в позднескифское время скифов тавро-скифами [1].

В появлении в Крыму катакомбных погребений степного типа Н. Н. Погребова, как и Б. Н. Граков, склонна видеть свидетельство проникновения в это время в Крым какой-то части нижнеднепровского населения. В противоположность этому П. Н. Шульц находит возможным рассматривать крымские катакомбы скифского времени как дальнейшее развитие местного обряда, уходящего своими корнями в эпоху бронзы, и расценивает ряд погребений в Крыму как промежуточные звенья этого процесса [2]. Появление в Крыму с конца IV и в III вв. до н. э. оседлого земледельческого населения он связывает с возникновением в это время многочисленных городищ и селищ, но объясняет это явление процессом оседания местных кочевников на землю [3].

Прения по этому вопросу показали необходимость дальнейшего углубленного сравнительного изучения скифской культуры в Крыму и Нижнеднепровье и выявления общих черт и локальных различий в этой культуре.

Принятый конференцией тезис о западной части лесостепной полосы как месте вероятного формирования раннеславянской культуры указывает на несостоятельность попыток связать этногенез славян со степным Поднепровьем или с Крымом. Как указал В. Н. Сидоров, история славянских языков не показывает никаких специфических языковых связей, которые свидетельствовали бы в пользу крымского этногенеза славян [4]. Однако конференция признала указанный в докладе Гракова — Мелюковой факт постепенного распространения раннеславянской культуры в южные области и в Крым — факт, который все больше подтверждается археологическими данными. В этой связи интересны наблюдения, изложенные в докладе И. В. Яценко, о прочных торговых связях степных скифов со Средним Поднепровьем еще в эпоху расцвета скифской культуры. Изучение позднего этапа скифской культуры показывает усиление эле-

[1] Стенограмма вечернего заседания 31 января, стр. 20.
[2] Стенограмма вечернего заседания 28 января, стр. 68—70.
[3] Стенограмма вечернего заседания 29 января, стр. 55.
[4] Там же, стр. 79.

ментов лесостепной культуры (лепная лощеная керамика так называемого зарубинецко-корчеватовского типа) в быту скифского населения Нижнеднепровья в последние века до н. э.— первые века н. э. Причины и характер этого явления еще недостаточно изучены, и говорить для этого времени о славянстве как о значительном этническом элементе в южных степях мы сейчас не имеем основания. В настоящее время ставить вопрос о появлении раннеславянского этнического элемента на берегах Нижнего Днепра можно лишь в применении к периоду начиная с III в. н. э., когда там появляются поселения и могильники с материальной культурой черняховского типа. В Крыму засвидетельствованы памятники III в., связываемые некоторыми исследователями с черняховской культурой (раскопки Инкерманского и Чернореченского могильников); но пока эти памятники представлены лишь в виде единичных экземпляров керамики и вопрос об их этнической принадлежности остается открытым. Неясным остается вопрос о встречающихся в Крыму погребениях с трупосожжением и об их этническом определении. В связи со всем этим конференция признала, что «вопрос о времени и условиях появления славян в степях УССР и в Крыму требует самой тщательной дальнейшей проработки. Можно думать, что с появлением в III в. н. э. (но не раньше) поселений черняховской (раннеславянской) культуры на Нижнем Днепре часть скифских племен низовьев Днепра влилась в состав славянства. В Крыму в это же время появляются признаки этой культуры, которые, однако, еще не обозначают непременного проникновения сюда самих славян». Формулировка резолюции оставляет широкий простор для исследования в указанной области, в целях установления времени, характера и интенсивности распространения раннеславянской культуры на нашем юге.

В своем докладе «Исследования Неаполя Скифского в послевоенный период» П. Н. Шульц указал на отдельные мотивы в стенной росписи поздних скифов, которые, по его мнению, получают дальнейшее развитие в культуре восточных славян (мотив богини в рогатом головном уборе с крылатыми конями по сторонам, мотив копья между двумя конскими головами). Однако попытка П. Н. Шульца установить генетическую связь между искусством поздних скифов и художественным творчеством русского народа не встретила на конференции поддержки. В. Д. Блаватский указал, что приведенные мотивы могли возникнуть независимо один от другого и не обязательно должны происходить из одного источника [1]. Для установления прослеживаемой П. Н. Шульцем связи требуется более детальная разработка вопроса.

Конференция, однако, признала необходимым обратить внимание на изучение вопроса об элементах «скифской и сарматской культур, вошедших в славянскую и позднее в русскую культуру».

Вопросы культурной связи скифов с фракийцами затронули в своих докладах А. П. Манцевич («Из истории связей Скифии и Фракии») и И. В. Яценко («О связях степных скифов с соседними племенами»). А. П. Манцевич развивала уже неоднократно высказывавшуюся ею в печатных работах мысль о тесных культурных связях Фракии со Скифией и о фракийском происхождении лучших образцов торевтики, находимой в скифских курганах Северного Причерноморья. Однако выступавшие в прениях Т. В. Блаватская, Т. Д. Златковская, М. М. Кобылина, Н. Н. Погребова, А. А. Иессен не могли согласиться с аргументами докладчицы и нашли, что широко распространенное мнение о греческом или, вернее, греко-боспорском происхождении шедевров скифской торевтики остается неопровергнутым.

---

[1] Стенограмма вечернего заседания 29 января, стр. 74.

Иначе был поставлен вопрос о связях скифской и фракийской культур в докладе И. В. Яценко. Она указала на близость художественного стиля фракийского и так называемого скифского искусства, прослеживаемую на материале предметов конского убора, выполненных в зверином стиле, и расценивает эту близость, как проявление влияния скифской культуры на фракийскую. Характеризуя звериный стиль конских уборов в Нижнем Поднепровье, И. В. Яценко установила его своеобразие в отличие от звериного стиля других областей Северного Причерноморья.

Степные скифы являются именно тем массивом племен, среди которых сложилось скифское государство. Важнейшему, но в разных отношениях дискуссионному вопросу о характере и времени возникновения скифского государства были посвящены на конференции доклады Б. Н. Гракова и Э. И. Соломоник. Вопросы общественного строя позднескифского царства были затронуты также в докладе П. Н. Шульца.

В докладе Б. Н. Гракова «К истории скифского царства»[1] его основная концепция, намеченная еще в статье «Скифский Геракл» (см. выше стр. 13—14), была подкреплена тщательным анализом письменных источников и развита на фоне последовательного исторического очерка развития скифского объединения. Докладчик доказывал значительную роль рабства типа спартанского или фессалийского еще в догосударственный период Скифии и показал постепенное накопление предпосылок для создания в IV в. централизованного государства Атея с сильной царской властью, престиж которой освящался идеей о происхождении от обожествленного родоначальника. Громадное Каменское городище Б. Н. Граков рассматривает как центр объединенной Атеем Скифии. Б. Н. Граков подчеркнул военный характер скифского государства и нарисовал картину социальных отношений внутри него, различая массу порабощенного населения, свободных воинов-общинников, из среды которых выделялась дружинная знать, и городских ремесленников, главным образом металлургов, обслуживавших нужды царского дома и аристократии. Перенесение центра государства в Крым в позднескифский период докладчик объясняет, с одной стороны, внешними причинами (сильный нажим сарматов), с другой,—внутренними: стремлением разбогатевшей на торговле хлебом скифской аристократии к непосредственному захвату греческих портов Северного Причерноморья, вывозивших хлеб. Эту же точку зрения высказала в своем докладе «О государстве поздних скифов» Э. И. Соломоник [2]. Позднескифское царство, по мнению Э. И. Соломоник и П. Н. Шульца, являлось государством примитивно-рабовладельческого типа, которое, по словам Э. И. Соломоник, «не имело предпосылок для превращения в развитое рабовладельческое государство», так как в нем были еще очень сильны пережитки первобытно-общинных отношений (основная роль в хозяйстве свободных земледельцев, слабое развитие рабства, наличие натурального обмена). Э. И. Соломоник указала на большое значение земледелия в позднем скифском царстве и на подчиненную роль в нем земледельческих племен, платящих дань кочевым скифам. Расцвет в позднем скифском царстве городской культуры с высокоразвитыми ремеслами и строительной техникой хорошо выявлен раскопками Неаполя. Результаты этих раскопок были охарактеризованы в докладах Э. И. Соломоник и П. Н. Шульца, показавших, что Неаполь был крупным экономическим и торговым центром поздней Скифии. Сравнивая раннее и позднее скифское государство, Э. И. Соломоник указала, что в последнем «была меньшая, но более ком-

[1] Доклад Б. Н. Гракова в расширенном и переработанном виде входит в качестве одной из глав в его монографию «Каменское городище», МИА, вып. 36 (1954).

[2] Этот доклад вошел целиком в статью Э. И. Соломоник «О скифском государстве и его взаимоотношениях с греческими городами Северного Причерноморья», напечатанную в сборнике «Археология и история Боспора», Симферополь, 1952.

пактная территория, выше уровень развития производительных сил, прочнее и определеннее экономическая база, однороднее этнический состав населения, а следовательно, прочнее все государство» [1].

Прения в связи с проблемой скифского государства развернулись главным образом по трем вопросам, затронутым в докладе Б. Н. Гракова: 1) о возможности вхождения в скифское объединение лесостепных племен; 2) о характере и значении рабства в скифском обществе и государстве; 3) о времени возникновения скифского государства.

По первому вопросу противниками Б. Н. Гракова явились А. И. Тереножкин и В. А. Ильинская. Их точка зрения была уже отчасти затронута выше. А. И. Тереножкин представляет себе скифское объединение как большую федерацию, в которой небольшому союзу родственных собственно скифских племен были подчинены другие, неродственные племена, входившие в эту федерацию на основе даннических отношений, с сохранением своего уклада жизни. С образованием скифского государства лесостепные племена продолжали оставаться в составе Скифии и отпали от нее только в эпоху скифского Крымского царства [2].

Б. Н. Граков, возражая А. И. Тереножкину, отрицал возможность для столь ранней эпохи предполагать такое огромное политическое объединение, которое охватывало бы не только степи, но и Среднее Поднепровье и часть Левобережья [3]. В представлении о скифах как о небольшом союзе, завоевавшем конгломерат местных племен, Б. Н. Граков видит отзвук теории Ростовцева [4].

Выдвинутое Б. Н. Граковым положение о большой роли в скифском обществе рабства типа гелотов или пенестов, т. е. рабства на основе зависимости племен, подверглось оживленному обсуждению. С поддержкой этого положения выступила Т. В. Блаватская, указавшая, что своеобразный характер этого рабства мог быть обусловлен сильными пережитками первобытно-общинных отношений в скифском обществе даже государственного периода и значением свободных производителей в хозяйственной жизни скифов [5].

В. А. Ильинская сочла преждевременным решение вопроса о рабстве ввиду отсутствия достаточно разработанных данных и усомнилась в возможности переносить на Скифию те общественные институты, которые сложились в Спарте в совсем других исторических условиях [6].

Положение Б. Н. Гракова о сложении скифского государства в IV в. до н. э. нашло себе поддержку в выступлениях А. А. Иессена [7], П. Н. Шульца[8], Т. В. Блаватской. Последняя в качестве предпосылки для такой возможности указала на факт наличия у скифов в IV в. до н. э. рабовладения и на успехи внешней политики скифов [9]. С возражениями выступила В. А. Ильинская, указавшая на недостаточность данных для решения вопроса о возникновении государства у скифов и напомнившая, что общество гомеровской Греции, с высокоразвитыми ремеслами, городской жизнью и рабовладельческими отношениями Энгельс считал еще догосударственным. В. А. Ильинская считает более вероятным сложение скифского государства в эпоху Крымского царства[10], разделяя в этом отношении точки зрения М. И. Артамонова и Д. П. Каллистова.

---

[1] Стенограмма утреннего заседания 29 января, стр. 39.
[2] Там же, стр. 85.
[3] Стенограмма утреннего заседания 30 января, стр. 81.
[4] Стенограмма утреннего заседания 29 января, стр. 31.
[5] Там же, стр. 112.
[6] Там же, стр. 100.
[7] Там же, стр. 104.
[8] Стенограмма утреннего заседания 2 февраля, стр. 82.
[9] Стенограмма утреннего заседания 29 января, стр. 110.
[10] Там же, стр. 97.

Решение проблемы общественного строя и государственности скифов очень затруднено крайней неполнотой данных. Сведения письменных источников весьма отрывочны, а из археологических фактов можно извлечь лишь косвенные данные для суждения по этому вопросу. Последние говорят о постепенном накоплении таких предпосылок, которые в какой-то момент должны были неминуемо привести к созданию государства. Элементы классового государства заложены еще в недрах первобытно-общинного строя, а ранняя история только что сложившегося государства изобилует пережитками первобытно-общинных отношений, делающих эту государственность чрезвычайно своеобразной. Уловить момент образования государства при слабой осведомленности о ходе исторических событий чрезвычайно трудно. Увязывать создание скифского государства с деятельностью Атея, как это делает Б. Н. Граков, вполне закономерно, но категорического решения этого вопроса при современном состоянии наших знаний еще не может быть дано. Поэтому на конференции вопрос этот не нашел своего разрешения, хотя большинство выступавших поддержали точку зрения Б. Н. Гракова.

П. Н. Шульц и Э. И. Соломоник в своих докладах возражали против взглядов П. Н. Третьякова, применившего к скифскому объединению то понятие конгломерата племен и народностей, которое И. В. Сталин дал в отношении великих империй древности, не имевших своей экономической базы, не имевших «единого для империи и понятного для всех членов империи языка» и состоявших из разных племен и народностей, «живших своей жизнью и имевших свои языки» [1]. «Скифское же государство,— указывала Э. И. Соломоник,— исторически сложившееся на территории Северного Причерноморья, имело свою экономическую базу и состояло в основном из родственных племен, близких между собой по культуре и языку» [2].

Это положение применимо не только в позднескифскому царству, но и к раннему скифскому объединению.

Взгляды Б. Н. Гракова на значительную роль рабовладельческих отношений в скифском обществе раннегосударственного периода ни в какой мере не опровергаются высказываниями Э. И. Соломоник и П. Н. Шульца о слабом развитии рабовладения в позднем скифском царстве, о примитивно-рабовладельческом характере последнего. Их высказывания нужно рассматривать в плане сравнения с развитыми рабовладельческими государствами классического типа. Что же касается эволюции рабовладельческих отношений внутри самого скифского государства, то, если элементы их были достаточно сильны в раннем скифском царстве, они неминуемо должны были еще более усилиться в позднее время, в государстве Скилура и Палака, включившемся в орбиту государств эллинистического типа и связавшем с ними свою судьбу. Э. И. Соломоник и П. Н. Шульц, указавшие на сильные пережитки первобытно-общинных отношений в государстве Скилура и Палака, конечно, правы. Однако, по сравнению с ранним периодом скифского царства, в Крымском государстве значительно усиливается социальное расслоение, что нашло выражение в переходе в поздний период от одинакового для всех членов общества курганного обряда захоронения к бескурганным могильникам рядового населения при частичном сохранении курганов для могил родовой знати и в выделении для последней специальных форм захоронения в виде вырубных склепов и наземного каменного мавзолея [3].

---

[1] И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 12.

[2] Стенограмма утреннего заседания 29 января, стр. 39.

[3] Стенограмма выступлений Н. Н. Погребовой и Т. Н. Троицкой на вечернем заседании 31 января, стр. 46, 62.

Конференция призвала исследователей «углубленнее изучать социальный строй и пути исторического развития племен, носителей скифо-сарматской культуры».

В тесной связи с вопросом о культуре крымских скифов стоит проблема таврской культуры, которой был посвящен доклад С. Ф. Стржелецкого «Таврские памятники эпохи бронзы и раннего железа». Слабая изученность памятников горного Крыма долгое время мешала выделению памятников собственно таврской культуры. Еще Г. А. Бонч-Осмоловский поставил вопрос о принадлежности таврам культуры, названной им кизил-кобинской по месту первой находки в пещере Кизил-Коба [1]. П. Н. Шульц открыл новые памятники той же культуры и выступил сторонником отождествления ее с культурой ранних тавров. С. Ф. Стржелецкий в своем докладе дал периодизацию таврской культуры, начиная с эпохи ранней бронзы и до VII—V вв. до н. э. Кизил-кобинскую культуру он рассматривает как один из этапов таврской культуры — эпохи поздней бронзы и раннего железа; при этом С. Ф. Стржелецкий предложил снять совсем термин «кизил-кобинская культура», который был допустим, по его мнению, лишь на первых этапах изучения неизвестных до этого памятников.

П. Н. Шульц возражал в прениях против отнесения к таврам поселений времени ранней бронзы и утверждал, что ранние тавры связываются археологически только с так называемой кизил-кобинской культурой. П. Н. Шульц согласился с возможностью снять при данном состоянии научных знаний термин «кизил-кобинская культура», однако только в применении к тем районам, где связь этой культуры с таврами может быть доказана, а именно в применении к кизил-кобинским памятникам горного и предгорного Крыма. Для степного же Крыма, по мнению П. Н. Шульца, этот термин должен быть сохранен, так как достаточных доказательств обитания ранних тавров в степном Крыму у нас еще нет, а тождество культуры не равнозначно этнической общности [2].

В то время, как С. Ф. Стржелецкий говорил только о местном развитии таврской культуры в Крыму, К. Ф. Смирнов в своем докладе о культуре Прикубанья указал на весьма древние связи с населением Крыма племен Северного Кавказа, хоронивших своих покойников в мегалитических погребальных сооружениях и имевших также некоторые общие с таврами формы глиняной посуды и бронзовых украшений [3]. Вопрос о характере взаимосвязей между древним населением Крыма и Северного Кавказа имеет первостепенное значение для разрешения вопросов этногенеза крымских тавров.

В своем докладе С. Ф. Стржелецкий выдвинул предположение, что тавры уже с VII в. до н. э. переживали период разложения первобытнообщинного строя и перехода к военной демократии. Докладчик склонен был придавать большое значение открытию грунтовых погребений в Херсонесе и Инкермане и на основании этих находок сделал вывод о начавшемся социальном расслоении в таврском обществе. Хорошо известные в горном Крыму каменные ящики служили, по мнению С. Ф. Стржелецкого, для захоронений родовой знати, в то время как грунтовые могильники были кладбищами рядового населения. Предположение это оспаривали Н. Н. Погребова и П. Н. Шульц. Последний указал, что единственное грунтовое погребение в Инкермане, которое С. Ф. Стржелецкий связывает с таврами, относится к более ранней эпохе, а грунтовые погребения тавров в Херсонесе не являются типичными для горных районов. По наблюдениям

---

[1] Г. А. Бонч-Осмоловский. Доисторические культуры Крыма, «Крым», 1926, № 2.

[2] Стенограмма утреннего заседания 31 января, стр. 103.

[3] Стенограмма вечернего заседания 30 января, стр. 44.

П. Н. Шульца, типичным обрядом погребений для всех тавров являются каменные ящики [1].

В связи с изучением тавров возникает вопрос о культуре киммерийцев — исторически засвидетельствованных предшественников скифов в Северном Причерноморье. Как справедливо отмечали А. А. Иессен и Е. И. Крупнов, в вопросе этом до сих пор нет ясности, и разные исследователи связывают киммерийцев с различными археологическими культурами.

Хотя важная проблема киммерийской культуры не была предусмотрена программой конференции, участники конференции неоднократно касались ее в своих выступлениях.

Вопрос о носителях киммерийской культуры был затронут в докладе А. А. Иессена «Характеристика памятников Северного Кавказа VIII—VII вв. до н. э.». Докладчиком был рассмотрен ряд северокавказских курганных комплексов и находок, характерных для быта воинов-кочевников эпохи раннего железа. Эти комплексы докладчик нашел возможным связать с теми племенами, которые были первыми создателями крупных союзов кочевых племен на нашем юге, т. е. либо с ранними скифами, либо с киммерийцами. Предположение о принадлежности киммерийцам кобанской горной культуры докладчик решительно отверг, указав на то, что киммерийцы были бесспорно степняками и кочевниками и поэтому связь их с описанными в докладе погребальными комплексами воинов-кочевников представляется ему более закономерной. Не решая окончательно этого вопроса, докладчик вместе с тем возражал против расширения представления о киммерийской культуре, распространяемой на весь бронзовый век или на всю территорию Северного Причерноморья, считая, что такое широкое понимание этого термина является «пережитком прежнего представления о киммерийской стадии» [2]. Надо, однако, указать, что представление о широком территориальном распространении киммерийской культуры зародилось не из марровской идеи о стадиальном развитии человеческого общества, а основано на указании Геродота, который говорит о пребывании киммерийцев и у Керченского пролива и на Днестре (Herod., IV, 11—12).

Выступивший в прениях Е. И. Крупнов согласился с наличием на северо-западном Кавказе отличной от горного Кавказа культуры степного типа, которую, повидимому, закономерно связывать с киммерийцами [3].

Поскольку А. А. Иессен в своем докладе установил генетическую связь между культурой, представленной предкавказскими памятниками VIII—VII вв., и культурой Келермесских курганов Прикубанья, датируемых докладчиком VII — VI вв. до н. э.,— решение вопроса об этнической принадлежности первых тесно связано с этническим определением культуры вторых. Этот вопрос вплотную подводит нас к комплексу проблем, связанных с третьим культурным массивом Северного Причерноморья — культурой синдов и мэотов в Прикубанье и Приазовье. В докладе Гракова — Мелюковой были подытожены достижения советской археологии в этой области и выявлены своеобразные черты этой культуры и своеобразный путь ее развития в отличие от степной и лесостепной культуры на юге Европейской части СССР. В то же время в докладе указывались черты сходства со скифской культурой, особенно сильные в раннюю пору Прикубанья, и высказано предположение, что наряду с местным синдо-мэотским населением на Кубани было и пришлое скифское население, которое постепенно смешалось с мэотским. Более детально был развит этот тезис в докладе

[1] Стенограмма утреннего заседания 31 января, стр. 98, 100.
[2] Стенограмма вечернего заседания 29 января, стр. 61.
[3] Там же, стр. 93.

К. Ф. Смирнова «Этапы развития культуры населения Среднего Прикубанья в скифское время» [1]. Первый этап этой культуры — VI — IV вв. до н. э.— назван в докладе К. Ф. Смирнова мэото-скифским, и для начала этого времени отмечена группа курганов с погребениями в больших грунтовых могилах с шатровыми перекрытиями (Келермесские), в которых докладчик видит могилы потомков пришлого на Кубань кочевого населения, родственного скифам царским.

Вопрос об этнической принадлежности населения, оставившего Келермесские курганы, подвергся также обсуждению в связи с докладами А. А. Иессена, Б. Б. Пиотровского и Е. И. Крупнова. По мнению Б. Б. Пиотровского, говорить о принадлежности Келермесских курганов скифской культуре можно лишь при самом широком понимании последней. В узком же смысле эти памятники нужно скорее считать местными — мэотскими или киммерийскими [2]. А. А. Иессен, как было указано выше, колебался между киммерийской или раннескифской основой, на которой возникли эти культуры. Е. И. Крупнов решительно возражал против местного характера келермесских памятников; он так же, как и К. Ф. Смирнов, считает их скифскими и по обряду погребения и по всему набору инвентаря. Е. И. Крупнов указал, что келермесские памятники являются одним из «важнейших доказательств пребывания на территории Северного Кавказа носителей иранской речи», которые затем, «несмотря на повторное включение сюда других иранских элементов, тем не менее оказались побежденными местной средой, языковой группой адыго-черкесского массива» [3].

Таким образом, приходится считать, что по вопросу об этнической принадлежности населения, оставившего Келермесские курганы, еще нет единой точки зрения, однако их скифский характер был очень убедительно обрисован выступавшими.

В своем докладе К. Ф. Смирнов пытался выделить своеобразные черты отдельных групп погребальных памятников Среднего Прикубанья и связать их с отдельными исторически известными племенами мэотов и сарматов. Так, елизаветинскую группу курганов V — IV вв. до н. э. он предлагает связать с фатеями, южные предгорные районы Закубанья с населением, родственным зихам, керкетам и отчасти синдам. Отдельную племенную группировку мэотского населения видит он на Правобережье Кубани между ст. Воронежской и Казанской (могильники Пашковский, Усть-Лабинский и др.). В Восточном Прикубанье он выделяет погребения сарматского племени сираков, «Золотое Кладбище» на правом берегу Кубани связывает с аланами. Попытки К. Ф. Смирнова интересны, но требуют дальнейшей проверки новыми полевыми исследованиями на Кубани.

В докладе К. Ф. Смирнова указано, что характерным для развития местной мэотской культуры является, с одной стороны, воздействие культуры Боспора, в состав или в сферу влияния которого входило с IV в. до н. э. Прикубанье, с другой,— постепенное и все усиливающееся проникновение на Кубань сарматов, которые, смешавшись с мэотским населением, в значительной степени определили позднейший характер его культуры. Поэтому дальнейшие этапы развития культуры Прикубанья К. Ф. Смирнов определяет как «мэото-сарматский» (вторая половина IV—II в. до н. э.), «сармато-мэотский» (I в. до н. э.— III в. н. э.), «позднесарматский или аланский» (IV—V вв. н. э.).

Периодизация, данная К. Ф. Смирновым, вызвала дискуссию. Н. В. Анфимов, В. П. Шилов и Е. И. Крупнов нашли, что К. Ф. Смирнов слишком преувеличивает роль завоевателей-сарматов в процессе развития

[1] Доклад напечатан в КСИИМК, вып. XLVI (1952).
[2] Стенограмма вечернего заседания 29 января, стр. 62.
[3] Стенограмма утреннего заседания 2 февраля, стр. 64.

местной культуры Прикубанья. В названии этапов его периодизации не отражена внутренняя линия развития местной культуры, местных производительных сил [1]. Н. В. Анфимов протестовал против отнесения богатых погребений «Золотого Кладбища» к аланам, подчинившим себе местное население. По мнению Н. В. Анфимова, господствующим элементом здесь являлось местное население. Сильное воздействие сарматской культуры на мэотскую в общем не отрицалось выступавшими, но вопрос о конкретных формах этого воздействия еще требует уточнения. Резолюция конференции признала в общей форме, что в Прикубанье и Восточном Приазовье «наблюдается с III—II вв. до н. э. появление основных элементов новой культуры в связи с воздействием и постепенным проникновением сюда сарматов».

Возражения вызвал тезис К. Ф. Смирнова о генетической связи мэотской культуры с культурой бронзы в Прикубанье. А. А. Иессен, Н. В. Анфимов и В. П. Шилов считали, что связь эта недостаточно доказана докладчиком, и указали, что для подтверждения этой связи нельзя ссылаться на обряд погребения в скорченном положении, который не характерен в Прикубанье для культур предшествующего периода.

Интересная тема археологического подтверждения скифских походов в Переднюю Азию нашла свое отражение в докладах Б. Б. Пиотровского («Скифы и древний Восток») [2] и Е. И. Крупнова («О походах скифов через Кавказ») [3]. На основании изучения новых памятников, обнаруженных в иранском Курдистане, в районе Саккыза, Б. Б. Пиотровский установил длительное пребывание скифов в районе Урмии (страна Мана клинописных текстов). Е. И. Крупнов по археологическим памятникам из разных мест Кавказа установил три варианта пути скифов через Кавказ в Переднюю Азию и показал, что наряду с основным путем через Дербентский проход, засвидетельствованным Геродотом, часть скифов двигалась по тому же пути, что и киммерийцы, по берегу Черного моря, через Абхазию и Колхиду, а другая часть — через Дарьяльское ущелье и Мамисонский перевал.

Таким образом, свидетельства письменных источников — греческих авторов, с одной стороны, клинописных текстов — с другой,— о походах скифов в Переднюю Азию через Кавказ и о длительном пребывании их в Азии находят все больше подтверждений в археологических памятниках. Все с большей очевидностью устанавливаются интенсивные взаимосвязи племен Причерноморья и Прикубанья с Закавказьем, нашедшие столь яркое выражение в памятниках материальной культуры раннескифского времени.

Культура другой части племенного массива Прикубанья — синдов — была освещена в докладе Н. В. Анфимова «Синдика VI—IV вв. до н. э.» Докладчик подытожил литературные и археологические данные об истории, культуре, хозяйстве и общественном строе синдов и изложил свои точки зрения по этому поводу. Прения сосредоточились главным образом вокруг трех вопросов: 1) о границах территории Синдики; 2) о синдском государстве; 3) о возможности ведения синдами непосредственной торговли с греческими купцами.

По первому вопросу докладчику возражали В. П. Шилов и И. Б. Зеест, несогласные с Н. В. Анфимовым в том, что он включает в территорию Синдики и северную часть Таманского полуострова. Обе стороны в своей аргументации опирались на письменные источники, но, поскольку эти источники прямо указанный вопрос не освещают, а археологических данных для его решения мало, он остался открытым.

[1] Стенограмма вечернего заседания 30 января, стр. 88, 99, 108.
[2] Напечатан в СА, XIX.
[3] Текст доклада печатается в настоящем сборнике (см. стр. 186—194).

Вопрос о существовании у синдов еще в V в. до н. э. государства является, как известно, дискуссионным в нашей литературе.

Н. В. Анфимов в своем докладе выступил сторонником существования государства у синдов. Быстрый процесс экономического развития синдов по его словам, привел «к тому, что в V в. здесь складывается государство, которое с момента своего возникновения было тесно связано с Боспором». С поддержкой тезиса о раннем возникновении государства у синдов выступила и Т. В. Блаватская.

Много споров вызвало предположение Н. В. Анфимова о том, что синдская торговля шла не только через Фанагорию, но и через синдские приморские города. И. Б. Зеест настаивала на том, что торговля Семибратного городища могла вестись только через посредство Фанагории [1]. В. П. Шилов и Т. В. Блаватская также отрицали вероятность торговли синдов непосредственно с греками, указывая на то, что Боспор был слишком заинтересован в своих торговых правах и привилегиях, чтобы упускать торговлю с внутренними областями из своих рук [2]. Н. В. Анфимов согласился со своими оппонентами относительно посреднической роли Боспора в синдской торговле, но только для эпохи Спартокидов, в отношении же более раннего времени он продолжал отстаивать свою точку зрения [3]. Н. В. Анфимова поддержал А. А. Иессен, указавший, что синды могли торговать непосредственно с греками в районе Анапы или через южный рукав Кубанской дельты, выходивший в то время в Черное море, где были обнаружены синдские населенные пункты с греческой архаической керамикой [4].

Основные достижения советской археологии и первоочередные задачи, стоящие перед ней в области изучения сарматской культуры, были суммированы в докладе К. Ф. Смирнова «Вопросы изучения сарматских племен и их культуры в советской археологии»[5]. К. Ф. Смирнов подверг критике ошибки марровского толка в вопросах сарматского этногенеза и особенно понятие скифо-сарматской стадии, введенное В. И. Равдоникасом. Категорически отверг он также гипотезу Л. А. Мацулевича о кавказском происхождении сарматских племен. По мнению К. Ф. Смирнова, основной территорией формирования сарматских племен являлись задонские и поволжско-уральские степи, где, начиная с VI в. до н. э., прослеживается беспрерывное, более чем тысячелетнее развитие одной и той же культуры. Археологические и палео-антропологические материалы этих областей позволяют установить генетическую связь ранних сарматов — савроматов с носителями андроновской и отчасти с родственной ей срубно-хвалынской культур эпохи бронзы [6]. В то же время на Северном Кавказе усиление сарматских элементов прослеживается лишь с III—II вв. до н. э.

По вопросу о савроматах К. Ф. Смирнов присоединился к точке зрения Б. Н. Гракова о преемственной связи между савроматской и сарматской культурами, опровергая, таким образом, мнение М. И. Ростовцева (см. выше стр. 11), которое было основано на слишком незначительном количестве известных в его время сарматских погребений.

По данным последних полевых исследований, К. Ф. Смирнов уточнил периодизацию сарматской культуры, уже известную советскому читателю из статьи Б. Н. Гракова о пережитках матриархата у сарматов [7]. В

---

[1] Стенограмма вечернего заседания 1 февраля, стр. 30.
[2] Там же, стр. 34, 40.
[3] Там же, стр. 42.
[4] Там же, стр. 37.
[5] Текст доклада печатается в настоящем сборнике (см. стр. 195—219).
[6] Стенограмма вечернего заседания 28 января, стр. 19.
[7] Б. Н. Г р а к о в. ВДИ, 1947, № 3.

противоположность гипотезе о кавказской прародине сарматов, К. Ф.Смирнов проследил передвижение племенных союзов сарматов из Поволжья и Приуралья на Северный Кавказ и в приазовские степи. Восточная граница распространения сарматских племен и их взаимоотношения со среднеазиатскими культурами до сих пор остаются неясными. В этом отношении докладчик только отметил, что постепенно культура сарматов приобретает много общих черт с культурами кочевых и даже оседлых народов среднеазиатского Востока [1]. В то же время К. Ф. Смирнов выразил сомнение в правильности предположения С. П. Толстова о подчинении сарматов политике Хорезма, отстаивая самостоятельность действий сарматов, находившихся лишь «в тесном контакте с ...миром массагетских племен»[2]. Проблема взаимоотношений сарматов со среднеазиатским миром еще ждет своего исследователя, и решение ее стоит в зависимости от развертывания полевых исследований в пределах Западного Казахстана.

Раскопки, проведенные К. Ф. Смирновым на Восточном Кавказе, позволили ему связать открытые им археологические памятники в прикаспийской части Дагестана с утидорсами, представляющими результат смешения местных удинских и сарматских аорсских племен. Попытки размещения им конкретных сарматских племен в Прикубанье уже отмечены выше.

Докладчик подчеркнул слабую изученность сарматских памятников в Северном Причерноморье, которая привела к недооценке роли сарматского нашествия на территорию, занятую скифами. Прослеживаемые на обширном пространстве сарматской территории погребения с диагональным положением покойников К. Ф. Смирнов связывает с роксоланами, расселившимися в последних веках до н. э. из Заволжья на запад до Днепра.

Новые полевые исследования непрерывно увеличивают количество открытых сарматских памятников на территории между Доном и Южным Бугом. Особенно эффективной в этом отношении нужно признать деятельность украинских археологов. Важнейшим дополнением к докладу К. Ф. Смирнова явилось сообщение М. И. Вязьмитиной, раскопавшей могильник рядового сарматского населения у с. Ново-Филипповка Запорожской области. Изучение форм погребального обряда и инвентаря этого могильника позволило докладчице сделать интересные выводы: 1) о полуоседлом характере населения, оставившего этот могильник; 2) о вероятной ассимиляции сарматами какой-то части местного населения, переживание традиций культуры которого сказалось в формах и орнаменте некоторой части керамики; 3) о нивелирующем влиянии культуры городских центров Причерноморья, которая, проникая в сарматскую среду на широком пространстве прикаспийских, предкавказских, приазовских и причерноморских степей, «начинала сглаживать локальные различия между отдельными племенными группировками и способствовала установлению известной общности материальной культуры» [3]. Важной и мало изученной проблемой остается определение форм и характера сарматизации местного населения и греческих городов Северного Причерноморья, а также роли сарматов в истории скифского царства и античных рабовладельческих центров.

Концентрация в бассейне Северского Донца погребений позднесарматского, аланского типа позволила К. Ф. Смирнову подтвердить уже высказывавшуюся среди советских археологов мысль о генетической связи между салтовской и сарматской культурами. Менее ясен вопрос о взаимодействии сарматской и раннеславянской культур. Вопрос этот только начинает разрабатываться. В этой связи нужно указать, что, как отмечалось на

[1] Стенограмма вечернего заседания 28 января, стр. 22.
[2] Там же, стр. 23.
[3] Стенограмма утреннего заседания 30 января, стр. 31—55.

конференции, вопрос о принадлежности сарматов и, в частности, аланов к североиранской языковой группе является еще более бесспорным, чем ираноязычие скифов. Вследствие этого вопрос об этнической преемственности каких бы то ни было славянских племен от сарматских отпадает. Однако вопрос о культурном взаимодействии тех и других в свете последних исследований В. А. Городцова, Б. А. Рыбакова, Ю. В. Кухаренко ставить вполне закономерно, и дальнейшие исследования вероятно позволят установить много дополнительных фактов, которые осветят и уточнят культурные взаимосвязи между сарматскими и раннеславянскими племенами, особенно в пограничных районах.

Большой интерес представляет проблема сарматского звериного стиля, его локальных особенностей, взаимоотношений с так называемым скифо-сибирским стилем, отличие от звериного стиля скифских племен Северного Причерноморья. К сожалению, эта интересная проблема в докладе К. Ф. Смирнова не была затронута.

Резолюция конференции по вопросу о сарматской культуре отметила только, что эта культура «имеет ряд черт близости» к трем остальным культурам Северного Причерноморья «при наличии сходства с соседними культурами Западной Сибири». Нужно признать, что вопросы сарматской культуры и, в частности, ее отношения к культурам Средней Азии и Сибири недостаточно разработаны в нашей науке и требуют серьезного изучения.

Московская конференция 1952 г., конечно, не могла ни разрешить всех вопросов, стоящих перед исследователями в области скифской и сарматской археологии, ни примирить все существующие разногласия. Однако она в известной мере подытожила достижения советской науки, уточнила вопрос о скифах и скифской культуре, вскрыла ошибочные представления, основанные на порочных концепциях, наметила первоочередные задачи.

Недостатком конференции явилось то, что при постановке во главу угла спорных вопросов этногенеза племен и народностей скифо-сарматского времени, их общественного строя и государственности, сравнительно меньше внимания в целом было уделено вопросам, связанным с изучением экономики этих племен, с выяснением их производственного базиса, с развитием производительных сил и с характером их производства и обмена. Правда, этим вопросам было уделено значительное место в докладах, посвященных скифскому государству,— Б. Н. Гракова, Э. И. Соломоник, П. Н. Шульца, однако следует признать, что прения по этим вопросам развернулись недостаточно и не носили столь оживленного характера, как споры по наболевшим вопросам этногенеза скифской и славянской культуры. Этот пробел необходимо заполнить при будущих исследованиях.

Конференция вынесла также пожелание в дальнейшем обратить внимание на выяснение характера взаимоотношений скифских и сарматских племен с их соседями, а также их роли в истории народов Северного Причерноморья [1].

Большим тормозом в разработке вопросов археологии скифов и сарматов является то, что большая часть материалов до сих пор остается неопубликованной. В первую очередь это относится к материалам старых раскопок больших скифских курганов с мировой известностью (Солоха, Куль-Оба и др.). Подготовка к изданию и публикация этих материалов должна стать первоочередной задачей Государственного Эрмитажа, где хранятся эти ценности [2]. Много неопубликованного материала лежит и в других музеях. Необходимо принять все меры к тому, чтобы добытый при раскопках материал возможно скорее вводился в научный оборот.

---

[1] Резолюция конференции, § VIII, 5, 7.
[2] Там же, 8.

До сих пор наиболее полным сводным печатным трудом по скифской археологии являлся труд М. И. Ростовцева «Скифия и Боспор». Не говоря о том, что материал, собранный в этой книге, освещается автором с чуждых марксизму позиций,— он уже значительно устарел, и неполнота его также мешает правильному освещению вопросов скифо-сарматской культуры. Поэтому насущной необходимостью является замена этого устаревшего труда новым, советским изданием, отражающим все достижения скифо-сарматской полевой археологии за советский период [1].

В докладах конференции вскрылись «белые пятна» в археологии разных районов территории, заселенной скифо-сарматами. Исследование этих «белых пятен» должно лечь в основу полевой работы на ближайшее время. Резолюция конференции предусматривает поручение ИИМК АН СССР, совместно с другими археологическими учреждениями нашей страны, разработку перспективного плана полевых исследований в области скифо-сарматской археологии [2].

Вредное влияние на ход археологических изысканий оказывают имевшие место случаи разобщенности работы отдельных советских археологических учреждений и отсутствие координации между ними. Результатом является неосведомленность об уже сделанных открытиях, параллелизм научных тем, ненужная затрата сил и средств. Конференция призвала к возможно более тесной координации работы родственных институтов и учреждений, особенно занимающихся одной и той же тематикой [3], например совместные экспедиции ИИМК и Института археологии АН УССР. Практика показала, что сотрудничество в этом отношении разных учреждений приводило к очень плодотворным результатам.

На конференции выявилась насущная потребность в обсуждениях подобного рода и целесообразность применения творческого метода дискуссий, критики и самокритики для решения узловых вопросов скифо-сарматской археологии. Поэтому подобные конференции желательно созывать периодически с привлечением возможно большего числа участников из разных центров нашей страны [4]. Желательно привлекать на эти совещания работников местных исторических и краеведческих музеев, принимающих активное участие в археологическом исследовании своего района. Гигантские масштабы строительства в нашей стране требуют увеличения объема археологических исследований, и в этом отношении музейные работники являются ближайшими помощниками центральных археологических учреждений. Они должны быть вовлечены в круг общей деятельности в свете задач, стоящих перед скифо-сарматской археологией.

Конференция призвала советских исследователей к решению этих задач на основе применения метода творческого марксизма, преодоления прошлых ошибок и непрерывного повышения идейно-теоретического уровня своей работы.

---

[1] Резолюция конференции, § VIII, 8.
[2] Там же, 10.
[3] Там же, 9.
[4] Там же, 11.

Б. Н. Граков и А. И. Мелюкова

ОБ ЭТНИЧЕСКИХ И КУЛЬТУРНЫХ РАЗЛИЧИЯХ В СТЕПНЫХ И ЛЕСОСТЕПНЫХ ОБЛАСТЯХ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ СССР В СКИФСКОЕ ВРЕМЯ

(Расширенная переработка доклада на конференции: «Основные археологические культуры в скифское время в Приазовье и Причерноморье»)[1]

Важнейшим для истории скифов древнегреческим автором, текст которого относительно хорошо установлен, автором, отдавшим много внимания скифам, как этническому и политическому целому, является Геродот. В эту общность скифов связывает, в представлении Геродота, единство языка, единство обычаев, сходство их бытового уклада, единая, довольно узко очерченная территория и, наконец, единство политическое.

Прежде всего о единстве языка. Там, где речь идет о скифском языке, он противополагается Геродотом языкам других народов. Так, например, в том месте, где сказано о гелонах и будинах, указывается на различие их языков, причем Геродот сообщает, что гелоны иногда пользуются скифским языком (Herod., IV, 108, 109). Андрофаги говорят на своем собственном языке (Herod., IV, 106). Наконец, скифский язык, как нечто самостоятельное, противополагается языку амазонок, которого скифы «свободные», т. е. царские, не знают (Herod., IV, 110, 117).

В последнем случае идет речь о языке одного из скифских племен — скифов царских. Однако это не дает основания противополагать язык этого племени языку остальных племен, которых Геродот относит к скифам. Во всех остальных, приведенных выше случаях язык, называемый скифским, отнесен не к тому или иному племени скифов, а ко всем скифам вообще. О принадлежности этого языка не только кочевым, но и земледельческим племенам скифов (не одному лишь племени «γεωργοί») свидетельствует то, что на скифском языке говорят, по Геродоту, купцы, ходившие на Восток из Скифии, в частности из-под Ольвии (Herod., IV, 24); урочище Эксампей, лежавшее на границе земледельческих скифских племен алазонов и пахарей, называлось так, очевидно, на языке или обоих этих племен, или одного из них; ольвийские греки переводили это название как «святые пути». Единство языка всех скифских племен может быть усмотрено еще из преданий о происхождении скифов, которые, несомненно, переданы Геродотом в варианте, бытовавшем среди скифов-земледельцев, но содержат в себе признаки того, что эти легенды одинаково связывают воедино этногенез обеих групп скифов, и земледельческих и кочевых. Есть

[1] Краткое изложение настоящего доклада см. в сборнике «Доклады VI научной конференции Института археологии АН УССР», Киев, 1953, и в СА, XVIII, 1953.

в этих легендах указания на единство языка. Но об этом еще раз ниже. Единство языка для всех или почти всех племен, относимых Геродотом к числу скифов, таким образом, очевидно; этот язык, по Геродоту, лег в основу языка савроматов (Herod., IV, 117).

Древнему греку было несвойственно наше понимание языковых семей. Для него родственными представлялись лишь языки, очевидно, близкие. Поэтому, если была бы установлена природа языка савроматского, тем самым была бы установлена природа языка скифов Геродота. Почти никто в наше время не сомневается, что савроматы Геродота и сарматы позднейших писателей одно и то же. За это говорит множество фактов — исторических и археологических. Плиний характеризует этническое происхождение сарматов следующими словами: «Затем по реке Танаису, впадающему в море двумя устьями, живут сарматы, по преданию потомки мидян; они сами так же делятся на много племен» (Natur. Hist., VI, 19). Едва ли что-нибудь, кроме сходства языков, подмеченного еще в древности, могло вызвать такое утверждение. Если сарматский язык был, употребляя современный лингвистический термин, языком иранской группы, то и язык скифов Геродота должен был принадлежать к той же группе. Конечно, с абсолютной точностью геродотовы данные о едином языке скифов едва ли могут приниматься. Но из всего его изложения ясно, что его припонтийские осведомители знали о языке скифов как об общем для кочевых и для большей части оседлых племен.

Сравнительное языкознание имеет много доказательств ираноязычности сарматов. Конечно, в этом случае под сарматами разумеются некоторые из родственных причерноморских и прикаспийских племен, и этому термину не может придаваться тот расширительный географический смысл, в котором без различения этнического родства он применялся позднейшими античными географами. В лингвистическом изучении скифо-сарматских языков русские авторы были основными исследователями. Более всего в этом смысле сделал В. Ф. Миллер. После его работ [1] принадлежность скифов и позднее сарматов к иранской ветви языков вполне принята лингвистами. Советское языкознание разделяет и разрабатывает далее эту точку зрения. Большинство известных данных относится к сарматам, и лишь относительно немногое к родственным им по языку собственно скифам Геродота. Для этих последних преимущественно известны собственные имена, в большинстве иранские, отчасти фракийские, отчасти пока необъяснимые. То же касается этнонимики и топонимики. Хуже обстоит с приводимыми Геродотом немногочисленными глоссами; три из них легко объясняются иранскими корнями, две не поддаются объяснению. Три имени братьев царей в этногенетическом предании хорошо объяснимы во второй половине из иранских корней, но два необъяснимы из того же источника в первой части (Колаксай и Липоксай) (Herod., IV, 5, 6). Впрочем, отнюдь не следует забывать, что далеко не весь древнеиранский словарь в наше время известен, почему многое и не поддается истолкованию. Наличие же малочисленных фракийских имен и терминов легко объясняется культурными взаимоотношениями и территориальной близостью.

Из всего указанного с наибольшей долей вероятия следует ираноязычие не только собственно сарматов, но и собственно скифов Геродота, или, по крайней мере, ряда скифских племен. В отношении этих последних приведенные исторические сведения и лингвистические данные в це-

[1] В. Ф. Миллер. Осетинские этюды, ч. I, М., 1881, ч. II, М., 1882, ч. III, М., 1887; его же. Эпиграфические следы иранства на юге России. ЖМНП, 1886, окт., стр. 232—283; его же. К иранскому элементу в припонтийских греческих надписях. Ср. об этом также А. Мейе. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков, М.—Л., 1938.

лом говорят об одном и том же. Приведем еще один, обычно не привлекаемый или забываемый аргумент в пользу высказанного решения этого вопроса. Мы имеем в виду знаменитый декрет в честь Протогена. Ряд племен около Ольвии носит явно иранские наименования: саи, савдараты, фисаматы. Имя царя саев Сайтафарн принадлежит к той же группе. Декрет относится к III в. до н. э., т. е. ко времени, когда сарматы еще не достигли окрестностей Ольвии. Переход сарматов в IV в. до н. э. на правый берег Дона еще не обозначал их продвижения к Днепру и за Днепр. Обстановка вокруг Ольвии еще напоминает эпоху Геродота. Здесь есть и миксэллины, т. е. эллины-скифы, прежние каллиппиды и скифы в узком смысле слова, и саи, вернее всего толкуемые, как скифы царские, и кочевые, и ставка этих последних где-то на востоке, называемая в декрете, как и у Геродота, «βασίλεια» (ср. Herod., IV, 20 — τὰ βασιλήϊα). Все это говорит за сохранение на Буге и Днепре в общих чертах в III в. до н. э. обстановки V в., а вся сумма собственных и этнических имен декрета указывает на ираноязычие скифов [1].

Среди представителей сравнительно-исторического языкознания общепризнано ираноязычие собственных скифов и сарматов, но, конечно, не всех племен, которые так назывались у греков и римлян. С полной ясностью эта точка зрения нашей ведущей лингвистической школы высказана виднейшим иранистом Б. В. Миллером, сыном и последователем В. Ф. Миллера, много сделавшего для изучения вопроса о языковой принадлежности скифов и сарматов: «Обширность территории распространения иранских языков в настоящее время и в древности... исключает всякую возможность предположить существование некогда на всем этом обширном пространстве какого-то единого народа, создавшего единый иранский праязык...». «Территория, на которой сложился иранский язык-основа, это именно область древней Хоразмии...». «Иранцы шли двумя путями: а) в обход Каспийского моря с севера (наличие иранских народов в степях Прикавказья и Причерноморья, сарматов, скифов); б) в обход Каспийского моря с юга »[2]. Много работал над этим вопросом покойный академик А. И. Соболевский [3]. Однако он несколько преувеличивал роль иранских влияний в русском языке, особенно в области топонимики.

Недавно В. И. Абаев дал полный очерк истории исследования остатков скифских и сарматских языков, собрал все возможные, сохранившиеся от них иранские основы, числом до 200, высказал несколько интересных соображений по вопросам морфологии и рядом примеров, вслед за В. Ф. Миллером, еще раз подтвердил происхождение осетинского языка от какого-то сарматского диалекта. Эта часть работы В. И. Абаева полезна, но автор затемнил ее смысл принятием некоторых лингвистических положений Н. Я. Марра[4].

[1] IosPE, I², 32. За то, чтобы датировать декрет в честь Протогена III в. до н. э., с полной убедительностью высказались А. Н. Зограф (МИА, вып. 16, стр. 130) и С. А. Жебелев (см. «Причерноморье», стр. 256).

[2] Тезисы докладов сотрудников Института языкознания на объединенной сессии Института этнографии, Института истории материальной культуры, Института истории и Института языкознания АН СССР, М., 1951, стр. 19—23.

[3] А. Соболевский. Русско-скифские этюды. Изв. Отд. русск. яз. и словесн. Акад. Наук, вып. 26 (1921), стр. 1—44; вып. 27 (1922), стр. 252—382.

[4] В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор, М.—Л., 1949, стр. 147 и сл. К сожалению, доброкачественный и хорошо сведенный автором материал, добытый исключительно путем сравнительно-исторического анализа, толкуется автором безуспешно с марровских «стадиальных» позиций. Делается бесплодная попытка примирить сравнительное языкознание с «новым учением» о языке Н. Я. Марра. Кроме того, вместо более или менее ограниченных по территории и частью разобщенных племен скифов и сарматов ираноязычной группы в Причерноморье, автор создает грандиозную скифо-сарматскую народность, предков осетин, включая сюда любое племя, получившее у греков одно из этих имен; их историю он отождествляет с историей древних осетин, ищет корни осетинского эпоса в этой истории, т. е. впадает в ряд явных преувеличений.

Геродотовские предания о происхождении скифов в последние годы подвергались интерпретации под разными углами зрения. Особенно важную роль в этом отношении сыграло первое предание как потому, что оно передавалось самими скифами, так и потому, что оно казалось подтверждением положения об автохтонном происхождении земледельческих скифов. Отсюда делается вывод о том, что вторая версия этого сказания, по Геродоту, передававшаяся греками, на деле была создана в иной племенной среде и отражала в себе контаминацию двух течений, шедших от оседлых земледельцев и кочевников, слившихся в одну скифскую народность. Однако и в первой легенде есть элементы, свидетельствующие о том, что она сохранила следы того и другого, что она одинаково может подтверждать происхождение и кочевых и земледельческих племен от одних и тех же предков.

Нет надобности пересказывать первое предание, по Геродоту, собственно скифское (Herod., IV, 5—7). Остановимся на элементах автохтонности в этой версии. Они заключаются в следующем: предки скифов — Зевс — vice versa Папай (фрако-фригийское название божества) и дочь Борисфена, затем их сын Таргитай и три его сына: Липоксай, Арпоксай и Колаксай. Четыре происходящие от братьев племенные группы или племена все объявляются здесь скифами, и хотя они нигде более у Геродота не упоминаются, они, очевидно, суть реальные наименования каких-то делений внутри скифской этнической общности. Элементы же пришлого характера прослеживаются в том, что все четыре собственные имени без труда объясняются или целиком (Таргитай и Арпоксай), или наполовину своего сложного состава (Липоксай и Колаксай) от иранских корней. Из пяти этнических названий два (паралаты и авхаты) также иранского, три (траспии, катиары и сколоты) неизвестного происхождения. Наличие пришлых элементов может быть следует видеть и в том, что скифы считали себя молодым народом, и в том, что, согласно преданию, народ этот сложился ἐν τῇ γῇ ταύτῃ ἐούσῃ ἐρήμῳ, т. е. в необитаемой земле (Herod., IV, 5). Ираноязычность этих элементов и образование народа в пустыне согласуются с третьим преданием Геродота о приходе кочевых скифов из-за Аракса, связанного у Геродота со Средней Азией, истинной, как это установлено лингвистами, родиной языкового «иранства», и с тем, что скифы-кочевники заняли ненаселенную после ухода киммерийцев землю (τὴν χώρην ἐρήμην) (Herod., IV, II).

Весьма существенно замечание Геродота о том, что общее самоназвание скифов — сколоты. Очень вероятно филологически вполне возможное толкование А. Д. Удальцова, усматривающего в контексте Геродота данные для производства слова «сколоты» от имени царя Колаксая, видимо, утратившего в греческой традиции первичное σ перед κ[1]. Многие ученые по-разному толковали это место и, игнорируя прямое указание источника, относили имя «сколоты» то к кочевым, то к земледельческим племенам [2].

Б. Н. Граков, как и М. И. Артамонов, признавал эллинизированную версию предания о происхождении скифов за версию, возникшую в иной

Эта сторона деятельности В. И. Абаева получила заслуженную критику в «Правде» и других органах советской печати. Более правильные позиции автор занимает в недавно вышедшей статье «История языка и история народа» (Сб. «Вопросы теории и истории языка в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию», М., 1952, стр. 40 и сл.).

[1] Это положение было высказано А. Д. Удальцовым в одном из докладов на заседании сектора скифо-сарматской археологии ИИМК.

[2] Земледельцами считали сколотов А. Д. Удальцов, П. Н. Третьяков и М. И. Артамонов. Последний, не обинуясь, назвал однажды подлинное сообщение Геродота несоответствующим действительности (М. И. Артамонов, Этногеография Скифии, УЗ ЛГУ, вып. 13, стр. 167).

племенной среде, контаминирующую земледельческое и кочевое начала [1]. Он видел и сейчас усматривает это последнее в том, что сын Зевса, пришлый Геракл, соединившись с змееногою местной богинею, стал предком скифов. Теперь Геракл (vice versa Таргитай) не сын Зевса и местной богини, а супруг последней. Это предание, в основе также восходящее к земледельческим племенам, связано с Гилеей, территорией в Нижнем Поднепровье; оно могло принадлежать скифам, жившим близко от Ольвии и от Гилеи. Создателями этой версии могут скорее всего являться каллиппиды, а может быть геродотовские скифы-земледельцы. Во всяком случае это предание прошло, как это и утверждает Геродот, через сильную греческую переработку. Это явствует из имени Геракла, из связывания этого эпизода с похищением коров Гериона, из подлинно греческого описания самого героя, климата Скифии и, наконец, из имени богини. Но много труднее сказать, кто — греки или скифы — сделали трех сыновей Геракла предками не только различных ветвей скифов, как в первой версии, но еще и гелонов и агафирсов. Здесь, скорее, надо видеть греческое начало.

На всем протяжении своего труда, с редкими отклонениями, Геродот рассматривает скифов как нечто этнически целое. Но в передаваемых им собственно скифских этногонических легендах единство по происхождению скифских оседлых и кочевых племен не является толкованием писателя, а вытекает из прочной основы этой части сохраненного для нас отцом истории скифского фольклора. Сами скифы представляли себе свое происхождение единым, независимо от кочевого или оседлого образа жизни.

Почти четыре столетия спустя после смерти Геродота мы снова сталкиваемся с преданием о происхождении скифов в новой греческой передаче у Диодора Сицилийского (Diod. Sic., II, 43). Эта легенда восходит к какому-то другому, вероятно боспорскому, источнику, а не к Геродоту. Можно думать, что к ней присоединилось кое-что совершенно новое, сильно исказившее первоначальную основу. Передаваемая Диодором версия сводится к следующему: скифы жили на Араксе (ср. с третьим преданием Геродота о приходе скифов в Причерноморье из-за Аракса), оттуда завоевали землю до Кавказа и вокруг Мэотийского озера до реки Танаис. Здесь-то от Зевса и змееногой дочери Земли родился сын Скиф, передавший свое имя народу. В этой легенде родители те же, что в первом предании Геродота. Скиф хотя и не является здесь первым человеком, дает свое имя народу: это в духе второго предания Геродота о Геракле и его сыновьях, но все привязано в легенде Диодора не к Приднепровью, а к Араксу (Волге?), Танаису и Мэотиде, т. е. к тем местам, откуда первоначально приводит скифов в Причерноморье третья легенда Геродота. Здесь все те же элементы как автохтонного (правда, в районе Мэотиды), так и пришлого характера. Все содержание мифа в конечном счете то же самое. Эта новая версия только подтверждает исконное скифское представление о единстве происхождения всех скифов. Такое твердое проведение этого начала в разных вариантах собственной скифской этногонии — вариантах, восходящих к разным греческим источникам, говорит о прочности представления самих причерноморских скифов о своем этническом родстве и единстве. Не чужда всем трем версиям мысль о передвижении племен на относительно близкое расстояние. Нет никакой надобности уходить в этом случае далее Нижнего Поволжья. Может быть, традиция Диодора — боспорский вариант скифских этногонических легенд.

Отсюда прямым следствием является геродотово представление о политическом единстве причерноморских скифов. Политическое единство скифов определялось Геродотом на основании ряда признаков. Прежде всего, это единство происхождения царского рода и его связь с легендой

[1] Б. Н. Граков. Скифский Геракл, КСИИМК, вып. XXXIV, стр. 7 и сл.

о происхождении всех скифов. Этот род господствует над всеми родственными скифскими племенами, как оседлыми, так и кочевыми. Господствующее племя считает всех остальных скифов своими рабами, кочует по территории всех этих племен и т. п., но нигде это господство не нарушает картину единства политического. Это единство со всей яркостью сказывается в эпическом повествовании, передающем, однако, истинные события, о вторжении персов. Триединое войско под общим руководством Иданфирса в своем отступлении проходит всю территорию причерноморских скифов от земледельческих областей в низовьях Дуная и Днепра до кочевий за Днепром и в Приазовье, возвращается по ним же обратно к устьям Дуная; где-то здесь выстраивается для последнего боя и конница и пехота скифов. Единство политическое, таким образом, здесь согласуется с родством этническим.

Не менее твердо на протяжении всего труда Геродота сохраняется представление этого автора о единстве охваченной этническим родством и политическим объединением территории. Она простирается, по его мнению, от Нижнего Дуная до Нижнего Дона. К северу она граничит с территорией определенных племен, которые несколько раз называются в одинаковой последовательности. Эта территория трактуется одинаково и в ученом рассуждении автора о происхождении скифов, и в итинерарии торгового пути к востоку, составленном по рассказам греческих и скифских купцов, и во всех тех местах, где описывается география этой страны, и, наконец, в стройном эпическом повествовании о вторжении Дария. Нужно предполагать у Геродота какую-то особую цель, чтобы считать, что идея этнического родства, политического и территориального единства скифов Причерноморья является его выдумкой.

Есть одно положение в описании Скифии Геродотом, которое кажется противоречащим основной проводимой им идее этнического родства и территориально-политического единства скифов Причерноморья. Это противоречие заключается в следующем: там, где дело касается этнографического описания, речь идет о кочевом образе жизни и вся Скифия представляется кочевою страною. Это противоречие, однако, не является препятствием к принятию идеи единства причерноморских скифов. Собственные свидетельства скифов об этом единстве, столь отчетливо сохраненные в их этногоническом предании, которое даже отвергается Геродотом, и поразительное проведение той же идеи в отрывках скифского героического эпоса о вторжении Дария достаточно ясно говорят за него. Говоря о непобедимости скифов, Геродот аргументирует ее следующим образом: «ведь народу, у которого нет ни городов, ни укреплений, который свои жилища переносит с собой, где каждый — конный стрелок, где средства к жизни добываются не земледелием, а скотоводством и жилища устраиваются на повозках, как такому народу не быть непобедимым и неприступным?» (Herod., IV, 46 = SC, ч. 1, стр. 22). Но тот же автор с неукоснительным постоянством подтверждает, что обычаи всех скифских племен, независимо от их племенной принадлежности и от типа их хозяйства одинаковы. При перечислении скифских племен он отмечает, что племена каллиппидов и алазонов «в прочих отношениях живут одинаково со скифами, но сеют и употребляют в пищу хлеб» и т. д. (Herod., IV, 17). Здесь подчеркивается единство обычаев при разном типе хозяйства. Повествуя об обычаях скифов (Herod., IV, 59—75), Геродот говорит не один раз об общности обычаев у всех скифов. Так, божества у всех скифов одни и те же, кроме Посейдона, которому поклоняются только скифы царские. Способ жертвоприношения животных одинаков для всех (πᾶσι) скифов. Совершенно одинаков всюду бог войны Арей, алтари которого есть во всех номах Скифии и везде устроены одинаково (Herod., IV, 62). В связи с культом этого общескифского божества автор описывает кровавые воинственные обычаи,

которые оказываются, таким образом, также общими для всех без различия скифских племен. Не разграничиваются и другие обычаи. Единство обрядов похорон подчеркивается тем, что тело умершего владыки скифов возят по территории всех подвластных племен, где его останки всюду принимают с одинаковым проявлением скорби и гостеприимства. И при жизни он также кочевал по всем скифским землям: и по земледельческим и по кочевым областям (ср. кочевки Иданфирса и Скила). Конечно, особенно отчетливо описаны эти обычаи у кочевых племен, и полностью только к ним одним может относиться упоминание о переносных жилищах и о скотоводстве как экономической основе их бытия. Грека более всего поражало у скифов все специфически кочевое, и он при описании их быта несколько дольше останавливался на этом. Весь контекст и тут безошибочно указывает на обычаи воинственного гиппотоксота как на свойственные всем племенам Причерноморья, независимо от типа их хозяйства.

Ниже мы остановимся на археологической культуре северопричерноморских степных скифов. Мы увидим, что действительно они долгое время не имели укрепленных городов ни на земледельческих, ни на кочевых территориях; погребения конных воинов обнаруживаются на территории явно земледельческих племен. Так, Аджигольский могильник, находящийся на территории, отводимой Геродотом вышеупомянутым каллипидам, как раз дает погребения конных воинов; а ведь отличительной чертой их хозяйства было возделывание хлеба. Мы увидим однообразие погребального обряда и многое другое, что на археологическом материале подтверждает нам единство обычаев собственных скифских степных племен, независимо от их оседлого или кочевого образа жизни. Единственное противоречие оказывается, таким образом, совершенно кажущимся. Этническое единство скифов представляется полным во всем, не исключая и обычаев, одинаково всюду воинственных. Ряд погребений конной скифской аристократии в земледельческих и в кочевых областях, по нашему мнению, указывает на наличие и у оседлых племен мощного слоя всадничества, ведшего, надо думать, кочевой образ жизни. Даже на более северных территориях, где была распространена лесостепная культура скифского типа, нескифская по этнической принадлежности, встречаются роскошные погребения всадников, владельцев табунов. Такова в особенности Литая могила в Черном лесу, инвентарь которой свидетельствует об участии погребенного в ней воина в походах на Урарту вместе с кочевыми степняками. Такова же, хотя и ограбленная, но несомненно принадлежащая всаднику и коневоду (по инвентарю) Старшàя могила в урочище Стайкин Верх на Суле [1]. Таким образом, эти обычаи распространились и по всей лесостепной полосе, где, как будет показано ниже, жили нескифские племена Геродота, державшиеся скифских обычаев.

Следует учесть при этом одно замечание Геродота, которое, думается, обычно понималось не совсем верно, о том, что самоназвание всех причерноморских скифов — «сколоты», а название «скифы» они будто бы получили от греков. Имя «Σκύθαι» не находит себе пока совершенно бесспорного иранского корня, но оно и не греческое. Еще до греков оно известно в ассиро-вавилонских клинописных текстах в формах «Iškuza» и «Ažkuza», в VII в. его употребляет Гесиод по отношению к населению Северного Причерноморья. Следовательно, греки распространили на сколотов это название, заимствовав его из какого-то местного источника. Найти этот источник было бы очень существенно. Существенно, прежде всего, потому, что это название Геродот относит к той группе племен, которую он рисует как этнически родственную.

---

[1] Е. М. Придик. Мельгуновский клад 1763 г., МАР, вып. 31 (1913); В. А. Ілліньска. Старша могила—памъятка архаічноіі Скіфіі. Археологія, V (1951), стр. 211.

Геродот называет в главе 99-й IV книги часть Скифии «древней Скифией» (ἀρχαία Σκυθίη) и определяет ее границы по берегу моря от Истра до города Керкинитиды. Каково бы ни было положение геродотова города, носящего это название, все же ясно, что термин «древняя Скифия» определяет главным образом территорию зависимых от скифов царских племен, так как именно в ней находилась Ольвия. С нею связаны предания о происхождении скифов и о священном золоте. Геракл приходит именно в эту часть Скифии, которая носила название древней Скифии. Именно там, куда он пришел, находилась многократно упоминаемая Геродотом лесистая область Гилея, реальность которой так хорошо подтверждена декретом ольвийцев в честь Никерата, сына Пания [1].

Есть у Геродота еще одно в высшей степени важное известие. В главе 81-й IV книги он указывает на разноречивость сведений своих осведомителей о количестве скифов. Согласно одному из мнений, собственно скифов мало (ὀλίγους ὡς Σκύθας εἶναι). В этом же контексте приводится и рассказ об Эксампее. Здесь какие-то «собственные скифы» находятся, очевидно, вблизи от Ольвии, жители которой были обстоятельно осведомлены, как видно из Геродота, о соседних племенах.

В числе племен, упоминаемых в декрете в честь Протогена, значатся, кроме миксэллинов, геродотовых эллинов-скифов, также какие-то скифы, стремящиеся найти защиту в стенах города. В своей заметке о значении термина «Σκύθαι» Б. Н. Граков пытался видеть в них скифов царских или скифов-кочевников. Это соответствовало его представлениям, ныне оставленным, о Скифии, включавшей в свои границы, кроме населения степей, преувеличенно большое количество, по А. А. Спицыну, «скифов-пахарей» лесостепи. Б. Н. Граков присоединяется теперь к тем, кто видит в саях скифов царских, т. е. к специалистам по языкознанию и к следующему за ними М. И. Артамонову. Среди скифов-сколотов было, думается, в массиве земледельческих племен небольшое племя, носившее имя скифов, жившее где-то вблизи от Ольвии и сообщившее свое имя «древней Скифии»; впоследствии, еще до эпохи Геродота, это название стало употребляться, в частности, в Ольвии, в применении ко всей массе политически объединенных скифами царскими родственных племен.

Итак, Геродот слышал в Ольвии слова «Скифия» и «скифы», употребляемые в двух значениях. Одно обозначало конкретное малое племя, и по нему называлась часть области, другое — все родственные и политические объединения, при обозначении которых названия более мелких подразделений стирались, а к слову «скифы» присоединялся эпитет, указывавший на особенность того или иного племени в хозяйстве, быту или политической жизни. Ранее Б. Н. Граков приписывал руководящую роль среди скифов Геродота скифам-номадам и скифам царским и поэтому неверно истолковывал термин «скифы» в декрете в честь Протогена, т. е. понимал его во втором значении этого термина у Геродота. Каменный архив Ольвии имеет бесчисленное множество пробелов. Названия соседних племен в нем почти отсутствуют. Но все же, в IosPE, I², № 226 Ольвия названа «Σκυθίας πόλις Ὀλβία». Вероятно, именно эта древняя собственная Скифия имеется в виду и у Гомера, упоминающего ее где-то за мисами и фракийцами. Безусловно, эту древнейшую, по Геродоту, часть Скифии, имел в виду Алкей, обращаясь к владыке Понта со словами: «Ἀχίλλευ, ὁ γᾶς Σκυθίκας μέδεις»[2]. Нет ничего невозможного в том, что и Страбон повторяет через иные руки прошедшее название исконной Скифии, ибо из его двух Малых Скифий, западночерноморской и задунайской, первая по размерам и территории в общем соответствует этой исконной

[1] IosPE, I², 34.
[2] SC, I, стр. 300 и 321.

Скифии [1]. Однако уже в контексте Геродота имеются прямые указания на то, что термин «скифы» или «Скифия» употребляется некоторыми писателями очень расширенно. Так, например, обычаи массагетов приписывались этими авторами иногда скифам. Расширенное понимание термина «скифы» ясно прослеживается в широком распространении его Гекатеем и Аристеем при передаче рассказа о вторжении скифов из Азии на племена, обитавшие вне пределов древнейшей Скифии, и, наконец, в сообщениях некоторых авторов о числе скифов (Herod., I, 216; IV, 11—13, 81).

Это чрезмерно расширительное применение термина «скифы» к племенам, сходным со скифами по обычаям или соседним с ними, или, наконец, к племенам, расположенным вдоль торгового сухопутного пути на восток, восходит еще ко времени до Геродота. Таково употребление этого термина даже у Гекатея Милетского. Он называет скифским городом Керкинитиду, а скифами меланхленов и исседонов, которых Геродот только сближает со скифами [2]. Кроме того, Гекатей перечисляет еще не менее пяти скифских племен в пределах Европы, которые, должно быть, обобщены под этим термином наподобие меланхленов. Во всяком случае, дошедшая до нас терминология Гекатея расходится в этом с этнической номенклатурой Геродота.

Предшественник и старший современник Геродота трагик Эсхил совершенно ясно отразил те конкретные представления о причерноморских скифах, квинтэссенцию которых мы находим в IV книге «Мидийских войн». Он твердо знает о том, что многолюдные племена скифов, именно кочевые, обитают вокруг Мэотийского озера [3]. Даже его название для Кавказа «Σκύθης οἶμος» — «скифская дорога»[4]— отражает вполне конкретное представление: Кавказ в эпоху Эсхила не был местом обитания собственно скифов; он лишь лежал на пути их военных набегов [5]. Зато позднейшие схолиасты в своих объяснениях лишь запутали дело, сообразно сложившемуся к их времени словоупотреблению, отнеся и Кавказ к числу областей Скифии [6].

В течение V, IV и III вв. до н. э. постепенно происходило превращение этнического понятия скифов и Скифии в условно географическое с перенесением его на огромные пространства. Как видно из трагедии «Рес», Еврипид отлично знает реальное соседство скифов и фракийцев и их нередко враждебные взаимоотношения [7]. Фукидид, в известном месте, где он сравнивает царство одрисов с царством скифов, исходит совершенно явно из представления о некоем политическом объединении последних, которое было известно ему, как реальность. Он всюду говорит о нем, как о совершенно определенном «царстве», которое противопоставляется другим народам [8]. Поэтому совершенно неверен вывод Д. П. Каллистова, будто бы Фукидид пишет здесь именно об отсутствии у скифов какого бы то ни было единого царства, которое обладало бы какой-либо прочностью. Д. П. Каллистов не обратил внимания на то, что автор видит у скифов мощную военную τὴν βασιλείαν. Он опирался только на последнюю фразу характеристики скифов о том, что они ни для кого непобедимы, «в случае их

---

[1] SC, I, стр. 126.
[2] SC, I, стр. 1—3.
[3] Aeschyli. Προμηθεὺς δεσμώτης, v. 433—435=SC, I, 333; там же, v. 735—737=SC, I, стр. 334.
[4] Там же, v. 2=SC, I, стр. 333.
[5] Так, — и это, конечно, верно,— толкует это выражение и А. А. Белецкий в статье «Значення праці И. В. Сталина «Марксизм і питання мовознавства» для розвитку класичной филологіі». Киевск. гос. университет. Филологический сборник, № 4 (1952), стр. 10; заимствуем у него это толкование
[6] SC, I, стр. 336.
[7] SC, I, стр. 346.
[8] Thucydides, II, 97=SC, I, стр. 351.

единодушия». В этом последнем выражении можно было видеть основание для отрицания скифского единого царства, о котором именно тут же говорит Фукидид, если заранее исходить из предварительного тезиса, заимствованного у последователей Марра, что у скифов «еще только начинает слагаться общность племен и общий язык возникает из самых различных в этническом отношении компонентов» [1]. После лингвистической дискуссии 1950 г. Д. П. Каллистов пересмотрел свои положения, но упомянутое место из Фукидида осталось при прежнем неверном истолковании. В своей популярной работе он прямо говорит: «Так, пользуется термином «скифы», например, Фукидид, у которого под ними следует понимать вообще все «варварские» племена, населявшие южную часть Восточной Европы» [2]. Между тем Фукидид сопоставляет царство одрисов с царством скифов, а царство последних противополагает остальным варварским народам и Европы и Азии. Таким образом, при невнимательном отношении к тексту получился противоречащий действительному его содержанию смысл.

На всем протяжении IV и III вв. до н. э. обе тенденции переплетаются, но господствует конкретно-историческое понимание, согласно которому скифы и их царство находятся в определенной части Северного Причерноморья. Псевдо-Гиппократ знает конкретных скифов, но присоединяет к ним савроматов, уже перешедших на правый берег Танаиса. Перипл псевдо-Скилака очень точен в определении страны скифов: она менее распространена на восток, чем Скифия Геродота (савроматы уже в Европе), но не менее конкретна и в общем с нею совпадает. Эфор, в передаче Страбона, при всей своей тенденции идеализировать нравы скифов, прекрасно осведомлен об их обычаях и месте их обитания. Феопомп в своих «Филиппиках», как они сохранились у Страбона, Юстина, Оросия, Полиена и Фронтина, хорошо знает территорию царства Атея и историю его столкновения с Филиппом. Даже предание об Амаге, царице сарматов, и об ее столкновении со скифами и союзе с херсонесцами, хотя и носит характер приключенческой новеллы, содержит представления о конкретной причерноморской Скифии. Отрывки из Диодора Сицилийского, почерпнутые из близких Боспору источников, полны той же исторической конкретности и знания этнографии и географии собственной Скифии. Даже Страбон, там, где он описывает Крым или события из истории войн скифов с Херсонесом и полководцами Митридата VI, не путает причерноморских скифов с другими племенами соседних территорий [3], хотя для него обычно при собственно географических описаниях широко обобщительное употребление этнического термина «скифы» с распространением его на ряд сарматских и даже среднеазиатских племен и народов. Позднее скифы были вытеснены из представлений античных писателей сарматами. От этого времени сохранились лишь краткие и отрывочные, но совершенно конкретные эпиграфические документы, сообщающие о скифах, их стране и царстве. Об этом говорил Плиний: «Имя скифов постоянно переходит на сарматов и германцев (Scytharum nomen usquequaque transit in Sarmatas atque Germanos) [4].

Итак, скифы представляют собой, прежде всего, некое родственное по языку северовосточного иранского типа этническое целое, объединенное обычаями, территорией, даже политически, и разделенное на ряд «ἔθνεα», более точный этнический смысл которых пока окончательному истолкова-

[1] Д. П. Каллистов. Очерки по истории Северного Причерноморья, Л., 1949, стр. 102. Здесь автор несамостоятелен, полностью следуя за П. Н. Третьяковым.

[2] Д. П. Каллистов. Северное Причерноморье в античную эпоху, М., 1952, стр. 23.

[3] См. все означенные места из древних писателей в SC.

[4] Plin. NH, IV, 81=SC, II, стр. 172.

нию не поддается. Мы видели наличие пришлых и местных элементов в этногонических преданиях; видели общность иранского языка у всех кочевых по крайней мере и у большей части земледельческих племен. Иранисты указывают на исключительную реальность иранского языка-основы и на его первичную территорию — Хорезм. Итак, отсюда неизбежно следует, что пришлые из Средней Азии «иранцы» застали в Северном Причерноморье какое-то население, которое слилось с пришельцами и приняло их язык. Нет ничего невозможного в этом; напротив, вполне вероятно, что поглощенные племена отчасти были фракийскими, отчасти киммерийскими, поскольку часть киммерийцев, по Плутарху, осталась на старом месте. Предание о восстании детей рабов и скифских женщин говорит нам, что в Крыму было завоевано население, этнически смешавшееся затем со скифами, но всегда остававшееся им подчиненным. Часть самих скифов откололась от основного ядра, слившись с мэотами и образовав ираноязычных савроматов. Судя по сообщению Дионисия Галикарнасского и по ниже приводимым данным о передвижении в конце II тысячелетия до н.э. с Волги и Дона на территорию Скифии носителей срубной культуры, переселение было относительно недалеким и, может быть, «иранство» самих пришельцев было уже вторичным. Образование новой этнической общности скифов должно было вполне закончиться к началу VII в. до н. э., так как в это время вторгшиеся в Ассирию племена уже носят название скифов, т. е. принятое позднее греками наименование уже присваивалось всем воинственным временным завоевателям Мидии. Частное имя небольшого приольвийского племени стало названием части страны и ряда племен еще до греков.

Представление о приходе иранцев и о слиянии их с частью местного населения, принявшего их язык, прочно установилось в науке на основании сведений древних авторов и данных языкознания. Этого мнения придерживались многие ученые. Ф. Энгельс писал в 1881—1882 гг., освещая вопрос о последовательности расселения отдельных групп индоевропейцев: «Самыми ранними пришельцами были греки и латины, завладевшие обоими юго-восточными полуостровами Европы; тогда же, вероятно, пришли и ныне исчезнувшие скифы, обитатели степей к северу от Черного моря, народ, ближе всего родственный северо-персидским племенам» [1]. Говоря о столь раннем расселении, Энгельс, вероятно, руководствуется первым преданием Геродота, где, очевидно, преобладает описание земледельческих скифов.

Из советских историков подобного мнения придерживались (в большей или меньшей степени) Б. Д. Греков, Ю. В. Готье и многие другие. М. И. Артамонов еще недавно называл такую точку зрения грубейшим заблуждением, не доверяя сведениям Геродота и все-таки, в конце концов, вопреки своим же гиперкритическим рассуждениям, довольно удачно указал на передвижение с востока носителей поздней срубной культуры, которое хорошо согласуется с передвижением азиатских скифов на запад [2]. Отождествив затем едва ли верно катакомбную культуру Приазовья с северокавказской культурой Прикубанья, так как сходство этих культур никак не есть тождество, М. И. Артамонов принял точку зрения О. А. Граковой о поглощении в Приазовье и Северо-Западном Причерноморье срубной культурой катакомбной культуры, киммерийцев же с Керченского полуострова перенес в Прикубанье. М. И. Артамонов пересмотрел свои точки зрения в пользу теорий представителей сравнительного языкознания. В его книжке «Происхождение славян» теория, упомянутая выше и принятая многими историками, опровергается тем, что скифы не

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 341.

[2] Ср. эту тему у М. И. Артамонова («К вопросу о происхождении скифов», ВДИ, 1950, № 2, особенно стр. 37—39).

могли встретиться с киммерийцами в Северном Причерноморье, так как «основная область киммерийцев находилась не в Поднепровье, а в другом месте — в Прикубанье» [1]. Такое обращение с письменными источниками представляется нам неосторожным и сочетание их с археологическими данными не может служить серьезным аргументом против разделяемой нами и другими исследователями теории. Поэтому мы не считаем нужным отказываться от своих прежних основных утверждений о путях образования собственно причерноморских скифов.

Неуверенность в полной точности показаний Геродота все еще оставляет спорным вопрос об этнической принадлежности скифов-пахарей (а для некоторых ученых и алазонов). Ниже будет показано, почему следует считать, что локализация их на карте М. И. Артамоновым неверна. А. И. Тереножкин и В. А. Ильинская помещают это племя между Бугом и Днепром [2], что хорошо согласуется с геродотовскими данными (Herod., IV, 52). Нельзя совершенно отрицать, что, согласно описанию его у Геродота, это племя могло находиться в пределах северной части нынешней Кировоградской области по правобережным притокам Днепра. Культура этой территории по ряду черт родственна степной скифской, но по керамике, погребальным сооружениям и некоторым типам жилищ она заметно отличается от степной, особенно в VII—VI вв. до н. э. Конечно, лишь на основании сходства материальной культуры для столь позднего времени нельзя утверждать с полной уверенностью существование этнической и, следовательно, языковой общности. Кроме того, скифы-пахари могли занимать очень малую территорию, жить не так далеко на север и быть носителями скифской степной культуры. Вообще для сколько-нибудь определенного разрешения этого вопроса требуется основательное археологическое изучение обоих берегов Южного Буга между Николаевом и областью распространения вещей типа Немировского городища. До тех пор помещение скифов-пахарей севернее или южнее, чем это делают теперь, будет зависеть от субъективных соображений исследователя. Даже место обитания алазонов, довольно точно указанное Геродотом, археологически по сей час совершенно не изучено. На этом среднеднепровском субстрате позднее выросла раннеславянская культура полей погребений. Поэтому, если скифы-пахари жили в Среднем Поднепровье, то при отсутствии прямых доказательств все же может предполагаться для скифов-пахарей славянская, а не фракийская и не иранская принадлежность, хотя вероятнее здесь подразумевать только языковый субстрат раннего славянства.

Итак, античная письменная традиция употребляла термин «скифы» с конца IV по II в. до н. э. в двояком смысле. По первой традиции, восходившей для нас к Геродоту, группа западнопричерноморских и приазовских степных племен связывалась происхождением, языком и обычаями в одно этническое целое. К тому же это было некое политическое объединение, во главе которого стояли скифы царские, кочевые по образу жизни. Эту традицию сохраняла литература и после Геродота, когда она касалась конкретных исторических событий в этих местностях. Еще конкретнее это звучит в немногочисленных надписях. Согласно другой традиции, это понятие расширялось до пределов очень широких и неопределенных, включая в понятие «скифов» (и «Скифии») все племена, которые по образу жизни или по географическому соседству близки были к конкретным скифам, пока, наконец, с I в. до н. э. за этим термином почти ничего определенного для греков Средиземноморья уже не скрывалось и когда он сохранил

---

[1] М. И. Артамонов. Происхождение славян, Л., 1950, стр. 27.

[2] А. И. Тереножкин — в нескольких статьях в КСИИМК и «Археологии», в особенности его статья в «Археологии», т. VII; В. А. Ильинская. О скифах-пахарях и будинах Геродота. КСИИМК, вып. XII, стр. 28 и сл.

конкретное в территориальном и этническом смысле значение только в немногочисленных эпиграфических документах.

У дореволюционных русских историков и филологов установилось двоякое употребление этого термина: различались, с одной стороны, собственно причерноморские скифы, с другой — название скифов употреблялось для разных племен степного и лесостепного юга. Ясным пониманием этой двойственности терминологии из употреблявших ее лиц отличались только филологи-классики и лингвисты (В. Ф. Миллер, Ф. А. Браун и др.). Ф. Ф. Мищенко, как переводчик Геродота, посвятил ряд статей скифо-сарматской проблеме. Их наиболее краткий и ясный компендиум можно найти в его статье «Скифы» в энциклопедическом словаре Брокгауза. В ней видна и трудность всего вопроса в целом, и ясность представлений о разных значениях этого термина. Ф. Ф. Мищенко пишет: «Скифы — собирательное имя многих народов, частью оставшихся в Азии, частью переселившихся в Восточную Европу... Наличность в Европейской Скифии арийского, и частнее иранского элемента, установлена убедительно проф. В. Ф. Миллером; только следует искать его не в господствующей части скифского населения Южной России, а в тех зависимых от царских скифов пахарях и каллиппидах, которые жили в старой Скифии, будучи оттеснены сюда более воинственными завоевателями, и представляли много общего с сарматами, также вероятнее всего принадлежавшими к иранской ветви» [1]. Скифов царских Ф. Ф. Мищенко не считал иранцами, опираясь на псевдо-Гиппократа и сомневаясь в данных Геродота по этому вопросу. В. В. Латышев со всею отчетливостью применял термин [2] в его конкретно историческом понимании и в отношении собственных причерноморских скифов, разделяя в общем точку зрения Ф. Ф. Мищенко и не вдаваясь в лингвистические детали. Историки предреволюционного периода придерживались этой же двойственной терминологии. Эта эпоха для историков России казалась по большей части далекой и малоинтересной. Те же из историков, которые охотно объявляли скифов славянами, не делали полного анализа всех данных, а высказывали свое мнение, либо основываясь на внешнем облике скифов, на сходстве отдельных обычаев, либо по случайным соображениям (Д. И. Иловайский, И. Е. Забелин, Д. Я. Самоквасов), подчас совсем игнорируя данные сравнительного языкознания.

Из историков, соединявших в своей работе стремление использовать письменную традицию и археологические данные, особенно выделяется М. И. Ростовцев. Его концепция, сложившаяся уже к 1917 г., нашла яркое выражение в его популярной работе «Эллинство и иранство на юге России» (1918) и в фундаментальной сводке «Скифия и Боспор» (1925), где им рассмотрены все доступные ему источники. Согласно концепции М. И. Ростовцева, скифы, иранцы по языку и культуре, подчинили себе в Причерноморье киммерийцев и другие местные племена и создали здесь феодальную державу вроде Хазарского каганата или Золотой Орды. Эта концепция и по сей день удерживается в буржуазной литературе Запада. В построениях М. И. Ростовцева видную, но очень своеобразную роль играет понятие трехэлементности скифской культуры, сложившейся из греческих, «иранских, собственно персидских» и местных доисторических элементов. Хотя о роли последних автор говорит часто, но по существу не исследует их вовсе, выделяя в первую голову «иранские» элементы, которые, по его мнению, были основными. Географические границы этой смешанной культуры захватывают «не только Причерноморье, но включают

[1] Энциклопедический словарь Брокгауза, XXX, полутом 59, стр. 202, 204.

[2] Особенно в своей диссертации «Об истории и государственном устройстве города Ольвии», СПб., 1887, стр. 18, 19 и др.

на востоке и Нижнее Поволжье, Прикубанье и Приуралье, в центре всю почти область Дона и Днепра, Буга и, быть может, Днестра, на западе же заходят как в нынешнюю Пруссию (клад Феттерсфельде), так и значительно вверх по Дунаю (находки в Добрудже, Венгрии и Болгарии)». В политические же границы Скифского царства входило якобы и (при этом «несомненно») «все северное побережье Черного моря, включая и Керченский пролив, а также все Прикубанье, хотя Геродот об этом и не говорит»[1]. М. И. Ростовцев усиленно отстаивает родство киммерийцев с фракийцами. Киммерийские-де племена и покорившиеся им племена — позднейшие синды, мэоты и савроматы — постепенно усвоили и культуру скифов «и даже их язык, очевидно не очень разнившийся от языка, на котором говорили указанные племена» [2].

Итак, неведомые, отчасти, может быть, фракийские, языки первичных насельников Северного Причерноморья не очень разнились от иранского языка скифов. Несамостоятельный в области лингвистики, М. И. Ростовцев здесь впал в совершенно неприемлемую вульгаризацию понятия генетического родства индоевропейских языков. Иранство культуры, языка и племени сливаются у него воедино, неотделимы друг от друга. Вопиющим методическим недочетом работ этого автора, обусловленным порочностью его методологии, является полное игнорирование материала городищ скифской эпохи, даже в какой-то мере изученных к его времени, каковы хотя бы Немировское, Бельское и Белозерское городища, и приемы хронологической датировки, состоящей в оперировании с греческим импортом, как ее основою, причем очень часто несколько соседних курганов бывали относимы к тому времени, каким датировалась греческая вещь, найденная в одном из них. В результате — множество хронологических, а отсюда и исторических ошибок, углублявшихся полным игнорированием развития форм местной материальной культуры. От хронологической схемы М. И. Ростовцева, особенно для ранних этапов скифской культуры, следует решительно отказаться.

Второй значительной фигурой в предреволюционном скифоведении был А. А. Спицын (умер в 1930 г.). Ему мы обязаны правильным для того времени подходом к решению основных вопросов скифоведения: 1) он разработал в первичных формах хронологическую систему, основанную на учете развития форм местных вещей, 2) поставил вопрос о взаимной связи Побужья и Поднепровья с Гальштатом, 3) впервые выделил лесостепную культуру скифского времени, присвоив ее памятникам условное название «курганы скифов-пахарей», 4) первый разбил эту культуру на относительно узкие локальные варианты[3]. Эта разбивка проводилась по прежним губерниям, что снижает ее достоинства и, к сожалению, ее автор не связал эту культуру, что было бы явно ближе к истине, с нескифскими племенами Геродота и этим надолго отвлек внимание исследователей от правильного пути для сопоставления исторической канвы с археологическими памятниками. А. А. Спицын вел немало полевых изысканий по скифской тематике: важнейшее из них — раскопки Немировского городища, проводимые им вместе с Гамченко[4]. Но в одном отношении он сделал шаг назад сравнительно с правильными соображениями И. Е. Забелина и Н. И. Веселовского: расширяя чрезмерно территорию продвижения сарматов из-за Дона в IV в. до н. э., он отнес к сарматам позднескифские богатые курганы Нижнего Приднепровья, так называемые царские, несмотря на то, что и И. Е. Забелин и Н. И. Веселовский верно определяли

[1] М. И. Ростовцев. Эллинство и иранство на юге России, Пг., 1918, стр. 34—35.
[2] Там же, стр. 33—34.
[3] А. А. Спицын. Курганы скифов-пахарей, ИАК, вып. 65 (1918).
[4] А. А. Спицын. Скифы и Гальштат. Сборник в честь А. А. Бобринского, СПб., 1911, стр. 155 и сл.

время этих курганов. М. И. Ростовцев в хронологии этих курганов принимал датировку своих двух указанных выше предшественников и, надо сказать, здесь его дополнительные соображения являются плодом весьма точного формального анализа.

В. А. Городцов (умер в 1945 г.) не был скифологом, но со свойственной ему широтой интересов и пониманием важности изучения мест поселений, он провел единственные в своем роде до революции раскопки Бельского городища, показавшие всю важность изучения такого рода памятников[1].

Многие другие археологи, трудами которых сложились основные фонды скифских памятников в наших дореволюционных музеях, не пошли дальше описательных отчетов. Таковы А. А. Бобринский, Н. И. Веселовский, Н. И. Макаренко и др.

Таким было положение скифологии перед самой революцией. Главным было накопление больших, богатых, но очень односторонних фондов. Были высказаны верные лингвистические соображения, но в исторической интерпретации дальше циклического построения М. И. Ростовцева дело не пошло.

К середине 20-х годов XX в. сформировалась лингвистическая школа Н. Я. Марра. Из области языкознания вредное влияние этой школы проникло и в археологию. Претендуя на основную роль в решении вопросов этногенеза, археологи марровского толка более или менее механически переносили в свою науку понятие стадиальности, изображая развитие материальной культуры как ряд культурных взрывов в одном и том же обществе, развивавшемся на одной и той же исконной территории. В результате родился беспочвенный автохтонизм как панацея для объяснения всех изменений в первобытном обществе. Согласно концепции Марра, каждое общество на более или менее узкой территории переживало будто бы одну стадию развития за другой, на испытывая почти никаких внешних влияний и почти ничего не заимствуя у соседей. В то же время изучение конкретного археологического материала позволяло предполагать возможность и автохтонного, и миграционного пути сложения этнических групп. Порочность языковедческих толкований новой «школы», допускавшей всякие произвольные сопоставления, привела к тому, что многие археологи преувеличивали значение своего материала, как единственно достоверного. Между тем, определить язык, т. е. основной признак принадлежности того или иного племени или народности к той или иной этнической общности, по этому материалу невозможно.

Это положение не могло не сказаться и в интересующей нас непосредственно области — в скифоведении. Н. Я. Марр создал понятие скифской стадии, в силу которого скифы были носителями стадиально иного языкового «яфетического» слоя, поверх которого легли иранские элементы, свойственные только языку высшего слоя скифского общества. Язык скифов представлялся, таким образом, по меньшей мере двуприродным, а сами скифы — конгломератом неродственных по происхождению многоязычных племен. При этом игнорировалось историческое и языковое единство скифов. Однако это понимание отлично от взглядов некоторых дореволюционных историков и филологов, употреблявших двойственный термин «скифы». Те во всяком случае хотя бы за частью скифов признавали языковое племенное родство и во всяком случае за причерноморскими скифами — некое политическое единство. Культура скифов в представлении последователей Н. Я. Марра в свою очередь «состоит как бы из трех слагаемых: из древних местных элементов, восточных и элементов греческих»[2]. В этих утверждениях, строго говоря, повторялся

[1] В. А. Городцов. Результаты раскопок в Зеньковском уезде Полтавской губернии. Тр. XIV АС, т. III, стр. 93—161.

[2] П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена, М.—Л., 1948, стр. 26 и 27.

М. И. Ростовцев: верхний слой иранских завоевателей и гибридная скрещенная трехэлементная культура. Понятие генетического родства скифских племен не допускалось. «Скифы не могли бы сложиться без появления железного топора и железного меча, без распространения кочевого скотоводства в европейских степях и пашенного земледелия на Днепре»[1]. Скифы, по мнению археологов-марристов, не продукт этнического родства по происхождению, а особая стадия развития общества.

Н. Я. Марр, на основе своего четырехэлементного анализа, фантастически сближал этнонимы «скифы», «славяне», «сколоты», «склавины», даже «иберы», «киммеры» и т. д.[2] При этом, чем дальше, тем запутаннее становилось понятие скифского языка. В более ранних произведениях Н. Я. Марра шла речь лишь о возможном наличии в скифском языке «яфетических», т. е. кавказских элементов. Далее скифский язык оказался более ранней — «яфетической» стадией языков Северного Причерноморья. Легковесное отношение к данным лингвистики позволило почти отождествить понятие скифов и славян, считая повсеместно в Европе первых за обязательных предков последних. Отсутствие славянского начала в скифских глоссах и именах не стесняло неразборчивых адептов Марра. За этой крикливой неразберихой невольно следовали ученые-неспециалисты в вопросах славянского этногенеза, как, например, П. Н. Шульц и П. Н. Надинский. Они не оставляли этих неудачных утверждений даже после лингвистической дискуссии 1950 г.[3]

Близко касался вопросов скифоведения А. Д. Удальцов. С середины 30-х годов, приняв стадиальное учение Н. Я. Марра и считая скрещение разных равноценных элементов основою этногенеза и процесса образования языков, этот автор затрагивал вопрос о скифах в связи с проблемою славянского этногенеза. Он принимает термин «скифы» только в одном собирательном смысле, не учитывая его двойственности, и толкует кочевые племена скифов как иранские, каллиппидов и земледельцев как иллиро-фракийские, алазонов как родственные прикубанским сарматам, скифов-пахарей и невров как протославянские. Такое одностороннее использование античного термина «скифы» и совершенно случайное в лингвистическом смысле сопрягание отдельных племен с той или иной группой индоевропейских языков проистекали неизбежно из принятия марровской концепции обязательности разноязычного скрещения в глоттогенезе и по существу ничего не имеющего общего с двойственным пониманием термина «скифы» у языковедов и филологов. А. Д. Удальцов дал яркие образы «лингвистических» построений вроде возведения этнонима «авзоны» через «арспестов» Птолемея к «руси» и «паралатов» Геродота через «палов» (Диодор), «споров» (Прокопий), «спалеев» (Плиний) и «спалов» (Иордан) к «полянам» при помощи сако-согдийского термина «спор»—плуг. Эти сопоставления, сводящиеся к ничего не дающим созвучиям, вполне в стиле «школы» Н. Я. Марра. Но все же введением понятия протославян А. Д. Удальцов хотя бы подчеркивал генетическое единство современных славян; он считал, что прямыми предками славян из скифов могли быть только «скифы-пахари», которым он противопоставлял в этом отношении собственно степные племена. В то же время он писал: «Племена Среднего Поднепровья скрещивались со своими соседями, превращаясь постепенно в протославян с протоиллиро-фрако-киммерийской подосновой и с иранизированным верхним слоем, увязанным

---

[1] П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена, М.—Л., 1948, стр. 27.
[2] Н. Я. Марр. Избр. соч., т. V, в разных местах.
[3] «Советский Крым» № 2, стр. 116; № 5, стр. 71; № 6, стр. 152 в особенности и другие работы П. Н. Шульца; П. Н. Надинский. Очерки по истории Крыма, вып. 1, Симферополь, 1951, стр. 16 и сл.

с верхними слоями господствующих в Северном Причерноморье сакских протоиранских племен, скифов-кочевников и скифов царских»[1].

Повторяя тезис о возможности вхождения части скифских оседлых племен в число предков славян, А. Д. Удальцов возрождал совсем не марровскую, а вполне вероятную домарровскую концепцию. Но он не сделал в этом отношении шага вперед, не отнес этих предков к нескифским племенам Геродота, а смешал вместе представления прежних лингвистов, историков и археологов.

П. Н. Третьяков самостоятельно и несколько раньше пришел в вопросах славянского этногенеза к сходным с концепцией А. Д. Удальцова взглядам[2]. Естественно поэтому, что в более позднее время он солидаризировался с А. Д. Удальцовым, но развил его положения еще последовательнее. Он видел в скифах только разноплеменное неродственное по происхождению население и, опираясь на мнения прежних ученых, так или иначе видевших в скифах предков славян, а более всего на мнения Н. Я. Марра, приходил к выводу, что «в большей степени предками славян, чем каких-либо других народов, являлись, несомненно, земледельческие племена Западной Скифии... Предками славян были бесспорно и невры, и меланхлены, и ряд других племен, обитавших во времена Геродота в более северных и западных районах»[3]. Воскресив дореволюционную традицию о земледельческих племенах скифов как о предках славян, автор, однако, «преобразовал» ее в марровском духе, изобразив славян результатом многоочажного стадиального развития и скрещения разнородных племен. Он повторил и поверхностные сопоставления славян — склавин — Колоксая — Сколоксая — сколотов и паралатов — спаралатов — споров, по Н. Я. Марру и А. Д. Удальцову. Скифы рассматривались им как результат сложного многоэлементного скрещения, возникшего в связи с переходом к железу, а не как результат слияния местных племен с иранцами по языку, язык которых оказался языком-победителем. Именно результатом этого слияния явилось формирование этнически единых скифов на ограниченном пространстве степей Приазовья и Северо-Западного Причерноморья, вне зависимости от земледельческого или кочевого скотоводческого характера их хозяйства[4].

Во всяком случае, при полной прежней ориентировке обоих указанных авторов на марровское учение в вопросах этногенеза, нельзя не отметить, что и П. Н. Третьяков и А. Д. Удальцов ограничивали связь славян со скифами лишь частью племен лесостепи. В этом их положительное достижение: они не идентифицировали этих понятий, как сам Н. Я. Марр. Их ошибка заключалась в признании скифов одним из многих этнических источников возникновения славян путем сложного скрещивания и стадиального взрыва.

М. И. Артамонов приложил в некоторых своих работах, а особенно в статье «Этногеография Скифии» все усилия к тому, чтобы отвергнуть те данные об этническом родстве собственно скифов, которые есть у Геродота. Его рассуждения иногда затрагивают лингвистические вопросы, причем, например, сопоставление этнонима «каллипиды» и имени «Липоксай» приводит его к превращению первых в «мирных липов». Здесь

[1] А. Д. Удальцов. Начальный период восточнославянского этногенеза. «Вопросы истории», 1943, № 11—12, стр. 67 и сл.; его же. Основные вопросы этногенеза славян, СЭ, VI—VII, 1947, стр. 4 и сл.; его же. Происхождение славян в свете новейших исследований, М., 1950.

[2] П. Н. Третьяков. Северные восточнославянские племена. МИА, № 6, стр. 9 и сл.

[3] П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена, М.—Л., 1948, стр. 22 и сл., особенно стр. 32 и 33.

[4] В настоящее время П. Н. Третьяков полностью пересмотрел свои точки зрения и близок по взглядам к нашей гипотезе. См. «Восточнославянские племена», изд. 2-е, М., 1953, стр. 45—66.

налицо образец такого неожиданного отношения к вопросам лингвистики, при котором просто игнорируются элементарные требования лингвистического сопоставления.

Наряду со «школой» Н. Я. Марра существовала группа не только лингвистов, но и археологов, не принимавшая учение Н. Я. Марра. Археологи этой группы возглавлялись покойным В. А. Городцовым. Однако их тактика была всего лишь тактикою игнорирования и замалчивания, активные же выступления не шли дальше прений по докладам или коротких критических замечаний в лекционных курсах, но не проникали в печать. Тем не менее и в работе этих ученых не могло не сказаться, против их воли, тлетворное влияние теорий «школы» Марра. Не принимая идеи стадиальности и скрещения как единственного пути в развитии языков и племен, отдельные представители этой группы все же следовали иногда без достаточных оснований принципу автохтонности, заменяли термин «археологическая культура» термином «стадия», и переоценивали значение автохтонности в вопросах этногенеза и происхождения археологических культурных комплексов. Так делал А. В. Арциховский, в остальном не только не признававший Н. Я. Марра и его принципов в приложении к археологии, но бывший его резким противником, в курсе «Введение в археологию»; в вопросах этнической и языковой принадлежности скифов и позднее сарматов он придерживался общих взглядов, установившихся в сравнительном языкознании[1]. Б. Н. Граков, один из авторов настоящей статьи, всегда придерживался приемов сравнительно-исторического анализа языковых фактов и соответствующих теоретических взглядов, как это можно видеть из посвященных языку отделов его работ по эпиграфике и из статьи о пережитках матриархата у сарматов[2]. Трактуя вопрос о языковом и этническом родстве скифов с позиций сравнительного языкознания, он полагал, что ираноязычная среда победила местные языки на всем огромном пространстве степей и лесостепей, но допускал существование в числе последних и яфетических, по Марру, т. е. кавказского типа языков. Между тем, у Н. Я. Марра нет в сущности никаких доказательств такого существования, кроме голой декларации в первых статьях о скифском языке. В этом проявилось недостаточно критическое отношение к тому, что выдавалось бездоказательно Н. Я. Марром за факты[3].

Скифологи немарристы переоценивали понятие скифской культуры и не различали собственно скифские степные племена от нескифских племен лесостепи. Они слишком расширяли территорию скифского этнически родственного массива на основании широкого распространения определенных форм оружия, конских украшений и звериного стиля. Этим в полной мере грешит и популярная книжка Б. Н. Гракова «Скифы», где вопрос о внутреннем членении скифской культуры и территории геродотовой Скифии почти не затрагивается.

Сообразно со своею последней точкой зрения, согласно которой он считал, вслед за А. А. Спицыным и М. И. Ростовцевым, что ираноязычные скифы были распространены на огромном пространстве степей и лесостепей, Б. Н. Граков первоначально совершенно не интересовался ролью скифов в славянском этногенезе. Он склонен был считать, что племена лесостепи сыграли немалую роль в образовании славян, но как языковый и этнический субстрат славянства, а не как предшествующая стадия развития. Этот взгляд, думается, следует в известной степени сохранить и теперь, но в племенах лесостепи следует видеть не собственно скифов, а какие-то нескифские, но сходные с ними по культуре племена. Впрочем, Б. Н.

[1] А. В. Арциховский. Введение в археологию, М., 1947, стр. 94 сл.
[2] Б. Н. Граков. Γυναικοκρατούμενοι, ВДИ, 1947, № 3, стр. 100 сл.
[3] Б. Граков. Скіфи, Киев, 1947, стр. 21.

Граков этого вопроса специально не разрабатывал и не разрабатывает, не считая себя специалистом в вопросах славянского этногенеза[1].

В высшей степени различно реагировали последователи Н. Я. Марра в вопросах скифологии на выход в свет работы И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», доказавшей полную научную несостоятельность марризма. А. Д. Удальцов принял теорию языка-основы, лишь в очень малой степени подвергнув критике свои марристские ошибки в прошлом[2]. М. И. Артамонов не преминул, почти не упомянув о своих марристских увлечениях, сразу встать на позиции сравнительного языкознания. Однако он сохранил привычку решительного отношения к толкованию и использованию языковых явлений. Так, например, он говорит о близком родстве славян с фракийцами, якобы установленном сравнительным языкознанием и на этом основании считает процесс превращения фракийцев в славян очень легким. Между тем это родство не многим более, чем между любыми другими двумя ветвями языков индоевропейской семьи. Попрежнему им демонстрируются совершенно сомнительные этимологии вроде вышеупомянутых «каллиппидов» — «мирных липов». Попрежнему он не допускает языкового родства оседлых и кочевых племен скифов, вопреки данным геродотовой традиции и сравнительного языкознания. Собственно скифские племена, по его мнению, никак не могут быть родственными по языку. На этом основании, как и раньше, отвергается возможность при скрещении вытеснения иранским языком фракийских наречий. Перестройка геродотовой карты по своему усмотрению, с переселением киммерийцев на Кубань и скифов-пахарей на Днестр, оставляется в силе. Удерживать теперь эти положения значит на деле продолжать прежнюю линию в вопросах использования языковых и филологических материалов и преувеличивать роль археологических данных в этнических определениях для столь позднего времени, как скифская эпоха[3].

Совершенно необоснованной точки зрения об якобы не установленной языкознанием принадлежности скифов к той или иной группе родственных языков придерживается Д. П. Каллистов в своей популярной книжке «Северное Причерноморье в античную эпоху». Он отчасти пересмотрел свои прежние установки, признал языковое и этническое родство причерноморских скифов. Но совершенно непонятно, почему он продолжает игнорировать отнюдь не гипотетические данные об ираноязычии собственных скифов, говоря о разноречивости мнений ученых [4], тогда как ни одного серьезного лингвистического учения в другом смысле не выдвигалось ни в конце XIX, ни в XX вв.

П. Н. Третьяков, сообразно своим интересам, коснулся прежде всего вопроса о сложении славян. Постепенно отказываясь от идеи скрещения в марровском духе, П. Н. Третьяков в то же время наряду с энгельсовским понятием сегментации языков искал выхода в теории контакта покойного Бубриха, которая, по собственному заявлению ее создателя, базировалась на марровском понятии стадиальности и скрещения. Родство части скифских племен между собою по языку как-то затушевывалось: ираноязычие допускается только для кочевников. Но все же П. Н. Третьяков, преодолевая влияние Н. Я. Марра, ищет иных форм этногенеза. Он справедливо отверг возможность видеть в любых скифах прямых предков славян и в скифском государстве в Крыму начало славяно-

[1] Б. Г р а к о в. Скіфи, стр. 93. О языковом и этническом субстрате в понимании сравнительно-исторического языкознания см. Б. В. Г о р н у н г. К постановке вопроса об исторической общности индоевропейских языков. ИАН СССР, Отд. литературы и языка, 1950, т. IX, вып. 5, стр. 340—341.

[2] Тезисы докладов сотрудников ИИМК по методологии этногенетических исследований, М., 1951, стр. 5—8.

[3] М. И. А р т а м о н о в. Происхождение славян, Л., 1950.

[4] Д. П. К а л л и с т о в. Северное Причерноморье в античную эпоху, стр. 47.

русской государственности. Он не вполне и не сразу оставил мысль о возможности считать предками славян некоторые земледельческие племена[1]. П. Н. Третьяков ныне стоит на позициях сравнительного языкознания и теории языка-основы. Однако переоценка археологического материала в вопросах этногенеза у него иногда еще налицо, равно как и склонность применять термин «протославяне» к любой группе позднее ославяненных, но ранее иного языкового корня племен[2].

Учение Марра тормозило работу в области скифской археологии и истории прежде всего тем, что давало ей неверное направление, препятствовало развитию не только теоретических исследований, но и полевых изысканий. Так, например, признавая важную роль местных элементов в сложении народов и племен, археологи, принимавшие на веру учение Н. Я. Марра, стремились искать эти местные элементы в греческих городах или вблизи от них. Поэтому в полевых исследованиях они ограничивались дельтою Дона, где имели дело с городищами, подвергавшимися сильнейшей эллинизации и собственно греческими (Елисаветовское и Недвиговское городища), или городищами Кубани, где степень эллинизации достигала особенно большой силы, а выявление местных элементов было этим ограничено. Или они преувеличивали роль местных элементов в ранние эпохи развития собственно греческих городов, в силу чего греческие города объявлялись то греко-скифскими, то скифо-греческими; без достаточных доказательств писалось о том, что эти города обязательно должны были быть основаны на местах туземных поселений. Характерна реакция, возникшая против этого антиисторического толкования даже в работах прежних последователей Н. Я. Марра. Например, чрезвычайно осторожный и стремящийся к выводам из точных данных А. А. Иессен писал об отсутствии в большинстве случаев определенных археологических материалов, свидетельствующих об основании греческих городов на месте туземных поселений. Наиболее веским аргументом в пользу подобных выводов, по его мнению, является «явно негреческая топонимика большинства греческих городов (например, Пантикапей, Фанагория, Гермонасса и др.)»[3]. Но здесь заключается явное недоразумение: два последних названия безусловно чисто греческие. Если и допустить, как это сделал С. А. Жебелев, возможность так называемой народной этимологии для слова «Ольвия», причем он принял в этом случае во внимание и соображения Марра[4], то нельзя ждать во всех сходных случаях такого же приема словотворчества. Потребовалось энергичное вмешательство покойного В. А. Городцова, который, подобно тому, как в дореволюционное время на примере Бельского городища, в начале и середине 30-х годов на примере Елизаветинского городища под Краснодаром, показал всю ценность полевого исследования собственно варварских глубинных городищ скифского времени. До того времени городища и селища скифского времени не копались, а почти исключительно обследовались археологами-энтузиастами из краеведов: А. А. Потаповым, Н. Фуксом на Харьковщине и Полтавщине, М. В. Покровским и Н. В. Анфимовым на Кубани[5]. После

[1] «Вопросы истории», 1950, № 10, стр. 1—18.

[2] Тезисы докладов сотрудников ИИМК к совещанию по методологии этногенетических исследований, М., 1951, стр. 9—14. См. также его «Восточнославянские племена», изд. 2-е, М., 1953.

[3] А. А. Иессен. Греческая колонизация Северного Причерноморья, Л., 1947, стр. 58 и сл., особенно стр. 68.

[4] С. А. Жебелев. Счастливые города, ИГАИМК, вып. 100.

[5] М. Фукс. Про городища скітської доби на Харьківщині, ЗВУАК, 1930, вып. 1, стр. 91 и сл.; М. В. Покровский и Н. В. Анфимов. Карта древнейших поселений и могильников Прикубанья, СА, IV, стр. 265 и сл.; Н. В. Анфимов. Новые данные к истории азиатского Боспора (Семибратнее городище), СА, VII, стр. 258, и сл.; его же. К вопросу о населении Прикубанья, в скифскую эпоху, СА, IX, стр. 241 и сл.

В. А. Городцова и по его примеру начали раскапывать скифские городища и другие исследователи. Б. Н. Граков на средства районного Никопольского музея, Г. Д. Смирнов и И. В. Фабрициус на средства Института археологии АН УССР приступили к раскопкам городищ на Нижнем Днепре, Тясмине и Буге. Основной же разворот все эти работы получили только после Великой Отечественной войны. Немалую роль в этом сыграли и разведки краеведческого типа: шире стали развертываться работы Н. В. Анфимова в Прикубанье, первые разведочные обследования П. Н. Шульца на территории крымской части Скифии. Интереснейшие раскопки П. Н. Шульца, А. И. Карасева и Н. Н. Погребовой на городище Неаполь на Салгире, С. Ф. Стржелецкого и П. Н. Шульца на поселениях тавров, Н. В. Анфимова на городищах Кубани, М. И. Артамонова, Г. Д. Смирнова, А. И. Мелюковой на городищах Побужья и Поднестровья, И. В. Фабрициус на Среднем и Б. Н. Гракова на Нижнем Днепре, В. А. Ильинской в Посулье, А. И. Тереножкина и Е. Ф. Покровской на Тясмине открыли множество новых данных по экономике, быту и истории скифов и родственных им по материальной культуре нескифских племен Геродота, а также мэотов, синдов, тавров и др. Едва ли не самыми важными являются раскопки П. Н. Шульца в Неаполе на Салгире, давшие материал для изучения позднейшей стадии развития собственно скифской культуры, в степях, особенно в Крыму, и изыскания А. И. Тереножкина на Среднем Днепре, перебросившие мост между эпохою бронзы и скифскою эпохою. Во многих случаях и другие раскопки дали совершенно новые результаты. Впрочем, мы уже видели, что результаты самых лучших раскопок нередко служили и посейчас служат для самых невероятных выводов, иногда с сохранением марровских веяний.

Меньше внимания уделялось в последние годы раскопкам курганов и могильников скифского времени. Следует отметить раскопки курганов под Никополем на Украине, ведшиеся районным музеем совместно то с Институтом археологии АН УССР, то с ИИМК АН СССР и МГУ: эти курганы расширили наше представление о быте рядового свободного населения собственно скифских степных племен. Вскрытие курганов вокруг Киева и на Буге несколько, но явно недостаточно подытожило наши сведения о курганах лесостепной полосы, относящихся к скифскому времени. В упрек обеим Академиям наук, и Союзной и Украинской, приходится поставить полное прекращение раскопок больших курганов этой эпохи и в степных и в лесостепных районах. В Крыму эти изыскания заброшены совсем. Даже великолепный мавзолей в Неаполе Скифском — случайное открытие: его начали копать, предполагая, что будет открыта крепостная башня. Раскопки Краснодарским музеем и Пединститутом, а совместно с ними и вслед за ними ИИМК и ГИМ могильников на Кубани открыли совершенно новую картину развития мэотского населения с VI в. до н. э. и его позднейшего соседства и культурного синкретизма с пришлым сарматским населением. Это открытие по новизне и общеисторическому значению равняется крупнейшему открытию скифо-сарматской археологии в задонских, заволжских и уральских степях, где силами куйбышевских, саратовских, чкаловских и челябинских краеведов, а также работников Москвы (отчасти ГИМ, отчасти ИИМК) было вскрыто много сотен курганов с погребениями от скифского времени до начала раннего средневековья. Полученная здесь картина непрерывного развития культуры от VI в. до н.э. до древнейших алан, культуры, распространившейся затем на «сарматские» степи Украины, несколько обесценивается только тем, что до сих пор еще не удалось разыскать поселений этих племен. Исключение представляет собой только городище «Чудаки», открытое близ Челябинска и тщательно раскопанное К. В. Сальниковым[1].

[1] КСИИМК, вып. V, стр. 69 и сл.; СА, IX, стр. 221 и сл.

В предвоенные и послевоенные годы вышло довольно много работ по скифской археологии, особенно частных описаний и изданий материалов раскопок. Обобщающих же работ пока еще очень мало, к тому же они либо представляют собой отдельные статьи по вопросам о государстве, социальном развитии и т. п., либо имеют характер популярный. Таковы статья М. И. Артамонова в изданной на правах рукописи «Истории СССР» и популярная работа Б. Н. Гракова «Скифы». Первая малодоступна и, при хорошей для предвоенного времени фактической основе, содержит в зародыше ряд ошибочных положений автора. Вторая имеет ряд существенных недостатков, о которых писалось выше и будет сказано ниже в связи с вопросом о картах Геродотовой Скифии.

Вопрос о скифском государстве находится в состоянии обсуждения. Мы его здесь не коснемся: ему посвящен был на конференции одним из авторов этой статьи отдельный доклад, изложенный Т. Д. Златковской в «Вестнике древней истории» за 1952 г. и А. И. Мелюковой в «Кратких сообщениях ИИМК»[1].

В советское время велась работа и над вопросом размещения скифских племен на географической карте. В этом вопросе, однако, исследователи не пришли к определенным выводам. В последние годы были опубликованы одна за другой 4 карты, отражающие положение дела в науке, но они не дают общего решения. Рассмотрим их в хронологическом порядке выхода их в свет.

В 1947 г. Б. Н. Граков приложил карту к своей популярной книжке «Скифы»[2]. Он исходил из понимания Скифии и скифов, расширенного до пределов широкого распространения в степях и лесостепях Черноморья и Украины сходных предметов звериного стиля, сбруи и оружия; ранее эти пределы считались обычно границами археологической культуры. Естественно, что при таком взгляде нескифские народы Геродота оказались в лесной полосе РСФСР, в тех местах, где распространены городища юхновской, дьяковской и городецкой культур. Между тем Геродот, хотя и подчеркивает нескифскую принадлежность невров, будинов, андрофагов и меланхленов, но всякий раз оговаривается об их скифском образе жизни, обычаях и т. п. Археологические же данные о лесных городищах рисуют быт, почти лишенный предметов скифского обихода. В этом автор указанной работы усматривает теперь основную ошибку своего построения. Кроме того, им слишком отнесены на север, вопреки Геродоту, границы распространения скифов-земледельцев, в духе расширительного термина А. А. Спицына скифы-пахари. Это распространение неверно и потому, что оно, как и терминология Спицына, не оттеняет скифского характера быта нескифских племен Геродота. Что же касается номенклатуры рек, то Б. Н. Граков следует в ней преимущественно за Ф. А. Брауном, и до сего времени не находит, что бы могло ее заменить. Итак, на карте Б. Н. Гракова 1947 г. следует переместить нескифские племена Геродота из степи в лесостепь.

В 1948 г. появилась книжка П. Н. Третьякова «Восточнославянские племена», к которой, между прочим, приложена карта «Геродотова Скифия»[3]. Эта карта не является продуктом самостоятельного исследования автора и имеет в его работе служебный характер. В ней именно в силу этого отразились разновременные и различного происхождения мнения. Расположение нескифских племен более или менее соответствует данным карты С. М. Середонина[4]. Расположение приольвийских племен, как и

---

[1] ВДИ, 1952, № 3, стр. 177—178; КСИИМК, вып. XLIX, стр. 156.

[2] Б. Граков. Скіфи.

[3] П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена, М.—Л., 1948, стр. 26, рис. 3.

[4] С. М. Середонин. Историческая география, Пг., 1916.

более восточных, сходно с размещением их на карте Б. Н. Гракова. За Геррос принимается почему-то Северский Донец. Серьезнейшей и непонятной ошибкой является отрыв скифов-земледельцев от берега моря и Нижнего Днепра и переселение их далеко на север к Киеву и Полтаве. За чей счет надобно отнести эту ошибку, неясно. Впрочем, автор не претендовал на самостоятельность в составлении такой карты. Но, конечно, нельзя усомниться в том, что в книге, посвященной этногенезу, возможно более точное и самостоятельное мнение в рассматриваемом вопросе было бы очень уместно. Это тем более важно, что проблема этногенеза славян и роли скифов в их происхождении была запутана самим П. Н. Третьяковым, пытавшимся примирить общие установки учения Н. Я. Марра с историческими и археологическими данными.

М. И. Артамонов внес нечто существенно новое в построение карты Скифии. Он, исходя из геродотовского понятия о нескифских племенах, подобных по обычаям скифам, считает, что эти племена должны были жить в пределах распространения археологически сходных культур, носящих общее название скифской культуры. Еще недавно этот ученый держался в общем взгляда о совпадении Скифии Геродота и территории археологической скифской культуры в прежнем ее понимании в пределах степи и лесостепи РСФСР и УССР[1]. Однако со временем он изменил свой взгляд и, следуя отчасти за Ф. Брауном и Д. М. Щербаковским, пришел к указанному выше основному принципу [2]. Этот момент исторической традиции—указание на различие между собственно скифскими и отнюдь не скифскими, но со скифскими обычаями племенами—явно должен быть принят во внимание при составлении карты Скифии по Геродоту. Ему должна соответствовать и археологическая карта. Считаем это положение М. И. Артамонова исключительно ценным. Но практическое выражение этого принципа М. И. Артамоновым вызывает очень много возражений. М. И. Артамонов кладет погребальные обряды и сооружения в основу определения территории племени. Нет слов, он совершенно прав, что это признак довольно устойчивый. Однако в Киевщине, и северной части Кировоградской области нередко в одно и то же время в одной и той же курганной группе в обряде и сооружениях встречается пестрота. На Ворскле, Суле и Среднем Дону обычаи несколько однообразнее, но и здесь они имеют свои варианты и т. д. Кроме того, автор отказывает каллиппидам (эллинам-скифам) в племенном единстве на основании кажущейся пестроты в устройстве погребальных сооружений в Петуховском и Аджигольском могильниках. Но эта пестрота только кажущаяся: в V в. здесь устраивались погребения в узких ямах, крытых деревом, а позднее, как и во всей степи от Ольвии до р. Обиточной, в подбоях и катакомбах. Автор распределяет племена на карте, различая их по погребальному обряду. Но его археологические районы неравноценны. Это происходит от того, что автор не расчленил культуру лесостепи от совершенно иной не только по погребальным сооружениям, но и по другим признакам отличающейся археологической культуры степей, о которой речь впереди и которой в целом соответствует территория самих геродотовых скифов.

М. И. Артамонов склонен считать, что остается невыясненным, «доживает ли катакомбная форма могилы до появления железа и скифского периода в Нижнем Поднепровье»[3]. Раскопки курганов эпохи бронзы в Никопольской излучине Днепра, а в последние годы на р. Молочной, показывают, что последовательность смены погребальных обычаев, установленная

[1] История СССР, М.—Л., 1939 (макет), ч. I—II, стр. 216 и сл.

[2] М. И. Артамонов. Венеды, невры и будины в славянском этногенезе. ВЛГУ, 1947, № 2; его же. Этногеография Скифии, УЗЛГУ, вып. 13, 1949, стр. 129—171, карта Скифии (по Геродоту) на стр. 170.

[3] М. И. Артамонов. Этногеография Скифии, стр. 135.

В. А. Городцовым, в целом остается в силе и на Нижнем Днепре, и в Западном Приазовье. В этой связи совершенно неожиданно сопоставление со срубными погребениями частокольных сооружений Бессчастной могилы из раскопок Д. Я. Самоквасова, так как эти сооружения являются в действительности одним из поздних вариантов древнеямных погребений. Еще безнадежнее попытка объяснить сооружения в царских могилах, описанные Геродотом, как шалаши. Это недоразумение основано на неточном русском переводе геродотовского описания: о шатре или шалаше там нет никакой речи. В греческом тексте (Herod., VI, 71) лишь сказано, что сверху ямы кладут дерево и нет указаний на то, что это дерево кладется на копья, о которых только говорится, что они втыкаются по сторонам трупа (ἔνθεν καὶ ἔνθεν). Тем случайнее истолкование как постройки типа шалаша сооружения в кургане из урочища Дерт-оба в Крыму. Вообще же указание на отличия крымских курганов от соседних степных верно. Вывод о принадлежности северных крымских степей скифам-кочевникам М. И. Артамоновым больше ничем не доказывается. Мы не останавливаемся на толковании сооружений в курганах у городища на Белозерском лимане, которое у М. И. Артамонова в общем правильно. Ниже мы остановимся на ином этническом истолковании их. Совершенно гипотетичны формы погребений, приписываемые алазонам, и локализация этого племени. Скифы-пахари локализуются в Подолии, где имеется особый тип погребальных сооружений. При этом упускается из виду, что Геродот помещает урочище Эксампей и границу земли алазонов и скифов - пахарей между Днепром и Бугом (Herod., IV, 81). Поэтому перенесение этого последнего племени полностью в Подолию идет вразрез с письменной традицией. В настоящей статье мы подробнее остановимся на подольской группе памятников и отметим ее особенности. В четвертой главе «Этногеографии Скифии» М. И. Артамонова рассмотрена локализация нескифских племен Геродота. Из всего этого очерка виден гипотетический (таким его считает и сам автор) характер этой локализации. Но шагом вперед является перенесение территории всех этих племен в лесостепь. Вызывает лишь решительные возражения объединение без каких-либо серьезных аргументов гелонов и будинов в одну группу.

М. И. Артамонов многократно говорит о своих построениях, как о гипотезе. Но эта гипотетичность всего построения в целом не смутила его, когда речь коснулась воззрений Геродота на скифов, как на этническое единство. Он относит иранские элементы языка только к скифам царским и спешит на основании своей этногеографии изъять остальных «западных» скифов из этого дурного общества. Случайные звукосопоставления привели М. И. Артамонова к опровержению у Геродота того, что у него достовернее всего. Именно в этой статье впервые необоснованные сопоставления превращают греческое патронимикон каллиппидов, т. е. «потомков прекрасноконных отцов», в «мирных липов», и т. д. и т. п. Данные сравнительно-исторического языкознания здесь подчинены марровскому представлению о невозможности языкового родства в результате общего происхождения. Для этого сначала пришлось отказать скифам-пахарям в той географической области, которую им отвел Геродот, а затем и им и всем остальным геродотовым скифам — в языковом и этническом родстве[1]. Как же после этого можно строить что бы то ни было, основываясь на данных Геродота, если не доверять ему в самом основном, о чем он говорит с особой уверенностью? Попрежнему он, не смущаясь данными Геродота и сравнительного языкознания, заявляет, что иранский этнический элемент играл главенствующую роль только среди кочевого населения степи и что коренным населением Скифии «в первую очередь» являлись «земледельческие племена Подо-

[1] См. М. И. Артамонов. Этногеография Скифии, 1949.

лии», вопреки их локализации, по Геродоту, прежде всего между Бугом и Днепром. Основная ценная мысль автора сводится на нет, и даже прекрасные археологические сведения его обесцениваются подчинением их предвзятым идеям марровского типа.

После работы М. И. Артамонова, отчасти следуя за ним, выступила И. В. Фабрициус со статьей «К вопросу о топографизации племен Скифии»[1], к которой приложена карта памятников скифского типа VII—V вв. до н. э. В этой статье 14 «регионов», т. е. местных вариантов скифской культуры, объявляются прочной основою «для восстановления этнокарты Скифии». С обстоятельной рецензией об этой статье выступил А. И. Тереножкин[2]. Он весьма точно указал ошибки И. В. Фабрициус в произвольном толковании Геродота и в перемещении будинов и гелонов на запад до Тясмина включительно. Автор рецензии справедливо отмечает это представление, как и упорное повторение И. В. Фабрициус легенды о гелонах-греках. Странно звучит ее утверждение о том, что городища лесостепной полосы вроде Бельского — либо полисы, либо торговые фактории греков. Едва ли где-нибудь роль греков в истории нашей страны могла быть так преувеличена, как здесь. А. И. Тереножкин склонен видеть в обитателях этой области скифов-пахарей. Этого предположения, конечно, совершенно отвергнуть нельзя. Прав рецензент и тогда, когда он обращает внимание на то, что для подкрепления безудержного автохтонизма И. В. Фабрициус приходится прибегать к данным Е. Н. Мельник-Антонович, сумбурно относившей к одному времени и катакомбные, и срубные, и скифского времени памятники[3]. И. В. Фабрициус не только ссылается на эти данные, но и повторяет поверхностные выводы Е. Н. Мельник, игнорируя работы В. А. Городцова и других ученых, доказывающих последовательность развития степных культур с эпохи энеолита. Резко отрицательная оценка А. И. Тереножкиным работы И. В. Фабрициус вполне справедлива. Мы избавлены благодаря этому от необходимости подробно останавливаться на статье И. В. Фабрициус. Укажем, впрочем, на то, что оперирование с пресловутым геродотовским «квадратом», наиболее слабым и схематическим сообщением этого автора, привело И. В. Фабрициус к совершенно неожиданному утверждению о том, что и Скифия Геродота и его нескифские племена помещались только в пределах теперешней Украины.

Идея отнесения некоторых районов скифской культуры лесостепи преимущественно к нескифским племенам Геродота, т. е. то основное положительное, что есть, по нашему мнению, в построении М. И. Артамонова, донельзя искажено в этом произведении И. В. Фабрициус и теряет в ее интерпретации историческую основу. Но эта идея хорошо и с критическим подходом к выводам М. И. Артамонова проведена в работах В. А. Ильинской. Исходя из итинерария геродотова торгового пути, В. А. Ильинская с известной долей вероятия предполагает, что возможным местом расселения будинов является Харьковщина и Воронежская область[4]. В своей диссертации «Памятники скифского времени Посулья» В. А. Ильинская склонна была помещать на Суле меланхленов[5]. Это вполне возможно, но, конечно, является лишь гипотезою.

Таким образом, кое-что для создания карты геродотовой Скифии уже сделано. Общим достижением являются опыты построения этой карты на археологической основе, более или менее общая локализация

[1] «Археологія», т. V, 1951, стр. 50 сл.

[2] ВДИ, 1952, № 2, стр. 147 сл.

[3] Е. Мельник. Раскопки курганов в Харьковской губернии 1900—1901 гг., Тр. XII АС, т. 1, 1905, стр. 85 сл.

[4] В. А. Ильинская. О скифах-пахарях и будинах Геродота, КСИИМК, вып. XL (1951), стр. 28—33.

[5] В. А. Ильинская. Памятники скифского времени Посулья (автореферат диссертации), Киев, 1949, стр. 13.

основных собственно скифских степных племен и включение в число носителей сходных культур лесостепи нескифских племен Геродота.

Учение Н. Я. Марра, проникшее в скифскую археологию, нанесло огромный теоретический и практический вред этой науке. Переоценка археологических данных в вопросах этногенеза, игнорирование полностью языковых данных или поверхностное отношение к их толкованию, антиисторическое перенесение стадиальных концепций и теории скрещивания в область археологии—главные результаты влияния этого учения. Последователи Н. Я. Марра, отрицая родство племен и языков, упорно применяли античную терминологию «скифы» ко множеству неродственных племен и вносили поправки в положительные данные Геродота и других авторов об этническом и политическом единстве причерноморских скифов (П. Н. Третьяков, М. И. Артамонов и особенно С. П. Толстов). В результате это дезориентировало историков, например, Д. П. Каллистова, у которого признание родства племен по языку оказалось соединенным с разноплеменностью.

Теперь невозможно больше, как это нередко делалось раньше (П. Н. Шульц, П. Н. Надинский), производить славян от любых племен, носивших название скифов, в конкретном ли или в условном смысле. Отсюда прямым следствием является задача выяснить, какие из нескифских племен Геродота и в какой мере могут претендовать на роль прямых или косвенных предков части славян или хотя бы, какие из ираноязычных скифов, утратив свой прежний языковый облик, могли влиться в славянскую этническую общность. Это одна из важнейших задач, коль скоро собственные скифы во всем составе на роль предков славян претендовать не могут. Собственные скифы и их нескифские, но по культуре сходные со скифами соседи должны изучаться как «...те племена и народности, которые... имели свою экономическую базу и имели свои, издавна сложившиеся языки»[1]. Именно так, как народность или группа родственных племен, а не как расплывчатый и обязательный предок восточных славян, должны изучаться собственно степные скифы. Сейчас мы уже имеем археологические данные, по которым можно показать, что собственно степные скифы и на кочевых и на земледельческих территориях имели свою археологическую культуру, покрывавшую также и племена придонских мэотов, культуру, отличную во многом от культур этого же времени в лесостепи. Это подтверждает правильность соображений М. И. Артамонова о различии племен нескифских, по Геродоту, от племен собственно скифских, но и опровергает в то же время его ошибочное мнение о неродстве собственных скифов между собой. Его же мысль о нескифских племенах как основных насельниках лесостепи получает подтверждение; остается лишь открытым, и то на время, вопрос об их точном распределении на карте. Полевые изыскания год от году так пополняют наши сведения, что немудрено ожидать в очень недалеком будущем более точного разделения лесостепных культур на локальные варианты. Само собой разумеется, что единичный признак, вроде погребального обряда, которым оперировал М. И. Артамонов, для этой цели служить не может.

Когда будут изучены в степной полосе собственные скифские племена, закончится спор, ведущийся из-за отрывочности данных, о том, при Атее или при Скилуре сложилась скифская государственность. Во всяком случае, совокупными усилиями всех советских скифологов уже сейчас решительно опровергнуто построение М. И. Ростовцева о скифской феодальной державе иранских рыцарей-завоевателей и его идея о какой-то особой природе скифской иранской культуры,— мысли, столь близкие последователям Н. Я. Марра, которые от Ростовцева открещивались и в то же время его повторяли.

Уже сейчас можно сказать, изучая проникновение с севера и запада

[1] И. В. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, 1953, стр. 12—13.

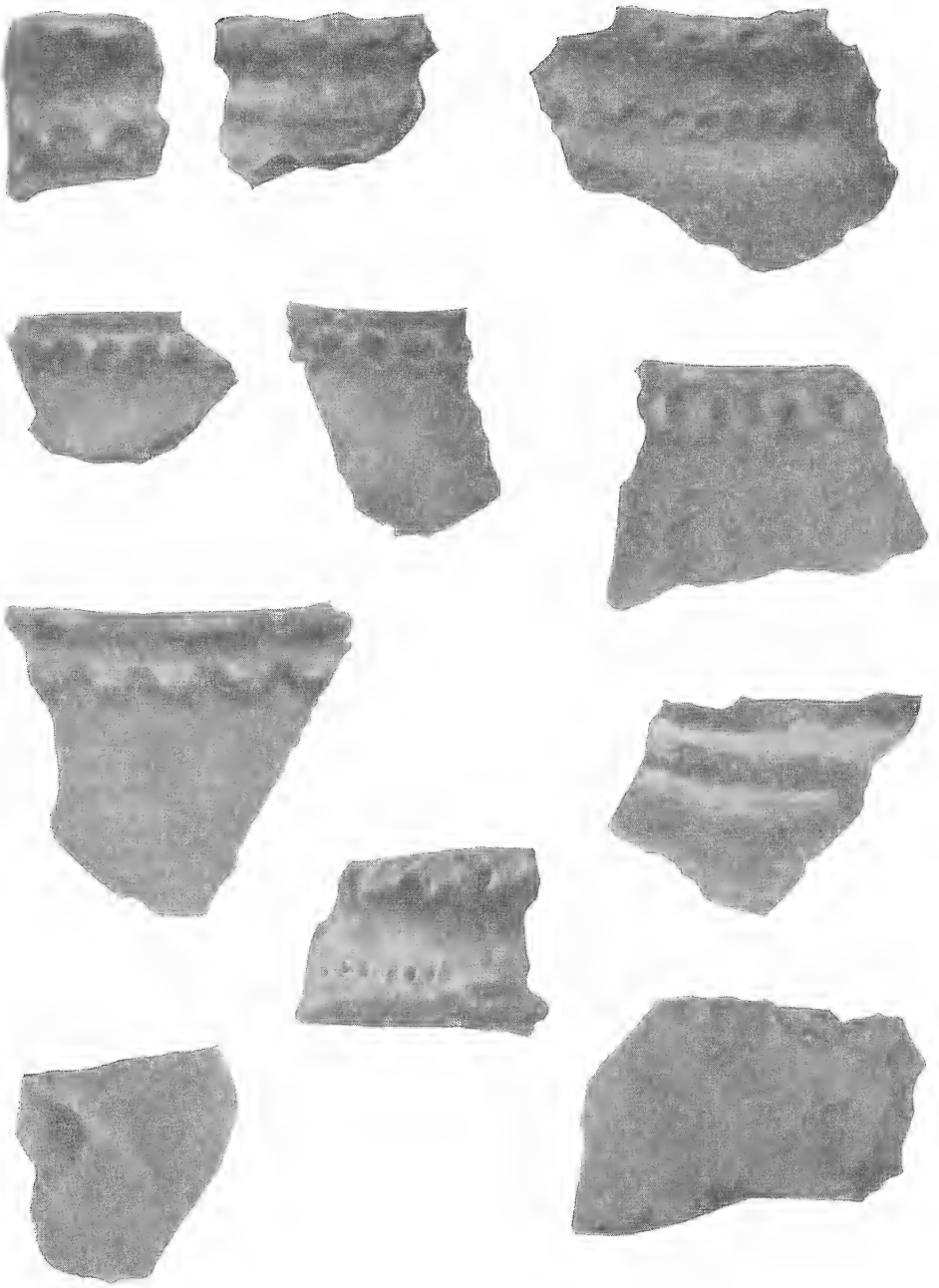


Рис. 1. Керамика с поселения «Широкая балка».

черт раннеславянской культуры полей погребений в толщу скифской степной культуры по Днепру и Бугу, что культурное влияние славян на скифов началось еще во II в. до н. э. А появление в III—IV вв. н. э. славянских поселений и могильников в районах поздних собственно скифских городищ, лишь намечавшееся при работах 1946—1950 гг., в настоящее время в результате развертывания археологических охранных работ в районе Каховского гидроузла оказалось надежно засвидетельственным; становится очень вероятным, что нижнеднепровские скифы, и земледельцы и кочевники, подчинились новой культуре и влились хотя бы частью в состав ранних славянских племен, потеряв свой язык. Не все ясно в этом процессе, но мощный поток новых археологических открытий поможет выяснить и некоторые детали этого процесса. Так, в конкретно-историческом смысле, а не в силу предвзятой теории, начинает разрешаться вопрос об участии скифов в славянском этногенезе.

В начале настоящей работы было отмечено доказываемое разными данными этническое родство большинства собственных скифских степных племен. Подтверждение этому находится и в данных археологии. В собственно скифскую эпоху, т. е. с VII по III в. до н. э., на всем протяжении степей от окрестностей Одессы до дельты Дона наблюдается поразительное единство культуры в археологическом смысле. На всем этом протяжении, включая и Крым, корни материальной культуры скифского времени уходят в эпоху поздней бронзы. В конце II тысячелетия до н. э. в Северное Причерноморье надвинулись с Нижнего Поволжья и Дона носители поздней ступени срубной культуры и заняли все Приазовье, северо-западные причерноморские и крымские степи. Этим движением было охвачено значительное пространство. О. А. Кривцова-Гракова условно назвала эту культуру киммерийской[1]. Однако наличие скифов уже в IX—VIII вв. до н. э. на территории украинских степей невольно заставило видеть в носителях этой культуры скифов, тем более, что территория исторических киммерийцев более связана с Керченским полуостровом, но не со всеми степями Приазовья и Причерноморья. Б. Н. Граков предполагал, что было два периода передвижения: более ранний и более поздний, и что жившие в соседстве киммерийцы и скифы уже с раннего времени были сходны по культуре, так что передвижение вторых археологически трудно заметить. Б. Н. Граков вообще склонен видеть в движении срубной культуры с востока отмеченное Геродотом передвижение, но это передвижение не было стремительным, как ему кажется, а постепенным. Эта постепенность выражена в длительности этого процесса, что наблюдается, в частности, по следам ранних влияний срубной культуры на катакомбную[2]. Позднесрубная культура характеризуется небольшими открытыми поселениями с полуземлянками и каменными на глине домиками. Керамика же ее представляет собою дальнейшее и сильно меняющееся со временем развитие форм посуды ранней срубной культуры. Ко второй половине VII в. из нее развилась ранняя культура уже исторических собственных скифов. Хорошими примерами поселений этого раннего времени, в которых отчетливо наметились основные элементы керамики степной скифской культуры, могут служить Широкая балка, у самых стен Ольвии (рис. 1)[3] и поселение Обиточная 12, раскопанное О. А. Кривцовой-Граковой в 1949 г. Последнее, к сожалению, до сих пор не опубликовано. Оно несколько древнее, чем Широкая балка. В нем сохранились остатки землянки, довольно больших

[1] О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник. Труды ГИМ, вып. XVII, стр. 153 сл.

[2] Б. Граков. Скіфи, стр. 18; М. И. Артамонов. К вопросу о происхождении скифов, ВДИ, 1950, № 2, стр. 43 сл.

[3] Б. М. Рабичкин. Поселение у Широкой балки, КСИИМК, вып. XL, стр. 114 и сл.

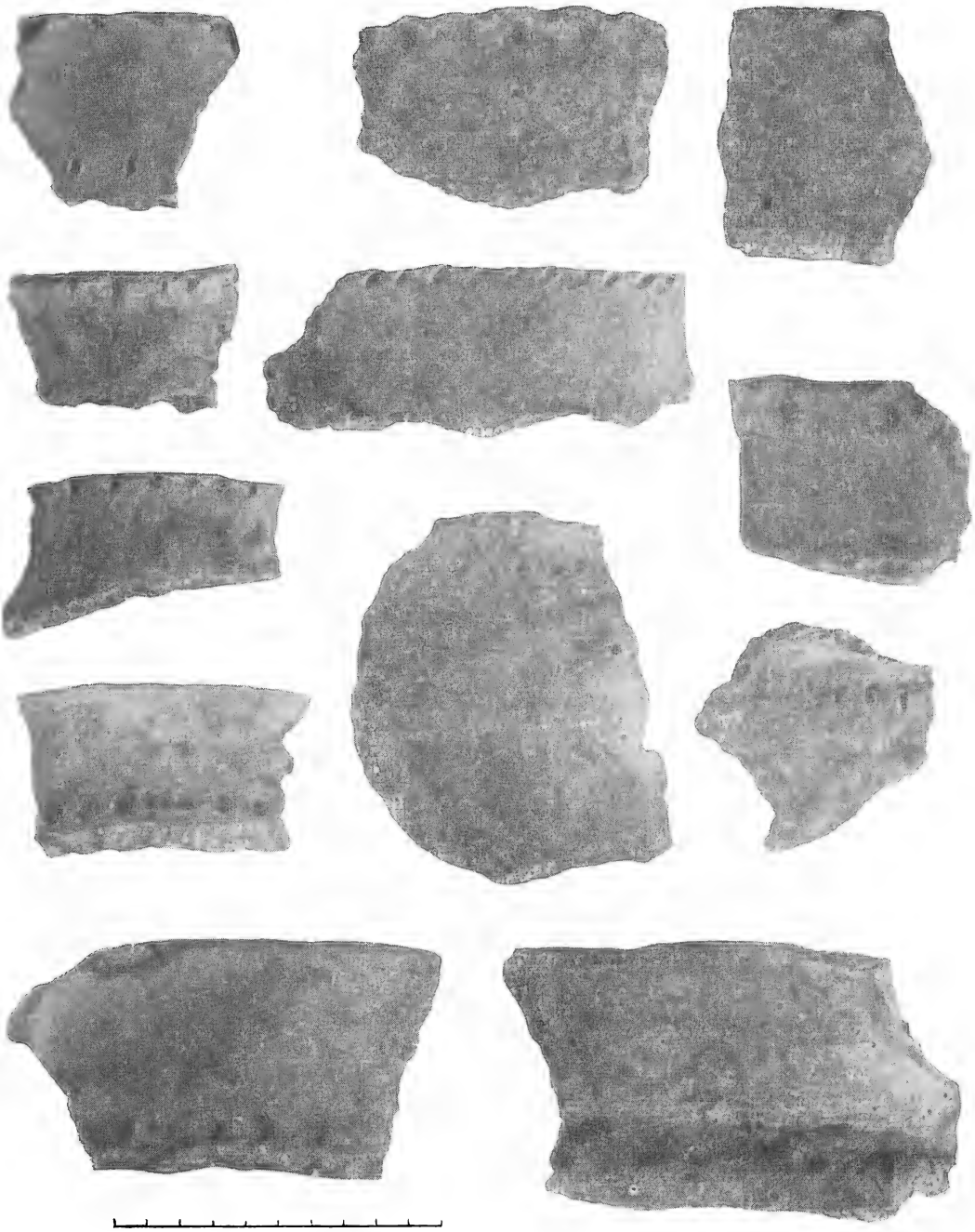


Рис. 2. Характерные образцы керамики, найденной на Каменском городище.

размеров. Керамика часто (процент еще не установлен) имеет под бортиком налепной валик обычно с косою нарезкою или просто гладкий. Преобладают горшки с шейкой и округлыми плечиками. Баночные сосуды весьма редки. Найдено несколько обломков от ручек амфор.

Поселение Широкая балка расположено у самой Ольвии. В нем обнаружено 4 прямоугольные и 2 круглые полуземлянки. У одной из прямоугольных две стенки, у второй только одна обложены камнями; в одном случае при этом прослеживается полигональная кладка по греческому образцу. Длина полуземлянок от 2,70 до 3,80 м; ширина от 2,30 до 3,60 м. Диаметр круглых жилищ 3—3,5 м. Во всех жилищах полы были смазаны плотным слоем глины. Сохранились остатки глинобитных очагов, одной печи и даже ступенчатого входа с узкой стороны одного из жилищ. По составу керамики поселение Широкая балка, очевидно, благодаря близости к Ольвии, отличается наличием античной посуды, хотя и происходящей по большей части из ольвийских мастерских. Из местных форм преобладали горшки с округлыми плечами, со слабо отогнутой или прямой шейкой. Орнамент из защипов, или сделанных концом пальца или палочкою ямок, или косых насечек, украшает край шейки или плечико сосуда. Довольно часто под бортиком встречается налепной валик, покрытый пальцевым или ямочным орнаментом. Баночные сосуды очень редки. Единичны сквозные орнаментальные проколы и совсем редки обломки серых лощеных мисок. Это — несомненные слабые влияния культуры лесостепной полосы, распространенной значительно выше по Бугу. Основная же масса керамики — прямые и ближайшие «предки» посуды Каменского городища. Дата поселения в целом хорошо определяется обломками греческой расписной посуды в рамках от конца VII до начала V в. до н. э., никак не позже. Остальные предметы редки, но среди них есть бляха от конского убора в виде головы льва и несколько усеченно-конических пряслиц из глины, столь обычных для культуры степных скифов. Поселение с керамикой этого типа в Крыму пока известно только на месте позднейшего Киммерика[1]. К этой же культуре относится несколько курганов в степном Крыму. В горах и предгорьях Крыма одновременна ей иная, так называемая кизил-кобинская культура.

Основной материал поселений типа Обиточной 12 и Широкой балки— лепная керамика: горшки с более или менее отогнутой, изредка вертикальной шейкой, реже более ранний баночный тип. Эти сосуды чаще всего орнаментированы островатым налепным валиком на 1—1,5 см ниже островатого же бортика. Валик то без орнамента, то украшен чаще косыми надрезами, реже пальцевыми с отпечатками ногтя вдавлениями. Иногда оба эти основных узора существуют без валика; изредка они идут почти по краю горла. Примесь к глине здесь, как и в бронзовом веке, все та же — мелкий песок и шамот. Лощеная посуда встречается очень редко в виде отдельных находок, отчасти сходных вещам из лесостепи, но всегда это единицы.

Т. Н. Книпович, изучая керамику нижнего слоя Елисаветовского городища на Дону, отметила некоторые черты сходства в форме и орнаментике доскифской и скифской посуды[2]. Мы со своей стороны отметим, что указание А. А. Миллера на отсутствие широких доньев в предскифскую эпоху неверно. Баночные сосуды, дожившие до эпохи поселения в устье р. Обиточной, почти всегда имели дно, близкое по диаметру к устью. Многие из баночных сосудов предскифского времени приобрели округленные зачатки плечиков, и именно из этой категории сосудов родились

[1] И. Т. Кругликова. Памятники эпохи бронзы из Киммерика, КСИИМК, вып. XLIII, стр. 108 и сл.

[2] Т. Н. Книпович. Опыт характеристики городища у станицы Елисаветовской, ИГАИМК, вып. 104 (1934), стр. 161.

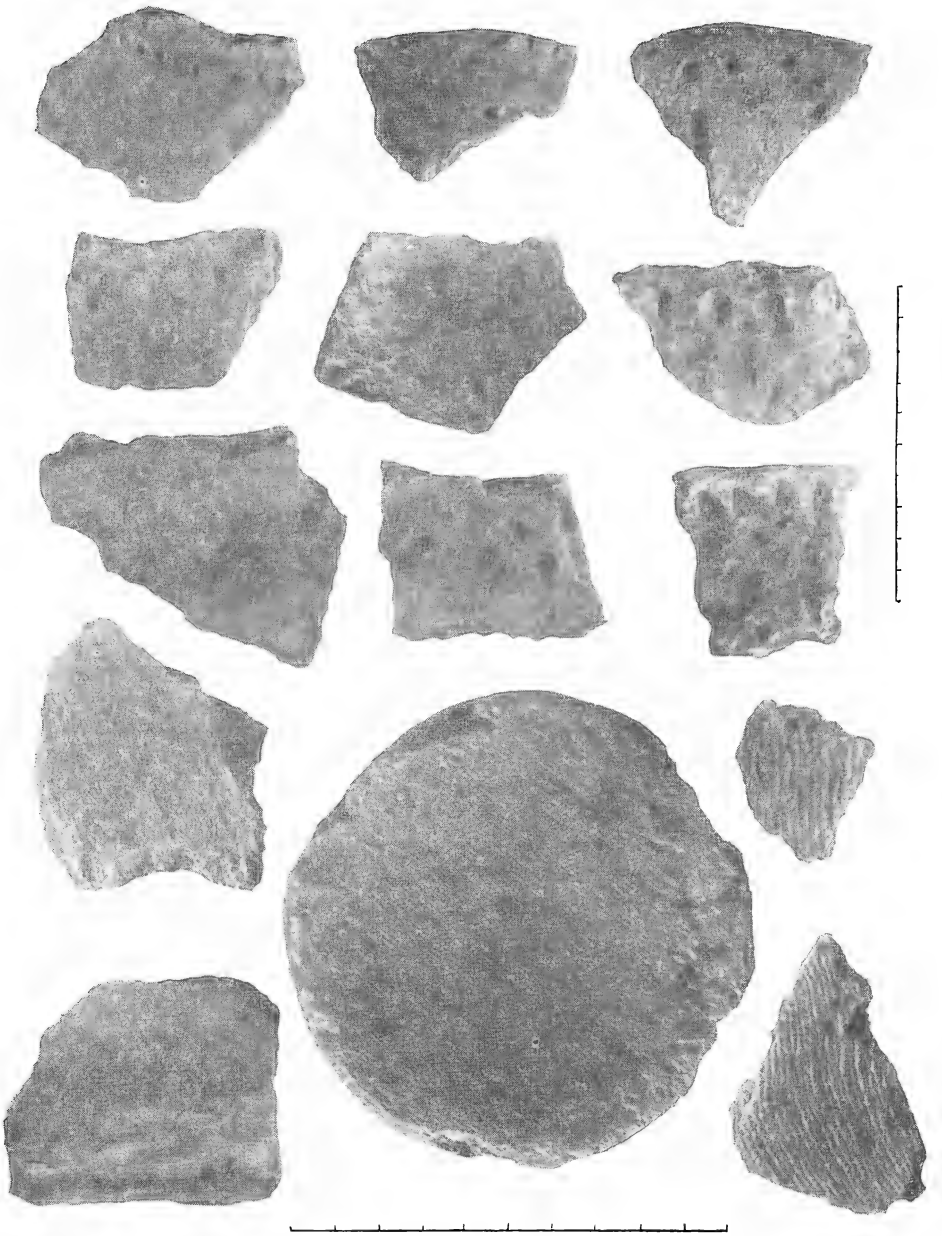


Рис. 3. Характерные образцы керамики, найденной на Каменском городище.

горшки скифского времени с шейкой, округлыми плечами и дном, почти равным по ширине устью сосуда. За исключением поселения у Широкой балки под Ольвией, во всех остальных населенных пунктах этого типа есть только немногочисленные обломки греческих амфор. Этим поселениям соответствует в степях всего шесть погребений (на Никопольстрое —2, М. Цимбалка —1, Константиновка —1, Кальмиус —1, у Белозерки —1). Все они несмотря на бедность инвентаря имеют вполне типичный набор скифских вещей: стрелы, удила с псалиями, предметы в архаическом

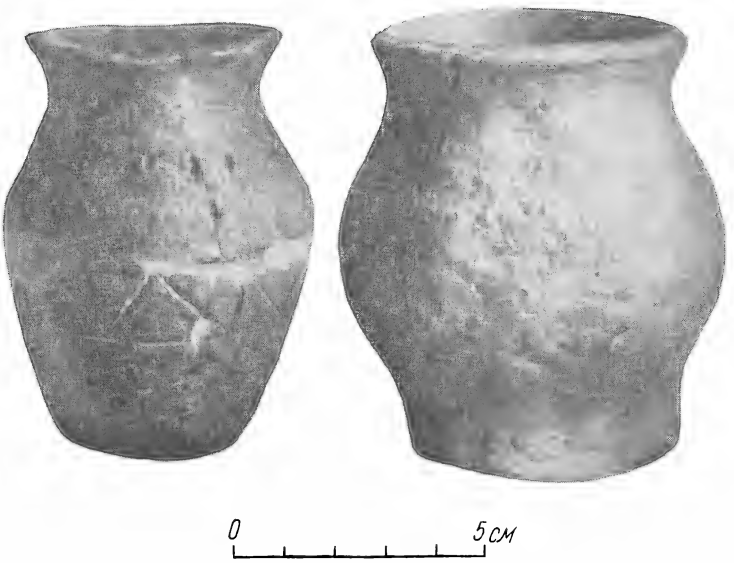


Рис. 4. Сосуды с Каменского городища.

зверином стиле. За исключением погребения у Белозерки[1], где слабо скорченный покойник лежал в подбое, все остальные были вытянуты и помещались в широтных простых ямах, головою на запад. Подбойные погребения едва получали здесь свое начало. Устройство единственного современного этим поселениям богатого погребения из Острой могилы у Томаковки неизвестно; оно происходит из случайных крестьянских раскопов. К середине V в. картина несколько меняется. В керамике происходят изменения (рис. 2—5): господствуют горшки с более отогнутой, чем раньше, или вертикальною шейкою; изредка встречаются горшки с шаровидным корпусом. Есть баночные сосуды, еще вполне сохранившие свою первобытную форму. Отличная классификация форм этой посуды дана в упомянутой статье Т. Н. Книпович о керамике Елисаветовского городища. Сходство этой керамики огромно на всем протяжении от Ольвии до устьев Дона, однако не все абсолютно сходно. На Нижнем Буге, в Ольвии и на Нижнем Днепре резко преобладают горшковидные формы сосудов, зато единичны случаи находок типично баночных сосудов, составляющих в дельте Дона, по Т. Н. Книпович, довольно значительный процент. Напротив, на Елисаветовском городище совершенно отсутствуют шаровидные горшки. Но фактура сосудов с неровною поверхностью, с лепкой из жгутов и своеобразною манерою при лепке ставить такие сосуды на мокрую тряпку поразительно одинакова на всем

[1] Ф. А. Браун. Отчет о раскопках в Таврической губернии в 1898 г., ИАК, вып. 19, стр. 85.

этом пространстве. Хотя основными примесями к пластической массе попрежнему являются песок и мелкий шамот, но наблюдаются нередко и примесь дресвы и легко заметной среди шамота амфорной крошки, отличающейся в массе своим кирпично-красным цветом и значительной твердостью. Если в VI в. до н. э. в погребениях и на поселениях еще попадаются единичные лощеные сосуды, то для V, IV и III вв. до н. э. характерно их полное исчезновение. Так, например, на Каменском городище на много тысяч фрагментов керамики найдено всего два ничтожных лощеных обломочка. Налепной валик на сосудах в это время очень редок

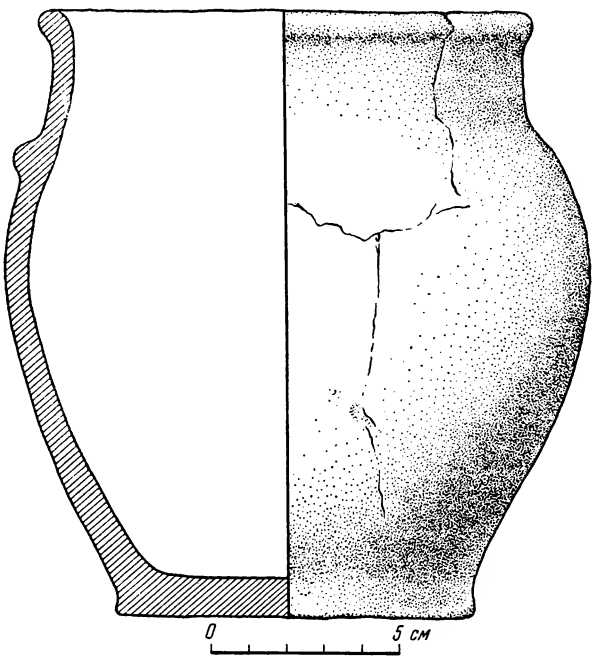


Рис. 5. Сосуд с поселения у с. Н. Рогачик (раскопки Д. Т. Березовца).

и всегда идет по плечику; по краю горла или на плечике — косые ямки от палочки и особенно часто пальцевые с отпечатками ногтя. С малыми изменениями эти формы керамики живут большую часть V, IV и III вв. до н. э. Обильный импорт в виде амфор, чернолаковой посуды, греческих бус и т. д. характеризует все эти поселения. Такая керамика есть в Ольвии, в Закисовой балке и на других пунктах на Бугском лимане, на Каменском городище, в нескольких пунктах на Нижнем Днепре и по побережью Азовского моря, на р. Молочной у дер. Семеновки, на городище у ст. Елисаветовской в дельте Дона. Этому времени явно соответствует численное преобладание селищ над городищами, но последние велики по площади и укреплены земляными валами, иногда с сырцовой кирпичной стеной. Постройки разнообразны: землянки, дома с частокольно поставленными стенами, восходящие к тому же времени, иногда многокомнатные каменные постройки. Они хорошо прослежены на Бугском лимане.

Наиболее ярким примером поселений скифской степной культуры для конца V—III вв. является Каменское городище[1] на левом берегу Днепра, прямо напротив города Никополя, в 320 км вверх по реке от впадения ее в лиман. Оно занимает около 12 кв. км, в том числе 9 км дюнной песчаной

[1] Б. Н. Г р а к о в. Каменское городище на Днепре, МИА, № 36 (1953).

степи, носящей наименование Каменских кучугур. Почти со всех сторон это поселение защищено крутыми берегами рек Днепра, Конки и Б. Белозерки. На востоке и юго-западе оно выходит в открытую степь, со стороны которой защищено земляными валами. Между этими валами и основной заселенной частью городища пустое пространство в ширину от 800 до 1200 м, может быть, для загона скота и защиты деревянных построек от зажигательных стрел. В юго-западной части городища к внешнему валу над обрывистым берегом Конки примыкает дополнительное укрепление,— вероятно, аристократическая часть города и его своеобразный кремль. На городище обнаружено несколько типов жилых домов. Один тип — овальное помещение, окруженное боковыми пристройками. Другой тип — подчетырехугольное здание в 2—3 комнаты, расположенные по меридиану или по широте в ряд; вход делался чаще с южной стороны. В северной или в средней комнате помещался глинобитный очаг. Двускатная крыша покоилась на столбах, шедших по длинной оси жилища. Площадь таких помещений от 40 до 150 кв. м. Вокруг жилищ обнаружены всевозможные остатки сыродутного добывания железа из руды, отходы бронзолитейного дела, кузнечные инструменты, брак от производства оружия и орудий труда. Стены таких домов делались из вертикально врытых в землю бревен, вероятно обмазанных глиной и, может быть, завешанных кошмами. Кроме таких домов известны еще четырехугольные землянки, также разделенные на комнаты и имевшие перед входом углубленный дворик, на котором осуществлялись производственные процессы. Нет никакого сомнения, что у каждого дома большая патриархальная семья занималась совместно всеми видами первобытной металлургии. Иногда такой комплекс семейной производственной общины металлургов заключал в себе несколько жилых домов (пока известно от двух до пяти), даже с общей небольшой постройкой — храмиком огня. На акрополе Каменского городища найдены материалы от разрушенных каменных зданий. Керамика этого городища имеет все общие черты с керамикой перечисляемых в этой статье открытых поселений и Елисаветовского городища. Металлические предметы, а именно — оружие, ножи, шилья, украшения в зверином стиле, полностью совпадают с находимыми в огромных царских курганах и небольших курганах рядового скифского населения. Греческий импорт представлен амфорами, чернолаковой посудой, украшениями. Типы этих предметов свойственны всему скифскому степному и родственному ему культурно лесостепному миру. В одновременных и связанных с Каменским городищем царских курганах хорошо представлены греческие привозные и местные изделия ювелирного производства.

Каменское городище связано с открытыми поселениями того же времени, располагавшимися вокруг него по обоим берегам Днепра, Конки и Б. Белозерки. Эти поселения имеют обычно площадь не более полугектара — гектара, большие единичны. Из них раскопаны Д. Т. Березовцом поселение у с. Нижний Рогачик и Б. Н. Граковым два поселения близ Каменского городища. Типы жилищ для них не установлены, керамика и мелкие металлические инструменты совершенно не отличаются от городищенских, на немногих из этих поселений встречаются отходы кричного добывания железа.

Нет сомнения, что многие из открытых поселений этого времени вошли в систему «малых» городищ на Нижнем Днепре после захирения Каменского металлургического центра. Этому последнему на Нижнем Днепре одновременно только одно Белозерское городище, давно раскопанное Г. Л. Скадовским. Одновременность обоих городищ устанавливается по всему комплексу находок Белозерского городища в целом, абсолютно тождественному комплексу Каменского городища. Характер построек Белозерского городища не установлен.

Из многочисленных поселений по Бугскому лиману, относящихся к IV—III вв. до н. э., наиболее типичны для этого времени поселения у Закисовой балки в 2 км ниже Ольвии по Бугу и поселение Дидова хата. Керамика местной работы этих поселений ничем не отличается от керамики Каменского городища, но в остальном резко сказывается близость большого греческого города Ольвии. Помимо значительного количества всяких обиходных греческих вещей, приходится отметить исключительное распространение совершенно греческой каменной архитектуры и греческой письменности в виде граффити на греческом же языке. Думаю, что Ф. М. Штительман права, считая население, оставившее нам эти памятники, каллиппидами — эллинами-скифами — миксэллинами[1].

Елисаветовское городище в Донской дельте тщательно изучено Т. Н. Книпович, а до нее — А. А. Миллером[2]. Оно много меньше Каменского, занимает приблизительно $^1/_{10}$ площади Каменских кучугур и состоит из двух рядов укреплений — внешнего обвода с воротами на юг и акрополя. Акрополь расположен внутри города. Небольшие, но тщательные раскопки показали, что поселение было заселено сплошь. Дома строились из плетня с глиняной обмазкой и покрывались черепицей. План их не выяснен. Местная керамика и металлические изделия во всех основных чертах совпадают с такими же предметами из Нижнего Побужья и Поднестровья. Очень значителен импорт греческих изделий. Рядом огромный и богатый курганный некрополь местного населения. К сожалению, окружающие открытые селища не изучены.

Типичной чертой степной культуры собственных скифов и придонских мэотов является единичность очень больших городищ, в которых уже вполне ощущаются начатки городской жизни. В них сосредоточиваются ремесла, торговля и, вероятно, администрация для огромной территории. Малые селища тяготеют к этим городам, обитатели их явно занимаются сельским хозяйством и лишь изредка подсобным ремеслом, в частности кузнечным делом. Пережитками эпохи бронзы являются прежде всего некоторые формы местной керамики и состав стада некоторых степных поселений. По крайней мере, на Каменском городище мы найдем в составе костных остатков примерно по 45% костей лошадей и коров, 10%— овец, редко — собаки и единично — свиньи. Это соотношение соответствует тому, что́ в этом смысле известно для поселений срубной и хвалынской культур. Только резко сокращается удельный вес свиноводства в хозяйстве. Для этого времени известно довольно много курганных погребений. Уже в V в. до н. э. для аристократии становятся обычными широтные катакомбы (Бабы, Раскопана могила, Солоха — центральное погребение). Среди рядовых могил в V в. еще есть крытые деревом ямы с западной или восточной ориентацией покойника, сопровождающиеся конскими захоронениями (Аджигол и Петуховка). Из катакомб к концу V в. можно отнести лишь курган № 2 раскопок 1937 г. на Никопольстрое. Затем в IV и III вв. до н. э. от Аджигола и Петуховки до Нижнего Днепра простые ямы совершенно исчезают, если не считать могил конюших в курганах Чертомлык и Большой Козел. Они встречаются только при детских захоронениях. В царских курганах и в могилах рядовых общинников погребальное сооружение — широтно расположенная катакомба с параллельной входной ямой, или широтно расположенные и дромос, и катакомба, или, наконец,

---

[1] Ф. М. Штительман. Городища, поселения и могильники Бугского лимана VII—II вв. до н. э. (Автореферат диссертации), М., 1952. Все основные сведения о поселениях Бугского лимана в скифское время почерпнуты нами из диссертации Ф. М. Штительман.

[2] Т. Н. Книпович. Опыт характеристики городища у станицы Елисаветовской, ИГАИМК, вып. 104 (1934), стр. III и сл. В этой работе даны сведения о предыдущих исследованиях Елисаветовского городища.

меридиональная катакомба с идущим с запада ступенчатым дромосом. В первых двух случаях костяк лежит вытянуто головою на запад, в третьем — на север. Инвентари типично скифские. Всюду одни и те же удила, псалии, звериный стиль, оружие. Всюду наблюдаются остатки тризны в насыпях. Но лишь в богатых погребениях встречаются захоронения коней. Область распространения этой культуры соответствует геродотовской территории и земледельческих и кочевых племен (Аджигол, Петуховка, Никопольское поле, курганы Белозерского городища и оно само, Аккермень на р. Молочной, с. Преслав и т. д.).

В Никопольском курганном могильнике открыто до 90 погребений этих трех типов. Несколько ниже по течению Днепра у с. Кут в 1951 г. Д. Т. Березовец вскрыл около 40 точно таких же катакомб. В окрестностях Белозерского городища возле Херсона Г. Л. Скадовский вскрыл около двух десятков погребений (его группы 5-я и 6-я), которые или точно повторяют никопольские погребения, или являются их вариантами. М. И. Артамонов совершенно прав, когда он считает погребальные сооружения 5-й группы Г. Л. Скадовского обычными катакомбами, у которых обвалился свод камер[1]. М. И. Артамонов, следуя за толкованием Г. Л. Скадовского, различал по инвентарю катакомбы кочевого и земледельческого населения. Так же думал и Б. Н. Граков. Это считалось за признак совместного пребывания на одной территории части земледельцев и кочевников. Недавно В. А. Ильинская[2], тщательно пересмотрев инвентарь обеих категорий погребений, установила, что разница в инвентаре зависит или от ограбления могилы, или от пола погребенного. Это не изменяет вывода, так как, по геродотовской традиции, между Пантикапом (Ингульцом) и Борисфеном жили кочевники, к западу от них земледельцы — каллиппиды, а к востоку по берегу Днепра — борисфениты-земледельцы, т. е. эта перемеженность территорий между «кочевниками» и «земледельцами», мирно уживавшимися бок о бок, установилась уже в V в. до н. э. Этим вполне опровергается понимание М. И. Артамоновым оседания кочевников на землю как основного фактора формирования общества скифского времени в степях Северного Черноморья, так как в большинстве степей, кроме засушливого Приазовья, земледелие никогда не прекращалось и было исконным еще со времен катакомбной, если не ямной культуры. М. И. Артамонов не учел хронологического различия между ямами и катакомбами Аджигола и Петуховки и поэтому ошибочно предположил неоднородность культуры каллиппидов, отрицая их племенное единство. Это племя отчасти, конечно, было смешанным, но самое его название говорит за его племенную самостоятельность. Хронологический подход к этим могильникам совершенно меняет дело. Ямы с деревянными перекрытиями относятся к V в. до н. э., а позднее сменяются катакомбами. Последовательность и здесь общая для всей степи. Уже в эпоху Геродота расселение части кочевников между Пантикапом (Ингульцом) и Днепром и земледельцев вдоль по Днепру заставляет видеть в этом единстве памятников результат совместного обитания кочевников и земледельцев в Нижнем Поднепровье. Катакомбные погребения тех и других у Белозерского городища показы-

---

[1] Раскопки Д. Т. Березовца еще не опубликованы. Г. Л. Скадовский. Белозерское городище Херсонского уезда Белозерской волости и соседние городища и курганы между низовьем р. Ингульца и началом Днепровского лимана. Тр. VIII АС, т. III, М., 1897, табл. VI, 1, стр. 156—160; М. И. Артамонов. Этногеография Скифии, стр. 145—147; его же. Скифское царство в Крыму, ВЛГУ, стр. 56—77. Катакомбные погребения указанных типов недавно открыты в числе 3—4 на р. Молочной на всем ее протяжении и единичное — в окрестностях с. Преслав на р. Обиточной, где оно впускное и в кургане. В огромном же большинстве погребения этого типа одиночны в специально для них насыпанном кургане или содержатся под таким курганом в числе 2—3—4 при основном скифском погребении.

[2] По любезному устному сообщению В. А. Ильинской.

вают, что и в IV и III вв. до н. э. это соседство фактически на одной и той же территории продолжалось. Указанное же выше единство культуры земледельцев и кочевников еще раз подтверждается этим единым типом могильного сооружения, распространенным от Нижнего Буга до устьев Обиточной, а также обрядом, объединяющим наряду с другими данными в этническое целое на территории степных скифов и земледельческие и кочевые племена. В это же время катакомбные погребальные сооружения проникают в северную часть Кировоградской и южную часть Киевской областей. Всего сейчас там известно около 20 катакомб степного типа. Но пример Макеевского могильника, где катакомбы единичны, среди типичных местных деревянных конструкций, говорит скорее о проникновении на север нового обычая, нежели о передвижении сюда с юга земледельческих племен или о вхождении этой территории в скифское государство эпохи Атея. Распространение таких же катакомб в Крыму (Джанкой, Кара-тобе и др.), известных, правда, лишь в небольшом числе, конечно, связано с вхождением этой территории в скифское степное царство и, может быть, с предполагаемым переселением в первой половине IV в. до н. э. части «земледельцев» с Нижнего Днепра в Крым. Однако не следует думать, что сильное воздействие степной культуры на лесостепную полосу в IV и III вв. до н. э. уничтожило оригинальные черты лесостепных культур. Думать так было бы попросту неверно. Прежде всего на карте степная культура прослежена от побережья моря по Бугу всего лишь до Николаева, по Днепру до Запорожья, в Приазовье до верховьев р. Молочной, кое-где на морском побережье и в дельте Дона. Существует на карте зияющий, требующий заполнения разрыв. Однако на Харьковщине и в Посулье степная керамика была явно распространеннее, чем в Среднем Поднепровье. И в это же самое время, в течение V—II вв. до н. э., в дельте Дона у ст. Елисаветовской курганный некрополь дает все те же, обычные в VI в. до н. э. для всей степи, широтные ямы, крытые деревом. Два таких же погребения известны на Кальмиусе немного выше г. Жданова из раскопок П. М. Пиневича в 1928 г. Обе последние ямы относятся, впрочем, к V в. до н. э. Но летом 1951 г. в одном и том же кургане у Преслава были обнаружены два скифских погребения: одно в широтной катакомбе, другое в такой же яме, с вещами IV—III вв. до н. э.

В Крыму погребальные подкурганные сооружения имеют вид и ям с деревянной конструкцией, и шатрообразных погребений (Дерт-оба), и каменных склепов, и нижнеднепровского типа катакомб (Кара-тобе, Джанкой). Последние могли принадлежать переселившейся в Крым группе земледельцев.

Очень ограниченный локально вариант — погребения Припорожья, имеющиеся на обоих берегах. Это — курганы с каменной обкладкой основания, с небольшою каменною кладкой над широтной ямой, в которой покойник лежит головой на запад. Его обязательно сопровождают овечьи кости. Керамика и остальной инвентарь точно те же, что в степных катакомбах. Время этого варианта — V—III вв. до н. э. Этническая принадлежность этих погребений и дальнейшая судьба неясны[1]. Впрочем, при всей ограниченности этого локального варианта отдельные погребения в этом роде могут встретиться и ниже Запорожья. По крайней мере, одно обнаружено нами в курганном могильнике под Никополем, где остальные погребения принадлежали к катакомбным типам.

Со II в. до н. э., после того как Каменское городище сократилось до размеров акрополя, по Нижнему Днепру и в Крыму распространились

[1] Дніпропетровський Історично-археологічний музей. Збірник, т. 1, Днепропетровск, 1929, стр. 48—60 и далее в разных местах.

меньшие городища площадью от 3—4 до 20—30 га. К этой категории относятся и акрополь Каменского городища и полтора-два десятка городищ на Нижнем Днепре. По берегам Буга поселения почти исчезают, но на Днепре они живут еще 400 лет, сохраняя и развивая керамику предшествующей эпохи. И на Днепре, и в Крыму держатся во II—I вв. до н. э. еще старые формы посуды, все чаще без орнамента; появляются конические выступы у плечиков, ложные подковообразные ручки-налепы; новое — миски на коническом поддоне и появление незначительного процента черной и розовато-желтой керамики, близких корчеватовским типов. В первые века нашей эры старые формы керамики продолжают жить, но из них вырабатывается еще высокая узкодонная форма горшков. В то же время появляются отдельные образцы посуды черняховского типа. Фрагменты посуды зарубинецко-корчеватовских типов составляют в верхних слоях Каменского городища 7% по отношению ко всей массе скифской керамики, переживающей ряд черт традиции VI—III вв. до н. э., которые, в конечном счете, восходят еще к срубной культуре в ее второй фазе. Жизнь на нижнеднепровских городищах и одновременных селищах в то же время сильно эллинизуется. Появляются сначала усовершенствованные квадратные зернотерки, затем ручные вращающиеся жернова. Каменная архитектура приобретает некоторые греческие черты. Шире применяется черепица. Чувствуется и некоторое влияние крымских скифов — на городищах возникают мощные зольники; появляются особые жертвенники со звериными изображениями из глины, напоминающие Среднюю Азию. Растет количество греческой посуды, впрочем более редкой, чем корчеватовская. К сожалению, до 1952 г., кроме сборов В. И. Гошкевича и его раскопок на Козацком городище[1], у нас в распоряжении для Нижнего Днепра были лишь небольшие раскопки на некрополе Каменского городища и сборы Н. Н. Погребовой на городищах, изучавшихся В. И. Гошкевичем. В настоящее время одновременно ведутся большие раскопки на Любимовском и Гавриловском городищах, на Каменском акрополе, до размеров которого сократилось со II в. до н. э. все поселение, и на открытом поселении у Золотой балки. Предварительное ознакомление с соответствующими материалами в Киеве и Москве позволяет заключить, что приводимые в настоящей статье общие соображения и краткое описание городищ справедливы и что эти городища действительно представляют органическую эволюцию поселений времени Каменского городища, т. е., что они оставлены нам позднейшими скифами.

Основное изменение в характере населения заключается в том, что сарматы стали появляться со II в. до н. э. в Днепровской излучине, а к началу нашей эры заняли все Приазовье вплоть до р. Молочной, где их курганы с погребениями чисто заволжского типа встречены теперь в числе около полусотни. Сами скифы еще сохраняют катакомбные погребения как основную форму (Аджигол, Петуховка, Николаевка, Каменка); в начале нашей эры их могильники становятся грунтовыми, например некрополь Козацкого городища, где рядом с катакомбами вновь появляются ямы. Крым имеет очень пестрые погребальные формы, от мавзолея и катакомб Неаполя до подбоев и ям на Инкермане и Черной речке. Этим он отличается от степного Поднепровья, как и в IV и III вв. до н. э. В III в. появляются в излучине Днепра и вплоть до Берислава поселения с посудою черняховского типа без примеси скифской керамики. Открыты теперь и могильники с керамикой того же типа и с трупосожжением. В Крыму та же керамика встречается в небольшом числе в то же время в Инкер-

[1] Особенно см. В. И. Г о ш к е в и ч. Древние городища по берегам низового Днепра, ИАК, вып. 47 (1913), стр. 117 и сл.

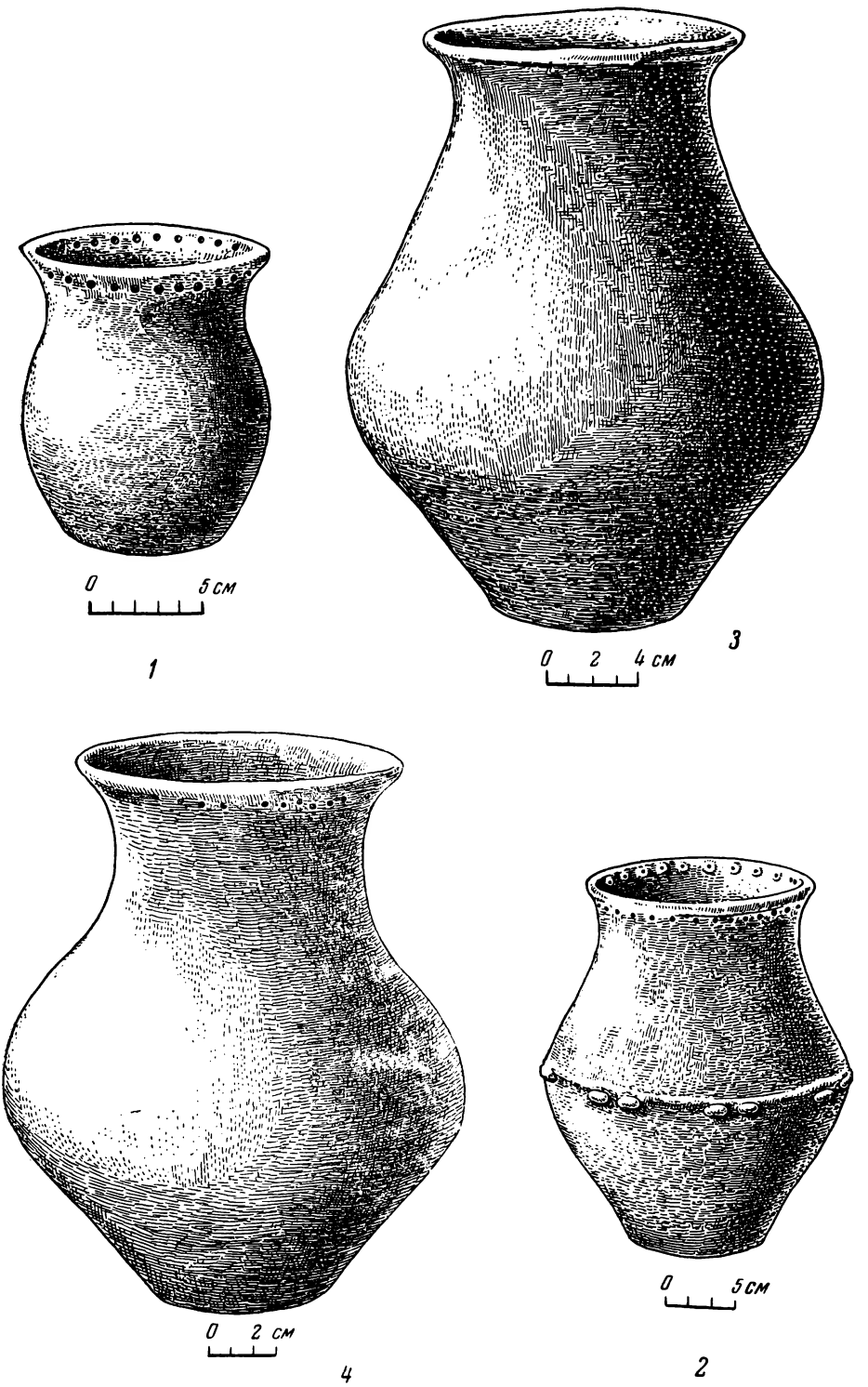


Рис. 6. Лощеная керамика лесостепной полосы

1, 2— Киевский исторический музей (быв. Киевская губ.); *3, 4*— ИИМК, из кургана № 1 у с. Ленковцы Черновицкой обл.

манском и Чернореченском могильниках. Степная скифская культура совершенно угасла на Днепре; вероятнее всего, в этих местах скифское степное население с III в. влилось в состав носителей черняховской культуры, ранних славян.

К северу от собственных скифов, на широкой территории лесостепи, жили оседлые земледельческо-скотоводческие племена, культура которых, несмотря на ряд общих черт, резко отличалась от степной скифской.

Со степными формами были близко сходны преимущественно только типичное скифское вооружение, конский убор и вещи в зверином стиле. Резко отличалась лесостепь от степной Скифии погребальными сооружениями и обрядом, характером поселений и жилищ, а также украшениями и в первое время особенно керамикой.

В результате исследований последних лет становится все более и более очевидным, что элементы скифской культуры являются в лесостепи пришлыми, не связанными органически с местными формами. Изучение памятников времени поздней бронзы типа Белогрудовки[1] и Ворошиловки[2], городищ чернолесского типа[3] и поселений раннескифского времени на территории Среднего Поднестровья и Поднепровья[4] показывает, что в основе культуры скифского времени, по крайней мере на территории правобережной лесостепной Украины, лежала местная культура эпохи бронзы. Появление элементов степной скифской культуры, в виде оружия и предметов конского убора, может относиться еще к VIII в. до н. э., но широкое распространение их произошло позднее, в конце VII — начале VI в. до н. э. Наиболее сильное воздействие скифская степная культура оказала на соседние со степью области правобережного Среднего Приднепровья, тогда как отдаленные от центра степной Скифии районы, особенно Поднестровье, подверглись этому влиянию значительно меньше.

В течение скифской эпохи в лесостепи господствовали захоронения в простых ямах различной глубины. Последние были то просто перекрыты деревом, то имели в себе обширные жилищеобразные сооружения разных типов. В западных областях, как и в доскифский период, продолжали употребляться каменные погребальные сооружения. Катакомбы проникли из степи в лесостепь лишь в незначительном количестве и только в те районы правобережного Среднего Приднепровья, которые в IV—III вв. до н. э. были наиболее тесно связанными со степью[5]. В обряде погребения наблюдается сосуществование трупоположений с трупосожжениями. При этом в тех же областях Среднего Приднепровья, испытавших наиболее сильное воздействие степной скифской культуры, количество погребений с трупосожжением уменьшается от раннескифского времени к IV—III вв. до н. э.[6] В областях, удаленных от степи, в таких, как Среднее Поднестровье, количество погребений с трупоположением и трупосожжением, как и в доскифское время, оставалось приблизительно одинаковым[7].

Что касается поселений, то в лесостепи наблюдается раннее возникновение больших городищ, таких, как Немировское, Бельское, и сущест-

---

[1] Короткі звідомлення ВУАК за археологічні досліди року 1925, Киев, 1926, стр. 75; О. І. Тереножкін. Поселення Білогрудівського типу біля Умані. Археологія, т. V, 1951, стр. 173 и сл.

[2] Раскопки экспедиции Института археологии АН УССР под руководством Г. Титенко.

[3] А. И. Тереножкин. Чернолесский этап предскифского времени (см. настоящий сборник, стр. 94 и сл.), а также ряд статей в КСИИМК и Археологія, т. VII, стр. 110.

[4] Е. Ф. Покровська. Поселения VIII—VI ст. ст. до н. е. на Тясмині. Археологія, т. VII, 1952, стр. 43 и сл.

[5] П. Д. Либеров. Скифские курганы Киевщины, КСИИМК, вып. XXX, 1949, стр. 95 и сл.

[6] Там же.

[7] T. Sulimirski. Skytowe na Zachidnem Podolu, Львов, 1936.

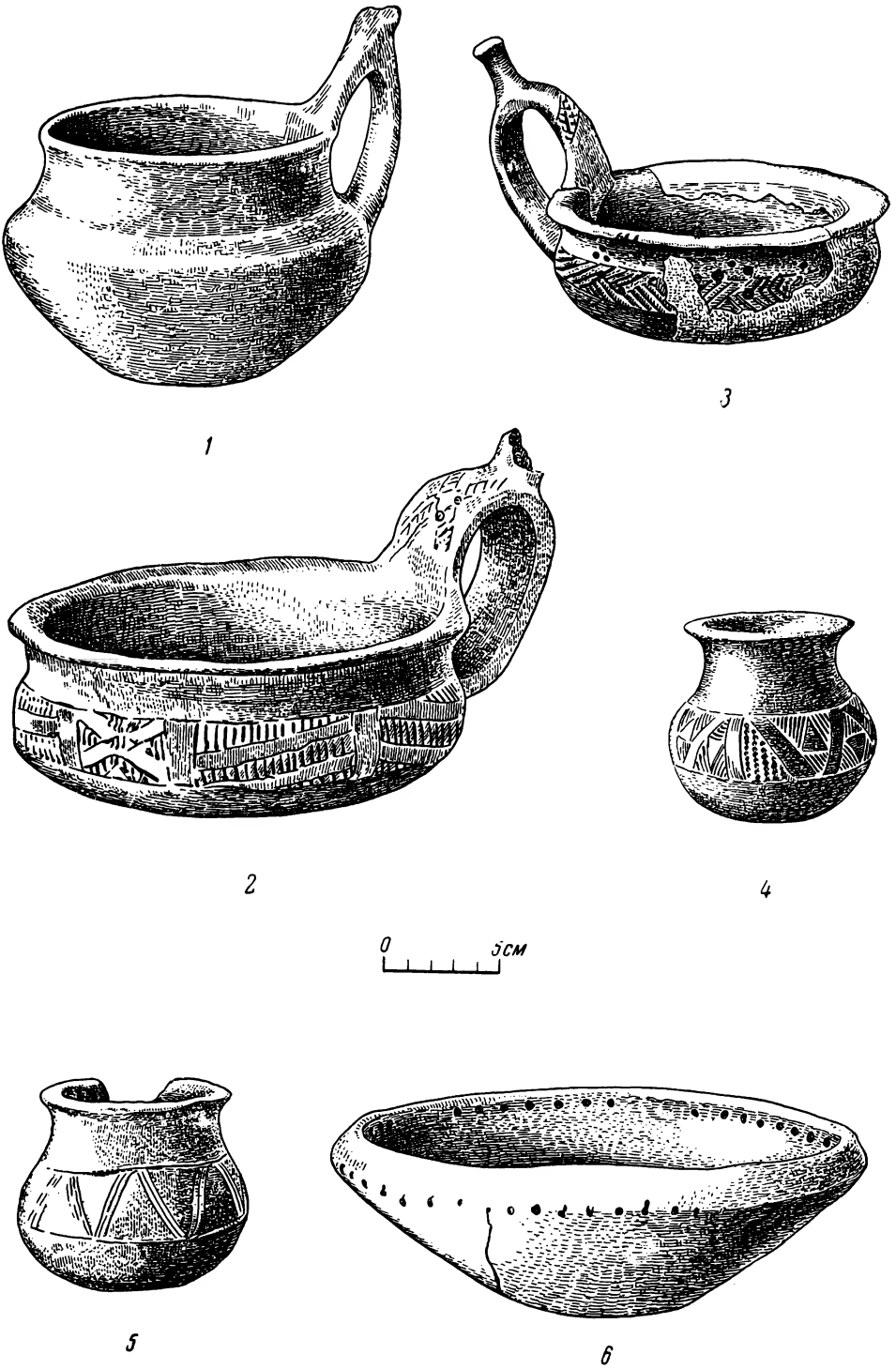


Рис. 7. Лощеная керамика лесостепной полосы

1—Киевский исторический музей (из коллекций В. В. Хвойко); *2*— Государственный исторический музей (курган у с. Рыжановка, раскопки Д. Я. Самоквасова); *3*— Государственный исторический музей; *4*— курган № 375 у с. Константиновка (раскопки А. А. Бобринского); *5*— курган у с. Турья (раскопки А. А. Бобринского); *6*— оттуда же.

вование их наряду с открытыми селищами в течение всего скифского времени. Городища и открытые селища располагались на мысах или по берегам оврагов, вблизи от воды. Жилищами на них служили землянки и наземные дома, в основе своей деревянные каркасные или со стенами из вертикальных столбов[1]. Для постройки пола и очага в жилищах иногда употреблялась глиняная обмазка. Реже глиной обмазывались еще и стены жилища, как, например, это отмечено на Жаботинском поселении при раскопках Е. Ф. Покровской. Каменных построек в лесостепных районах не обнаружено.

Керамика, столь резко отличающая лесостепную группу памятников от степной, представляет собой дальнейшее развитие посуды, бытовавшей здесь в предскифский период. Это становится особенно очевидным в связи с открытием городищ предскифской поры. Несколько выпадают из этой огромной области распространения характерной лесостепной посуды лишь Посулье и среднедонская группа памятников. В VII — начале V в. до н. э. на всей территории лесостепи, за исключением Посулья, при наличии отдельных вариантов были широко распространены черные, бурые и серые лощеные сосуды различных типов (рис. 6—7). Особенно хорошо известны миски разных форм, преимущественно с загнутыми внутрь краями, черпаки с высокой ручкой и круглотелые небольшие сосуды, часто украшенные своеобразной геометрической орнаментацией, большие биконические или грушевидные сосуды, иногда с сосковидными выступами на боках. Наряду с ними бытовали грубые горшки баночной и тюльпановидной формы, часто орнаментированные налепным с пальцевыми защипами валиком и проколами или одними проколами, сделанными круглой палочкой. Орнамент обычно располагается под венчиком сосудов или значительно реже на шейке. По своему происхождению эти сосуды прямо восходят к керамике, известной с городищ чернолесского типа[2], а далее к посуде, происходящей с более ранних поселений типа Белогрудовки и Ворошиловки. К середине V в. до н. э. на территории правобережного Среднего Приднепровья произошла смена керамических комплексов, прекратили свое существование большие лощеные биконические корчаги, черпаки и круглотелые сосуды. Широкое распространение получает лепная с шероховатой поверхностью посуда с пальцевыми ямками по краю или плечику (рис. 8). Причины исчезновения лощеной посуды неясны. Очень вероятно, однако, что этому способствовало становящееся все более и более сильным с середины V в. до н. э. влияние на Среднее Поднепровье степной скифской культуры, где безраздельно господствовала грубая, нелощеная керамика. В районах, наиболее отдаленных от скифского степного царства, особенно в таких, как Поднестровье в V и даже в IV вв., продолжает бытовать лощеная посуда, правда, в несколько изменившемся виде.

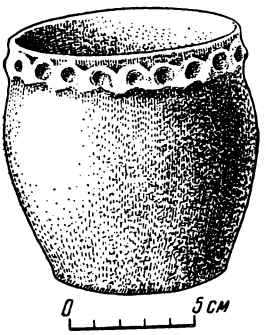
Значительно различалась культура лесостепи и степи и формами украшений. Среди последних преобладали местные формы или формы, распространенные в соседних высоцкой, лужицкой и гальштатской культурах[3]

---

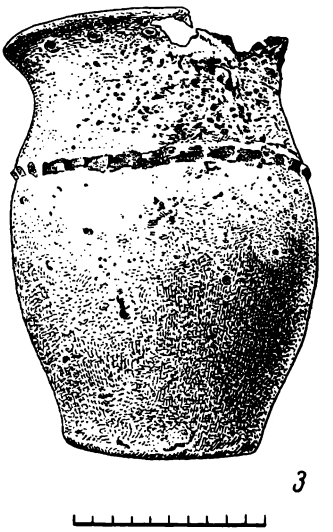
[1] Остатки наземных жилищ обнаружены на Пастырском городище (КСИИМК, вып. XXXVI, 1951, стр. 155 и сл.), там же обнаружены землянки овальной в плане формы. Остатки наземных жилищ открыты также на Шарповском городище (Археологічні пам'ятки УРСР, т. II, 1949, стр. 98 и сл.). На Басовском городище обнаружены остатки жилых построек с каркасными стенами, обмазанными глиной, с глинобитными очагами.

[2] См. О. І. Тереножкін. Розвідки і розкопки 1949 р. в північній частині Кіровоградської області. Археологія, т. VII (1952), стр. 110 и сл.

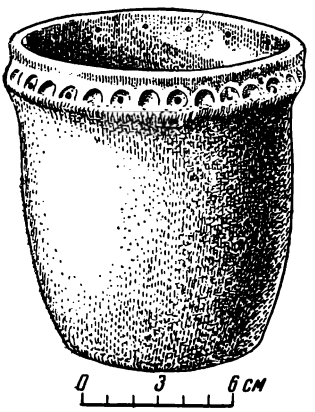
[3] Б. Н. и В. И. Ханенко. Древности Приднепровья, т. II, Киев, 1899, табл. XIII, *241*; т. III, 1900, табл. 47, *361*, *362*; т. III, табл. 44; т. II табл. XIV, *244*, *246*, *248*; А. А. Бобринский. Курганы и случайные археологические находки близ м. Смелы, т. II, табл. 1, 4; III, 6, 8; XIX, 1; т. III, табл. II, 1, 4; II, 4; ИАК, вып. 35 (1910), стр. 35, рис. 43.



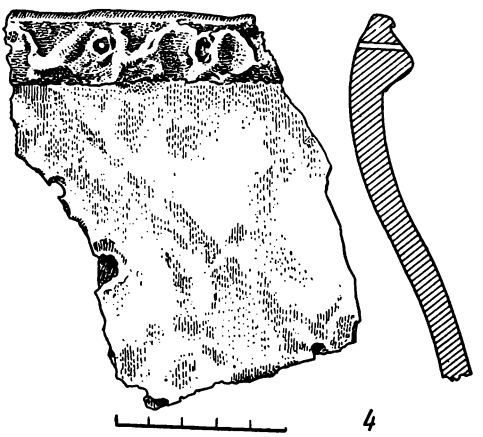
1



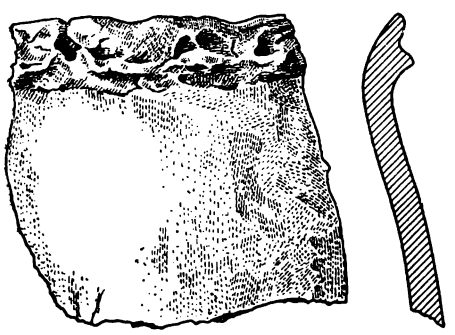
3



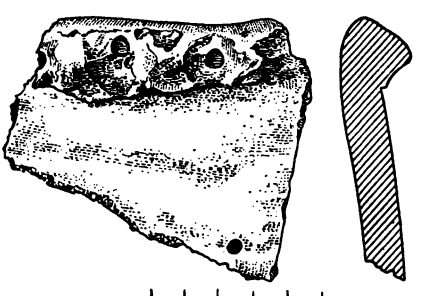
2



4



5



6

Рис. 8. Нелощеная керамика лесостепи

1— Киевский исторический музей, курган CCCLV у с. Теклина (раскопки А. А. Бобринского); *2*— там же, курган у с. Турья (раскопки А. А. Бобринского); *3*— там же, курган у с. Оситняжки (раскопки В. В. Хвойко); *4,5,6*— ИИМК, с поселения у с. Селища Кельменецкого района Черновицкой области

(булавки, гривны, браслеты). В степи подобные украшения представлены лишь единичными находками. Относительно предметов вооружения и конского убора, общих со степными, следует заметить, что и здесь наблюдается некоторое своеобразие. Более широко, чем в степи, в лесостепных областях были распространены метательные дротики[1]; встречаются также боевые топоры[2], пока неизвестные в степной Скифии. Среди мечей и кинжалов вполне обычных типов встречаются иногда кинжалы очень короткие[3], аналогичные или близкие к тем, местом производства которых считаются области Семиградья.

При большом культурном единстве всей лесостепной Скифии здесь значительно отчетливее, чем в степи, выделяются локальные группы. Правда, следует заметить, что границы между ними пока трудно проследить из-за недостаточной полноты полевых исследований. И. В. Фабрициус выделяет на территории лесостепной Украины девять локальных групп[4]. При этом каждая из них рассматривается автором как самостоятельная, без учета характера связей между отдельными вариантами.

При настоящем состоянии изучения лесостепи в археологическом отношении более правильным кажется деление лесостепной культуры на шесть групп памятников; внутри этих групп можно, конечно, различать отдельные культурные варианты (рис. 9).

На крайнем западе и северо-западе выделяются две группы: одна из них охватывает всю территорию современных — Каменец-Подольской, Тарнопольской и Черновицкой областей, другая расположена южнее, в современной Молдавии. Своеобразной, хотя еще мало изученной представляется группа памятников Побужья. Отчетливо выделяются памятники Киевщины и соседней с нею северной части Кировоградской области. Как продолжение этой группы, можно рассматривать близкие к киевским памятники бассейна Ворсклы. Особую группу составляют памятники Посулья и как будто близкие к ним, но еще мало изученные памятники Северского Донца и Псла. Крайней восточной группой лесостепной культуры является воронежская группа памятников, по среднему течению Дона. Крайняя северо-западная группа скифообразной культуры лесостепи[5] отличается от всех остальных прежде всего значительно менее глубоким влиянием скифской культуры. Типичные скифские вещи — оружие, конский убор, зеркала и небольшое количество украшений в зверином стиле известны здесь только с конца VII — начала V в. до н. э. Более поздние скифские предметы с этой территории неизвестны. При этом проникновение сюда элементов скифской культуры происходило скорее не в результате непосредственного общения со скифами, а благодаря существовавшим еще с эпохи бронзы тесным связям этой территории с правобережьем Среднего Поднепровья. К середине V в. эти взаимоотношения, по всей вероятности, прекратились, чем и объясняется отсутствие скифских предметов позднее начала V в. до н. э. Связи с греческими

[1] Особенно часто встречались они в Мастюгинских и Частых курганах; см. С. Н. Замятнин. Скифский могильник «Частые курганы» СА, VIII (1946), стр. 9 и сл., СА, IX (1947), стр. 13; ИАК, вып. 43 (911), стр. 47 и сл.

[2] Наибольшее количество боевых топоров известно с территории Посулья (см. В. А. Іллінська. Курган Старша могила. Археологія. т. V (1951), стр. 211 и сл.), но они имеются и на правобережье Среднего Приднепровья, см. напр. ИАК, вып. 17 (1905), стр. 95, рис. 35.

[3] См. T. Sulimirski. Skytowe na Zachidnem Podolu, табл. IX, 1, 2. Короткий железный кинжал найден в кург. № 1 у с. Ленковцы Черновицкой обл. (не опубликован). Подобный кинжал хранится в Гос. Киевском музее (не опубликован).

[4] І. В. Фабриціус. До питання.., Археологія, т. V (1951), стр. 52 (карта).

[5] T. Sulimirski. Skytowe na Zachidnem Podolu. Новые материалы получены в результате работ скифского отряда Трипольской экспедиции ИИМК АН СССР в 1949—1951 гг. (не опубликованы) и работ экспедиции Института археологии АН УССР в Каменец-Подольской области.

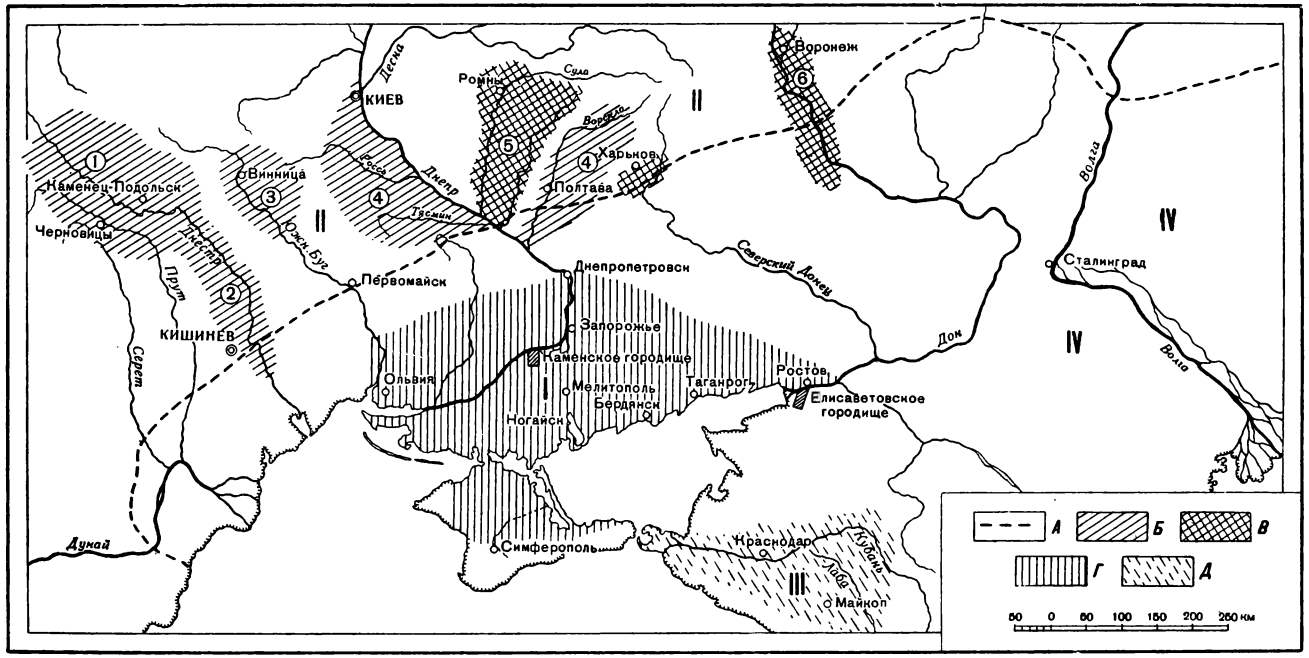


Рис. 9. Размещение основных вариантов культур скифского времени (схема).

А — граница леса и лесостепи; *Б* — распространение лощеной керамики и лесостепных погребальных сооружений; *В* — то же, но без лощеной керамики; *Г* — основная территория распространения степных катакомб V — II вв. до н. э.; *Д* — Кубань. 1 — сев.-западная Поднестровская группа; 2 — молдавская группа; 3 — побужская группа; 4 — киевская группа; 5 — посульская группа; 6 — средне-донская группа

колониями Северного Причерноморья, которые в других группах лесостепной культуры были более или менее постоянными, носили здесь лишь случайный характер[1]. В то же время на территории этой группы значительно больше, чем в других районах лесостепи, заметны связи с областями соседних — высоцкой, лужицкой и южногальштатской культур (керамика, украшения). Местные особенности северо-западной группы памятников прослеживаются, кроме того, в погребальном обряде и в керамике. Как и в доскифский период, в скифскую эпоху покойники здесь или погребались в скорченном положении, или сжигались на месте. Для сооружения курганных насыпей и могил продолжали употреблять камень. Керамика, при большей близости к среднеднепровской, отличалась от нее почти полным отсутствием геометрической орнаментации и наличием черпаков своеобразной формы[2].

Следует отметить также, что в экономическом и социальном отношении рассматриваемые области лесостепи несколько отставали от соседних. В течение всей скифской эпохи население продолжало жить преимущественно в небольших неукрепленных, очевидно родовых, поселках[3]. Имущественная дифференциация, судя по курганному материалу, была здесь значительно менее глубокой, чем, например, у поселения, оставившего нам киевскую курганную группу.

Молдавская группа памятников, изучение которой началось только с 1946 г., близка к описанной выше северо-западной группе только по погребальному обряду. Здесь, насколько позволяет судить об этом материал, известный пока только из двух могильников[4], захоронение покойников производилось также в каменных ящиках или внутри каменного кольца, в ямах небольшой глубины. Так же, как и там, здесь известны скорченные трупоположения и трупосожжения. Однако по набору инвентаря эти могильники, датирующиеся VII—VI вв. до н. э., несколько отличались от могильников первой группы. В них полностью отсутствуют характерные скифские вещи. Найденные металлические предметы, среди которых имеются не только украшения, но и пара железных удил, принадлежат к числу вещей гальштатских типов (браслеты из узкой пластинки с вдавленными полосками и круглыми выпуклостями на концах, бронзовые спиральки, бронзовые круглые пуговицы, железные удила с круглыми кольцами на концах) [5].

Керамика VII — первой половины V в. до н. э., найденная как в погребениях, так и на многочисленных поселениях, близка к той, которая была распространена в эту эпоху на территории Среднего Поднепровья. Преобладали лощеные сосуды разных форм и размеров, украшенные резным и штампованным орнаментом, иногда заполненным белой пастой. Однако орнаментация здесь еще более богатая и разнообразная, чем на среднедне-

---

[1] Греческая керамика, представляющая обычную категорию находок в соседних группах скифообразной культуры лесостепи, здесь не встречается ни в курганах, ни в поселениях. Попадаются лишь зеркала ольвийского производства, вообще очень широко распространенные в VI в. до н. э.

[2] T. Sulimirski. Skytowe na Zachidnem Podolu, стр. 104 и сл.

[3] В настоящее время на территории Черновицкой области открыто 78 поселений скифской поры, и только два из них представляют собой укрепленные городища небольших размеров. Редкое явление представляют городища и в соседних областях — в Каменец-Подольской и Тарнопольской.

[4] В 1950 г. экспедицией Института истории, языка и литературы Молдавского филиала АН СССР под руководством Г. Д. Смирнова был раскопан могильник на правом берегу Днестра, между с. Сахарна и г. Резина Резинского района. В 1952 г. Молдавской экспедицией ИИМК у с. Алчедары было раскопано 4 кургана в группе, состоящей из 9 насыпей.

[5] Найдены в могильнике, раскопанном Г. Д. Смирновым. Хранятся частично в Институте истории, языка и литературы, частично в Кишеневском краеведческом музее.

провской посуде. Грубая кухонная посуда — горшки и баночные сосуды — отличается почти полным отсутствием орнамента в виде проколов в сочетании с валиками и защипами, характерного для керамики других групп. Чаще встречаются сосуды с упорами на плечиках или тулове [1]. Той резкой смены форм керамики в V в. до н. э., которая происходит на территории Среднего Поднепровья, здесь не наблюдается. Во второй половине V — IV вв. до н. э. здесь продолжала употребляться лощеная посуда разных форм, одни из которых представляли как бы дальнейшее развитие сосудов, бытовавших в более ранний период (миски, биконические корчаги, черпаки), другие не имеют прототипов среди местной керамики, но близки к тем формам, которые были распространены в это время в Румынии и Болгарии (кувшины, узкогорлые горшки). Резной и штампованный орнамент для керамики IV в. до н. э. не характерен. В широком употреблении в керамике разных типов были более или менее массивные налепы — упоры, служившие ручками[2]. В это же время начинают входить в употребление мелкие налепы, сосковидные и круглые, которые особенно широко распространились на посуде различных типов в несколько более позднее время[3]. Что касается поселений, то в отличие от Среднего Поднепровья, городища возникли здесь как будто только в IV в. до н. э. Принцип строительства оборонительных валов здесь был тот же, что и в других группах лесостепи, но вместе с тем обитателям этих областей были известны каменные кладки (Бутученское городище и малое городище у с. Сахарны). Наличие скифских наконечников стрел на городищах IV—III в. до н. э. как будто свидетельствует о существовании взаимоотношений со скифским миром. Находки фрагментов греческой посуды на каждом из городищ и поселений IV—III вв. до н. э., обследованных в настоящее время, говорят о том, что местное население находилось в эту эпоху в постоянных торговых связях с греческими городами Причерноморья.

Памятники лесостепного Побужья известны главным образом по материалам, найденным на Немировском городище, по нескольким курганам и ряду поселений, открытых экспедицией М. И. Артамонова в 1948—1949 гг.[4] Побужье занимает как бы промежуточное положение между северо-западной поднестровской и киевской группами памятников. Здесь так же, как на Среднем Днепре, рано возникли городища, сосуществовавшие вместе с открытыми поселениями. В курганах известны деревянные конструкции, столь характерные для киевской группы памятников и отсутствующие в северо-западной поднестровской группе. Со среднеднепровской сближает эту группу также и то, что проникновение элементов скифской культуры — вооружения, конского убора и вещей в зверином стиле — имело место здесь не только в раннескифский период, но продолжалось и в IV—III вв. до н. э.[5] Вместе с тем, судя по находкам родосской керамики на Немировском городище, можно говорить об установлении здесь еще с конца VII в. до н. э. торговых связей с Ольвией.

Керамика, лучше всего известная по находкам на Немировском и отчасти Севериновском городищах, несколько отличается от среднеднепров-

---

[1] Наиболее полный комплекс ранней керамики известен с селища у с. Сахарны.

[2] Особенно показательна для этого времени керамика, найденная Г. Д. Смирновым при раскопках на городище у с. Бутучены и хранящаяся в Институте истории, языка и литературы Молдавского филиала АН СССР.

[3] В 1952 г. керамика с небольшими сосковидными и круглыми налепами была найдена А. И. Мелюковой при раскопках на городищах у с. Выхватинцы Рыбницкого района, относящихся к IV—III вв. до н. э. и продолжавших существовать еще в первые века н. э.

[4] См. М. И. Артамонов. Археологические исследования в Южной Подолии в 1948 г. ВЛГУ, 1948, № 11.

[5] А. А. Спицын. Курганы скифов-пахарей. ИАК, вып. 65 (1918), стр. 120, и также М. И. Артамонов. Ук. соч.

ской и по ряду черт сближается с керамикой северо-западной среднеднестровской группы памятников. Здесь, так же как и там, почти совершенно не был в употреблении резной и штампованный геометрический орнамент на лощеной посуде. Последняя часто украшалась желобками или каннелюрами. Что касается форм этой керамики, то здесь, так же как и на территории северо-западной группы, не были в широком употреблении круглодонные сосуды, столь обычные для Среднего Поднепровья. Местную особенность составляют большие мискообразные сосуды с широким устьем и округленным ребром на тулове, украшенные валиком с защипами и проколами и горошинами под венчиком[1]. Наряду с ними в конце VII, в VI и начале V вв. до н. э. бытовали обычные, как для северо-западного Поднестровья, так и для Среднего Поднепровья, баночные и тюльпановидные горшки. О керамике, распространенной на этой территории в более позднее время, пока нельзя сказать ничего сколько-нибудь определенного.

Киевская группа памятников лесостепной культуры, сравнительно хорошо изученная[2], как уже было сказано выше, испытала наиболее сильное влияние скифской степной культуры. Это влияние было особенно сильным в IV—III вв. до н. э., когда сюда проникли не только широко распространенные в степи формы инвентаря, но и обычай погребать покойников в катакомбах. Несмотря на это, в течение всего скифского периода здесь сохранились свои, местные особенности, отличавшие данную группу не только от памятников степной культуры, но и от описанных групп памятников, а также от посульской и среднедонской. Местные особенности яснее всего прослеживаются в погребальном обряде и в керамике. Обряд трупоположения с преобладанием западной ориентировки покойников, господствовавшей здесь в течение всей скифской эпохи, не вытеснил окончательно обряда трупосожжения, характерного для более раннего времени. Более того, в конце IV—III вв. до н. э. количество погребений с трупосожжением значительно увеличилось. Это особенно хорошо прослеживается на материале северной поросской группы курганов[3]. Одним из характерных признаков настоящей группы является также большое разнообразие форм погребальных сооружений: от простых ям, только перекрытых деревянной крышей, до деревянных жилищеобразных сооружений разных конструкций[4]. Катакомбы, появившиеся из степи в IV—III вв. до н. э., не получили здесь широкого распространения и не вытеснили погребальных сооружений местных типов. Эти последние существовали здесь в течение всей скифской эпохи, от VII до конца III в. до н. э.

Керамика, известная в настоящее время не только из курганов, но и с поселений, особенно резко отличалась от степной в архаическую эпоху. Среди богатой ассортиментом форм лощеной посуды видное место занимали круглодонные кубки с невысокой шейкой и слегка отогнутым наружу краем, украшенные по наиболее широкой части тулова резным, часто заполненным белой пастой орнаментом. Наличие таких сосудов почти в каждом из архаических курганов Киевщины и почти полное их отсутствие в других группах памятников лесостепной культуры дает возможность

---

[1] Вещи из раскопок М. И. Артамонова на Немировском и Севериновском городищах хранятся в ЛОИИМК, из раскопок С. С. Гамченко и А. А. Спицына—в Государственном Эрмитаже.

[2] См. А. А. Спицын. Курганы скифов-пахарей; П. Д. Либеров. Скифские курганы Киевщины, КСИИМК, вып. XXX (1949), стр. 93 и сл. и диссертация на эту же тему в архиве ИИМК.

[3] Могильники Бобрицкий у с. Берестняги, у с. Студенцы, раскопки Е. А. Зноско-Боровского и А. А. Бобринского, см. А. А. Бобринский, Курганы и случайные находки близ м. Смела, т. III, СПб., 1901, стр. 93 и сл., а также курган у с. Яблоновки, см. Д. Я. Самоквасов. Могилы русской земли, М., 1908, стр. 114 и сл.

[4] П. Д. Либеров. Скифские курганы Киевщины, стр. 96—97.

считать эти сосуды местной особенностью. Среди черепков, также встречающихся как в погребениях, так и на поселениях, преобладали довольно глубокие сосуды, имеющие профиль тулова в виде латинской буквы S, часто богато орнаментированные. По форме и орнаментации они близки к тем, которые были распространены на территории современной Молдавии, и отличаются от черепков, бытовавших в северо-западной днестровской группе. Остальные типы лощеной керамики так же, как и грубая кухонная посуда, ничем существенно не отличались от керамики описанных выше культурных групп Побужья и северо-западного Поднестровья.

Керамика IV—III вв. до н. э., известная преимущественно с городищ, таких как Хотовское[1] и Пастырское, при некоторой близости к степной посуде этого времени генетически связана с более ранней керамикой. Тесный контакт со степью в IV—III вв. до н. э. вероятно способствовал, как уже было сказано выше, исчезновению характерных лощеных сосудов, но в изготовлении грубой кухонной посуды продолжались старые традиции. Из других форм материальной культуры следует коснуться украшений. В VII, VI и в начале V вв. до н. э. на рассматриваемой территории господствовали украшения местных типов или аналогичные распространенным на территории южногальштатской и лужицкой культур (булавки, гривны, браслеты, серьги или височные кольца с конической головкой), т. е. те же предметы, которые были характерными для остальных групп лесостепи. Позднее они вытесняются украшениями в зверином стиле или ювелирными изделиями мастерских греческих городов Северного Причерноморья. Изредка встречающиеся в памятниках IV—III вв. до н. э. украшения местных типов[2] не являются определяющими для культуры этого времени.

Помимо тесных взаимоотношений со скифским миром, особенностью данной группы, отличающей ее от памятников остальной лесостепи, является существование постоянных торговых связей с греческими городами Северного Причерноморья и прежде всего с Ольвией. Находка части милетского сосуда второй половины VII в. до н. э. в кургане у с. Болтышки[3] свидетельствует о проникновении греческого импорта в этот район еще в самом начале скифского периода. Наибольшего расцвета торговля с греческими городами Северного Причерноморья достигла в V—IV вв. до н. э., о чем свидетельствуют многочисленные находки греческой керамики в курганах и на городищах этого времени[4]. Связи с Кавказом, прослеживаемые по находкам бронзовых котлов[5] и удил кобанского типа[6] в курганах предскифской поры, в скифскую эпоху, очевидно, не играли сколько-нибудь существенной роли. В этом отношении данная группа памятников отличается от соседней, посульской, во многом близкой к ней.

Памятники р. Ворсклы, известные главным образом только по материалам из раскопок Бельского городища[7] и могильнику у с. Мачухи[8],

---

[1] Хранится в Институте археологии АН УССР в Киеве.

[2] См. например, Е. Ф. Покровська. Розкопки коло г. Макіївки, «Археологічні памъятки УРСР», т. II (1949), стр. 130.

[3] Б. В. Фармаковский. Милетские вазы юга России, «Древности»,т. XXV (1916), стр. 47 и сл.; Т. Н. Книпович. К вопросу о торговых сношениях греков с областью р. Танаиса в VII—V вв. до н. э., ИГАИМК, вып. 104 (1934), стр. 47 и сл.

[4] См. ИАК, вып. 14, (1905), стр. 13 и сл.; вып. 17 (1905), стр. 81 и сл.; вып. 20 (1906), стр. 6 и сл.; «Археологічні памъятки УРСР», т. II (1949), стр. 80 и сл.

[5] Один котел найден в кургане № 15, у с. Константиновки: А. А. Бобринский. Курганы и случайные находки близ м. Смела, т. I, стр. 36—37; два котла найдены у с. Жаботина; ESA, т. V, стр. 24.

[6] Курганы № 375, 376 у с. Константиновки: ИАК, вып. 4 (1902), стр. 30 и сл.; курган № 11 у с. Берестняги: А. А. Бобринский. Ук. соч., т. III, стр. 87.

[7] В. А. Городцов. Дневник археологических исследований в Зеньковском уезде Полтавской губернии в 1906 г. Тр. XIV АС, т. III, М., 1911, стр. 93 и сл.

[8] М. Я. Рудинський. Мачухська експедіція 1946 р. «Археологічні памъятки УРСР», т. II (1949), стр. 53 и сл.

представляются почти тождественными описанным памятникам правобережья. М. Я. Рудинский[1] объясняет происхождение этой группы памятников продвижением сюда части правобережного населения. Это представляется очень вероятным, но требует дальнейшего подтверждения, так как памятники предскифской поры здесь еще мало изучены.

Посульская группа памятников лесостепной культуры, заходящая как будто на Псел и Северский Донец, отличается от описанной правобережной и от памятников р. Ворсклы как особенностями в погребальном обряде, так и деталями инвентаря. Влияние скифской степной культуры хотя и было здесь сильным в IV—III вв. до н. э., все же уступало тому, которое имело место в описанной выше группе. Связи с греческими городами Северного Причерноморья, судя по находкам в курганах греческой керамики и ювелирных изделий, носили более или менее постоянный характер только в V—IV вв. до н. э. Более ранних вещей греческого производства здесь не известно. Как и в киевской группе, захоронение покойников производилось здесь в ямах с деревянными конструкциями или в ямах, просто перекрытых деревом. Однако формы погребальных сооружений из дерева были здесь значительно менее разнообразными, чем на правобережье. Эти сооружения чаще представляли собой или простые срубы из бревен, или постройки с вертикально стоящими столбами, перекрытые бревенчатым накатом. Пол в могилах довольно часто посыпался мелом или красной охрой. Степной обычай погребения в катакомбах здесь остался неизвестным. В обряде погребений преобладает так же, как на правобережье, вытянутое трупоположение, но не с западной, а с южной ориентировкой. Трупосожжения, преимущественно неполные, встречаются лишь спорадически[2].

Что касается инвентаря, то посульскую группу памятников от правобережной особенно резко отличает керамика. Лощеная посуда, обычная для описанных выше культурных групп, представлена здесь лишь единичными находками [3]. Широко распространенными на территории Посулья как в раннескифское, так и в более позднее время были сравнительно грубые горшки различных типов и размеров; значительно реже, чем на правобережье, здесь вместе с тем встречается орнаментация в виде валика с защипами на грубых горшках[4]. Преобладает ногтевой или пальцевый орнамент, расположенный или на венчиках, или по плечику сосудов. Некоторые особенности наблюдаются и в других категориях инвентаря, в частности в украшениях. Так, только в этой группе памятников известны бронзовые и железные ножные браслеты. Прорезные шумящие навершия, проникшие сюда из Прикубанья и найденные в целом ряде курганов Посулья, не привились в других группах лесостепи. К числу местных особенностей данной группы В. А. Ильинская склонна относить еще более широкое, чем на правобережье, употребление кости для различных видов изделий, вплоть до чешуек панцырей, а также более обычное употребление в качестве оружия боевых топоров[5]. Поскольку памятники предскифской поры на территории рассматриваемой группы еще не изучены, трудно решить вопрос о том, на какой именно основе сложилась здесь, по ряду

---

[1] М. Я. Рудиньский. Мачухська експедіція 1946 р. «Археологічні памъятки УРСР», т. II (1949), стр. 53 и сл.

[2] А. А. Спицын. Курганы скифов-пахарей, ИАК, вып. 65 (1918), стр. 123—124; В. А. Іллінська. Памъятки скіфського часу на Посуллі. Археологія, т. IV (1950), стр. 184.

[3] Курган у хут. Шумейка, ДП, вып. III, стр. 7, рис. 820.

[4] В. А. Іллінська. Ук. соч., см. также настоящий сборник, стр. 168 и сл.

[5] В. А. Ильинская. Памятники скифского времени Посулья (автореферат), Киев, 1949, стр. 6—8.

черт отличная от правобережной, культура скифского времени. Тем не менее, очень вероятным кажется предположение В. А. Ильинской[1], что такая основа была иной, чем на правобережье, а именно, что это была срубная культура, памятники которой известны как в Посулье, так и на Северском Донце. Вместе с тем следует заметить, что сложение и развитие культуры скифского времени на территории Посулья происходило при тесном взаимодействии с правобережным Средним Поднепровьем. В связи с этим культура Посулья существенно отличается от степной скифской, генетически связанной со срубной, и во многом близка к правобережной среднеднепровской.

Неясно также, какой была культура предскифской поры на Среднем Дону. Известные в этой области курганы, содержащие типичные скифские вещи[2], датируются концом VI—III вв. до н. э., но отдельные случайные находки предметов скифской культуры ранней поры (скифские наконечники стрел, удила) позволяют начинать скифскую эпоху на Среднем Дону так же, как и в других группах, с конца VII в. до н. э. По погребальным сооружениям и обряду группа среднедонских памятников близка к посульской и правобережной киевской. Захоронения здесь чаще производились в простых ямах, закрытых деревянным настилом, который поддерживали четыре или пять столбов, врытых в дно могильной ямы. Реже встречается облицовка стен ямы вертикально поставленным деревом. В положении покойников преобладает южная ориентировка. Трупосожжений пока не известно. Некоторое отличие от описанных выше групп наблюдается в наборе инвентарей, сопровождавших погребенных. Помимо обычно клавшихся вместе с покойником оружия, украшений и сосудов, здесь отмечено наличие в погребениях орудий труда[3].

Предметы, найденные в курганах IV—III вв. до н. э., свидетельствуют о существовании тесных связей этого района со степной Скифией, а также с Боспором и другими городами Северного Причерноморья. Вместе с тем, здесь значительно яснее, чем это можно сделать для других групп, выделяются предметы местного производства, сделанные по скифским образцам. Наиболее яркими примерами этого являются серебряный налобник и нащечники, найденные в кургане № 11 группы Частых[4].

Местная особенность данной группы прослеживается также в бытовании здесь предметов, указывающих на существование связей с племенами ананьинской культуры (фигурка медведя из кургана № 8 группы Частых[5], железные остролистные наконечники стрел[6], неизвестные в других частях Скифии, но встречающиеся в ананьинских древностях)[7].

Другие предметы — такие, как золотая обивка гребня из кургана № 11 группы Частых[8], или бронзовые украшения уздечки[9] из кургана

---

[1] В. А. Ильинская. Памятники скифского времени Посулья (автореферат), Киев, 1949, стр. 6—8.

[2] С. Н. Замятнин. Скифский могильник «Частые курганы» под Воронежем, СА, VIII (1946), стр. 9 и сл; В. А. Городцов. Раскопки Частых курганов близ Воронежа в 1947 г. СА, IX (1947), стр. 13 и сл.; Н. Е. Макаренко. Мастюгинские курганы, ИАК. вып. 43 (1911), стр. 17 и сл.

[3] Курган № 7 группы Частых. С. Н. Замятнин. Ук. соч., СА, VIII (1946), стр. 30—31. Курган № 5, там же, раскопки В. А. Городцова, СА, IX (1947), стр. 24—25.

[4] С. Н. Замятнин. Ук. соч., стр. 42, рис. 32, *1—4*.

[5] СА, VIII (1946), стр. 20, рис. 1—2.

[6] А.В IX (1947), стр. 24, рис. 16, *1*.

[7] А. В. Збруева. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху, МИА, № 30 (1952), табл. XIX, рис. 35 и стр. 174.

[8] СА, VIII (1946), стр. 45, рис. 36.

[9] Там же, стр. 19, рис. 6, *2*, *7*.

№ 1 той же группы, свидетельствуют о наличии взаимоотношений с более отдаленными культурами, а именно с культурами Сибири.

О керамике пока говорить трудно, так как поселения, дающие массовый керамический материал, здесь еще не исследованы, а в курганах местные сосуды представлены единицами. Из других категорий инвентаря следует отметить оружие. Наряду с обычными для всего Северного Причерноморья предметами вооружения, такими, как стрелы, мечи и кинжалы, здесь встречались наконечники копий особой местной формы. От скифских они отличаются более длинной втулкой и иными пропорциями пера[1]. Местную особенность, кроме отмеченных выше железных наконечников стрел, имеющих аналогии среди ананьинских древностей, представляют также железные наконечники стрел с двумя шипами[2]. Подобных стрел неизвестно ни в Скифии, ни где-нибудь за ее пределами.

На большей части очерченной территории лесостепи культура, тесным образом связанная со скифской, развивалась от VII до середины или конца III в. до н. э. С появлением в степях Северного Причерноморья сарматских племен и перенесением центра степного скифского царства в Крым, по всей вероятности, прервались оживленные взаимоотношения между лесостепью и степной Скифией. Вместе с тем в III—II вв. до н. э. прекратила свое существование в лесостепи и скифообразная культура. На территории Украины на смену ей появляются памятники культуры полей погребений. Из-за отсутствия достаточного количества данных еще нельзя считать окончательно доказанной преемственность культуры полей погребений от более ранней. Однако отдельные формы керамики ранних памятников этой культуры, а также обряд погребения как будто свидетельствуют о существовании такой преемственности и дают возможность предполагать, что никакой сколько-нибудь существенной смены населения на указанной территории во II в. до н. э. не происходило.

На Среднем Дону наличие сарматских курганов позволяет говорить о приходе в эти районы сарматов и вытеснении или ассимиляции ими местного населения скифского времени.

В населении лесостепи, оставившем скифообразную культуру, скорее всего можно видеть нескифские племена Геродота. Однако в настоящее время еще не представляется возможным окончательно решить вопрос о локализации нескифских племен, названных Геродотом, на современной карте, а также вопрос об их этнической принадлежности.

Как уже было сказано выше, распределение племен на карте, данное М. И. Артамоновым и И. В. Фабрициус, пока совершенно гадательно. Полное разрешение настоящей проблемы станет возможным только тогда, когда будут выяснены границы локальных вариантов как лесостепной, так и степной культур, когда удастся установить действительное положение Невриды и скифов-пахарей.

Что касается вопроса об этнической принадлежности лесостепных племен со скифообразной культурой, то возможной представляется точка зрения, высказанная рядом исследователей (П. Н. Третьяков, М. И. Артамонов, А. И. Тереножкин) о протославянстве части этого лесостепного населения, а именно той, которая жила на территории Правобережной Украины. Племена, населявшие правобережное Среднее Поднепровье и Побужье, как бы дают картину волнообразного, но последовательного развития от эпохи бронзы до эпохи полей погребений. При этом можно наметить три этапа развития: 1) предскифское время, когда господствовала местная

---

[1] Большинство наконечников копий не издано. Хранятся в Воронежском историческом музее. Издан только один, см. СА, VIII (1946), стр. 21, рис. 8, *1*.

[2] Н. Е. Макаренко. Археологические исследования 1907—1909 гг., ИАК, вып. 43 (1911), стр. 54, рис. 59, *2* и *8*.

культура и сильны были связи с западным миром; 2) скифская эпоха VII—III вв. до н. э., когда более или менее сильное в различных областях скифское воздействие замедлило развитие местной культуры; 3) послескифский период — эпоха, когда прежние навыки, ослабленные в предшествующий период, получают дальнейшее развитие, а вместе с тем вновь усиливаются северные и западные связи.

Что касается племен Поднестровья, то очень возможна принадлежность их к фракийцам. Об этом свидетельствует близость обряда погребения к тому, который был распространен на территории исторически известной Фракии, а также наиболее тесная связь племен, прослеживаемая по инвентарю, с фракийским кругом культур. Вместе с тем, следует иметь в виду наличие тесных связей населения Поднестровья как в доскифский, так и в более поздний периоды с носителями лужицкой культуры, с одной стороны, с племенами Среднего Поднепровья —с другой, связей, которые особенно отчетливо выступают в керамике и украшениях.

Совершенно своеобразную группу памятников культуры скифского времени представляют памятники бассейна Кубани. С началом железного века в Прикубанье устанавливается два хозяйственных уклада: земледелие и кочевое скотоводство. Для VI в. до н. э. здесь известно сочетание грунтовых могильников, принадлежавших рядовому земледельческому населению, и курганных погребений племенной аристократии как оседлых, так и полукочевых племен, а также значительное количество постоянных поселений. В курганах Кубани имеются четыре типа погребальных сооружений, лишь один из которых, с шатровыми перекрытиями, близок к погребальным памятникам правобережного Среднего Поднепровья. Остальные формы могил не находят аналогий в курганах скифского времени, как лесостепи, так и степи. Особенностью являются сырцовые или деревянные четырехугольные камеры внутри превосходящей их размерами ямы. При всем своем своеобразии курганы Кубани дают ряд черт сходства с культурами степной Скифии и лесостепной зоны. Наличие в целом ряде этих курганов человеческих жертвоприношений, многочисленных конских захоронений и богатого инвентаря заставляет сближать их с богатыми курганами собственной Скифии. Вместе с тем, найденная в них местная лощеная посуда связывает их с памятниками лесостепной территории. Инвентарь, происходящий из курганов, свидетельствует о тесных сношениях Прикубанья с Причерноморской Скифией и с греческими городами Северного Причерноморья. При этом наиболее интенсивные связи Кубани и Причерноморской Скифии прослеживаются в раннескифское время. В V—IV вв. эти связи продолжали сохраняться; однако в материальной культуре Прикубанья появились отдельные особые формы оружия, украшений, керамики, отличные от скифских и присущие лишь этой территории. Наряду с ними бытуют и общие для всей Скифии предметы и вещи боспорского производства.

Грунтовые могильники и поселения этого времени, принадлежавшие рядовому населению, дают меньше предметов скифских типов. Однако именно в них хорошо представлена лощеная посуда, часто почти тождественная с керамикой лесостепной зоны. Представляется вероятным, что лощеная керамика тех типов, которые в лесостепной полосе исчезают к середине V в. до н. э., на Кубани сохраняется несколько дольше.

Довольно резкие различия между рядовыми могильниками, с одной стороны, и отсутствие полного единообразия в самих курганах, с другой,— объясняются, вероятно, не только наличием на Кубани двух хозяйственных укладов и значительной социальной дифференциацией кубанского населения, а отражают, возможно, и некоторую пестроту этнических группировок Прикубанья. Может быть, здесь наряду с местным синдо-меотским населением, которому должны принадлежать эти памятники, было пришлое

скифское население, смешавшееся с местным, хотя прямых доказательств наличия здесь когда-нибудь постоянного собственного скифского населения нет. Со второй половины IV в. до н. э. наблюдается включение ряда местных племен Прикубанья в состав Боспорского царства или в сферу его политического и экономического влияния. Кроме того, начиная со второй половины IV в. до н. э. на территорию Прикубанья из волго-донских степей проникают сарматы.

Кроме трех очерченных больших культур — степной, лесостепной и прикубанской, есть еще одна большая культура скифского времени, близкая причерноморским. Это — культура Задонья, Заволжья и Западного Казахстана, для которой характерны крытые деревом широтные ямы, западная ориентировка покойников, принесение баранов в качестве заупокойной жертвы. Оружие здесь с небольшими вариантами то же, что и в Причерноморье. Звериный стиль этой культуры имеет много общего с причерноморским, но есть и ряд форм, близких сибирским; конская сбруя очень близка к черноморской. Эта культура, савроматская или протосарматская, развивается затем в сарматскую и в более или менее чистом виде распространяется отсюда на запад и на Кавказ.

Формы скифского звериного стиля, оружия и конского убора попадают на Каму в область ананьинской культуры, где они смешиваются с формами местными и получают очень своеобразное оформление, в котором, однако, скифское начало всегда выделимо. То же, но с меньшей отчетливостью, можно отметить и в тагарской культуре. Но обе эти культуры так своеобразны, что их никому не приходит в голову назвать скифскими.

Роскошная культура Алтая, ее майэмирский и пазырыкский этапы, имеет в оружии мало общего со Скифией, но зато при всем своеобразии этой культуры, общность эта прослеживается в конском уборе и в зверином стиле.

В Средней Азии пока что очень мало аналогичных находок, да и все они много моложе не только причерноморских, но и ананьинских и тагарских, и с ними связанных. Все они еще к тому же и случайны.

Если культуры двух последних областей назывались иногда скифскими, то теперь это наименование присваивается только алтайской культуре, главным образом С. И. Руденко. Этот исследователь писал, что носители этой культуры «скифы, но, разумеется, не в смысле этнического родства и близости происхождения со скифами геродотовыми, а в смысле принадлежности их к стадиально общей культуре, бытовавшей в первом тысячелетии до н. э. на огромном пространстве евразийских степей от Алтая на востоке до Карпат на западе»[1]. Теперь С. И. Руденко отбросил стадиальную концепцию, но сохранил за этими племенами наименование скифо-саков. Столь длительное сохранение античного собирательного термина даже в более широких пределах, чем у самих древних авторов, ничем не оправдывается.

Если мы правы в своих соображениях, то скифской можно назвать только собственно степную культуру Причерноморья. Для других основных культур Причерноморья, а также для некоторых из их вариантов нужно выработать другие названия, как, например, «савроматская», «мэотская» и т. п.

Так называемый скифский звериный стиль, скифские оружие и конский убор почти тождественны в VII—III вв. до н. э. лишь в первых трех основных культурах Причерноморья и очень близки к ним в четвертой.

---

[1] С. И. Руденко. Искусство скифов Алтая, М., 1949, стр. 3. В вышедших вслед за тем работах С. И. Руденко не содержится такого рода высказываний, но представление о распространении скифской культуры от Дуная до Алтая остается в них в прежней силе.

Конечно, во всех этих культурах они имеют некоторые отличия, но их непосредственная связь и совместное неразрывное бытование неоспоримы. В ананьинской культуре инфильтрация этих форм из Причерноморья и Заволжья совершенно несомненна. Труднее об этом говорить для сибирских и среднеазиатских культур. Туда, кроме стрел, не проникает или почти не проникает оружие. Но при всех отступлениях в конском уборе и зверином стиле черты сходства достаточно очевидны.

Эти сложные и в то же время достаточно определенные, всегда между собой связанные формы «скифского металла» и стиля не могут самостоятельно развиваться в каждом отдельном месте. Они должны иметь родину на пространстве значительном, но все же меньшем, чем все Причерноморье. Сейчас еще нет возможности сказать, где эта родина; но то, что в полном наборе эта «скифская» триада встречается только в Причерноморье скифского времени, что отсюда она, чем далее на восток, тем более утрачивает свой целостный облик, делает все же наиболее вероятным искать родину этого стиля где-то здесь.

Стремительное распространение этой триады, по крайней мере с VI в., едва ли найдет иное объяснение, кроме развития кочевых форм быта, способствовавших очень быстрому распространению некоторых черт быта. Для этого не надо постулировать переселение. Функционирование скифского торгового пути Геродота и несомненное наличие других путей сношений, например с Кубани по Донцу в среднеднепровское левобережье и т. п.,— лучшие указания на то, как могло это распространение происходить, но вопрос о родине этих «скифских» начал еще не близок к разрешению. Во всяком случае, название этой триады скифской может существовать лишь как совершенно условное.

Итак, собственные скифы — это ираноязычные родственные племена, и кочевые и оседлые, занимавшие сравнительно небольшую степную территорию в северо-западном Причерноморье и Приазовье. Сюда, может быть, входили все племена, называемые скифскими Геродотом, может быть, скифы-пахари принадлежали к другой этнической группе: при нашем уровне знаний это пока еще не может быть определено. Собственно скифам соответствует степная скифская культура; впрочем, нижнедонской ее вариант принадлежит, вероятно, мэотам. В лесостепной полосе УССР и РСФСР жили нескифские племена Геродота, сходные со скифскими по быту. Их языковая принадлежность все еще не определена. Им соответствуют несколько родственных между собою культурных групп, имеющих много черт отличия, но и черты сходства со степною культурой собственных скифов. Расширительное понятие скифов в том смысле, как оно употреблялось многими античными авторами, создает неверное представление о бесконечно огромной территории ираноязычных скифов; оно должно быть из нашей терминологии устранено, так как терминологический разнобой приводит в данном случае к невольному искажению исторической действительности.

А. И. Тереножкин

КУЛЬТУРА ПРЕДСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ В СРЕДНЕМ ПОДНЕПРОВЬЕ

(Чернолесский этап)

А. А. Спицын, рассматривая область расселения скифов-пахарей, с которыми он связывал памятники земледельческих племен украинской лесостепи VI—III вв. до н. э., выделил две большие этнографические группы— киевскую и полтавскую, показал глубокое отличие памятников этих групп от степных кочевнических. Новым и важным выводом в его работе явилась попытка генетически связать культуру этих племен с широко развитыми местными культурами бронзового века. В соответствии с этим А. А. Спицыным была выделена и описана отдельная группа курганов «переходного времени», отличающаяся от курганов скифского и предскифского периодов; эти курганы, писал он, «видимо, примыкают к местным курганам со скорченными костяками» [1].

Главную трудность в установлении такой непрерывной преемственности он видел в том, что по культуре памятники бронзового века слишком сильно отличаются от памятников раннего железного века, что оттенялось кажущейся необычайной быстротой их смены. А. А. Спицыну представлялось, что «перемена одной культуры в другую в киевских курганах совершается почти вдруг, в полном составе, как перемена декорации». Объяснение такому резкому изменению местной культуры на рубеже периода бронзы и железа он видел в «большом политическом и экономическом» перевороте, который пережило в это время старое население лесостепи, вызванном «появлением вблизи новой народности или нового культурного центра» [2].

А. А. Спицыным же в результате работ на Немировском городище впервые было отмечено для памятников лесостепи скифского времени наличие керамических форм, находящих себе параллели в гальштатской культуре Средней Европы [3]. Позднее это явление неоднократно отмечалось в литературе, но уже не как свидетельство существования взаимных культурных связей, как его понимал А. А. Спицын, а в качестве доказательства одностороннего культурного влияния Гальштата на культуру нашей лесостепи или даже проникновения с запада этнического элемента.

Местный генезис культуры оседлых земледельческо-скотоводческих племен скифского времени в украинской лесостепи мог предполагаться, но доказать его было трудно вследствие недостаточности археологических материалов.

---

[1] А. А. Спицын. Курганы скифов-пахарей, ИАК, вып. 65, стр. 87, 88.

[2] Там же, стр. 94—95.

[3] А. А. Спицын. Скифия и Гальштатт. Сборник археологических статей, поднесенный А. А. Бобринскому, СПб., 1911, стр. 162.

Первым крупным шагом, сделанным в этом направлении, явилось открытие в начале 20-х годов памятников белогрудовской культуры в южной части Киевской области на Уманщине. Вещественный комплекс этой культуры не оставляет никаких сомнений в том, что она относилась еще к предскифскому времени. Однако, судя, по тому, что для белогрудовской культуры довольно характерно наличие каменных орудий (кремневых вкладышей для серпов, полированных топоров и др.), между ней и собственно скифским периодом, начало которого мы относим к концу VII в. до н. э., прошел какой-то значительный промежуток времени [1].

Время это выделяется нами на основании анализа материалов Чернолесского городища в особый «чернолесский» этап, который отличается многочисленными и весьма своеобразными чертами и является в то же время прямым переходным и связующим звеном в истории материальной культуры местных племен от белогрудовского времени к собственно скифскому периоду.

Исследования производились Институтом археологии АН Украинской ССР путем раскопок на Чернолесском городище в верховьях р. Ингульца в 1949 г., разведок по р. Тясмину между Ново-Георгиевском и Смелой в 1950 г., раскопок на городище у с. Субботова в Чигиринском районе в 1951 г. и раскопок на городище у с. Лубенцев в Каменском районе Кировоградской области в 1952 г.[2] Ценные данные об этом этапе дали разведки по р. Тясмину к востоку от Смелы, проведенные экспедицией ИИМК под руководством П. Н. Третьякова в 1946 г.[3]

Основными известными в настоящее время памятниками чернолесского этапа являются городища, которые датируются, как это будет видно из дальнейшего, в основном концом IX— первой половиной VII в. до н. э.

Отличительной особенностью чернолесских городищ являются их небольшие размеры. Городища обычно устраивались на высоких мысах между оврагами, в крутых излучинах речек и на обособленных возвышенностях, удобных для возведения простых оборонительных сооружений. Городища, размеры которых колеблются в пределах от 0,15 до нескольких гектаров, укреплялись с напольной стороны, а иногда и кругом одной или двумя линиями валов со рвами [4]. На самих городищах культурные наслоения бывают очень незначительными. Чаще, повидимому, поселения располагались вокруг таких городищ-убежищ, использовавшихся для защиты лишь во время нападения врагов. Судя по небольшим размерам, их можно рассматривать как укрепления отдельных родов или родовых групп.

Эти поселения представляют собой древнейшие укрепления на русской равнине. Появление чернолесских городищ хронологически связано с выходом на широкую историческую арену воинственных племен киммерийцев и скифов, ими отмечается начало той межплеменной борьбы, которая привела в конце VII в. к сложению Скифии.

Если такие городища, как Тясминское, Полудневское, Лубенецкое (в устье р. Жаботинки), Головятинское, Залевкинское, Субботовское,

---

[1] О. І. Терножкін. Поселення білогрудівського типу біля Умані, Археологія, т. V (1951), стр. 173 и сл.

[2] О. І. Терножкін. Розвідки і розкопки 1949 р. в північній частині Кіровоградської обл., Археологія, т. VII (1952), стр. 117 и сл.; его же. Скифская днепровская правобережная экспедиция, КСИИМК, XXXVII (1951), стр. 122 и сл.; его же. Поселения и городища в бассейне р. Тясмина, КСИИМК, вып. XLIII (1952), стр. 80 и сл.

[3] П. Третьяков. Звіт про археологічні дослідження, 1946 р. в бассейні річок Росі і Тясмину, Археологічні памъяткі УРСР, т. 1 (1949), стр. 228 и сл.; Е. Ф. Покровська. Поселення VIII—VI ст. ст. до н. е. на Тясмині, Археологія, т. VII (1952), стр. 43 и сл.

[4] А. И. Терножкин. Поселения и городища в бассейне реки Тясмина, КСИИМК, вып. XLIII, стр. 86, рис. 26.

служили укреплениями родовых поселков, то им в лесостепи в скифское время пришлина смену огромные городища типа Бельского, Немировского, Басовского, Хотовского, Матронинского, Пастерского, которые, как это, повидимому, совершенно правильно предполагает М. И. Артамонов, создавались усилиями целого племени и служили не только для личной защиты населения, но и для охраны его основного богатства — скота[1]. Можно думать, что с началом скифской эпохи жизнь в малых городищах и оборона распыленными силами отдельных родов фактически стала уже невозможной.

На самом Чернолесском городище культурные наслоения представлены обычными холмообразными расплывчатыми зольниками, толща которых не имеет определенной структуры. Мощность таких зольников достигает 1—1,5 м толщины. Общая площадь, занятая местами сливающимися между собой зольниками, на Чернолесском городище достигает 600 м в поперечнике. В них в большом количестве встречаются обломки глиняной посуды, отдельные поделки из кости и камня и обильные кухонные остатки.

На Субботовском городище в верхних слоях встречались остатки жилых наземных построек с глинобитными полами и глинобитными же очагами, первоначальные формы которых, к сожалению, не сохранились. В нижнем слое, давшем культурные остатки переходного типа от белогрудовского к чернолесскому этапу, были открыты две обширные (6 × 10 м) неглубокие землянки, разрушенные во время пожара. В одной, лучше сохранившейся, землянке горизонтальный пол был чисто промазан толстым слоем глины. В середине землянки находился открытый глинобитный очаг, у стены было невысокое круглое глинобитное возвышение, служившее, возможно, жертвенником, рядом с которым стояло несколько больших и маленьких глиняных сосудов; в углу лежала большая кварцитовая зернотерка. В другой землянке на неровном полу вокруг очага, находившегося в середине помещения, располагались в различных местах глиняные сосуды разных размеров и форм, костяные поделки в виде тупиков и проколок и каменные зернотерки. На поселениях вокруг городищ раскопки еще не производились.

Раскопки на Чернолесском и Субботовском городищах дают преобладающее количество костей крупного рогатого скота (49%), затем лошадей (24,4%) и, наконец, свиней и мелкого рогатого скота (по 14,3%)[2]. Большое количество свиней в стаде, устанавливаемое на основании остеологического материала, обусловлено, повидимому, сравнительно высоким уровнем земледелия, позволявшим делать достаточные запасы кормов на зиму. Кроме того, для Чернолесского городища отмечены еще находки костей одной особи домашней курицы и одной особи благородного оленя, а для Субботовского городища — одной особи собаки и особи зубра (?). Очевидно, охота не имела существенного значения в хозяйстве, а часто встречающиеся на городищах костяные наконечники стрел, о которых речь будет ниже, должно быть, служили преимущественно для военных целей.

Керамика чернолесского этапа представлена значительным количеством обломков и рядом целых сосудов, происходящих преимущественно из раскопок на Чернолесском и Субботовском городищах. По технике изготовления они делятся на простые и лощеные. К числу простых сосудов относятся горшки, иногда миски и миниатюрные сосудики, которые делались из глины без примесей или со значительной примесью толченого кварца. Поверхности таких сосудов шероховаты и имеют не затертые неровности.

---

[1] М. И. Артамонов. Археологические исследования в Южной Подолии, ВЛГУ, 1948, № 11, стр. 179.

[2] По подсчетам И. Г. Пидопличка.

Горшки (рис. 1) имеют вид высоких, сравнительно узких банок со слегка выпуклым корпусом и плавно отогнутым наружу венчиком, по форме они ближе всего сходны с горшками «тюльпановидной» формы, характерной для высоцкой культуры. Сосуды этого рода обычно украшались по краю проколами и изредка прямыми или косыми нарезками. Столь же обычным украшением на них, как и проколы, является налепной валик с пальцевыми вдавлениями (реже нарезками), который, в отличие от сосудов скифского времени, помещается не на краю, а на плечике сосуда. Изредка эти сосуды бывают украшены гладким валиком и в этом случае фактически не отличаются от рядовых сосудов белогрудовского времени. Наряду с замкнутым валиком встречаются валики с наискось заходящими концами, с концами, вертикально опущенными вниз или волютообразно загнутыми в разные стороны. Иногда валик заменяется рядом ямок, выдавленных пальцем, проходящим также по плечику сосуда. Встречаются сосуды с одиночными и парными сосковидными выступами, располагающимися в количестве от 2 до 4 также по плечику по противоположным сторонам сосуда[1].

Рис. 1. Сосуд с валиком. Субботовское городище

Миски плоскодонные, глубокие, с гладкими слегка загнутыми внутрь краями. Наряду с простыми встречаются и лощеные миски. Последние иногда по краю снаружи украшались чуть заметными вертикальными или косыми каннелюрами [2].

Миниатюрные сосуды воспроизводят формы горшков и мисок, чаще всего они вылепливались очень грубо [3]. Вероятнее всего, они делались с целью совершения жертвоприношений.

Лощеная керамика изготовлялась из хорошо промешанной глины без примесей. Лощеная керамика более разнообразна, хотя в количественном отношении она сильно уступает нелощеной. Лощение имеет среднее качество, лучшей выделкой отличаются только небольшие сосуды. Для лощеной керамики характерны крупные сосуды

Рис. 2. Сосуд с зубчатым орнаментом. Субботовское городище

[1] См. Археологія, т. VII, стр. 132, табл. III, рис. 1, 2, 4—7; табл. IV.
[2] Там же, табл. III, рис. 8—9.
[3] Там же, табл. III, рис. 10—14, где ошибочно не указано, что рисунки даны в $^1/_2$ н. в.

грушевидной формы с маленьким неустойчивым дном, широкими плечами, высоким коническим горлом и сильно отогнутыми наружу широкими краями. Они украшались сосцевидными налепами по плечику и каннелированным орнаментом.

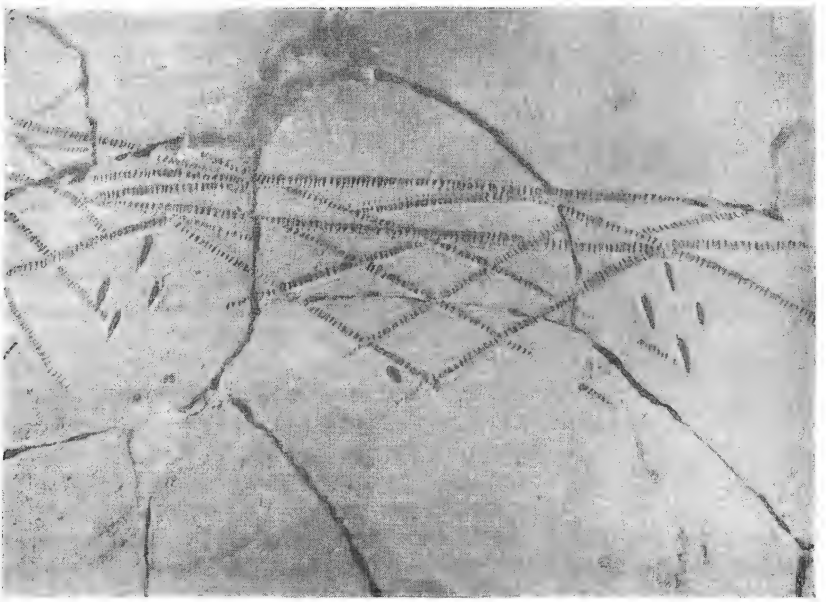


Рис. 3. Орнамент на сосуде из Субботовского городища

Рис. 4. Чернолощеная корчага. Субботовское городище

Рис. 5. Фрагмент кубка с резным орнаментом. Субботовское городище

Наряду с ними были более обычны сосуды-корчаги, близкие к ним по форме, с таким же маленьким и неустойчивым дном, но с более выпуклым корпусом, пропорционально менее высоким горлом и слабее отогнутым

венчиком (рис. 2—4). Сосуды эти разнообразны по величине, среди них есть большие и маленькие. Они украшались нарезным и чеканным зубчатым орнаментом, чаще всего в виде узкой ленты треугольников, идущей по плечику сосуда. В отдельных случаях орнамент на таких сосудах инкрустировался белой пастой, употребление которой в местном керамическом производстве отмечается впервые еще в белогрудовское время [1]. Среди малых сосудов этого рода (высотой до 15 см) имеется уже несколько настоящих кубков (фрагмент одного из них изображен на рис. 5), которые, как известно, широко распространены в культуре местных племен в раннескифское время на жаботинском этапе. Следует лишь отметить, что в скифское время они отличаются более высоким качеством лощения и бо́льшим богатством орнаментации. Наиболее близок к чернолесским кубок из кургана № 100 у с. Синявки, раскопанного Е. А. Зноско-Боровским [2].

Сосуды грушевидной формы, появляясь в белогрудовское время, получают большое распространение в эпоху скифской архаики, когда и форма их приобретает наибольшую законченность [3]. Сосуды грушевидной формы хорошо известны в культурах раннего железного века на Дунае [4], в южных областях распространения лужицкой и родственных ей культур к северу от Карпат [5]; на востоке близкие параллели дает Северный Кавказ с его известным Каменномостским могильником предскифской поры в Кабарде. Сводка описаний подобных сосудов приведена Е. И. Крупновым, обратившим внимание на их сходство с керамикой Среднего Поднепровья [6].

Черпаки на городищах чернолесского времени встречаются редко, так что тип их выяснен еще недостаточно полно. Они представлены плоскодонными сосудами с ручками ленточной формы, одинаково близкими и белогрудовским и высоцким [7]. Становится совершенно очевидным, что черпаки с высокими ручками получают в Поднепровье широкое распространение лишь на жаботинском этапе [8]. В числе других керамических изделий с городищ чернолесского времени следует упомянуть изредка встречающиеся фигурки животных грубой лепки, воронки, маленькие «столбики», «лепешечки», конусы. Глиняные пряслица нехарактерны для чернолесского этапа.

Орудия из камня, если не считать тёрочники и зернотёрки, почти совершенно отсутствуют. Отмечаются лишь случаи находок кремневых вкладышей для серпов и полированного каменного топора с отверстием для ручки, сделанного из рыхлой кристаллической породы. Кремневые и полированные каменные орудия, бывшие еще весьма обычными в белогрудовское время, теперь фактически исчезают из производства.

---

[1] С. С. Березанская и Г. Т. Титенко. Новые исследования памятников белогрудовского типа.

[2] Б. Н. и В. И. Ханенко. Древности Приднепровья, вып. III. Киев, 1900, табл. XII, рисунок в центре среднего ряда.

[3] Там же, стр. 7, сосуд из кургана у х. Шумайко на р. Суле.

[4] Попов. Могилните гробове при с. Ендже. Известия на българския археологическия институт, т. VI, стр. 89—117, рис. 96; N. Äberg. Bronsezeitliche und früheisenzeitliche Chronologie, часть II, Hallstattzeit, Stockholm, 1931, стр. 32, рис. 37. F. Tompa. 25 Jahre Urgeschichtsforschung in Ungarn, 2 Bericht der röm.-germ. Kommission, Berlin, 1937, табл. XLVIII, 3.

[5] T. Sulimirski. Kultura wysocka, Kraków, 1931, стр. 127, табл. XXIII, рис. 1, 11.

[6] Е. И. Крупнов. Археологические исследования в Кабардинской АССР в 1948 году. Ученые записки научно-исследовательского института Кабардинской АССР, т. V, Нальчик, 1950, стр. 248, рис. 43; стр. 253, рис. 52; стр. 258 и сл.

[7] О. І. Тереножкін. Поселення білогрудівського типу біля Умані, стр. 176; табл. III, рис. 2 и 5; T. Sulimirski. Ук. соч., стр. 120—123.

[8] Е. Ф. Покровська. Поселення VIII—VI ст. ст. до н. е. на Тясмині, Археологія, т. VII, стр. 59, табл. IV, рис. 6—11.

Сильно возрастает значение кости как материала для изготовления различных изделий и орудий труда. Чаще других встречаются тупики, сделанные из нижней челюсти крупного рогатого скота, костяные проколки, лощила, булавки и мотыги. Последние обычно делались из рога оленя (рис. 6). Далее следует упомянуть находки «муфт» из оленьих рогов для крепления каких-то орудий. Из них одна, найденная на Субботовском городище, украшена крупным резным узором в виде многоконечной звезды (рис. 7). Большого внимания заслуживают гладкие костяные псалии с тремя отверстиями, оформленными в виде трубочек (рис. 8), что так типично для бронзовых гальштатских псалий, к которым близки, например, бронзовые псалии из кургана Малая Цимбалка[1]. С ними в одном ряду по простоте формы стоят бронзовые псалии из кургана № 183 у Гуляйгорода[2]. К принадлежностям конского убора можно отнести большую круглую бляху с двумя петлями на оборотной стороне, небольшую, тоже гладкую, бляшку в виде широкого челночка и продолговатый слегка изогнутый наконечник, украшенный циркульными кружками. При раскопках на Субботовском и Лубенецком городищах найдено большое количество костяных наконечников стрел, ранее совершенно неизвестных для предскифского времени в Среднем Поднепровье. Стрелы втульчатые и черешковые (рис. 9). Втульчатые наконечники крупные или небольшие ромбические или квадратные в сечении, генетически, вероятно, связаны с известными в срубной и андроновской культурах на востоке втульчатыми наконечниками, от которых ведут свое происхождение и скифские втульчатые бронзовые наконечники стрел[3]. Черешковые наконечники, повидимому, местных типов. Одни из них крупные, имеют вид узкого длинного листа ромбического в сечении с грубо обтесанными поверхностями, с круглым, длинным черешком. Другие — небольшие, двухлопастные, почти плоские, с расщепленным вильчатым черешком; они, подобно втульчатым, тщательно заполированы. Наконечники стрел с вильчатым черешком встречаются вообще довольно редко; подобные наконечники известны, например, для воронежских курганов скифской поры, но там они, в отличие от своего прототипа, сделаны из железа, а не из кости. Наконец нам остается упомянуть о гарпуне, найденном на Лубенецком городище. Гарпун средних размеров, в виде овального в сечении стержня с одним зубцом, сделан из куска толстой длинной кости.

Рис. 6. Мотыга из рога оленя. Субботовское городище

При раскопках зольников на Чернолесском городище не найдено ни одного металлического предмета. С Субботовского городища происходят небольшое бронзовое четырехгранное в сечении шило и верхняя часть крупной гвоздевидной булавки с боковой треугольной петлей.

---

[1] ОАК, 1868, стр. XVI.

[2] А. А Бобринский. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смела, т. II, СПб., 1894. стр. 75, табл. IV, рис. 11.

[3] О. А. Гракова. Алексеевское поселение и могильник. Труды ГИМ, вып. XVII (1948), стр. 157 и сл.

Лучший пока известный комплекс бронзовых вещей чернолесского времени дал небольшой клад, найденный в 1946 г. при раскопках Залев-

Рис. 7. «Муфта» из рога оленя. Субботовское городище

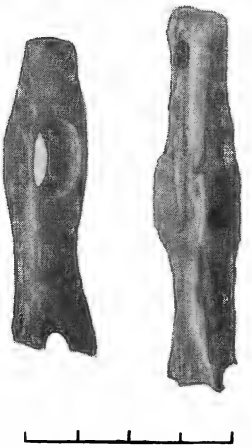


Рис. 8. Фрагментированные костяные псалии. Субботовское городище

кинского городища экспедицией ИИМК под руководством П. Н. Третьякова. В кладе оказались следующие предметы: бронзовые двухпетельчатые удила так называемого кобанского типа, несколько цилиндрических пронизей, свернутых из листочков бронзы, биконические спиральные пронизи с пунсованным орнаментом, браслеты с выпуклинами в виде четок, колокольчик, бронзовая чаша и стеклянная бусина[1]. Большинство вещей этого клада отчетливо свидетельствует о живых связях Среднего Поднепровья с Северным Кавказом. В совокупности такие предметы, как бронзовые двухпетельчатые удила, цилиндрические и спиральные пронизи и колокольчик, представлены, например, в Каменномостском могильнике, в котором они встречены с типичными для кобанской культуры бронзовыми топорами и кинжалами и древнейшими в Восточной Европе железными вещами еще вполне доскифского облика[2]. Случаи находок двухпетельчатых удил в погребениях раннескифского времени неоднократно отмечались в днепровском лесостепном Правобережье[3]. Местными в

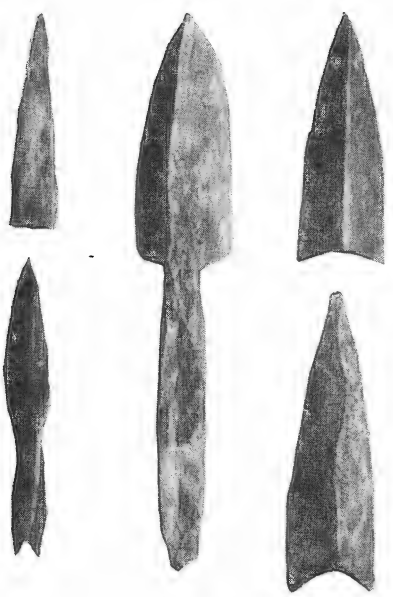


Рис. 9. Костяные наконечники стрел. Субботовское городище

[1] П. Третьяков. Звіт про археологичні дослідження 1946 р. в бассейні річок Росі і Тясмину, Арх. пам. УРСР, т. I, стр. 230, 233, рис. 7.

[2] Е. И. Крупнов. Археологические исследования в Кабардинской АССР в 1948 году, стр. 251, рис. 48; К. Э. Гриневич. Новые данные по археологии Кабарды, МИА, № 23, стр. 135, рис 13, стр. 136, рис. 14.

[3] ИАК, вып. 4, стр. 30—33, кург. № 375 и 376, рис. 1 и 7.

кладе являются трапециевидные пластинки с пунсованным орнаментом, хотя они известны и в высоцкой культуре [1]. Подобные залевкинским браслеты были также найдены в могилах высоцкой культуры [2]. С среднеевропейскими культурами раннего железного века связана и бронзовая мисочка.

Происходящий из этого клада бронзовый слиточек послужил первым указанием на местное бронзолитейное производство в чернолесское время. Однако более полное представление о нем удалось составить в результате раскопок на Субботовском городище, которые дали много обломков глиняных литейных форм, изготовленных по восковой модели. Они служили для отливки кельтов с четыреугольной втулкой и ушком у края (по

Рис. 10. Пластилиновые слепки по обломкам литейных форм. Субботовское городище

сохранившейся части матрицы вся форма кельта не восстанавливается), крупных гвоздевидных булавок с боковой петлей и различных круглых и овальных браслетов или браслетовидных предметов. Особенно многочисленными оказались формы для отливки браслетов, производство которых здесь носило массовый характер. Тип их совершенно особый. Ранее они были известны только по собранию Киевского исторического музея. Места находок их строго ограничены пределами районов Канева, Смелы и Черкасс, что позволяет считать такого рода браслеты типично местными, поросско-тясминскими. Браслеты имеют вид пояска различной ширины с наглухо сомкнутыми концами, запиравшимися посредством особой круглой бляшки с отверстием на одном конце, в которое вводился штифт, находящийся на другом конце. Браслеты (рис. 10) украшались рельефными узорами в виде спиралей, поперечных рубчатых лент, рядов точек и кружков. На основании стилистических особенностей они были поставлены А. М. Тальгреном в связь с украшениями клада из Фокору в Трансильвании и датированы гальштатским временем [3].

В составе коллекции различных поздних бронзовых орудий и украшений, происходящих с территории днепровского лесостепного Правобережья, хранящихся в Киевском историческом музее и известных по публикациям, имеется ряд предметов (булавки, браслеты, кельты, долота, стамески и пр.), которые можно отнести без большого риска к белогрудовскому и чернолесскому времени. Однако в данном случае целесообразно воздержаться

[1] T. Sulimirski. Kultura wysocka, Краков, 1931, табл. XXV, рис. 19.
[2] Там же, табл. XXVI, рис. 18.
[3] А. И. Тереножкин. Поселения и городища в бассейне р. Тясмина, КСИИМК, вып. XLIII, стр. 90 и сл.

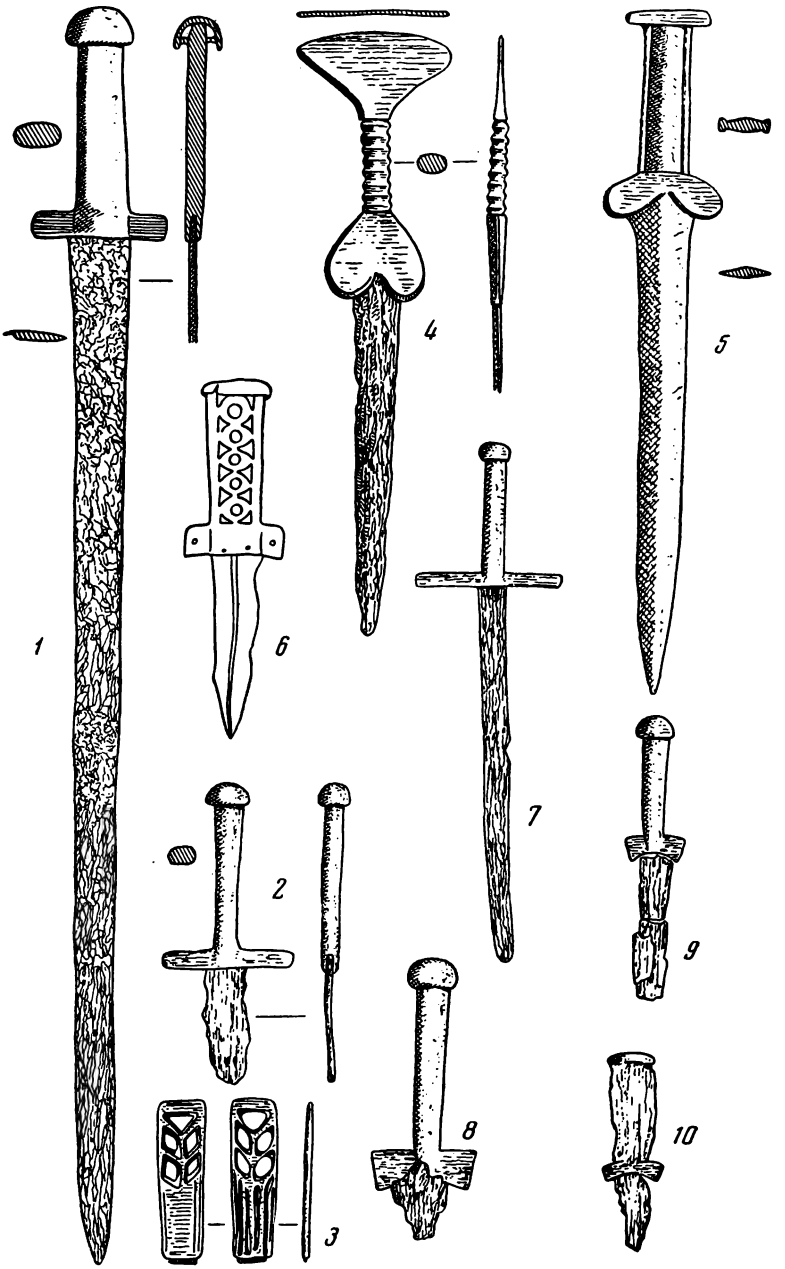


Рис. 11. Металлическое оружие

1— железный меч (юг Киевской обл.?); *2*— железный кинжал (с. Головятино, Смелянского района, Киевской обл.); *3*— бронзовая рукоятка железного кинжала (Киевская обл.?); *4*— железный кинжал (Киевская обл.?); *5* —бронзовый кинжал (с. Тимошовка, Каменского района, Киевской обл.); *6* и *7* — кинжалы (Венгрия); *8*—*10* — железные кинжалы (Кабарда, Северный Кавказ)

от уточнения их культурной и временной принадлежности, надеясь, что в недалеком будущем это можно будет сделать на основании более достоверных данных, чем те, которыми мы располагаем в настоящий момент. Отметим лишь, что бронзовые клепаные сосуды с ручками в виде ушастых зверей, ряд находок которых известен в днепровском Правобережье [1], подобно двухпетельчатым удилам кобанского типа, в одинаковой мере были свойственны материальной культуре как чернолесского, так и начального — жаботинского — этапа раннескифского периода [2].

Кроме того, в собрании Киевского исторического музея имеется несколько чрезвычайно интересных предметов вооружения, а именно меч и несколько железных кинжалов. Меч (рис. 11, *1*) беспаспортный, но он почти несомненно происходит откуда-то из южной части бывшей Киевской губернии, находки из которой составляют основную массу предметов дореволюционных коллекций этого музея. Он имеет отлично сохранившийся длинный, постепенно сужающийся к концу обоюдоострый клинок, рассчитанный на нанесение рубящего и колющего удара; длина клинка 73 см; рукоять бронзовая, большая, овальная в разрезе с прямым сравнительно коротким перекрестием и грибовидным навершием.

Что этот прекрасный образец древнего вооружения не чужд материальной культуре Среднего Поднепровья, прямо доказывается находкой подобного же кинжала (рис. 11, *2*) около с. Головятина, Смелянского района, Киевской обл. (из собрания А. А. Бобринского), т. е. на территории важнейшего сосредоточения чернолесских городищ. Рукоятка его тоже бронзовая, менее массивная, чем у меча, но с несколько более длинной крестовиной, обоюдоострый клинок сохранился неполностью.

Время этих необычных для археологии Поднепровья предметов вооружения определяется по находкам подобных кинжалов с бронзовыми рукоятками и железными клинками в предскифских погребениях каменномостского типа в Кабарде [3]. Кабардинские кинжалы (рис. 11, *8—10*) отличаются от киевских тем, что перекрестие у них короче и имеет концы, слегка опущенные вниз, причем один кинжал с рукоятью из бронзы и железа относится уже к собственно скифскому времени.

В составе скифских древностей из Панад в Трансильвании имеется описанный М. Роска железный кинжал (рис. 11, *7*) с такой же бронзовой рукояткой, какую имеет кинжал из Головятина [4]. Очевидно, вариантом его можно считать кинжал, происходящий с гор Матра (рис. 11, *6*), с очень коротким клинком и с ажурной рукояткой, относительно которого Б. Гинтерс ошибочно полагал, что он связан с позднескифскими акинаками [5].

Высокий уровень обработки металлов в лесостепном днепровском Правобережье в чернолесское время и типологические особенности меча и кинжала (из Киевского исторического музея) позволяют прийти к заключению, что эти предметы вооружения имеют местное происхождение. Находки кинжалов на Северном Кавказе и в Подунавье, как и многих других предметов, говорят о широте культурных связей племен, населявших Среднее Поднепровье в предскифское время. Следует отметить, что меч из Киевского исторического музея среди всех одинаковых с ним предметов вооружения является самым совершенным по форме и по технике

---

[1] А. А. Иессен. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Л., 1947, стр. 42—44; Е. И. Крупнов. Археологические работы на Северном Кавказе, КСИИМК, вып. XXVII, стр. 14 и сл.

[2] Е. Ф. Покровська. Поселення VIII—VI ст. ст. до н. е. на Тясмині, Археологія, т. VII, стр. 56.

[3] Е. И. Крупнов. Археологические исследования в Кабардинской АССР, стр. 263.

[4] ESA, XI, стр. 181—182, на стр. 171 рис. 6.

[5] B. Ginters. Das Schwert der Skythen und Sarmaten in Südrussland, Berlin, 1928, S 32, табл. 15, рис. «е».

изготовления. Весьма возможно, что в Трансильвании железо получает распространение не в связи с «вторжением» скифов в VI в. до н. э., как это было принято считать до сих пор[1], а еще в предскифское время, причем оно проникает туда также с востока и, в частности, из Среднего Поднепровья.

Судя по приведенным примерам, количество которых можно было бы значительно увеличить[2], мечи и кинжалы в переходное время от бронзового века к железному делались с бронзовыми рукоятками, как это было и в Гальштате. Это позволяет нам отнести к той же переходной поре еще два железных кинжала Киевского исторического музея, места находок которых, к сожалению, неизвестны. Один кинжал (рис. 11, *4*) —крупный, хорошо сохранившийся. Он имеет навершие в виде широкого плоского треугольника, овальную в сечении ребристо-желобчатую рукоять с крестовиной сердцевидной формы и короткий обоюдоострый, постепенно сужающийся к концу, клинок. Если в сочетании железного клинка с бронзовой рукоятью этот кинжал вполне еще сохраняет местную традицию, то в появлении у него сердцевидного перекрестия можно видеть результат влияния скифских форм вооружения. Окончательная смена местных форм новыми прекрасно иллюстрируется бронзовым кинжалом развитого скифского типа, найденным около с. Тимошовки, Каменского района, Кировоградской области[3] (рис. 11, *5*).

От второго беспаспортного кинжала Киевского исторического музея (рис. 11, *3*) сохранилась только рукоятка с чуть заметными остатками железного клинка. Рукоятка плоская, четыреугольной формы, без навершия и перекрестия, верхняя часть ее ажурная, а по нижней идут неглубокие вертикальные желобки[4].

Железный меч и кинжалы Киевского исторического музея, железные кинжалы и копья кабардинских могильников знакомят нас с доселе неизвестными типами вооружения, бытовавшими в предскифское время на юге нашей страны. Они позволяют предполагать, что и киммерийские племена, обитавшие в Крыму и в степной полосе Северного Причерноморья, совершали походы в Переднюю и Малую Азию в VIII и в начале VII в. до н. э. уже не с медным, а с подобным железным оружием весьма высокого качества.

Бронзовые браслеты из Киевского исторического музея, описание которых приведено выше, важны не только тем, что они дали много нового для понимания особенностей материальной культуры днепровского Правобережья в чернолесское время, но и тем, что они позволили установить господствовавший здесь в ту пору погребальный обряд. Относительно четырех находок таких браслетов в книге поступлений Музея сохранились записи, из которых видно, что эти браслеты происходят из могильников с трупосожжением. О большой находке браслетов у с. Луки, Таращанского района, Киевской области, в книге поступлений сообщается, что они найдены во время корчевки леса при погребениях с сожжением; о находке у с. Стретовки, Ржищевского района той же области, сообщается, что браслеты находились при сожженных человеческих костях; о браслетах из Ржищева указано, что они были найдены в сосуде при сож-

[1] K. H o r e d t. Zur Enddatierung der Bronsezeit in Siebenbürgen, Dacia, т. XI—XII, Бухарест, 1948, стр. 7 и сл.

[2] Например, железный кинжал с бронзовой рукояткой в Широком кургане, см. В. В. Л а т ы ш е в. Раскопки Н. И. Веселовского в 1916 и 1917 гг. СГАИМК, т. I, стр. 200—204.

[3] А. А. Б о б р и н с к и й. Смела. III, стр. 146, табл. XI, рис. 5.

[4] Пользуясь случаем, выражаем благодарность дирекции Киевского исторического музея, разрешившей опубликовать все вышеописанные предметы из его собраний.

женных костях; наконец, о браслетах из с. Луковицы, Переяславского района, той же области также записано, что они найдены при погребениях с сожжением. Кроме того, почти и все остальные браслеты данной категории, хранящиеся в Киевском историческом музее, имеют на себе следы сильного воздействия огня и, надо думать, так же происходят из могил с трупосожжениями. По находкам этих браслетов можно предполагать, кроме перечисленных, следующие места могильников: Грищанцы, Бобрица, Канев, с. Гулы, Мироновского района, с. Короповицы быв. Каневского уезда, с. Хмельна быв. Черкасского уезда и с. Леплява, Гельмазовского района, Полтавской области. К сожалению, эти, повидимому небогатые, могильники в свое время не обратили на себя должного внимания дореволюционных археологов, и мы не располагаем о них всеми необходимыми подробными сведениями.

Е. Ф. Покровской по материалам старых раскопок выделена на Тясмине небольшая, но весьма важная серия курганов, относящихся к чернолесскому времени, в которых оказались погребения с трупосожжениями в урнах или без урн, со скорченными трупосожжениями на месте или со скорченными погребениями без сожжений. Особенно поучительными являются курганы около с. Ситняжки, Златопольского района, Кировоградской области, раскопанные В. В. Хвойко и Н. Е. Бранденбургом. Е. Ф. Покровской удалось осветить начало возникновения того погребального обряда, который стал господствующим в лесостепном днепровском Правобережье в скифское время[1], когда на смену погребениям с трупосожжениями устанавливается торжественный погребальный обряд с телоположением в деревянных сооружениях. Однако древняя традиция не исчезает в местном погребальном ритуале, как об этом свидетельствуют постоянно встречающиеся курганы скифской поры с деревянной камерой, сожженной вместе с погребенным и сопровождающей его утварью[2] (Литой курган[3], Бобрицкий № 35, Синявский № 100[4] и Глевахский курган[5]).

Чернолесский этап является промежуточным между белогрудовским и собственно скифским периодом; начало последнего в результате исследований на поселении около с. Жаботина, Каменского района, Кировоградской области (М. И. Вязьмитина и Е. Ф. Покровская), выделяется как особый жаботинский этап. Датировка жаботинского этапа примерно второй половиной VII — началом VI в. до н. э. позволяет определить позднюю хронологическую границу и для чернолесского этапа. По времени последний, очевидно, весьма близок к Каменномостскому и Кисловодскому могильникам на Северном Кавказе, которые датируются Е. И. Крупновым VIII—VII вв. до н. э.[6] Здесь, между прочим, следует отметить, что керамика Каменномостского могильника по стилю орнаментации решительно сближается уже с керамикой жаботинского этапа.

Мы отмечали сходство памятников чернолесской группы с памятниками высоцкой культуры, начало которой принято датировать VIII в. до н. э.[7].

---

[1] Е. Ф. Покровская. К вопросу о сложении культуры раннего железа в лесостепном правобережном Поднепровье. Доклад на VI научной конференции Института археологии АН УССР в июне 1952 г.

[2] А. А. Спицын. Курганы скифов-пахарей, ИАК, вып. 65; П. Д. Либеров. К вопросу о связи культуры полей погребений с культурой скифского времени на Киевщине, КСИИМК, вып. XXXIV, стр. 75 и сл.

[3] Е. М. Придик. Мельгуновский клад, МАР, вып. 31 (1911); ЗРАО, вып. XII (1901), стр. 270 и сл.

[4] А. А. Бобринский. Смела, III, стр. 113—114.

[5] А. И. Тереножкин. Курган у с. Глевахи. Археологія, т. IX.

[6] Е. И. Крупнов. Археологические исследования в Кабардинской АССР в 1948 г., стр. 272.

[7] T. Sulimirski. Kultura wysocka, стр. 167 и сл.

Рядом особенностей чернолесская группа связана с кругом культур так называемого фракийского гальштата, наиболее характерными памятниками которого в западных областях УССР являются Михалковский клад золотых вещей, поселение и клад бронзовых изделий в Голиградах. Уточнение времени распространения форм фракийского гальштата, данное Ф. Хольстом на основании изучения находки из Штайнкирхена в Баварии, временем перехода от раннего гальштата («B») к собственно гальштату («C»), соответствующим началу VIII в. до н. э.[1], лишь подкрепляет наше представление о датировке чернолесского этапа. В настоящее время он может быть датирован концом IX — началом VII в. до н. э. В связи с этим белогрудовский этап следует датировать X — началом IX в. до н. э.

Основные особенности чернолесского этапа заключаются в следующем:

1. Чернолесским этапом в лесостепном днепровском Правобережье завершается переход от бронзового века к железному.

2. На этом этапе как в предыдущее, так и в последующее время основу хозяйственной деятельности составляет земледелие и пастушеское скотоводство.

3. Область наибольшего сосредоточения памятников чернолесского типа обнимает бассейн рек Тясмина, Роси и Россавы. Жизнь населения сосредоточивается в родовых поселениях с городищами. Городища, впервые возникающие на данной исторической ступени в Среднем Поднепровье, свидетельствуют об усилении межплеменной борьбы в Северном Причерноморье в связи с военными походами киммерийцев и скифов. Жилищами служили наземные постройки, устройство которых остается пока не выясненным, и большие прямоугольные землянки.

4. Для начала железного века характерно высокоразвитое бронзолитейное производство и начало обработки железа. Камень утрачивает былую роль в производстве орудий и предметов вооружения. Кость и рог, по сравнению с белогрудовским временем, находят себе более широкое применение для изготовления мотыг, принадлежностей конского убора, наконечников стрел и многих других предметов.

5. В это время сложился весь комплекс керамики, который лишь с некоторыми изменениями лег в основу керамики местных племен в скифское время.

6. Расширилась сфера культурных и торговых связей племен Среднего Поднепровья, проникающих глубоко на Кавказ, в бассейн Дуная и в области к северу от Карпат.

7. В керамике, металле и в кости на чернолесском этапе господствовал геометрический и спиральный орнамент; никаких признаков, которые указывали бы на зарождение в местной материальной культуре звериного стиля, являющегося руководящим для скифской эпохи, пока не отмечено.

8. В погребальном обряде, как это позволяют полагать предварительные данные, господствовало трупосожжение с захоронением в могильниках и наметился переход к курганному обряду с захоронением в деревянной камере, иногда сжигавшейся вместе с погребенным и сопровождающими его вещами.

Изучение памятников белогрудовского и чернолесского этапов показывает, что переход от бронзового века к железному в лесостепном днепровском Правобережье совершился сравнительно постепенно. Становится очевидным, что россаво-тясминский культурный центр Среднего Поднепровья сложился значительно раньше образования самой Скифии,

---

[1] F. Holst. Zur Bedeutung und Zeitstellung der sogenannten «thrako-kimmerischen» Pferdegeschirrbronzen. Wiener prähistorische Zeitschrift, 1940, вып. 1, стр. 30.

т. е. еще тогда, когда на его формировании не могло сказаться влияние ни культуры собственно скифских племен[1], ни античной культуры.

Наиболее тесно этот культурный центр, как мы видели, был связан с Кавказом. Возникнув в предскифское время, эти связи, как установлено А. А. Иессеном, не утрачивают своего значения и в течение всего раннескифского периода[2]. В украинской лесостепи в течение раннего железного века существовало несколько племенных центров, среди которых россаво-гясминский занимал одно из первых мест. Представляется, что указанные связи не могли приводить лишь к одностороннему культурному воздействию со стороны кавказской, дунайской и лужицкой культур, как это обычно принято освещать в археологической литературе. Даже то немногое, что становится известным о чернолесском этапе и в целом о предскифском времени в Среднем Поднепровье, заставляет отказаться от признания таких построений. Ведь именно в украинской лесостепи в скифскую эпоху появились такие крупные городища, как Немировское, Матронинское, Бельское, каких не знали ни Северный Кавказ, ни средняя Европа, ни Подунавье.

Формы металлических изделий в днепровском Правобережье вырабатывались в результате влияния племен Северного Кавказа, «фракийского гальштата»[3] и лужицкой культуры. То же самое можно сказать и о местной лощеной керамике. Керамику Немировского городища А. А. Спицын назвал «гальштатской», но совершенно правильно заключил, как это подтверждают и белогрудовские и чернолесские памятники, что в разработке этих форм ведущая роль принадлежала населению раннего железного века Среднего Поднестровья и Поднепровья[4].

В материальной культуре племен лесостепного Правобережья в начале первого тысячелетия до н. э. происходят большие изменения. Это было обусловлено не сменами этнического состава населения и не привнесением новой культуры со стороны в готовом виде[5], а общим ростом производительных сил,— сменой камня и бронзы железом, мотыжного земледелия пашенным, дальнейшими успехами скотоводства и значительными сдвигами в социальном развитии многих племен Средней Европы, украинской лесостепи, Северного Причерноморья и Кавказа и все возрастающими культурными и хозяйственными связями их между собой. Усиление связей способствовало повсеместному распространению не только одинаковых или близких между собой по формам и качеству металлических вещей, но и выработке близких по типам образцов керамики и ее орнаментации на обширных пространствах, причем, очевидно, у племен различной этнической принадлежности[6].

Распространение ряда типичных по форме предметов материальной культуры от Северного Кавказа до Средней Европы определяет широту усиливающихся культурных и экономических связей, которыми характе-

---

[1] О. І. Тереножкін. Праця Й. В. Сталіна з питань мовознавства і деякі питання вивчення Скіфії, Археологія, т. VII, стр. 12.

[2] А. А. Иессен. Греческая колонизация Северного Причерноморья, Л., 1947, стр. 26 и сл.

[3] Следует, впрочем, отметить, что бронзовые изделия фракийского гальштата отсутствуют среди находок в Среднем Поднепровье.

[4] А. А. Спицын. Скифы и Гальштат. Сборник археологических статей, поднесенный А. А. Бобринскому, СПб., 1911, стр. 162.

[5] Например, «гелонов-эллинов», см. І. В. Фабриціус. До питання про топографізацію племен Скіфії, стр. 70 и сл.; или «гелонов-фракийцев», как носителей чернолощеной керамики в скифское время на территории лесостепной Украины, см. М. И. Артамонов. Этнический состав населения Скифии. VI археологическая конференция Института археологии АН УССР, Киев, 1953, стр. 169 и сл.

[6] В сущности, к таким же выводам для раннескифского времени приходит и А. А. Иессен, см. А. А. Иессен. Моздокский могильник, Л., 1940, стр. 40 и сл.

ризуется начало железного века. По чертам внешнего сходства в предметах материальной культуры, если не считаться с общей исторической перспективой, можно прийти к выводам самого сомнительного качества, например к признанию какого-то этнического родства между племенами Среднего Поднепровья и Кабарды. Разработка вопросов древней этнографии потребует более углубленного изучения археологических культур предскифского времени, выяснения их генезиса и дальнейших путей их развития, что далеко выходит за рамки настоящей статьи.

Следует лишь отметить, что по культуре «чернолесские» племена в настоящее время отчетливее всего отличаются от киммерийских племен Северного Причерноморья, культура которых становится с каждым годом яснее, и от позднесрубных племен, населявших степи к востоку от Днепра. Например, в то время как у «чернолесцев» в погребальном обряде соединялись трупосожжение и трупоположение, у степных племен, в том числе и у киммерийцев, продолжал господствовать установившийся там с глубокой древности обряд трупоположения[1]. Очевидно, этнически население лесостепного днепровского Правобережья в чернолесское время было больше связано не с востоком, а с западом.

Чернолесские памятники пока более отчетливо выясняются лишь в северной части Кировоградской и в южной части Киевской области. В то же время нет никаких оснований думать, что они не встретятся еще в значительном количестве севернее и северо-западнее, где они должны сомкнуться с характерной верхнеднестровской михалковской или голиградской группой, с ранневысоцкой культурой и с памятниками племен начала железного века, обитавших в Полесье. Памятники чернолесского типа составляют промежуточное, связующее звено между белогрудовскими памятниками и памятниками племен скифского времени, известных по Геродоту, для лесостепи к западу от Днепра под названием «скифов-пахарей», которые как показывает их генезис, были «скифами» только по названию. Этнически они не могли принадлежать к ираноязычным племенам, какими являлись «скифы царские», скифы-кочевники и, вероятно, скифы-земледельцы Нижнего Поднепровья.

М. И. Ростовцев возводил культуру коренных земледельческих племен скифской поры на Киевщине к Триполью и, модернизируя исторический процесс, ошибочно утверждал, что над ними, подобно помещикам-феодалам, господствовали расселившиеся здесь с конца VII в. до н. э. завоеватели скифы-иранцы. Фракийская или «фрако-киммерийская» принадлежность лесостепных племен раннего железного века признается многими зарубежными исследователями. Предвзятость преувеличения роли фракийцев в древней истории нашей страны, основанная к тому же на плохом знании документальных данных, не вызывает никаких сомнений. Белогрудовка, Черный лес и культура «скифов-пахарей» связаны между собой непрерывной культурно-исторической преемственностью. Такая же преемственность прослеживается между ними и древнеславянской культурой полей погребений зарубинецкого типа. Эта культурная преемственность, как мы писали в другой статье, не нарушалась вторжениями народов с запада или с востока с последующим оседанием их на месте. Таким образом, культурная преемственность ретроспективно здесь могла бы быть истолкована как твердая этническая преемственность, как одно из свидетельств глубочайшей древности славян в Среднем Поднепровье, чему не противоречат и некоторые данные сравнительно-исторического языкознания.

---

[1] А. И. Тереножкин. Предскифский период на Украине, КСИИМК, вып. XLVII.

В общем близкая картина наблюдается по археологическим памятникам и в бассейне Вислы и Одера, где польским археологам удается проследить местную преемственность культуры от лужицких памятников бронзового века также вплоть до исторически засвидетельствованных славян. Подобным же образом, как это показывают новейшие археологические исследования П. Н. Третьякова, культурная непрерывность может быть доказана от конца бронзового века до славян и в Верхнем Поднепровье.

Рассматривая археологические памятники каждой из этих территорий, мы с большим или с несколько меньшим основанием, кажется, действительно можем установить такую культурную преемственность. Однако, пойдя по такому пути, мы вынуждены будем признать, что славяне уже в глубочайшей древности должны были занимать обширное пространство, а это находится в противоречии с выводами сравнительно-исторического языкознания, устанавливающего, что в эпоху языкового единства они могли обитать только на довольно ограниченной территории.

В этом случае может быть сделан вывод, что как Верхнее и Среднее Поднепровье, так и Повисленье следует рассматривать для раннего железного века только как области, на которых в числе других народностей обитали и древнейшие славяне (может быть, не отделившиеся еще от балтийцев). Следовательно, славянам нельзя приписывать все археологические культуры, известные в настоящее время на протяжении от Вислы до Днепра. Вероятно, здесь частично расселялись и некоторые иные народности, позднее потесненные или даже ассимилированные славянами. Однако ввиду отсутствия положительных свидетельств в источниках следует признать, что фракийцы в скифское и предскифское время к истории Поднепровья прямого отношения не имеют. Значительно больше вероятность контакта с ними древнейших славян в Северном Прикарпатье с его памятниками группы знаменитого Михалковского клада, входящего в круг дунайского гальштата и агафирсов, обитавших в V в. до н. э., по Геродоту, на р. Мароше в Трансильвании.

Влияние «теории» Н. Я. Марра отрицательным образом отразилось и на состоянии наших археологических знаний о памятниках раннего железного века в областях между Вислой и Днепром, без глубокого изучения которых невозможна дальнейшая разработка вопросов древней истории славян.

Общеисторические, лингвистические и археологические данные позволяют пока локализовать в некоторой степени памятники ряда культур, каждое новое углубленное исследование которых будет приближать нас к разрешению вопроса о месте обитания и конкретных путях сложения и развития древнейших славян, а также их ближайших соседей, без освещения культуры и установления этнической принадлежности которых не может успешно вестись исследование и самих древних славян.

С целью преодоления влияния марровских ошибок в археологии должна быть разработана целая система строго направленных исследовательских мероприятий. В применении к украинской лесостепи в качестве таких ближайших мероприятий могут быть поставлены, например, следующие: 1) углубление исследования уже известных памятников белогрудовского и чернолесского типов в южной части Правобережной лесостепи; 2) разведка и исследование предскифских памятников в северной и северо-западной части украинской лесостепи, а также на левом берегу Днепра, в бассейне Ворсклы и Сулы; 3) исследование памятников предскифской и скифской поры в южной части Полесья в зоне контакта среднеднепровских и верхнеднепровских племен; 4) изучение памятников высоцкой культуры и михалковской группы в западных областях УССР; 5) иссле-

дование памятников конца скифского периода, которое позволит сдвинуть с мертвой точки разработку вопроса о происхождении культуры полей погребений зарубинецкого типа.

Последняя задача является самой первоочередной в археологии раннего железного века, так как только разрешение ее позволит ретроспективно, а следовательно, в данном случае, при недостатке письменных и языковых данных, серьезнее всего подойти к изучению древнейших истоков славян и их культуры.

Практическое осуществление подобных исследований позволит перейти от более или менее удачных догадок и гипотез в области происхождения славян к освещению их реальной истории на более древних, чем первое тысячелетие нашей эры, этапах развития.

А. А. Иессен

НЕКОТОРЫЕ ПАМЯТНИКИ VIII—VII ВВ. ДО Н. Э. НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Правильное понимание истории культуры нашего юга в скифское время, понимание протекавших здесь процессов исторического развития, невозможно без учета тесных культурных связей, существовавших у населения Северного Причерноморья с окружающими странами — как близкими, так и более отдаленными.

Только основанный на широком привлечении территориально дифференцированных памятников анализ археологических материалов, происходящих из различных областей, как собственно скифских, так и не скифских в узком смысле слова, позволит в конечном счете получить конкретное и соответствующее исторической действительности представление об особенностях культуры отдельных племенных групп, населявших юг нашей страны, и об их взаимоотношениях. В этом направлении многое уже сделано за последние десять лет, но еще больше предстоит сделать, так как господствовавшая в течение долгого времени марровская теория единой скифской стадии отвлекала исследователей от конкретного, приуроченного к определенному месту и времени, изучения археологических фактов в сторону широких обобщений, часто основанных на единичных наблюдениях, характеризующих и территориально и хронологически лишь вполне определенные и ограниченные явления.

Нашей общей задачей сейчас является достижение максимальной конкретности исследования при сохранении широкой исторической перспективы.

В этой связи представляется интересным рассмотреть вопрос о находках на Северном Кавказе, относящихся ко времени, непосредственно предшествующему таким хорошо известным памятникам скифского типа VI в. до н. э., какими являются Келермесские курганы на Кубани. Вопрос этот интересен как для изучения северокавказских культур, так и для общего понимания сложения культуры Северного Причерноморья в раннескифское время.

Хронология северокавказских памятников первой половины последнего тысячелетия до н. э. в значительной мере еще не разработана. Мы до сих пор не имеем достаточно твердой опоры для относительной и абсолютной датировки многих из них. Собственно говоря, опорой для абсолютной датировки памятников Северного Кавказа и степного Предкавказья, поздней границей, определяемой хронологически на основании анализа целого ряда элементов, является упомянутая группа Келермесских курганов; абсолютные датировки более ранних памятников все еще остаются недостаточно определенными.

Время келермесской группы курганов сейчас определяется в общих чертах как первая половина или вторая четверть VI в. до н. э. на основании

датировки привозных предметов, найденных в этих курганах. К их числу относится, например, известное серебряное зеркало с золотой обкладкой, которому недавно посвятила детальное исследование М. И. Максимова, датировавшая время его изготовления примерно 570-м годом[1]. Этим же временем датируются два серебряных ритона. Наконец, эту дату можно приписать и ряду золотых вещей, в том числе известной обкладке ножен и рукояти меча, обкладке рукояти железной секиры, несомненно позднейшего урартского производства, т. е. относящихся к началу VI в. до н. э.

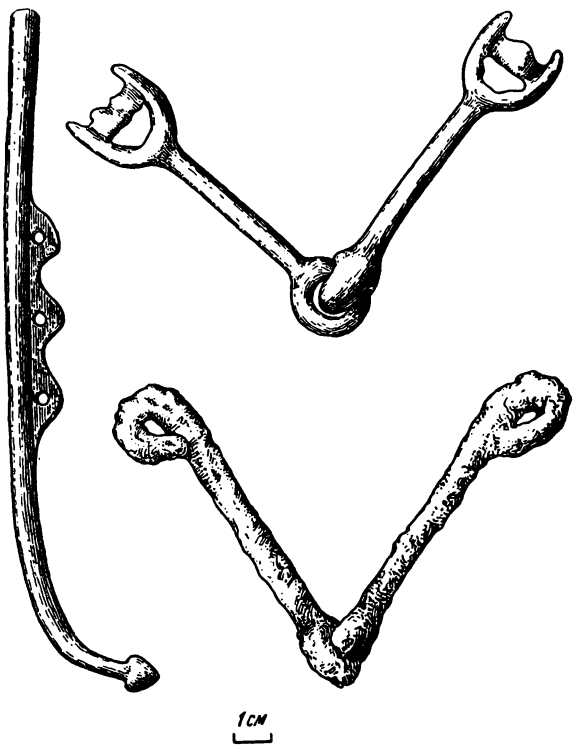


Рис. 1. Предметы келермесского этапа: бронзовые удила, железные удила и железный псалий

Во время раскопок урартского города Тейшебаини около Еревана (Кармир-блур) найдены предметы конского убора, которые теснейшим образом или полностью совпадают с соответствующими образцами из Келермесских курганов и датируются временем разрушения Кармир-блура — первой четвертью VI в. до н. э.

Таким образом, период сооружения Келермесских курганов, вероятно, охватывает промежуток времени в несколько десятилетий и падает в основном на вторую четверть VI в. до н. э.: отдельные элементы вещевого комплекса могут датироваться двумя-тремя десятилетиями ранее и относиться к началу или к первой четверти VI в. до н. э. Дальнейшие исследования, быть может, позволят несколько уточнить и расчленить датировку отдельных курганов группы; однако большая близость инвентаря всех этих курганов заставляет относить их к сравнительно небольшому отрезку времени.

Нам следует теперь рассмотреть те памятники Северного Кавказа, которые на основе сопоставления с келермесским комплексом могут быть датированы более ранним временем.

[1] Работа М. И. Максимовой пока не опубликована. Ср. ВДИ, 1948, № 3, стр. 180.

Однако, прежде чем переходить к этим памятникам, следует остановиться на некоторых характерных для Келермесских курганов типах бытовых вещей местной культуры. Для наших целей нет надобности рассматривать упомянутые выше привозные художественные изделия, которые широко известны и, вместе с тем, не дают материала для сопоставления с рядовыми памятниками наших степей. Поэтому прежде всего обратим внимание на принадлежности конского убора. Здесь наиболее характерны литые бронзовые удила, заканчивающиеся на концах замкнутыми стремячковидными кольцами. Они обычно сочетаются с железными псалиями, имеющими три отверстия или петельки. Наряду с ними в тех же курганах встречаются

Рис. 2. Резные изделия из кости. Келермесские курганы

и железные удила, скованные из двух железных прутьев и снабженные такими же псалиями, как и бронзовые (рис. 1). Находки на Кармир-блуре дали железные псалии и железные удила, полностью совпадающие с келермесскими (рис. 3, сверху). Далее, в курганах келермесской группы обильно представлены мелкие резные из рога пронизи и наконечники с зооморфными мотивами (рис. 2), также имеющие ближайшие аналогии в находках на Кармир-блуре (рис. 3, справа). Этим самым устанавливается хронологическая близость келермесской группы курганов ко времени гибели Тейшебаини.

Очень типичен набор бронзовых наконечников стрел Келермесских курганов, представленный достаточным количеством (около 200) экземпляров. Из них около половины составляют двуперые втульчатые наконечники, часто снабженные шипом, а другая половина представлена наконечниками трехперыми с короткими втулками; совершенно единичны наконечники трехгранные втульчатые (рис. 4).

Найденные на Кармир-блуре скифские наконечники стрел представляют близкий по своему составу, хотя и не совсем совпадающий набор (рис. 3, внизу)[1].

Для находок из Келермесских курганов очень характерны медные литые котлы на высокой ножке, часто орнаментированные рельефным зигзагом и снабженные ручками в виде фигурки козла (рис. 5).

Эти и некоторые другие слагаемые келермесского комплекса позволяют тем же временем, что и эту курганную группу, т. е. первой половиной VI в. до н. э., датировать и другие находки на Северном Кавказе и в Предкавказье, как, например, 1-й Разменный курган Костромской станицы

[1] Б. Б. Пиотровский. Кармир-блур, т. I, Ереван, 1950, стр. 86, рис. 55, и стр. 96, рис. 63.

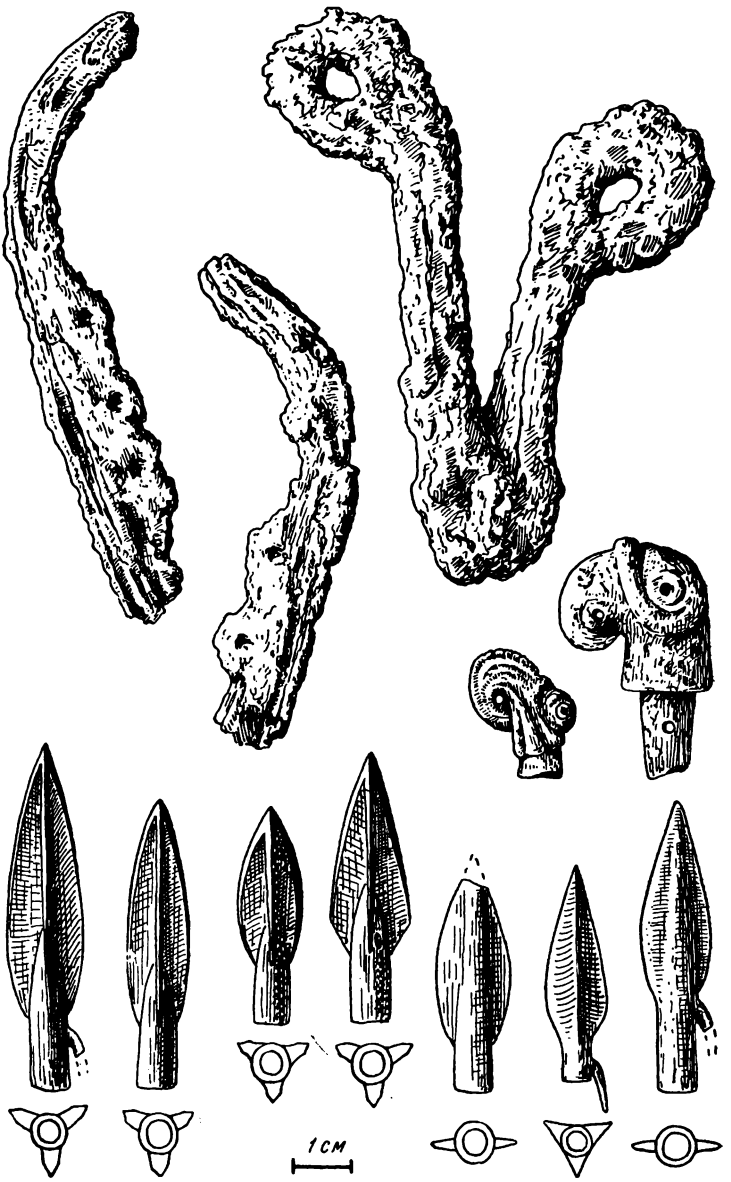


Рис. 3. Находки предметов скифских типов на Кармир-блуре

(раскопки Н. И. Веселовского, 1897), некоторые из курганов Ульского аула и др. Не останавливаясь на них, обратимся к тем находкам, которые

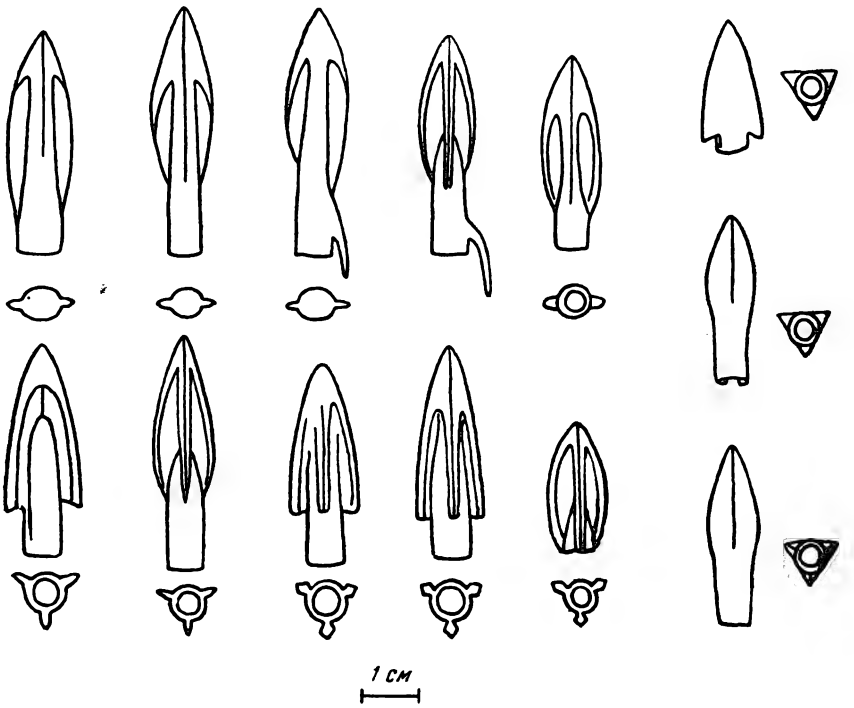


Рис. 4. Наконечники стрел. Келермесские курганы (по Рау).

Рис. 5. Медный котел. Келермесские курганы.

можно датировать более ранним временем. Сейчас представляется возможным среди памятников этого периода выделить две хронологические группы — группу непосредственно предкелермесскую и группу, еще более раннюю, предшествующую первой.

К сожалению, для обеих этих групп мы располагаем пока на Северном Кавказе очень небольшим числом комплексных и хорошо документированных находок, позволяющих делать определенные выводы в отношении их датировки. Только за самые последние годы круг этих памятников немного расширился: было найдено несколько комплексов, дающих представление о

наборе вещей, бытовавших у населения степей и предгорий Северного Кавказа в более раннее время, чем время Келермесских курганов.

Первым из комплексов предкелермесской группы упомянем курган, раскопанный в 1924 г. Н. Г. Прозрителевым около Ставрополя [1]. В ограбленном погребении этого кургана найдены бронзовый двуперый наконечник стрелы с шипом, относящийся к одному из вариантов келермесского

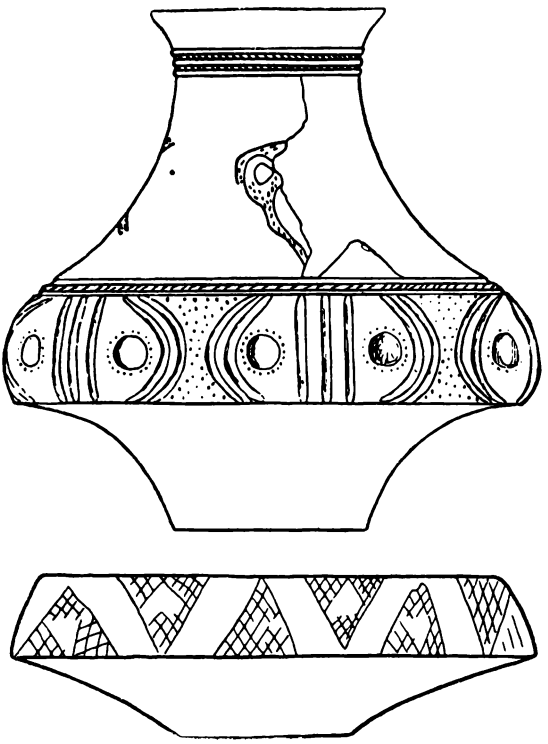


Рис. 6. Кувшин и чаша. Ставропольский курган 1924 г.

времени, золотые, украшенные зернью и бугорками пронизи, янтарные бусы и пронизи, а также другие мелкие предметы. В том же кургане найдена прекрасная чернолощеная керамика, из черепков которой можно восстановить сосуд типа кувшина с поясом из бегущих оленей и желобчатым орнаментом и орнаментированную чашу (рис. 6). Оба эти сосуда имеют аналогии в древнейших комплексах Моздокского могильника [2], но не встречают близких параллелей в известных нам сейчас курганных захоронениях келермесского времени. Поэтому возможно, что Ставропольский курган, как и некоторые погребения в Моздоке, надо датировать несколько более ранним временем, чем келермесскую группу, т. е. второй половиной VII или рубежом VII—VI вв. до н. э.

Другой комплекс, близкий по времени к Ставропольскому кургану, представлен неизданной находкой, хранящейся в Ставропольском музее (рис. 7). Найден он вблизи хутора Алексеевского у с. Казинского близ

[1] «Краеведение на Кавказе», № 1, Владикавказ, 1924, стр. 69; Архив ИИМК, ф. 2, д. 1925/32, а также личные сообщения мне Н. Г. Прозрителева. Вещи хранятся в Ставропольском музее.

[2] Б. Б. Пиотровский и А. А. Иессен. Моздокский могильник, Л., 1940, табл. XI, справа наверху (кувшин) и табл. II, *3* (чаша из погребения № 1).

Невинномысска. В погребении обнаружены двое бронзовых удил со стремячковидными окончаниями, но при них не железные, а еще бронзовые псалии с тремя трубчатыми отверстиями; концы псалиев оформлены в виде шишечки наверху и копыта внизу. Псалии эти представляют поздний вариант трубчатых псалиев, известных в небольшом количестве на территории СССР, а в значительно большем числе на территории Венгрии

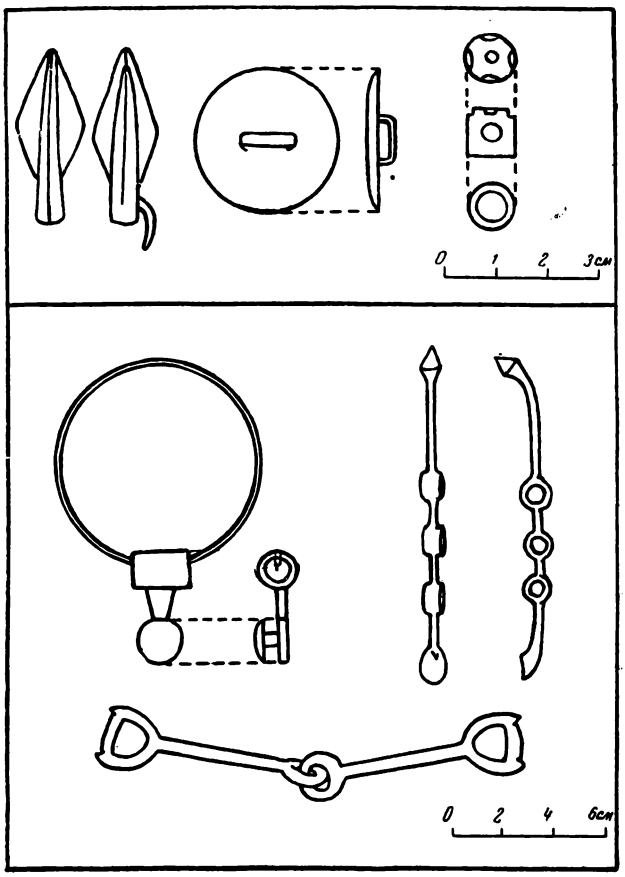


Рис. 7. Находка близ хут. Алексеевского. Ставропольский музей

и прилегающих стран[1]. В этом же комплексе имеются 4 гладкие бронзовые пуговицы с петлей на нижней стороне, 7 цилиндрических бронзовых пронизей для перекрещивающихся ремней и 2 больших бронзовых кольца с подвижной муфтой для привязывания ремня. Наконец, здесь найдены 12 наконечников стрел более ромбических очертаний, чем келермесские, что позволяет считать их несколько более древними. Все эти предметы свидетельствуют о более ранней дате комплекса с Алексеевского хутора по сравнению с Келермесскими курганами и, вместе с тем, не позволяют отрывать его от последних на значительный отрезок времени, так как здесь мы имеем уже типичные удила со стремячковидными петлями. Поэтому и этот комплекс скорее всего следует датировать второй половиной VII в. до н. э.

[1] Для истории бронзовых удил и псалиев ср. А. Иессен. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР, СА, XVIII, 1953.

Других хорошо выраженных комплексов этой группы в степном Предкавказье мы пока не знаем, но в более северных районах, на Украине, можно указать целый ряд хронологически очень близких находок.

Из находок на Дону можно привести пару более грубых бронзовых псалиев с тремя трубчатыми отверстиями, найденную вместе с трехперым наконечником стрелы. Находка эта сделана в Старой Толучеевой, б. Богучарского уезда. Наконечник стрелы приближается к аналогичным формам из Келермеса, тогда как псалии, повидимому, свидетельствуют о несколько более раннем времени.

К этой же группе следует отнести открытое В. А. Городцовым в Черногоровке б. Изюмского уезда погребение с удилами того же типа, но несколько более архаичными, чем в Келермесе, и с парой слегка изогнутых бронзовых псалиев с тремя отверстиями [1]. Точно такой же уздечный набор имеется из Верхне-Кобанского могильника в собрании Ольшевского.

Сюда же относится и комплекс погребения в малом кургане, раскопанном И. Е. Забелиным в 1868 г. около кургана Цимбалка близ Большой Белозерки. Впускное в этот курган погребение *А* содержало бронзовые удила со стремячковидными концами и псалии с тремя трубчатыми отверстиями, 10 наконечников стрел, бронзовую пуговицу, свернутую из пластинки золотую трубочку и глиняный кувшин [2]. Из наконечников стрел было 5 костяных и 5 бронзовых втульчатых двуперых различных ранних вариантов, приближающихся к ромбическим формам. В свое время П. Д. Рау относил эти наконечники к «доскифскому» периоду и датировал их VII в. до н. э. [3]

Вся эта группа памятников, которую можно было бы дополнить целым рядом других приднепровских комплексов, характеризуется наличием бронзовых удил того же типа, что и в Келермесе; но здесь полностью отсутствуют железные удила и железные псалии, значительно преобладающие уже в келермесской группе. Вместе с тем в наконечниках стрел мы видим определенную близость к келермесским, при несколько более архаичном их облике в целом.

Вся эта группа поэтому, как мне представляется, должна датироваться второй половиной VII в. и рубежом VII—VI вв. до н. э. Насколько рано в VII в. следует искать нижний хронологический предел этой группы, покажут будущие исследования. Называть время бытования этой предкелермесской группы доскифским или предскифским совершенно нет оснований, так как для VII в. скифы в Северном Причерноморье засвидетельствованы, и весь исторический процесс связан с окончательной консолидацией скифского общества и широким распространением «скифской» культуры.

Обратимся теперь к комплексам более древней группы, по ряду черт археологического инвентаря связанной с предкелермесской группой, но несомненно относящейся к более раннему времени. Комплексы эти лучше всего характеризуются бронзовыми втульчатыми наконечниками стрел наиболее ранних двуперых типов — лавролистных, овально-ромбических и ромбических, выделенных еще в 1929 г. П. Д. Рау, бронзовыми удилами с двукольчатыми внешними концами и трехпетельчатыми бронзовыми псалиями, так называемого кобанского типа [4]. По ряду признаков

---

[1] В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде, Харьковской губ. в 1901 г. Тр. XII АС, т. I, стр. 242, табл. XIII, *5—7*.

[2] ОАК, 1868, стр. XVI—XVIII. Неизданные таблицы XLII и XLIII к III тому «Древностей Геродотовой Скифии».

[3] P. Rau. Die Gräber der frühen Eisenzeit im Unteren Wolgagebiet, 1929, стр. 31 и табл. XIV, *2А—Н*.

[4] 1-й тип по предложенной нами классификации. См. А. Иессен. ук. соч., стр. 52 и сл.

эта группа сближается с предкелермесскими комплексами, но расходится с вещевым инвентарем келермесской группы. Вместе с тем некоторые элементы связывают эти же комплексы с типичными памятниками кобанской культуры горного Кавказа. В числе этих комплексов назовем курган Некрасовской станицы на Лабе, раскопанный Н. И. Веселовским в 1908 г.[1], где в погребении при окрашенном костяке было найдено 9 медных наконечников стрел (рис. 8). По форме они отличны от келермесских: сравнительно более длинная втулка, отсутствие шипа и короткий в верхней части ромбовидный лист с закруглением в нижней части — все признаки, характерные для ранних форм втульчатых наконечников.

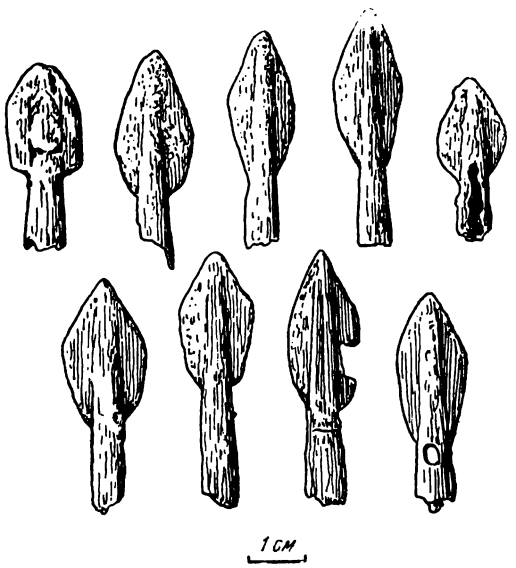


Рис. 8. Бронзовые наконечники стрел из кургана ст. Некрасовской. Эрмитаж

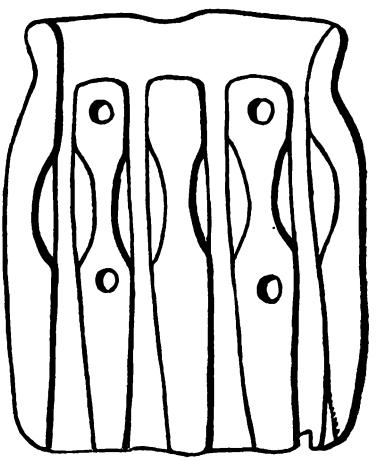


Рис. 9. Бронзовая литейная форма для наконечников стрел. Новочеркасский клад 1939 г.

Другой комплекс происходит из станицы Чернышевской на Дону. Здесь найден набор конской узды с удилами упомянутого кобанского типа — с двойными кольцами на концах и подвижными звеньями для крепления поводьев. Тут же найдены бронзовые псалии с тремя петлями и расширяющимися лопастями в нижнем конце. В том же кургане найдено 64 наконечника стрел, тех же овально-ромбических разновидностей, что и в кургане станицы Некрасовской [2].

К этой же группе следует отнести и клад, найденный в 1939 г. в Новочеркасске. Здесь найдены такие же удила и псалии, как в ст. Чернышевской, вместе с бронзовым топором кобанского типа и бронзовой литейной формой для наконечников стрел лавролистной формы. В литейной форме (рис. 9) имеется выемка для четырех наконечников стрел с очень длинной втулкой [3]. Эти наконечники типологически следует считать наиболее ранними из втульчатых, обнаруженных на юге нашей страны, так как форма их ближе всего повторяет форму бронзового наконечника

[1] ОАК, 1908, стр. 119; Архив ИИМК, ф. 1, д. 1908/60. Находки в Эрмитаже; P. Reinecke. Die Gräber der frühen Eisenzeit..., табл. XIV, *2*, *I—M*.

[2] Тр. VIII АС, т. IV, (1897), табл. 83, № 15, 16 и 17 (4 наконечника стрел — по два средних из четырех в левом и правом верхнем ряду).

[3] Находка опубликована: А. Иессен. Ук. соч., стр. 50—52, 107—108, рис. 1.

копья, несомненно послужившую прототипом при создании втульчатых двуперых наконечников стрел, тогда как распространенные в более позднее время трехгранные наконечники стрел восходят к костяным прототипам.

К той же хронологической группе относится неизданный комплекс погребения, найденного Н. В. Анфимовым в 1930 г. в хуторе Кубанском, к востоку от устья Лабы (Краснодарский музей) (рис. 10). Здесь встречен тот же тип удил с двойными кольцами, два больших кольца с подвижной муфтой, такие же как в хуторе Алексеевском, два браслета или кольца

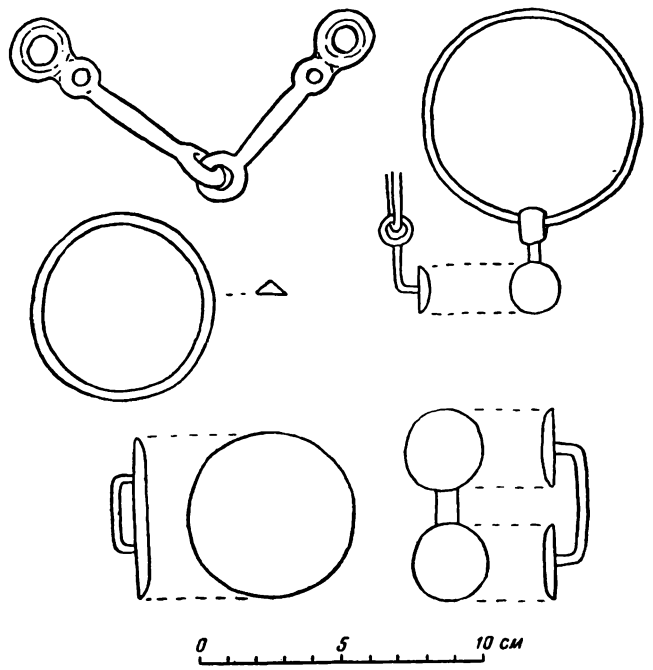


Рис. 10. Находка у хут. Кубанского, 1930 г. Краснодарский музей

меньшего диаметра, две большие бронзовые пуговицы и четыре двойные малые.

Далее следует находка из Ессентуков, обнаруженная в 1916 г. в виде клада в поле кургана (Пятигорский музей). Здесь найдены 4 пары удил с 8 псалиями тех же типов, 2 больших бронзовых кольца, без насаженной муфты, меньшее кольцо (найдено было 2), того же типа, но большего диаметра, чем малые кольца Кубанского хутора. Кроме того, здесь найдено 5 больших прорезных пуговиц, относящихся к конскому убору. Прорези в них образуют крестовидный рисунок, украшенный сверху мелким литым орнаментом (рис. 11, *1*). Наконец, в этом же комплексе представлены одна малая непрорезная пуговица и фигурная бляшка с полукруглым вырезом (рис. 11, *2*)[1].

В Ессентукском кладе особенно интересны прорезные пуговицы и фигурная бляшка, имеющие более или менее близкие аналогии в других комплексах. В частности, рельефный орнамент на середине перекрестия пуговиц в виде цветка, в котором желобками выделены четыре сегмента или лепестка и центральный кружок, широко распространен в это же

[1] А. Иессен. Ук. соч., стр. 60, рис. 6, 6а.

время вплоть до Венгрии. Фигурные пуговицы, повторяющие этот орнамент, найдены вместе с полулунной бляшкой, близкой к ессентукскому экземпляру, Е. И. Крупновым в Каменномостском могильнике на Малке в 1948 г. в каменном ящике № 2. В этом же комплексе найдены звено бронзовых удил того же типа, что в Ессентуках, псалий уникальной формы и бронзовый кинжал одного из кобанских вариантов [1]. К бляшке Ессентукского клада наиболее близкую аналогию дает бляшка из с. Пастырского, хранившаяся в собрании Ханенко [2].

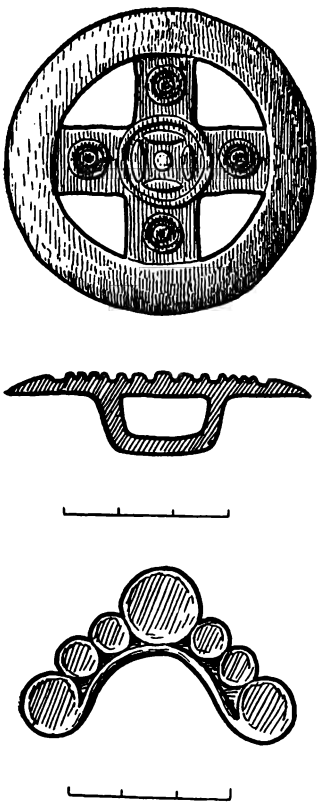


Рис. 11. Пуговица и бляшка из Ессентукской находки 1916 г. Пятигорский музей

Таким образом, рассматриваемая нами группа памятников не только по наличию удил и псалиев, известных из кобанских погребений, но и через бронзовый топор Новочеркасского клада, а также через аналогии в Каменномостском могильнике синхронизируется с соответствующими памятниками горной и предгорной полосы Центрального Кавказа.

Важное значение для дальнейшего уточнения наших сведений об этой группе памятников имеют также две новые находки в районе Пятигорска [3]. Первая из них сделана в 1950 г. при проведении дороги к горе Бештау западнее Лермонтовского разъезда. Рабочими был разрыт курган в так называемой «Широкой балке», в котором найдена группа древних вещей, переданных затем в Пятигорский музей (инв. № 2144). Среди находок имеются (рис. 12): одни бронзовые удила двупетельчатого типа с дополнительными звеньями для крепления повода; обломки трехпетельчатых псалиев с изогнутой расширенной лопастью; три прорезные бляхи с петлей на нижней стороне; обломки больших бронзовых колец с насаженной подвижной муфтой, снабженной пуговицей для пристегивания ремня, отдельная подобная пуговица на пряжке. Кроме этих предметов конского снаряжения, имеются обломок бронзового наконечника копья с разрезной втулкой и открытый бронзовый браслет, а также не изображенные на рисунке железный наконечник копья и железный кинжал. По слухам, вместе с этими вещами найден был также и шлем, а возможно, и другие предметы. Таким образом, о характере находки судить трудно; скорее всего мы имеем здесь дело с погребальным инвентарем. Предметы конского убора несомненно все одновременны; в отношении оружия и браслета нет серьезных оснований сомневаться в их синхронности с остальными

[1] Е. И. Крупнов. Археологические исследования в Кабардинской АССР в 1948 г., Ученые записки Кабардинского научно-исследовательского института, V, Нальчик, 1950, стр. 246—252, рис. 48 и 49; пуговицы и бляшки на стр. 268, рис. 58.

[2] Б. Н. и В. И. Ханенко. Древности Приднепровья, IV, Киев, 1901, табл. XI, № 283.

[3] За сообщение мне ряда сведений об этих находках, с которыми я мог ознакомиться в Пятигорске в 1951 г., а также за передачу мне серии рисунков приношу искреннюю благодарность Н. М. Егорову.

вещами; наиболее важен в этой связи железный кинжал, имеющий перекрестие в виде крыльев бабочки, но лишенный навершия, быть может утраченного, длина его 35—40 см. К сожалению, я не имел возможности

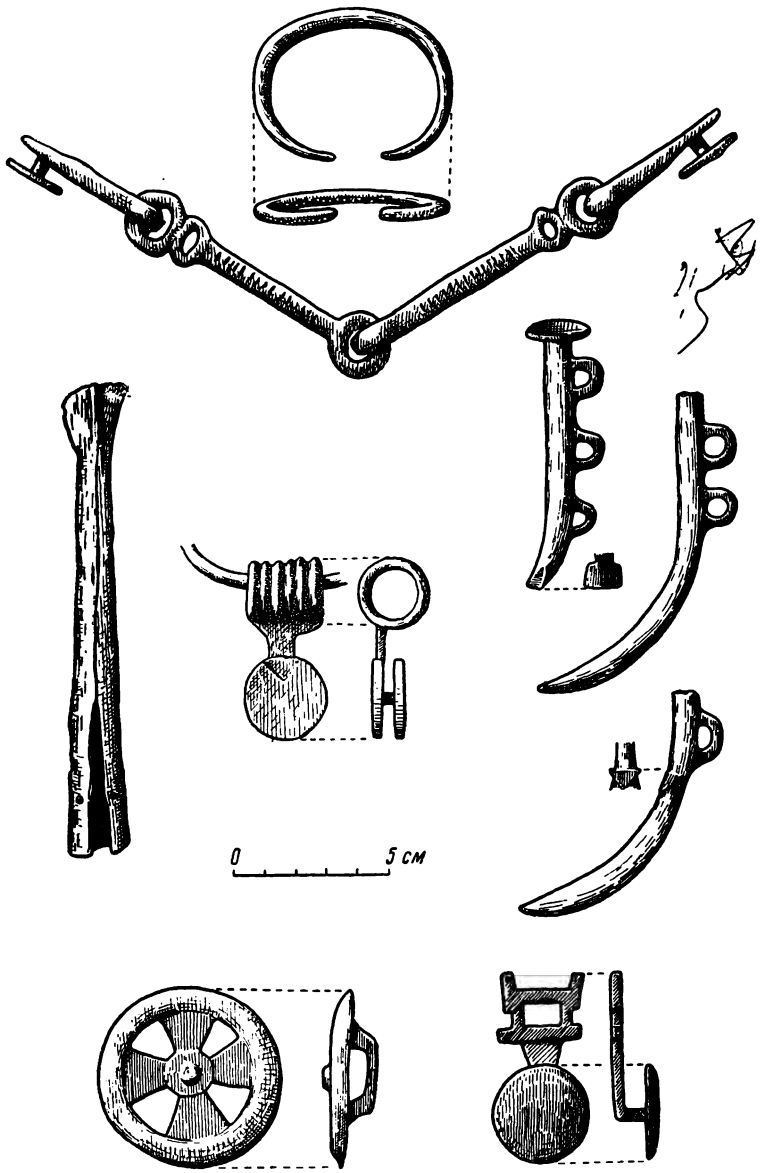


Рис. 12. Находка близ Лермонтовского разъезда в 1950 г. Пятигорский музей

детально рассмотреть и изучить кинжал и сейчас лишен возможности дать его точный рисунок. Он несомненно требует опубликования, так как здесь впервые с ранним конским убором сочетается кинжал такого типа, уже приближающийся по форме к акинакам келермесского времени.

Вторая находка сделана весной 1951 г. при добыче камня из осыпи на северо-западном[1] склоне Бештау, несколько выше кольцевой дороги.

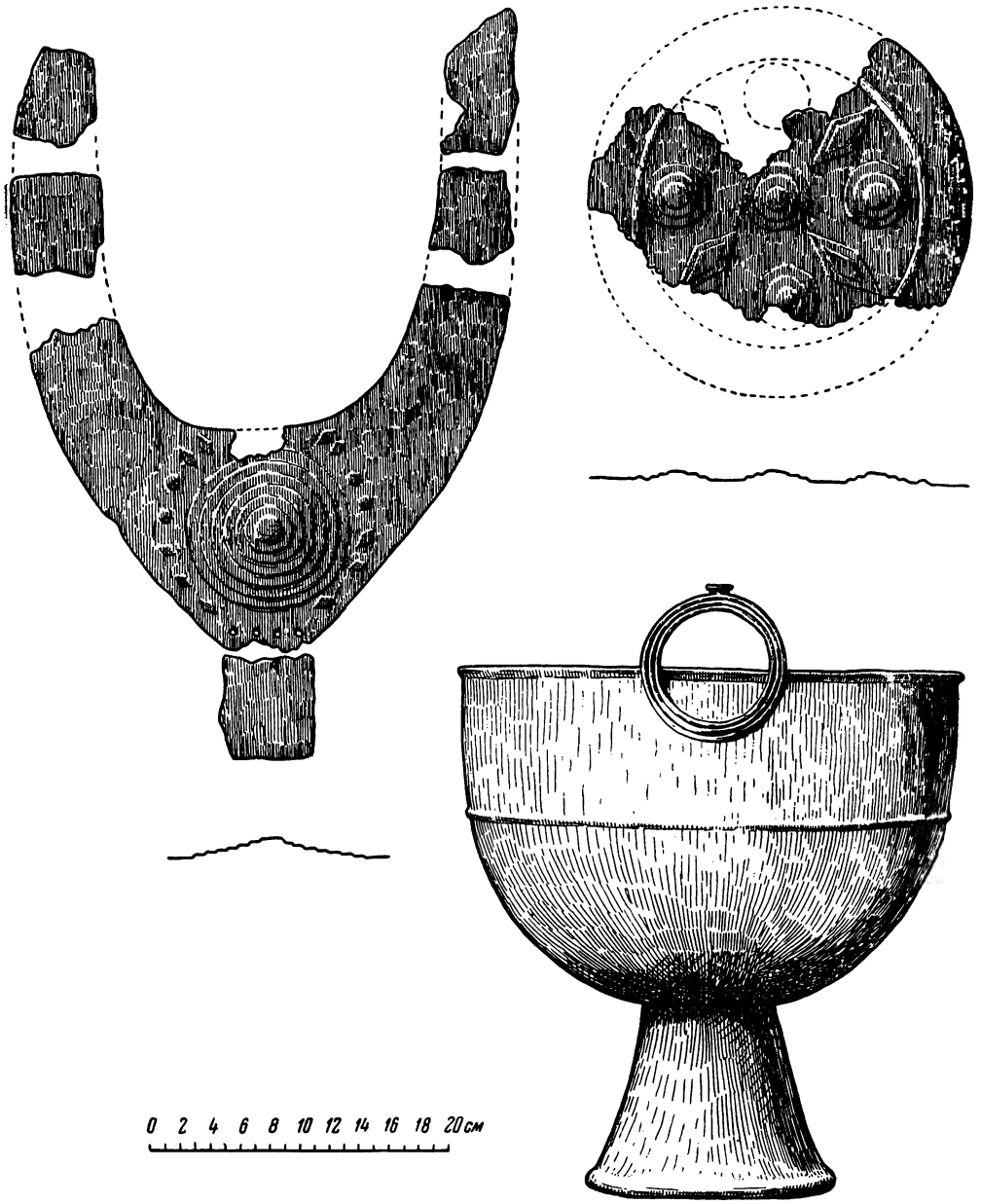


Рис. 13. Предметы из находки на северо-западном склоне горы Бештау в 1951 г.: медный котел, бронзовый нагрудник и бронзовый щит

в расщелине скалы. Здесь, вероятно, обнаружено было не погребение, а скорее клад. Находки на этот раз, видимо, полностью поступили

[1] Указание на северо-западный склон дано присутствовавшим при находке инженером; оно же имеется в заметке, помещенной в газете «Пятигорская Правда» от 13 мая 1951 г. В инвентарной книге музея и в экспозиции указано, видимо ошибочно, что находка сделана на северо-восточном склоне Бештау.

в Пятигорский музей (инв. № 2143). Найдены следующие предметы: медный котел, бронзовая обивка щита, бронзовое нагрудное украшение (рис. 13); далее бронзовые удила и 2 псалия тех же типов, что в находке у Лермонтовского разъезда; пряжка от конской сбруи; 4 бронзовых

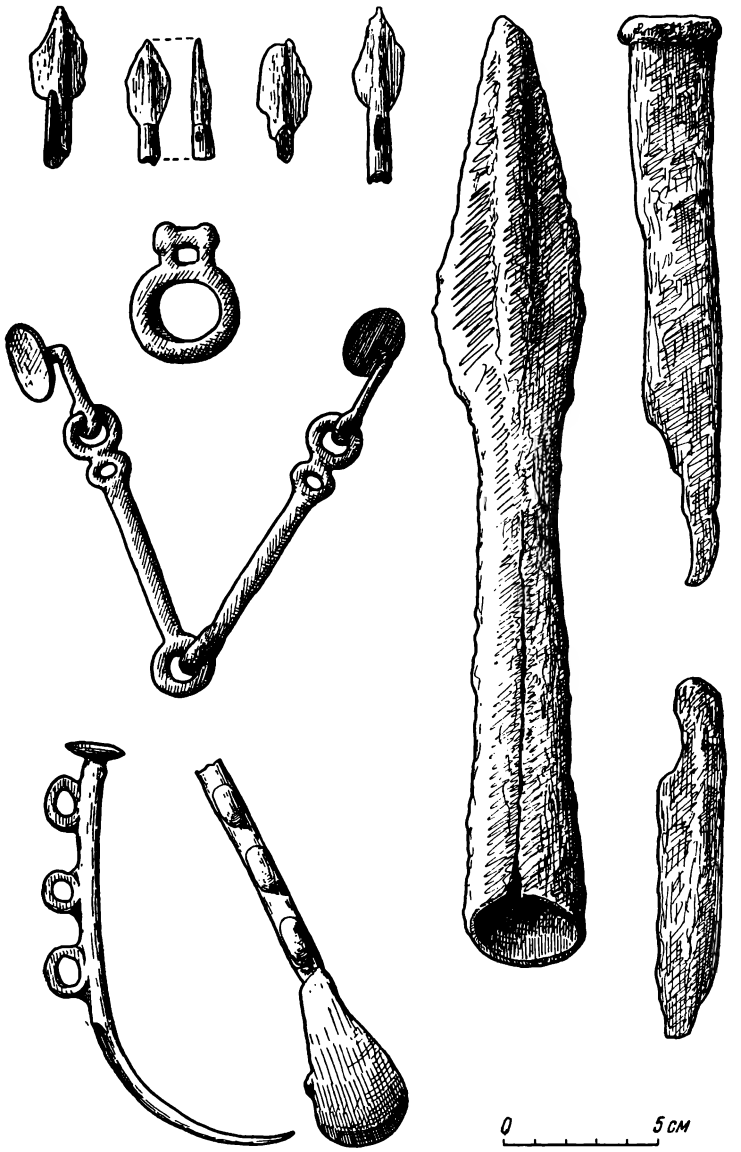


Рис. 14. Бронзовые и железные предметы из находки на северо-западном склоне горы Бештау

втульчатых наконечника стрел овально-ромбического типа, железный наконечник копья и 2 фрагмента железного кинжала (рис. 14).

Среди предметов этой находки обращает на себя внимание украшенная чеканным рельефным орнаментом обивка щита, пока что совершенно уникальная. Ту же технику и мотивы орнаментации мы видим на нагрудном украшении, имеющем ближайшую аналогию в изданном Б. А. Куфтиным «бронзовом культовом облачении» из кувшинного захоронения

в Эшери (Абхазия)[1]. Совершенно несомненно, что издаваемый нагрудник служил для той же цели, что и эшерский; можно, однако, думать, что оба они имели не специально культовое назначение, а были украшением или усилением боевой одежды мужчины - воина, может быть кожаного панцыря. Наличие оружия в эшерском комплексе (бронзового топора и наконечников копий)[2] подкрепляет такое предположение.

Специального внимания заслуживает также литой котел бештаугорского комплекса. Он имеет полую коническую ножку и две прилитые кольцевые ручки с кнопкою наверху, в нижней своей части прилегающие к стенке котла. Ниже ручек корпус котла опоясан горизонтальным рельефным

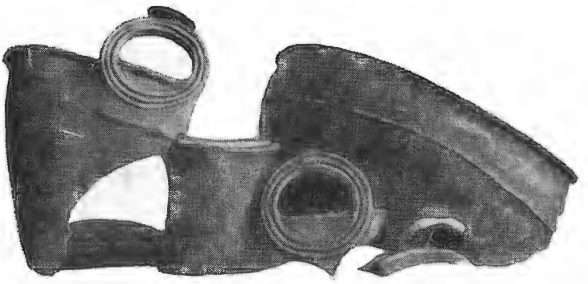


Рис. 15. Котел с горы Бештау, 1927 г.

валиком. Котлы этого типа, повидимому, являются древнейшими из литых медных котлов. Вполне аналогичный котел в обломках был случайно найден в 1927 г. при ломке камня на северной вершине Бештау и также поступил в Пятигорский музей (рис. 15). Отличие его от котла находки 1951 г. заключается лишь в цилиндрической, а не конической, ножке и в несколько бо̀льших размерах. Котлы этого типа до сих пор, насколько мне известно, не встречались в хорошо документированных комплексах. Известны они были главным образом из Минусинской котловины[3]. Издаваемая находка впервые позволяет более или менее точно датировать этот тип котлов, найденных на территории Европейской части СССР, и, вместе с тем, дает одно из наиболее ранних свидетельств культурной общности и культурных связей населения этого района с далеким востоком — Южной Сибирью и Казахстаном.

Перечисленными находками исчерпывается небольшой пока ряд комплексов из степных районов Предкавказья и Северного Кавказа, относящихся к нашей ранней группе, которую можно условно назвать группой Новочеркасского клада. Как мы видели, они отличаются от предкелермесской группы главным образом по наконечникам стрел и по конскому убору. Вместе с тем в этой группе ярко проступают связи с кобанской культурой горного Кавказа. Удила, встреченные в перечисленных комплексах, сочетаются с бронзовым оружием кобанских типов еще и в некоторых других находках[4].

---

[1] Б. А. Куфтин. Материалы к археологии Колхиды, т. I, Тбилиси, 1949, стр. 165, рис. 31 и табл. XVI, *3*.

[2] Там же, стр. 155, табл. XV.

[3] Ср. В. П. Левашева и Э. Р. Рыгдылон. Шалаболинский клад бронзовых котлов, хранящийся в Минусинском музее, КСИИМК, вып. XLIII (1952), стр. 132, рис. 44, *1—3*.

[4] Заюково на Баксане, погребение № 2 в кургане, раскопанном в 1949 г. К. Э. Гриневичем, МИА, № 23 (1951), стр. 136, рис. 14. Находка из Сурмуши в Лечхуми, хранящаяся в Музее Грузии. А. Иессен. Ук. соч., стр. 65, рис. 8. В кобанском могильнике, погребение № 12, раскопок Е. Шантра: E. Chantre. Recherches anthropologiques dans le Caucase, II, Paris—Lyon, 1886, стр. 27, рис. 3.

Вся рассмотренная группа должна датироваться VIII в. и, может быть, началом VII в. до н. э. В некоторых элементах мы можем установить ее непосредственную связь с комплексами предкелермесской группы (большие кольца от конского убора с подвижной муфтой). Основное отличие последней заключается в исчезновении «кобанских» элементов (оружие, удила, псалии) и в появлении бронзовых удил со стремячковидными внешними кольцами.

Очень характерно, что для группы Новочеркасского клада мы теперь имеем доказательства довольно широкого освоения железа и, следовательно, можем считать, что она хронологически совпадает с более поздним комплексом древнекобанской культуры, следуя за тем ее ранним комплексом, где железо еще не встречается вовсе или, может быть, встречается лишь как декоративный материал. Расчленение этих двух групп в кобанской культуре, явно намечающееся, тем не менее пока еще никем не проделано. Это обусловлено как недостатком научно фиксированных комплексов из могильника Верхнего Кобана, так и тем, что этот могильник в основной массе, повидимому, относится как раз к позднему этапу, тогда как ранние погребения X—IX вв. до н. э. в нем научно не раскапывались.

Остается вопрос, смыкаются ли рассмотренные нами новочеркасская и предкелермесская хронологические группы между собою непосредственно, или же в пределах VII в. до н. э. мы имеем между ними некоторый разрыв во времени. В пользу последнего допущения, возможно, говорит то обстоятельство, что части конской узды I типа с двукольчатыми удилами и трехпетельчатыми псалиями пока ни в одной достоверной находке не сочетались с удилами со стремячковидными концами. Вместе с тем, мы знаем сейчас на Северном Кавказе ряд находок, которые как будто должны быть отнесены к промежутку времени между двумя рассматриваемыми группами.

Я имею в виду ряд находок на Северном Кавказе бронзовых удил с одним большим кольцом на внешнем конце, иногда с добавочным звеном для крепления повода, как и на удилах двукольчатого типа[1]. Такие одно-кольчатые удила в ряде случаев известны в сочетании с бронзовыми псалиями трехпетельчатого типа, но несколько отличными от псалиев рассмотренной нами группы, или же с псалиями с тремя трубчатыми отверстиями. Находок в комплексах с другими предметами мы пока не знаем. Возможно, что эта группа относится к переходному времени между новочеркасской и предкелермесской группами, т. е. в основном к первой половине VII в. до н. э.

В заключение нашего обзора следует обратить внимание на географическое распространение на территории юга нашей страны бронзовых удил двух рассмотренных нами типов. На первой из помещаемых схем (рис. 16) показаны находки удил двукольчатого типа, характерных для группы Новочеркасского клада. В наибольшем количестве они известны на Северном Кавказе, один экземпляр имеется в Западной Грузии, ряд экземпляров на Дону, много на Украине; две находки известны далеко на севере — в Бузулукском районе и в б. Казанской губернии. На западе, в Венгрии, мы таких удил не знаем, но есть несколько восходящих к этой форме вариантов в единичных находках.

Думаю, что эта схема, помимо всех других соображений, подтверждает, что основным центром производства этих удил был, конечно, Северный Кавказ и отсюда они распространялись на север и в Поднепровье.

На следующей схеме (рис. 17) показано распространение бронзовых удил со стремячковидными окончаниями, предкелермесского и келермес-

[1] См. перечень: А. И е с с е н. Ук. соч., стр. 72—74 (удила II типа).

ского времени, которые в наибольшем числе известны сейчас на Северном Кавказе; Закавказье дало пока лишь один экземпляр стремячковидных

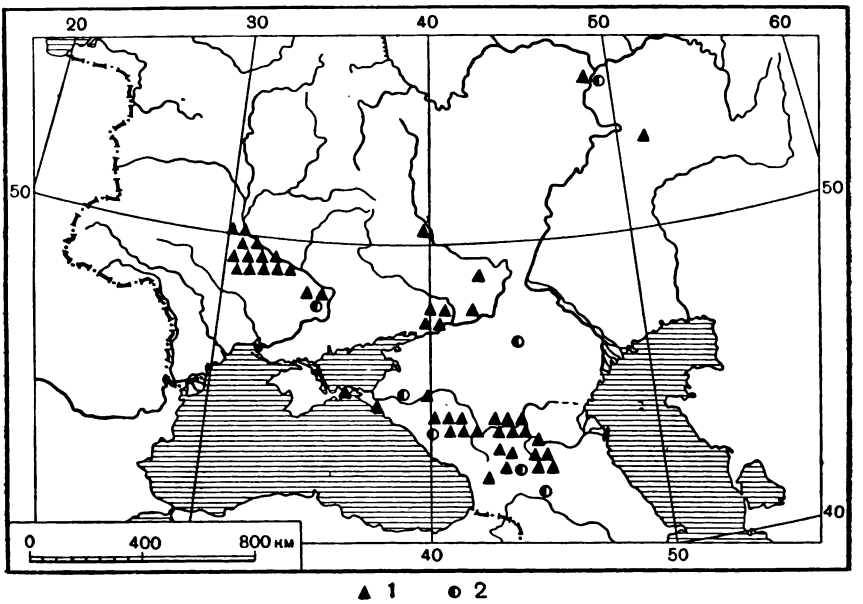


Рис. 16. Распространение бронзовых удил с двукольчатыми концами
1 — находки двукольчатых удил; 2 — находки трехпетельчатых псалиев без удил

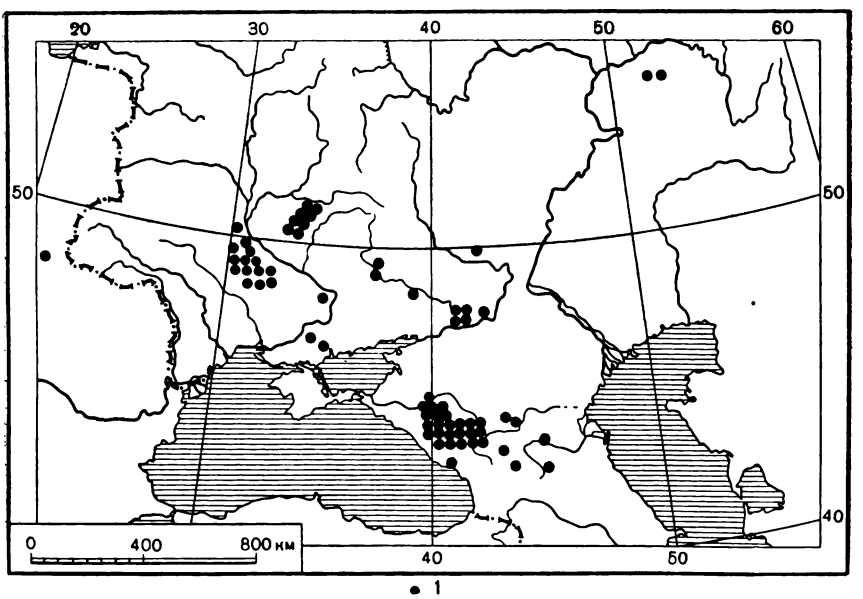


Рис. 17. Распространение бронзовых удил со стремячковидными кольцами
1 — находки удил

как и двукольчатых удил; он найден в Абхазии. Группа подобных находок известна на Дону, на Роменщине и Киевщине, а на севере они распространены и в области ананьинской культуры; аналогичные формы в

большом количестве известны далеко на востоке, в Приалтайском районе и в Средней Сибири (Минусинский район).

Полного объяснения последнему явлению мы пока дать не можем, так как слишком мало еще известны памятники этого же времени в Казахстане и Средней Азии. Значительная культурная общность, характерная для времени распространения «скифской» культуры[1] в Северном Причерноморье для громадной территории Европейского юга СССР, Средней Азии, Казахстана и Южной Сибири, несомненно, должна быть объяснена не одним лишь наличием во многих из этих районов кочевого скотоводческого хозяйства, но прежде всего конкретными историческими взаимосвязями, существовавшими между населением этих территорий. Рассмотренный нами материал показывает, что связи эти обнаруживаются уже в период существования новочеркасской группы, в VIII в. до н. э. (котлы с Бештау), а затем в предкелермесское время приводят к господству в конском уборе как в Сибири, так и на Северном Кавказе и Украине единых по конструктивному принципу и чрезвычайно близких в деталях форм бронзовых удил со стемячковидными концами и отчасти псалиев. Где эти формы возникли впервые, мы пока не можем сказать, но вполне вероятно, что в их распространении мы можем усмотреть подтверждение геродотовского известия о приходе скифов из Азии.

Вместе с тем в последующее келермесское время в археологическом материале Предкавказья ярко выступают и связи с югом, в особенности с Урарту, нашедшие свое выражение в широком распространении железа и, в частности, железных удил и псалиев. Существенно, что в Приднепровье эти типы железных изделий в VI в. далеко не получают такого распространения, как на Северном Кавказе, а в Сибирь они не проникают вовсе. Совершенно ясно, что это усиленное использование железа в начале VI в. нельзя не связывать с походами киммерийцев и скифов в Переднюю Азию.

Таким образом, на основании пока еще количественно небольшого материала с Северного Кавказа VIII—VII вв. до н. э. можно сделать следующие выводы.

1. Культура раннескифского облика времени Келермесских курганов VI в. до н. э. закономерно развивается на основе культуры предшествующего времени. В настоящее время вполне отчетливо выявляются две группы памятников, характеризующих два этапа этого развития в VIII—VII вв. до н. э. Возможно, что между ними можно будет со временем выделить еще третий, промежуточный, этап.

2. Уже в первой из этих групп, в новочеркасской группе VIII в. до н. э., теснейшим образом связанной с кобанской культурой горного Кавказа и относящейся к концу бронзового века и к первичному освоению железа, мы наблюдаем также и культурные связи с востоком (котлы). В предкелермесское время эти восточные связи с Сибирью или Средней Азией резко усиливаются. В келермесское же время резко усиливаются связи с югом, с Закавказьем и Передней Азией. Что же касается сношений и связей с севером, особенно с Приднепровьем, то в этом направлении активная роль населения Предкавказья очень отчетливо выявляется, начиная с первого этапа — со времени новочеркасской группы, и не ослабевает в дальнейшем.

3. Наконец, особенно существенно отметить, что широкое освоение железа, которое многие археологи для территории юга нашей родины склонны были датировать лишь началом VI в. до н. э., на самом деле происходило

[1] В настоящей статье термин «скифская культура» применяется А. А. Иессеном в традиционном расширительном его понимании, определяемом единством конской сбруи, оружия и вещей звериного стиля, а не в конкретно-этническом значении культуры ираноязычных скифов степной полосы Северного Причерноморья, о котором говорится в статье Б. Н. Гракова — А. И. Мелюковой. —*Ред.*

постепенно и значительно раньше, так как уже в VIII в. до н. э. мы видим наличие железного оружия в северокавказских комплексах.

Таким образом, при всей фрагментарности нашего материала мы все же можем значительно расширить хронологические рамки культуры, так ярко выступающей в Келермесских курганах, которую мы обычно называем раннескифской.

Рассмотренные выше памятники VIII—VII вв. до н. э. с полной отчетливостью свидетельствуют о том, что перелом в хозяйстве и в социальных отношениях населения юга и, в частности, степного Предкавказья, который нашел свое отражение в формировании скифской культуры, произошел не на рубеже VII—VI вв. до н. э., а значительно раньше. Уже в VIII—VII вв до н. э. на Северном Кавказе и в Причерноморье засвидетельствованы воины-конники, а это вполне совпадает с тем, что мы знаем из письменных исторических источников о скифах и киммерийцах на Древнем Востоке. Там, как известно, киммерийцы появляются не позже последней четверти VIII в., а скифы — в первой половине VII в. до н. э.

Можно считать, что рассмотренные нами комплексы — это памятники, относящиеся к непосредственным предкам тех воинов и всадников, племенные вожди которых захоронены в кубанских курганах VI в. до н. э. в станицах Келермесской, Костромской, Ульском ауле и др.

О культурной и этнической принадлежности рассматриваемых памятников мы можем говорить лишь очень условно. Возможными создателями этих комплексов могли бы быть, с одной стороны, скифские племена, которые, как известно из Геродота, через Северный Кавказ проходили на юг, с другой стороны — племена киммерийские, и, наконец, какие-то племена местные, северокавказские, связанные генетически с племенами эпохи бронзы предшествующего времени.

Я не имею возможности заниматься разрешением киммерийского вопроса, но должен напомнить, что как скифы, так и киммерийцы в Передней Азии выступают как племена, находящиеся примерно на одном уровне культурного развития: и те и другие — всадники, воины, кочевники; очевидно, что существенной разницы в уровне культурного развития исторически известных киммерийцев и скифов этого раннего периода не было.

Таким образом, в создателях комплексов VIII—VII вв. до н. э., которые известны и в степном Предкавказье и в степных районах Северного Причерноморья, мы можем видеть как предков скифов VI в. до н. э., так и киммерийцев.

Мне уже приходилось возражать против отнесения термина «киммерийский» ко всему медно-бронзовому веку наших степей, ибо киммерийская или киммерская стадия в смысле марровской стадиальности, несомненно, никогда не существовала и является пустой абстракцией; распространение же этого конкретного исторического термина на громадный отрезок предшествующего времени никакими историческими данными не оправдывается.

В моем представлении киммерийцы возглавляли первое крупное объединение племен, первый крупный союз на юге нашей страны после перехода ряда племен степных районов к кочевому хозяйству, а затем они, очевидно около рубежа VIII и VII вв. до н. э., частично были вытеснены из Северного Причерноморья пришельцами с востока, после чего и сложилось у нас на юге скифское объединение.

Вместе с тем несомненно, что не может быть речи о полной смене всего населения в это время. Многие племена и группы населения, входившие в киммерийское объединение, сохранились на месте и после его распада. Если говорить о киммерийской и скифской культуре не в узко этническом, а в культурно-историческом плане, то можно было бы предложить нашу

первую новочеркасскую группу памятников относить еще к киммерийской культуре или, лучше,— к киммерийскому времени, а вторую, предкелермесскую группу — уже к скифскому времени, так как в ней ясно выступает резкое усиление связей с востоком.

Что же касается культуры киммерийцев в собственном смысле, то ее нам еще надо искать. Для конкретного решения этого вопроса нам недостаточно ясна картина размещения различных этно-культурных групп на всем пространстве степей от Днестра до Предкавказья в IX—VII вв. до н. э. Нужен новый материал, материал массовый, который дополнит те отдельные комплексы, которые сейчас имеются в нашем распоряжении.

Я не думаю, чтобы правы были те исследователи, которые присваивают киммерийцам собственно кобанскую горную культуру. Киммерийцы не вышли из гор, это степняки и кочевники, насколько мы знаем их по письменным историческим источникам.

Очевидно, если могут быть какие-то киммерийские племена в степном Предкавказье, то их нужно искать среди создателей той культуры, отдельные элементы которой прошли сейчас перед нами, но которая намечается пока только как хронологическая основа, вокруг которой нужно объединить и собрать материал, в полной мере характеризующий эту культуру.

Сейчас этими данными мы не располагаем и поэтому нельзя еще окончательно решить, каким именно племенам принадлежали рассмотренные комплексы.

П. Д. Либеров

ХРОНОЛОГИЯ ПАМЯТНИКОВ ПОДНЕПРОВЬЯ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ

Проблема истории скифов и их культуры, существовавшей на рубеже эпохи разложения первобытно-общинного строя, культуры, вышедшей из недр эпохи бронзы и положившей начало эпохе железа в южной части Восточной Европы, занимает особенно важное положение среди других проблем древнейшей истории народов СССР.

Усилия советских археологов, идущих по пути освоения положительного наследства дореволюционной археологии, по пути пересмотра и преодоления ее неправильных выводов и порочной методологии, по пути накопления новых материалов и исследований, основанных на марксистско-ленинской методологии, позволили по-новому поставить ряд вопросов и уточнить некоторые детали скифской проблемы. Только теперь, благодаря новым археологическим исследованиям и вопреки старым представлениям, вскрывается вся сложность исторического процесса происхождения и развития скифских племен и их культуры. Однако в силу сложности этой проблемы советская археологическая наука еще и сейчас не достигла того уровня, который позволил бы сказать, что в настоящее время нам достаточно ясны ее основные вопросы: вопросы о происхождении скифских племен, о взаимоотношении их с племенами нескифскими, а равно и вопрос об основных этапах развития скифской культуры и о ее дальнейших судьбах.

В настоящей работе автор ставит перед собой задачу: на основе анализа археологических памятников Северного Причерноморья вообще и лесостепной его части в особенности ответить на один из важнейших вопросов всей скифской проблемы, вопрос о хронологии памятников скифского времени в Поднепровье.

Вопрос хронологии скифских памятников не является новым, он имеет свою длительную историю. Многие археологи дореволюционного, а затем и советского времени уделяли этому вопросу большое внимание. Они создали ряд приемов хронологического определения скифских памятников и внесли значительный вклад в археологическую науку. Благодаря этому в настоящее время установлены хронологические рамки существования скифской культуры, определяемые VII—II вв. до н. э. В этих хронологических границах представляется возможным более или менее ясно уловить основные элементы скифской культуры, проследить ее развитие и изменение. Однако еще до сих пор остается много неясных вопросов, противоречивых предположений и утверждений, связанных не только с неполнотой изучения самих археологических памятников, но и с неясностью и легендарностью указаний письменных источников. Эта неясность относится прежде всего к вопросу о происхождении и дальнейших судьбах скифских племен.

Отсюда возникают различные теории о миграции или автохтонности скифских и других племен, в зависимости от которых находятся и определение хронологии памятников и приемы этого определения. Хронологические классификации буржуазных археологов и историков — Д. Я. Самоквасова[1], А. А. Бобринского[2], М. И. Ростовцева[3] и других — исходят из неправильных методологических предпосылок, заключающихся в недооценке роли местных элементов и в преувеличении роли миграций. Недооценка роли местных элементов очень часто приводила также к ошибкам в датировке многих скифских памятников. Миграционные теории указанных буржуазных археологов и историков в изучении возникновения, развития и исчезновения скифской культуры проявляются прежде всего в утверждении обязательной смены одних племен другими и неизбежной, в связи с этим, смены культур. Отсюда появилось в работах Д. Я. Самоквасова хронологическое распределение племен и народов с их культурой и по эпохам: киммерийской (до VII в. до н. э.), скифской (VI—I вв. до н. э.), сарматской (I—IVвв. н. э.), славянской и половецко-татарской[4]. Отсюда также возникало преувеличенное представление о значении внешних влияний в сложении и развитии скифской культуры. Д. Я. Самоквасов, например, утверждал, что скифы, до их прихода в Северное Причерноморье в VII в. до н. э., не знали железа, что только греки познакомили их с этим металлом, так же как и с серебром и золотом. Скифская культура, по М. И. Ростовцеву, рассматривается прежде всего как результат слияния иранских и греческих элементов[5]. Однако уже М. И. Ростовцев, несмотря на его крайний миграционизм, должен был признать существование местной культуры на территории Киевщины. Принесенная сюда скифами культура, по предположению Ростовцева, встретилась со сложившейся культурой оседлого земледельческого населения, жившего в укрепленных поселениях, хорошо вооруженного тем же железом, которым вооружены были и иранцы-скифы[6]. Это замечание Ростовцева в свете новых археологических открытий в районе р. Тясмина и в других местах имеет существенное значение для создания хронологической классификации скифской культуры и для установления генезиса племен лесостепной полосы.

Попытка А. А. Спицына создать археологическую классификацию скифских памятников Среднего Поднепровья представляет крупный шаг вперед по сравнению с работами всех предшествующих авторов. Эта хронологическая классификация в основных ее частях не потеряла своей научной ценности и в настоящее время[7].

На основании глубокого анализа памятников Спицыну удалось разбить скифское время на три периода: старшескифский, среднескифский и позднескифский, различающиеся по содержанию материальной культуры и свидетельствующие о поступательном развитии местных культурных элементов. Однако и Спицыну не удалось полностью освободиться от влияния миграционных теорий.

Не найдя удовлетворительного объяснения особенностей развития скифского общества, Спицын попытался объяснить их миграциями, не заметив при этом общих черт в материальной культуре тясминской и журовской курганных групп, преемственности и последовательности развития журовской группы от тясминской, и поэтому ограничился замечанием

---

[1] Д. Я. Самоквасов. Основание хронологического распределения этнографических материалов, Тр. VIII АС, т. III, 1897, стр. 44 и сл.

[2] А. Бобринский. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы, т. II, СПб., 1894.

[3] М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор, 1925.

[4] Д. Я. Самоквасов. Ук. соч.

[5] М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор, стр. 466.

[6] Там же.

[7] А. Спицын. Курганы скифов-пахарей, ИАК, вып. 65 (1918).

о том, что появление культуры журовской группы курганов в ее разработанном, совершенно готовом виде представляется внезапным. Между тем появление журовской группы в VI в. до н. э. на реке Турье, притоке р. Выси, а затем на Южном Буге может быть предположительно объяснено расширением торговых сношений населения Тясминского района с Ольвией, приведшим к расселению населения из этого района.

Приведем другой пример. Заметив резкое уменьшение количества курганов с типично скифским инвентарем в позднескифское время, Спицын констатирует какую-то катастрофу в истории скифской культуры, предполагает исчезновение ее создателей. Объяснение этого явления он находит отчасти в уходе скифов в города, собственно скифские или же греческие, отчасти в привлечении их в Боспорское царство. К такому выводу Спицын пришел потому, что он не смог поставить вопрос о возможности значительных общественно-экономических и политических изменений в Скифии в позднескифское время. Между тем эти изменения наблюдаются в погребальном обряде, в переходе от погребений преимущественно с трупоположением в скифское время к погребениям с трупосожжением в виде полей погребений в послескифский период, от погребений в курганах к погребениям бескурганным. Изменение погребального обряда у племен Среднего Поднепровья, надо полагать, свидетельствует о новых общественных формах, сильно меняющих весь облик материальной и духовной жизни общества.

Нельзя считать культуру скифского времени в пределах правобережной части Среднего Поднепровья, не имеющей никакой связи с культурой местной, которая бытовала здесь в предшествующее время, как нельзя вместе с этим оторвать ее от культуры полей погребений, принявшей многие черты культуры скифского времени. В этом смысле элементы культуры скифского времени как бы вырастают на основе местной культуры, прошедшей длительный путь развития и принявшей новые черты уже при других социально-экономических условиях. Однако в течение длительного времени существования скифской культуры ее развитие не шло и не могло идти совершенно прямолинейно, без внешних влияний.

Для эпохи разложения первобытно-общинного строя у племен Северного Причерноморья была характерна упорная борьба за основные источники существования: скот, хлеб, удобные земли для выпаса скота и земледелия, за основные торговые пути и т. п. В Среднем Поднепровье и лесостепи в целом с его богатыми экономическими ресурсами и довольно развитой для того времени культурой эта борьба проявлялась особенно остро. Сюда стремились вторгнуться некоторые степные племена, встретившие упорное сопротивление местных племен. Отсутствие серьезных естественных преград между степью и лесостепью вызывало создание многочисленных больших и малых городищ. Понятно, что такая борьба не могла не привести к проникновению в лесостепь мирным и военным путем иных этнических элементов и культурных влияний. Стало быть, все многообразие археологических памятников Среднего Поднепровья не может быть понято во всей полноте лишь на основе замкнутых внутренних процессов развития местных племен без глубокого анализа многовековых взаимоотношений и связей с внешним миром. Упрощенное понимание развития племен Среднего Поднепровья служило основой многих ошибочных представлений.

Таким образом, основные ошибки и недостатки старых систем, допущенные в хронологии и определении принадлежности памятников скифского времени, покоятся, во-первых, на недостаточном уровне изучения отдельных элементов материальной культуры, с которыми пришлось встретиться авторам хронологических классификаций; во-вторых, на недостаточно всестороннем и глубоком рассмотрении всего комплекса

археологических памятников, имеющихся в распоряжении исследователей; в-третьих, они коренятся в неправильном методе разрешения всей совокупности вопросов, касающихся материальной и духовной жизни скифского общества. Принимая в основном схему хронологической классификации Спицына, советские археологи должны снова пересмотреть отдельные ее положения с позиций марксистской методологии.

Советские археологи в своих трудах постоянно возвращались к вопросам хронологии скифских памятников, считая, что до тех пор, пока не будет создана удовлетворительная классификация памятников, основанная на марксистско-ленинском методе исследования, невозможно будет решить коренные вопросы истории первобытного общества. По хронологии скифских памятников имеются работы М. И. Артамонова[1], Б. Н. Гракова[2], А. П. Манцевич[3], Б. З. Рабиновича[4], А. А. Иессена[5]. Однако до сих пор никем не было дано достаточно полной хронологической классификации. Такую классификацию нельзя создать без учета особенностей всего культурного комплекса, лежащего в основе определения самой культуры. В это определение в качестве обязательного составного элемента должны войти обряд погребения, погребальные сооружения, как отражение не только материальной культуры, но и духовной жизни человека вообще.

Опыт исследований показывает, что погребальные сооружения и погребальный обряд в характеристике и определении той или иной культуры играют весьма существенную роль. Достаточно сказать, что в погребениях катакомбной культуры б. Изюмского и Бахмутского уездов человеческие остовы лежат исключительно или почти исключительно на правом боку[6]. По данным В. А. Городцова, из 52 погребений имеется только один случай погребения на левом боку в коллективном погребении. Наоборот, в этих же районах в погребениях в срубах, в насыпи и на горизонте без срубов, принадлежащих срубной культуре, за небольшим исключением, погребенные расположены на левом боку[7]. Из 147 погребений на левом боку человеческие костяки оказались в 129 и на правом — в 18. Кроме того, срубные погребения эпохи бронзы характерны для степной полосы Северного Причерноморья, а в лесостепи, в частности в районе Тясмина, они совершенно отсутствуют; появление же их в одном из могильников у с. Макеевки в скифское время может свидетельствовать, вероятно, о проникновении сюда племен, сохранивших черты срубной культуры, или о сильном влиянии ее на племена лесостепи[8]. Таковы факты, свидетельствующие о значении погребального обряда в определении культуры и ее происхождения. Без такого понимания самой культуры невозможно сколько-нибудь полно создать хронологическую классификацию и восстановить во всех деталях процесс исторического развития человеческого общества. Недостатки упомянутых выше хронологических классификаций и заключаются в том, что они не исходят из этого основного требования, не учитывают всего комплекса культуры в целом.

---

[1] М. И. Артамонов. Этногеография Скифии, УЗЛГУ, вып. 13, 1949, стр. 192 и сл.; его же. Венеды, невры и будины в славянском этногенезе, ВЛГУ, 1946, № 2, стр. 70 и сл.; его же. К вопросу о происхождении скифов, ВДИ, 1950, № 2 и др.

[2] Б. Граков. Скіфи, Киев, 1947.

[3] А. П. Манцевич. О скифских поясах, СА VII, стр. 19 и сл.

[4] Б. З. Рабинович. О датировке некоторых скифских курганов Среднего Приднепровья, СА I (1936); его же. Шлемы скифского периода, ТОИПКЭ, т. I (1941), стр. 42 и сл.

[5] А. А. Иессен. Греческая колонизация Северного Причерноморья, Л., 1947.

[6] В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии в 1901 г., Тр. XII АС, т. I, М., 1905; его же. Дневник археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии в 1903 г., Тр. XIII АС, т. I, М., 1907.

[7] В. А. Городцов. Ук. соч. в Тр. XII и XIII АС.

[8] Журнал раскопок Н. Е Бранденбурга, 1888—1902 гг., СПб., 1908.

Итак, в ходе рассмотрения существующих хронологических классификаций были выяснены основные положительные и отрицательные их стороны, приемлемые и неприемлемые с точки зрения современной советской археологической науки утверждения, определены основное содержание археологической культуры и ее значение в создании археологической хронологии. При рассмотрении археологической хронологии Спицына было отмечено, что основные ее положения могут быть приняты и должны лечь в основу дальнейшей разработки вопросов хронологической классификации, поскольку новые археологические открытия позволяют поставить эту задачу.

На основании всего сказанного представляется возможным поставить вопросы, разрешение которых способствует раскрытию основного содержания интересующей нас темы, а именно: каковы общие признаки, черты отличия и хронологические рамки памятников культуры скифского времени степной и лесостепной полос Поднепровья? Как и чем определяются периоды скифской культуры? Каковы ее истоки и исторические судьбы?

Рассмотрим первый вопрос. Все археологи признают, что скифское время в пределах степей и лесостепей Северного Причерноморья определяется некоторыми общими признаками материальной культуры, характеризующими этот период развития различных племен, обитавших на широких пространствах этой области. Стоит ли вопрос о племенах степи и лесостепи в целом или в отдельности о племенах Среднего Поднепровья, Поднестровья, Побужья или верховьев Дона и Донца, везде мы находим, хотя и в разной степени, несомненное сходство в типах оружия (мечей, стрел, доспехов), конской сбруи, вещей звериного стиля и некоторых видов погребальных сооружений и керамики. Однако при детальном изучении всего комплекса инвентаря погребальных сооружений и погребального обряда каждого района в отдельности эти общие признаки уступают место специфическим локальным вариантам. В этом случае степь отличается от лесостепи, а в самой лесостепи наблюдаются различия между культурой правобережья Среднего Днепра и культурой его левобережья, между обоими этими культурами и культурой Днестра и т. д.

При таком порайонном анализе этих культур достаточно убедительно вскрываются не только племенные особенности, но и характер исторического их развития. Если мы обратимся к самой общей характеристике памятников скифского времени степи и лесостепи в Поднепровье, то найдем в них значительные отличия.

А. ПРАВОБЕРЕЖЬЕ СРЕДНЕГО ПОДНЕПРОВЬЯ

Находки в лесостепной части Среднего Поднепровья некоторых памятников скифской культуры в виде бронзовых и железных наконечников стрел, конской сбруи и некоторых форм керамики отмечаются уже в VII в. до н. э. В это время железо применяется только для изготовления мелких хозяйственных изделий и предметов вооружения (шило, нож, стрела). Удила кобанского типа встречаются лишь в Среднем Поднепровье (табл. I, *2*, *3*), редко в пределах северной части Харьковщины, затем на Дону (табл. I, *1*) и часто на Кубани. В других местах Северного Причерноморья и особенно в степи они пока не обнаружены.

Правобережье Среднего Днепра отличается разнообразием форм погребальных сооружений из дерева; там встречаются: а) сооружения шатрового типа; б) сооружения с плоскими, а также с односкатными и двускатными крышами при одновременном устройстве деревянных стенок в виде частокола, либо горизонтальной обшивки без столбов или со столбами; в) деревянные ящики, типичные по своему устройству для срубной культуры. Такие погребальные сооружения хотя и уступали количественно погребальным сооружениям обычного типа (погребения в ямах, в насыпи

и катакомбах), однако достаточно многочисленны, чтобы служить одним из основных отличительных признаков этого района. Существенной чертой таких погребальных сооружений здесь является также устройство деревянного дромоса, достигающего нередко значительной длины.

Наличие многочисленных факторов генетической связи одних форм с другими и последовательности их развития вплоть до времени полей погребений черняховского типа указывает на существование несомненной местной этнической основы. Но не все это разнообразие может быть объяснено из местных форм. Не к местным, а к привнесенным извне формам можно отнести погребения в срубах и в катакомбах. Появление их, надо полагать, объясняется культурными влияниями или проникновением в лесостепь каких-то племен из степной полосы.

Деревянные погребальные сооружения, встречающиеся в скифское время в Среднем Поднепровье, не идут к западу дальше Южного Буга, они часто встречаются на левобережье Среднего Днепра (рр. Сула, Ворскла) и в некотором количестве на Кубани. В последнем районе они встречаются в форме ранних, более обширных шатровых сооружений.

В Среднем Поднепровье наблюдаются два типа погребального обряда — трупоположение и трупосожжение, сосуществовавшие с конца эпохи бронзы. Исследованиями А. И. Тереножкина в последние годы достаточно убедительно доказано существование обряда трупосожжения в предскифское время в пределах долины р. Тясмина и в других районах правобережной части Среднего Днепра [1]. Обряд трупоположения несомненно господствует в течение всего скифского времени, хотя количество трупосожжений заметно увеличивается к концу этого периода, не превышая, однако, 14—15% общего количества погребений. Формы погребального обряда с трупосожжением постепенно приближаются к формам полей погребений. Это сближение позволяет не без основания допустить вероятность перехода обряда трупосожжения скифского времени к форме полей погребений в пределах одной и той же этнической группы; возможно, впрочем, что такой переход осуществился вследствие примеси пришлых элементов, среди которых местные элементы играли, однако, весьма серьезную роль. Это предположение подтверждается также большим сходством погребального инвентаря в погребениях полей погребений с инвентарем погребений скифского времени [2]. Вместе с этим в погребальном обряде правобережного Среднего Поднестровья наблюдается одна особенно характерная черта, не свойственная другим районам лесостепи: значительное количество погребений с лошадью—иногда в одном погребении встречается до трех целых лошадиных костяков. Лошадь в погребальном ритуале в качестве жертвенного мяса в правобережной части Среднего Днепра значительно преобладает над другими животными, хотя в быту как мясная пища она уступает корове и, вероятно, мелкому рогатому скоту.

И, наконец, при некотором общем сходстве простой керамики (с налепными валиками, защипным орнаментом и проколами под венчиком сосуда) керамика правобережья Среднего Днепра, особенно тясминской группы памятников, имеет заметные локальные особенности. Укажем к примеру на чарки с высокой ручкой (табл. I, *57*, *58*, *60*). Многочисленные тясминские чарки отличаются от аналогичных сосудов других районов низким корпусом, нередко очень высокой ручкой, мягко изогнутым профилем, красивой, иногда по всему корпусу инкрустированной белой пастой, орнаментацией. Аналогичные сосуды западноподольской курганной группы, также близкие по форме тясминским чаркам, имеют резко профилиро-

[1] А. И. Тереножкин. Поселения и городища в бассейне реки Тясмина, КСИИМК, вып. XLIII (1952), стр. 96.

[2] П. Д. Либеров. К вопросу о связи культуры полей погребений с культурой скифского времени, КСИИМК, вып. XXXIV (1950).

ванные стенки и лишены какой-либо орнаментации. Совершенно к другому типу принадлежат обычно и чарки в левобережной части Среднего Поднепровья, хотя и там иногда встречаются чарки тясминского типа.

Мы не останавливаемся здесь на ряде других, более частных особенностей памятников правобережной части Среднего Днепра, как не затрагиваем и тех черт, которые при тщательном их анализе позволили бы разделить эти памятники на более мелкие локальные группы. В настоящей работе необходимо подчеркнуть лишь основные общие признаки памятников скифского времени Среднего Поднепровья, сложившиеся в течение ряда столетий и сближающие эти памятники в одну общую группу, как одно целое, с тем, чтобы сравнить ее с другими локальными группами.

Б. ЛЕВОБЕРЕЖЬЕ СРЕДНЕГО ПОДНЕПРОВЬЯ

Археологические памятники левобережья Среднего Поднепровья подверглись менее систематическому исследованию, чем памятники правобережья. Некоторые важные районы совершенно не изучены (долина р. Псла) или изучены слабо (долина р. Ворсклы), и только посульская группа памятников привлекла более серьезное внимание исследователей. Посульская группа дала чрезвычайно богатый и интересный археологический материал, свидетельствующий о значительном своеобразии этих памятников скифского времени. Конечно, добытых материалов далеко не достаточно для того, чтобы разрешить такие значительные вопросы, как вопрос о возникновении в этом районе культуры скифского времени и об ее роли в развитии культуры Северного Причерноморья в целом. Однако имеющиеся материалы уже позволяют дать не только общую характеристику культуры Северного Причерноморья, но и поставить и частью предположительно решить некоторые основные вопросы ее хронологии. В силу более резкого различия между отдельными группами левобережных памятников, чем это наблюдалось в Правобережье, возникает необходимость раздельного рассмотрения памятников Посулья и долины р. Ворсклы, как основных групп этого района. Посульские памятники вслед за работами М. И. Ростовцева [1] и других исследователей в последние годы были тщательно изучены В. А. Ильинской [2]. На основании этих работ посульские памятники скифского времени представляются в основном однотипными, отличными от других групп памятников. Прежде всего хронологические рамки посульской группы памятников В. А. Ильинская определяет в пределах VI—IV вв. до н. э. У нас нет оснований подвергать сомнению эти хронологические рамки, они, вероятно, соответствуют действительности. А это значит, что посульская группа памятников существовала менее продолжительное время, чем памятники скифского времени в других районах.

Определяя верхнюю и нижнюю границу в этих рамках, В. А. Ильинская не находит сколько-нибудь заслуживающих внимания фактов, позволяющих генетически связывать эту культуру с какой-то другой, существовавшей здесь ранее культурой; с другой стороны, она не находит и фактов, подтверждающих продолжение и развитие культурно-исторических традиций культуры скифского времени в более позднее время на той же территории. Это — одна из отличительных черт рассматриваемой группы памятников, но это не единственная ее особенность.

Посульские деревянные сооружения, очень близкие по существу к погребальным сооружениям правобережной части Днепра, как правило, не имеют обычных для Правобережья входов — дромосов. Ориентировка могильных ям и погребальных сооружений по продольной оси исключитель-

[1] М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор, 1925.

[2] В. А. Ильинская. Памятники скифского времени Посулья (автореферат), Киев, 1949.

но меридиональная. Они не обладают такой развитостью форм, как сооружения тясминско-журовские. Здесь не встречаются сооружения шатровые, нет погребальных сооружений типа срубов, типичных для срубной культуры эпохи бронзы в степной полосе и встречающихся в скифское время в тясминской группе (Макеевский могильник), а также на р. Ворскле (могильник у с. Мачухи). Не встречаются здесь также и камеры-катакомбы, типичные для нижнеднепровской группы памятников и обнаруживаемые в лесостепном Правобережье в позднескифское время.

В Посулье господствует погребальный обряд с трупоположением, а трупосожжение встречается очень редко. Достаточно сказать, что из более чем 60 курганов, раскопанных С. А. Мазараки в 1886 г. у сел Аксютинцы, Поповка, Ярмолинцы и др., погребения с трупосожжением содержал только один курган [1].

Особенно важно заметить, что ориентировка покойников в посульской группе, как правило, меридиональная, головой на юг, редко на юго-запад и как исключение на юго-восток, в отличие от основной ориентировки головой на запад в тясминской группе. В противоположность тясминской группе здесь нет также и признаков погребений с лошадью, а жертвенные остатки при покойниках и в насыпях курганов состоят только из костей крупного и мелкого рогатого скота. Между тем лошадь занимала видное место в хозяйственной жизни племен этой группы, о чем свидетельствует остеологический материал с Басовского городища, исследованного В. А. Ильинской в 1947 г. Кости лошади здесь занимают четвертое место (14,85%) в общем составе костей домашних животных [2].

И, наконец, керамика посульской группы по своим формам, орнаменту и отделке также отличается от керамики правобережной части Среднего Днепра. Здесь нет необходимости рассматривать ни все формы посульской керамики, ни некоторые особенности ее орнамента, поскольку основная характеристика ее дана в указанных выше работах В. А. Ильинской. В наших целях достаточно указать только на один из самых типичных видов керамики. Мы имеем в виду так называемые чарки с высокой ручкой. Сосуды такого типа в посульской группе отличаются от тясминских высоким корпусом, более узким диаметром шейки сосуда по сравнению со средней частью и невысокой ручкой. Такие чарки в тясминской группе встречаются весьма редко.

Археологические памятники посульской группы, таким образом, обладают довольно значительными локальными отличиями сравнительно с археологическими памятниками правобережья Днепра.

Археологические памятники долины р. Ворсклы и ее притоков не представляют того единства, которое мы наблюдаем в Посулье. Довольно обширные археологические исследования этой долины в досоветское и в советское время показали, что здесь имеется огромное количество селищ и курганных могильников скифского времени, представляющих весьма интересное сочетание, с одной стороны, локальных вариантов памятников, с другой — разнообразия погребальных сооружений и погребального обряда в одном и том же курганном могильнике. По разнообразию погребальных сооружений, погребального обряда, отчасти керамики, по широте хронологического охвата памятники р. Ворсклы ближе всего стоят к группе памятников правобережья. Касаясь отличий поворсклинской группы памятников от посульской, мы прежде всего должны обратить внимание на одну, хорошо известную группу в районе Бельского городища,

---

[1] А. Бобринский. Курганы и случайные археологические находки..., т. II, стр. 179.

[2] В. А. Іллінська. Верхньосульська експедиція 1947 р., Археологічні пам'ятки УРСР, т. IV, Киев, 1952, стр. 40.

исследованную В. А. Городцовым[1]. Здесь нет уже деревянных погребальных сооружений на столбах, они заменяются простыми деревянными перекрытиями с деревянной или лубяной подстилкой на дне, лежащей обычно на 2—4-х балках, вкопанных в специальные канавы. Встречаются также сооружения типа срубов в виде горизонтально положенных вдоль стен ямы брусьев, также с деревянным полом. Могильная яма ориентирована, как правило, с северо-востока на юго-запад, а человеческий остов — головой на юго-запад, но иногда в противоположном направлении — на северо-восток. Этот устойчивый обряд, отличающий бельскую группу от посульской, достаточно убедительно доказывает ее племенную обособленность. Исследование курганов и зольников в окрестностях Бельского городища позволило В. А. Городцову выяснить хронологию этих памятников, связи зольников и курганов с городищем. По определению В. А. Городцова, зольники предшествуют образованию городища и курганов, которые возникают в последний период образования зольников. Судя по находкам греческой милетской керамики, возникновение зольников может быть отнесено к VII в. до н. э., тогда как курганы не могут быть датированы ранее VI в. до н. э. Более раннее время образования зольников подтверждается и тем фактом, что в них часто обнаруживается хорошая чернолощеная, инкрустированная белой пастой керамика, которая не встречается уже в ранних курганных погребениях.

Близко стоящий к этому городищу и курганному могильнику по характеру памятников, но расположенный значительно ниже по течению р. Ворсклы курганный могильник с. Мачухи обладает все же и особыми характерными чертами. М. Я. Рудинский определяет его хронологические рамки в пределах VII—III вв. до н. э.[2] Следовательно, время образования Мачухского могильника значительно шире периода существования посульских памятников, оно уточняет и подкрепляет верхнюю хронологическую границу поселения времени зольников Бельского городища и в хронологическом отношении тесно примыкает к ранним курганным погребениям Макеевского могильника на р. Тясмине, поскольку М. Я. Рудинский вполне обоснованно связывает указанные могильники во времени. Могильник у с. Мачухи очень интересен как по длительности существования, так и по особенностям погребального обряда и погребальных сооружений, но, к сожалению, слабо исследован и далеко не полно опубликован.

Памятники бельской и мачухинской групп имеют много общего, их сближает и наличие в обоих случаях мощных зольников. Однако наряду с этим между ними имеются и большие различия. Так, различны погребальные сооружения и их ориентировка. В Мачухском могильнике, повидимому, преобладают погребальные сооружения типа срубов Макеевки или одного из срубов в могильнике Осняги, около Бельского городища с ориентировкой в меридиональном направлении. Ориентировка человеческих костяков преимущественно головой на юг. Вместе с этим в Мачухском могильнике часто встречаются впускные погребения, ориентированные в разных направлениях. Однако и среди них встречаются погребения головой на юг (курганы № 10, 33)[3]. Этот обряд отличает мачухскую группу от группы бельской и связывает с посульской. Не приходится сомневаться в том, что ранние срубные погребения макеевской группы имеют много общего с Мачухой не только в типе погребальных сооружений и в ориентировке погребений, но и в керамике[4]. Нельзя не указать на любопытное сходство

[1] В. А. Городцов. Археологические исследования в Зеньковском уезде Полтавской губ. в 1906 г., Тр. XIV АС, т. III, М., 1911, стр. 93 и сл.

[2] М. Я. Рудинський. Мачухська експедиція Інституту археології в 1946 р., Археологічні пам'ятки УРСР, т. II, Киев, 1949.

[3] Там же.

[4] Журнал раскопок Н. Е. Бранденбурга 1888—1902 гг., курганы № 453, 454 и др.

в ориентировке могил с севера на юг в могильнике у г. Люботина, расположенного к юго-западу от г. Харькова и исследованного покойным С. А. Семеновым-Зусером и др.[1] Этот весьма любопытный могильник состоит из 450 курганов высотой от 0,5 до 2,5 м. К сожалению, С. А. Семенову-Зусеру удалось в 1924—1925 гг. раскопать здесь только два малых кургана скифского времени, давших обычные грунтовые могильные ямы, ориентированные в меридиональном направлении. Это показывает, насколько важно было бы более тщательно изучить такого рода памятники, чтобы проследить хронологическую последовательность и историческую их связь.

Неменьший интерес представляет третья группа поворсклинских памятников, расположенная на левом берегу р. Ворсклы в окрестностях с. Лихачевки, несколько южнее Бельского городища. Она известна нам плохо по очень неудачным раскопкам курганов и значительным сборам материала на селище, проведенным И. А. Зарецким в 80-х годах прошлого столетия[2]. Огромное селище, давшее материал архаического и позднего скифского времени, и богатые подкурганные погребения раннескифской эпохи, представляющие огромный научный интерес, не привлекли еще до сих пор внимание археологов. Сравнивая материал, собранный на селище и добытый раскопками в курганах, мы убеждаемся в том, что как Бельское городище, вместе с окружающими его курганами, возникает позднее зольников, так и курганы, раскопанные у Лихачевки, относятся к более позднему времени, чем само селище. В самом деле, ранние погребения в курганах, судя по сделанным в них находкам, не могут быть отнесены к более раннему времени, чем середина VI в. до н. э., тогда как селище дает предметы более древние. Мы имеем в виду обломок бронзовых удил кобанского типа с двумя отверстиями и ромбические бронзовые наконечники стрел, вряд ли доживающие до середины VI в. до н. э. Как известно, посульская группа не дает находок таких стрел, несмотря на архаический характер ряда ее памятников.

Вследствие плохой фиксации раскопок Лихачевских курганов мы не знаем характера погребальных сооружений и ориентировки человеческих остовов в них. Однако, на основании частого упоминания остатков дерева, можно предположить, что деревянные погребальные сооружения здесь были обычны. Имеются указания на наличие многослойных крыш из досок, лежавших на срубах без столбов (курганы № 2, 3). Особо следует отметить появление здесь обряда трупосожжения. Его формы сходны с ранними формами погребального обряда с трупосожжением в тясминской группе. В насыпи встречаются обожженные разбросанные кости, угли, обломки керамики (курган № 2), в могильной яме кургана № 13 «Опишлянка» сожженные человеческие кости были сложены в большой сосуд вместе с золой и углем[3]. В этом погребении встречены кости мелкого рогатого скота, положенного в качестве жертвенного мяса, и железный нож около них, а также обычный инвентарь: железные мечи в деревянных ножнах с бронзовым наконечником, 10 пар железных удил, лежавших в двух кучках, колчан с большим количеством стрел, украшенный золотыми бляхами в обычном скифском зверином стиле; инвентарь свидетельствует о богатстве погребения. Обряд трупосожжения в этой группе памятников

---

[1] М. Ф. Бречка. Археологичне дослідження скіфських пам'ятників в околицях Люботина. Наукові записки Харківського держ. педаг. інституту, т. I, Харьков, 1939.

[2] И. А. Зарецкий. Заметка о древностях Харьковской губернии Богодуховского уезда слободы Михайловки, Харьковский сборник на 1888 г., вып. 2, Харьков, 1888, стр. 229—246 (альбом коллекций И. А. Зарецкого хранится в Гос. истор. музее); Д. И. Багалей. Объяснительный текст к археологической карте Харьковской губ., Тр. XII АС, т. I, М., 1905.

[3] Д. И. Багалей. Объяснительный текст..., стр. 4.

хорошо сближается с таким же обрядом в правобережной части Днепра [1] и отчасти в посульской группе. Однако он не встречается в других уже рассмотренных выше памятниках долины р. Ворсклы.

Наконец, упомянем еще одну группу курганов, расположенную в правобережной части верховья р. Ворсклы у с. Кириковки Ахтырского района Сумской области. В этой группе Е. Н. Мельник исследовала 18 курганов, давших весьма интересный материал; к сожалению, фиксация погребальных сооружений была проведена неудовлетворительно. Основным отличием этой курганной группы от рассмотренных выше памятников левобережной части Днепра является, во-первых, разнообразие погребальных сооружений, во-вторых, связь погребений скифского времени с погребениями предшествующего периода. Здесь нет того единства в погребальных сооружениях и в погребальном обряде, в частности в ориентировке погребений, которое мы наблюдаем в посульской и мачухской группах. В этой курганной группе, несмотря на малое количество раскопанных курганов, как бы сосредоточились признаки всех рассмотренных выше групп памятников Левобережья. В самом деле, здесь очень часто в погребениях предскифского и скифского времени можно встретить могильные ямы с деревянной крышей и стенками, обложенными деревом. Встречаются также и могильные ямы с деревянными сооружениями на столбах [2]. Традиция сохраняется и тогда, когда происходит переход к совершенно новому типу погребальных сооружений в лесостепной части Среднего Поднепровья—к камере-катакомбе, типичной главным образом для степной Скифии. Поскольку этот тип погребального сооружения здесь встречается впервые, мы попытаемся дать характеристику его в соответствии с описанием исследователя. Из описания Е. Н. Мельник видно, что входная яма в катакомбу была сделана в северо-восточной полé насыпи, из нее в северо-восточном направлении шел коридор, длиной 3—4 м, сама камера оказалась за пределами северо-восточной полы кургана. Входная яма была обставлена брусьями и перекрыта досками. Коридор и камера также были обшиты дубовыми столбами и досками, покрытыми снаружи и изнутри очень толстым слоем бересты. Вход в катакомбу в северо-восточном узком конце ямы имел две ступени, был заставлен дубовыми кольями, затем закрыт берестой и засыпан доверху золой. Человеческий скелет лежал на подстилке, вытянуто, головой на юго-запад и сопровождался довольно многочисленным инвентарем: железными кинжалами, бронзовыми наконечниками стрел в берестовом колчане и другими предметами. В ногах лежал целый остов барана. На основании формы кинжала, опубликованного исследователем [3], и двухлопастных наконечников стрел с жалами это погребение можно датировать временем не позднее конца VI в. до н. э. Следует замстить, что катакомбу такого типа в раннескифское время до сих пор не удалось обнаружить в степной Скифии.

Заслуживает внимания наличие в Кириковских курганах признаков, объединяющих погребения скифского времени с погребениями эпохи бронзы. В погребениях предскифского и скифского времени одинаково отмечается применение дерева, бересты и золы; их родят положение, ориентировка погребений, присутствие краски и окрашивание костяков, положение сосудов относительно костяков.

Создается впечатление, что курганы этой группы часто служат общей усыпальницей для умерших разного времени, но принадлежавших одной

---

[1] Ср. А. Бобринский. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы, т. I, СПб., 1887, стр. 16 и сл. (курган № 8).

[2] Е. Н. Мельник. Раскопки курганов в Харьковской губ. 1900—1901 гг., Тр. XII АС, т. I, Харьков, 1905.

[3] Там же, стр. 686, рис. 131.

и той же этнической группе. Этот факт был отмечен самим исследователем курганов, недавно об этом же писала И. В. Фабрициус [1].

Таким образом, рассмотрение археологических памятников лесостепной части правобережья и левобережья Среднего Поднепровья выявляет значительные особенности и отличия этих памятников, отражающие локальные варианты культуры скифского времени, сложившиеся в тех или иных конкретно-исторических условиях под воздействием взаимосвязей одних племен с другими и их взаимопроникновения.

Рассмотрение памятников лесостепи Среднего Поднепровья показывает в то же время, что, во-первых, в некоторых случаях наблюдается связь традиций скифского времени с древними традициями предскифского периода в формах погребальных сооружений, погребального обряда и инвентаря; во-вторых, наряду с существованием таких традиций наблюдается значительное разнообразие памятников, не связанных органически между собой. Это свидетельствует о том, что сложение лесостепной культуры скифского времени могло происходить на основе разных племенных и, может быть, этнических элементов, слившихся и образовавших с течением времени единый культурно-этнический комплекс.

В результате такого положения, с одной стороны, наблюдается разнообразие памятников в одной группе, с другой — все возрастающее преобладание определенных характерных особенностей. К памятникам материальной культуры, сложившейся подобным образом, предположительно можно отнести тясминскую и, вероятно, кириковскую группы. В другом случае, когда значительная группа памятников обладает однотипными признаками, сохраняющими устойчивую традицию в течение длительного времени, но не связанными генетически с памятниками ни предшествующих эпох, ни более позднего времени, можно думать, что она складывается в несколько иных условиях. Возникновение такой группы может быть объяснено расселением или вторжением извне.

Таково происхождение памятников посульской группы, а отчасти, вероятно, и мачухской и бельской групп.

В. СТЕПНАЯ ГРУППА СКИФСКИХ ПАМЯТНИКОВ

Рассмотрим, наконец, основные особенности последней группы памятников скифского времени, расположенной в степной части Поднепровья, принадлежащей, по сведениям Геродота, скифам-земледельцам, скифам царским и, вероятно, скифам-кочевникам. Расселение скифов-земледельцев определяется Геродотом сравнительно точно в пределах правого и левого берегов Днепра вверх по течению вплоть до порожистой части; труднее устанавливается граница скифов-кочевников и особенно скифов царских. Поэтому археологи встречают много трудностей в своих попытках отнести те или иные памятники к определенной племенной группе. Этот вопрос до сих пор остается нерешенным в силу недостаточности археологического материала. В нашей работе, преследующей другую цель, он также не решается и даже не ставится, ибо для этого необходимо было бы провести специальные исследования.

Несмотря на то, что памятники степного Поднепровья археологически исследуются уже более 100 лет, в настоящее время в публикациях известно не более 400 исследованных курганов и очень небольшое число поселений и городищ, раскиданных на значительно большей территории, чем территория всей Поднепровской лесостепи; количество исследованных памятников в последней значительно больше, чем в Нижнем Поднепровье.

---

[1] І. В. Фабриціус. До питання про топографізацію племен Скіфії, Археологія, т. V (1951), стр. 56—57.

Разумеется, это обстоятельство осложняет и ограничивает возможности решения вопросов хронологии, не позволяя идти дальше высказывания некоторых предположений. Однако имеющийся материал позволяет все же с достаточной ясностью, во-первых, установить наличие общих хронологических рамок для степной скифской и лесостепной культур с некоторыми, может быть, отклонениями в пределах верхней и нижней границ, во-вторых, определить некоторые особенности и отличия скифской степной культуры от культуры лесостепи.

Прежде всего при изучении археологического инвентаря степной Скифии бросается в глаза, что здесь не встречаются довольно обычные в курганах правобережья Среднего Поднепровья бронзовые удила кобанского типа. Отсутствие таких удил в степной части представляется загадочным; разрешение этой загадки было бы очень важным для выяснения ранней истории нижнеднепровских племен. Не менее странной является и другая характерная черта ранних погребений, заключающаяся в том, что такие погребения встречаются весьма редко, отличаются большой бедностью инвентаря, не имеют катакомб и почти всегда являются впускными [1]. Обычно такие погребения датируются VI или рубежом VII—VI вв. до н. э. Сейчас было бы преждевременным искать ответ на вопрос о причинах отсутствия бронзовых удил кобанского типа в степной части Нижнего Поднепровья, поскольку их происхождение еще с достаточной ясностью не определено [2]. Однако в самом факте нахождения значительного количества таких удил в Среднем Поднепровье при отсутствии их в Поднепровской степи надо видеть, вероятно, некоторые особенности развития степи и лесостепи, особые пути связей этих двух районов Северного Причерноморья с внешним миром.

Коренное отличие нижнеднепровской группы памятников от среднеднепровской заключается в устройстве погребальных сооружений. Типичной формой погребальных сооружений для нижнеднепровской группы, доминирующей над всеми другими формами, является камера-катакомба. Не говоря уже о хорошо известных погребениях типа царских курганов, почти всегда дающих камеру-катакомбу, даже в обычных рядовых скифских могильниках катакомбы преобладают. В Никопольском могильнике из 84 погребений, обнаруженных в 79 курганах, явно катакомбных погребений оказалось 61 [3]. В Белозерском курганном могильнике в 21 кургане скифского времени было 18 могил с нишами и катакомбами [4].

Однако следует заметить, что, несмотря на большое количество известных камер-катакомб, до сих пор не было обнаружено ни одной камеры-катакомбы старше V в. до н. э. Абсолютное большинство относится к IV в. до н. э. Самый простой тип катакомб в виде подбоя распространен в это время более или менее широко наряду с другими типами, но и он, в более раннее время, чем V в. до н. э., почти не встречается. Исключение составляет только одно погребение в кургане № 3 у сел Нижние и Верхние Серогозы. Оно датируется немногочисленным, но характерным для VI в. до н. э. инвентарем. Катакомбы правобережной части Среднего Поднепровья по своим типам не отличаются от катакомб Нижнего Поднепровья и хроно-

[1] Ф. Браун. Отчет о раскопках в Таврической губ. 1898 г., ИАК, вып. 19 (1906), стр. 84—86, кург. III, погр. № 5 с подбоем; В. А. Городцов. Материалы археологических исследований на берегах р. Донца в Изюмском уезде, Тр. XII АС, т. I, стр. 242, курган № 1, погребение № 3; П. Д. Либеров. Курганы у с. Константиновки, КСИИМК, вып. XXXVII (1951), стр. 137 и сл., рис. 45.

[2] Во время печатания настоящей работы вышла специально посвященная бронзовым удилам кобанского типа статья А. А. Иессена (СА XVIII, стр. 49 и сл.), который вероятно, небез основания видит центр происхождения таких удил на Северном Кавказе.

[3] Б. Н. Граков. Никопольское курганное поле, Архив ИИМК, 1948.

[4] Г. Л. Скадовский. Белозерское городище Херсонского уезда Белозерской волости и соседние городища и курганы между низовьями р. Ингулец и началом Днепровского лимана, Тр. VIII АС, т. III, М., 1897, стр. 75—160.

логически совпадают с основной массой этих последних. Они появились на правобережье Среднего Днепра, повидимому, в период распространения степной культуры. Катакомба, обнаруженная в левобережной части Среднего Поднепровья в Кириковском могильнике и представляющая уже хорошо разработанный тип, датируется VI в. до н. э. и заставляет задуматься над вопросом о месте возникновения этой формы погребального сооружения. Во всяком случае, выводить ее из степной части Поднепровья, как это допустимо для катакомб тясминской группы, при данных условиях нет никакой возможности.

В Нижнем Поднепровье нет той развитой формы деревянных погребальных сооружений на столбах, которую мы наблюдали в лесостепи. Здесь они чаще представлены обычной крышей над погребением или над конской могилой. Эта форма погребального сооружения так широко распространенная в конце эпохи бронзы, в скифское время почти совершенно отмирает. Для эпохи бронзы можно было бы указать типично срубные погребения, исследованные В. А. Городцовым на Среднем Донце[1], столбовые сооружения в кургане Широкая могила[2], могилу № 4 в кургане № 3, у с. Нижние Серогозы [3], некоторые курганы геремесовской группы (курганы № 2, 3 и 4) [4], а также сооружения, состоявшие из частокола, вбитого по стенкам могилы, покрытой досками или брусьями у с. Новогригорьевки Запорожской области (курган № 1, Бессчастная могила)[5], у с. Александрополь и в кургане Долгая могила (погребение № 7) [6].

Отмирание форм деревянных погребальных сооружений и переход к совершенно иной форме погребений в камере-катакомбе свидетельствуют, надо полагать, о каких-то сложных культурных, экономических и, может быть, этнических изменениях, происходивших в Северном Причерноморье; вряд ли эти изменения протекали так просто, как это иногда представляется некоторым нашим ученым [7]. Следует заметить, что если общий анализ погребальных сооружений и погребального обряда позволяет предполагать, некоторую преемственность форм при переходе от эпохи бронзы к скифскому времени, то появление камер-катакомб уже в среднескифское время представляется пока что изолированным от предшествующего времени явлением. Иное положение наблюдается в лесостепной полосе. В упомянутом выше Кириковском могильнике типично скифская катакомба дает обычное для лесостепи столбовое сооружение. Здесь уже в VI в. до н. э. наблюдается сосуществование обеих этих форм и, что самое главное, применение их в одной и той же могиле. Для более раннего времени можно было бы привести аналогичные примеры сочетания деревянных сооружений несколько иной формы с катакомбами. Применение дерева в отделке могилы, бересты в подстилке и золы в погребальном обряде в Кириковской катакомбе скифского времени достаточно убедительно перекликается с устройством катакомб эпохи бронзы близ г. Купянска на р. Осколе; это обстоятельство позволило Е. Н. Мельник предположить существование связи между Кириковской и Купянскими катакомбами[8]. В силу слабой изученности подобных фактов в настоящее время мы еще не

---

[1] В. А. Городцов. Исследование в Изюмском и Бахмутском уездах, Тр. XII АС, т. I, табл. X; Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде, Екатеринославской губернии 1903 г., Тр. XIII АС, т. I, стр. 362—365.

[2] Н. И. Веселовский. Раскопки курганов у с. М. Лепетихи, СГАИМК, т. I, 1926.

[3] Ф. Браун. Отчеты о раскопках в Таврической губ. 1898 г.

[4] Древности Геродотовой Скифии, вып. I, СПб., 1866, стр. 29—42.

[5] Д. Самоквасов. Могилы Русской земли, М., 1908, стр. 14—18.

[6] Древности Геродотовой Скифии, вып. I, СПб., 1866, стр. 26—28.

[7] М. И. Артамонов. Этногеография Скифии, УЗЛГУ, вып. 13 (1949), стр. 149.

[8] Е. Н. Мельник. Раскопки курганов в Харьковской губ. 1900—1901 гг., стр. 674.

можем установить генетическую связь этих катакомб, но и совершенно игнорировать эти факты также нельзя; дальнейшее исследование, вероятно, поможет решить этот вопрос. Не исключена возможность того, что здесь именно следует искать глубокие корни более поздних катакомб скифского времени.

Одной из важных сторон скифской культуры степей Нижнего Поднепровья является погребальный обряд. Абсолютное большинство катакомб ориентировано в широтном направлении, человеческие костяки в большинстве случаев лежат головой на запад. Такая ориентировка наблюдается в Никопольском курганном могильнике [1], в катакомбах VI типа (по Скадовскому) [2] Белозерского могильника, в явно скифских погребениях Кичкасского могильника [3], в большинстве сохранившихся нетронутыми погребений так называемых «царских» курганов. Так, например, из 7 человеческих костяков главной гробницы и погребений конюхов в Чертомлыцком кургане 5 костяков обращены головой на запад; в главном кургане Огуз из 4 человеческих костяков 3 костяка также ориентированы головой на запад. Можно было бы указать на погребения в катакомбе кургана Солоха (главное погребение), в курганах у Нижних и Верхних Серогоз и др.

В Нижнем Поднепровье имеют широкое распространение сопровождающие покойников погребения лошадей, нередко содержащиеся в курганах в большом количестве, иногда до 14 костяков в погребении [4]. Погребения целых лошадей вместе с покойником встречаются преимущественно в курганах позднескифского времени и ни разу не найдены в курганах раннескифских. Это отличает раннескифские погребения Нижнего Поднепровья от ранних погребений тясминской, каневской групп, где конские захоронения наблюдаются уже в VI в. до н. э. Тем не менее в Нижнем Поднепровье погребения с лошадью встречаются иногда в эпоху поздней бронзы [5], свидетельствуя тем самым о довольно раннем происхождении этого обряда в степной части Северного Причерноморья.

Ограничиваясь этим далеко не полным рассмотрением особенностей нижнеднепровской группы памятников, мы можем сказать, что она обнаруживает убедительные черты своеобразия и отличия этой группы от памятников лесостепной полосы в целом и каждого из районов лесостепи в отдельности. От левобережной части лесостепей — от посульской, бельской и мачухской групп — она отличается отсутствием деревянных погребальных сооружений, наличием камер-катакомб, ориентировкой погребальных сооружений и самих погребений. Наоборот, отличаясь от кириковской группы, а равно и от правобережной тясминско-каневской группы отсутствием деревянных погребальных сооружений, группа степных памятников обнаруживает большое сходство с ними в наличии камер-катакомб, в преимущественной ориентировке покойников головой на запад, в широком распространении погребений с лошадью.

Отмечая наличие типично местных форм памятников, сопровождаемых хорошо датированными и датирующими предметами не местного происхождения, и вместе с тем последовательность развития и изменения местных форм, мы можем на этой основе разделить культуру скифского времени на отдельные периоды.

Переходим теперь ко второму вопросу нашей темы, к вопросу о том, как и чем определяются периоды скифской культуры. Это основной

[1] Б. Н. Граков. Никопольское курганное поле.

[2] Г. Л. Скадовский. Белозерское городище..., стр. 100 и сл.

[3] М. Рудинський. Археологічні розвідки на Дніпрельстані 1927 р., стр. 45 и сл.

[4] Погребения лошадей обнаружены в курганах: Солоха, Чмырев, Чертомлык, Александропольский, Цимбалка, Краснокутский, Огуз, Лемешев, Башмачка. В Александропольском кургане найдено 14 лошадей, в Чмыревом—10, в Чертомлыке — 11.

[5] Древности Геродотовой Скифии, вып. 1. «Долгая Могила», погребение «а» в каменной гробнице и «б» в срубе, СПб., 1866, стр. 26—28.

вопрос настоящей темы прежде всего потому, что в зависимости от подхода к периодизации памятников находится правильное решение вопроса их хронологии. Известно, например, что М. И. Ростовцев в установлении хронологии памятников Северного Причерноморья скифского времени исходил только лишь из хорошо датированных памятников античного и малоазийского происхождения и не пытался должным образом изучать основные элементы местной культуры. Вследствие этого он допустил ряд серьезных ошибок, затруднивших решение основных вопросов хронологии и приведших в ряде случаев к неправильным выводам. Так, например, погребения в курганах № 35 и 100 каневской группы [1], не содержащие греческого инвентаря, но датирующиеся достаточно твердо VI в. до н. э., он отнес к IV—III вв. до н. э.; погребение в кургане № 1 у с. Яблоновки той же группы с трупосожжением, датированное Б. Н. Граковым рубежом VI—V вв. до н. э.[2], с чем М. И. Ростовцев позднее согласился, он отнес первоначально к III—II вв. до н. э.[3] Количество подобных примеров можно было увеличить, но и сказанного достаточно, чтобы убедиться в односторонности такого подхода к установлению хронологии, поскольку привозные предметы не могут определять характер и особенности материальной культуры той или иной группы памятников. Известно также, что А. А. Спицын, применявший иной метод при выяснении хронологии памятников скифского времени, в частности в правобережной части Среднего Поднепровья [4], пришел к несравненно более значительным результатам в создании хронологической классификации. Взяв за основу изучение местных элементов культуры, наиболее массовых и типичных для лесостепи Среднего Поднепровья, А. А. Спицын рассмотрел их в развитии и на этом основании определил три периода скифской культуры: раннескифский, среднескифский и позднескифский. В основу такого деления он положил различие погребального инвентаря. Положительной стороной хронологической классификации А. А. Спицына является и то, что он не пренебрег инвентарем неместного происхождения, а использовал его как датированный и хорошо датирующий материал. В этом положительный смысл и правильность его подхода к решению вопросов хронологии. Однако, как нам кажется, А. А. Спицын не смог довести до конца такой метод исследования. Он не сумел проследить другие формы материальной и духовной жизни общества, в частности не принял во внимание развитие форм погребальных сооружений и погребального обряда, играющих в разработке хронологической классификации весьма важную роль. Вследствие этого А. А. Спицын не смог объяснить некоторых явлений, происходивших в обществе скифского времени.

Следовательно, когда стоит вопрос о разработке хронологической классификации, нельзя ограничиваться только привозным, хорошо датированным материалом, необходимо изучить и максимально использовать специфически местный материал, типичный для той или иной культуры, и только на этой основе привлекать памятники, датированные и датирующие независимо от их происхождения. Подобно тому, как невозможно определить сущность археологической культуры, не вводя в ее понимание всего комплекса памятников и элементов духовной жизни общества, отраженных в этих памятниках, так невозможно создать стройную хронологическую классификацию, не учитывая основных элементов этой культуры. Без учета этих условий, часто в силу неполноты самих археологических

---

[1] М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор, стр. 494—495.

[2] Б. Н. Граков. Древности яблоновской курганной группы из собрания Д. Я. Самоквасова, ТСА РАНИОН, т. II

[3] М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор, стр. 496—497; ср. M. M. Rostowzew. Skythien und der Bosporus, Berlin, 1931.

[4] А. А. Спицын. Курганы скифов-пахарей, ИАК, вып. 65 (1918), стр. 87 и сл.

комплексов, возникает несомненный провал в связях отдельных периодов и неизбежность ошибок в их определении.

По А. А. Спицыну, границы раннескифского периода определяются VIII—VI вв. до н. э.; ранняя граница принята им несколько расширительно и недостаточно твердо установлена.

На основании изучения состава археологических комплексов этот период может быть разделен на два отрезка. В течение первой половины этого периода железные предметы встречаются редко в виде мелких бытовых вещей и оружия (шилья, ножи, стрелы) и только во второй половине, постепенно умножаясь в числе, вытесняют бронзу из всеобщего употребления. Вместе с этим замечается, что наиболее ранние комплексы, давшие железные предметы, чаще обнаруживались в правобережной части Среднего Поднепровья. Надо полагать, что благодаря близким источникам железной руды обработка ее в Среднем Поднепровье начинается уже в белогрудовское время. Об этом можно судить по нахождению железного шлака[1].

В кургане № 375 у с. Константиновки [2] было обнаружено погребение, вероятно, с трупосожжением, под шатровой крышей; на дощатом полу погребения лежало свыше 10 сосудов, в том числе чарки и сосуды (табл. I, *57*, *58*, *59*, *60*) шаровидной формы, инкрустированные белой пастой, бронзовые удила кобанского типа с бронзовыми же псалиями (табл. I, *5*, *6*), обломок железного шила или иглы и другие предметы. Там же, в кургане № 376, в неглубокой могильной яме, ориентированной в широтном направлении, лежал человеческий костяк в сопровождении аналогичных же удил (табл. I, *7*), двух двухлопастных железных наконечников стрел, железного ножа с деревянным черенком и железной же кнопки; в ногах и за головой скелета лежали разного рода сосуды, в том числе чарки с высокой ручкой, инкрустированные белой пастой. К тому же времени принадлежат погребения, в которых железных изделий не обнаружено. Напомним Залевкинский клад, содержащий различные бронзовые предметы, среди которых имелись аналогичные удила кобанского типа[3]. Время употребления таких удил вряд ли может быть установлено позднее VII в. до н. э. Согласно исследованию А. И. Тереножкина, этот клад датируется предскифским временем — VIII — первой половиной VII в. до н. э.[4] Несколько пар аналогичных удил с подобными же псалиями в сопровождении кобанского топора было встречено в 1939 г. в Новочеркасском кладе [5]. Топоры подобного типа были обнаружены в Жемталинском кладе, датируемом Е. И. Крупновым временем не позже VIII в. до н. э.[6] Как долго бытуют бронзовые удила кобанского типа, с уверенностью пока сказать нельзя. Однако вряд ли возможно для Среднего Поднепровья поздней датой их считать начало VI в. до н. э., так как прекращение тесных связей Среднего Поднепровья с Северным Кавказом происходит, вероятно, несколько раньше. Имеются некоторые основания предполагать, что эти связи приходят в упадок уже к концу VII в. до н. э. в результате возросшей активности кочевых и других племен степей Северного Причерноморья, стремившихся овладеть экономически богатыми районами лесостепи.

Единственное, очень глухое указание на находку бронзовых удил

---

[1] О. І. Тереножкін. Поселення белогрудівського типу биля Умані, Археологія, т. V (1951), стр. 182.

[2] А. А. Бобринский. Отчет о раскопках в Черкасском и Чигиринском уездах Киевской губернии в 1901 г., ИАК, вып. 4, стр. 30 и сл.

[3] П. Третьяков. Звіт про археологічні дослідження 1946 р. в бассейні річок Росі і Тясмина. Археологічні пам'ятки УРСР, т. I (1949), стр. 238, рис. 7.

[4] А. И. Тереножкин. Поселения и городища в бассейне р. Тясмин, КСИИМК, вып. XLIII (1952), стр. 80 и сл.

[5] А. А. Иессен. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР. СА XVIII, стр. 49 и сл.

[6] Е. И. Крупнов. Жемталинский клад. М., 1952, стр. 28.

кобанского типа вместе с бронзовыми удилами стремяновидной формы мы имеем у Ханенко[1]. Эта находка сопровождалась костяными фигурными псалиями и пластинками для украшения сбруи. Однако стремяновидные бронзовые удила, в свою очередь, могут восходить к рубежу VII—VI вв. до н. э. Это может быть подтверждено рядом примеров, свидетельствующих о довольно раннем происхождении таких удил не только в Среднем Поднепровье, но и в степи. Так, в кургане № 524, исследованном А. А. Бобринским[2], бронзовые стремяновидные удила с псалиями кобанского (табл. I, *16*, *17*) типа были найдены вместе с бронзовыми наконечниками стрел ромбической формы с жалом и без него (табл. I, *31*, *32*), обычно датирующимися VII в. до н. э. или даже предскифским временем. Там же были найдены обломки какого-то большого железного предмета, вероятно меча, бронзовые пластинки от панцыря и пояса и керамика, в том числе чарки, инкрустированные белой пастой. Этим же временем, на основании находки бронзовых и костяных наконечников стрел, П. Д. Рау датируют комплекс из кургана № 2 Малая Цимбалка, где были встречены бронзовые удила стремяновидной формы с бронзовыми же псалиями (табл. I, *3*, *4*), отличающимися от бронзовых псалий Среднего Поднепровья[3]. Ромбические в разрезе костяные стрелки (табл. I, *13—15*) из Цимбалки являются прямой аналогией таким же стрелкам из Чернолесского городища[4]. Обращает на себя внимание также одна кремневая стрелка, сопровождавшая эти находки. В кургане у с. Камышевахи, раскопанном Бранденбургом[5], рядом с бронзовыми стремяновидными удилами были найдены бронзовые псалии, по мнению И. Ф. Фабрициус[6], кавказского типа, бронзовая бляшка с петлей на оборотной стороне и другие предметы; с бронзовыми же псалиями в погребении № 3 кургана № 1 у хут. Черногоровки (раскопки В. А. Городцова) были найдены удила (табл. I, *18*, *19*); вместе с этими удилами находились бронзовые бляшки круглой формы с отверстиями большого диаметра в центре и малого диаметра сбоку[7]; такие бляшки часто встречаются в погребениях бронзовой эпохи[8] и доживают до раннескифского времени. Наконец, укажем еще одно погребение из кургана № 2 второй группы у с. Константиновки Мелитопольского района; бронзовые стремяновидные удила были здесь найдены вместе с костяными роговидными псалиями с тремя отверстиями (табл. I, *20*, *21*) и бронзовой двойной бляшкой с петлей на обороте; в насыпи этого кургана были найдены 2 бронзовые бляшки в виде свернувшегося зверя[9].

В перечисленных ранних погребениях Нижнего Поднепровья, содержащих бронзовые стремяновидные удила с бронзовыми же псалиями, в различных вариантах встречается довольно бедный инвентарь; далеко не всегда в этих погребениях имеются наконечники стрел, а если они есть, то в малом количестве, почти всегда встречаются бронзовые бляшки разного типа и редко — костяные псалии. Характерно, что в таких, почти

---

[1] Б. Н. и В. И. Ханенко. Древности Приднепровья, Киев, 1899, вып. III, курган № 2, вып. II, табл., рис. 277, 278.

[2] А. Бобринский. Отчет о раскопках в Киевской губ. в 1913 г., ИАК, вып. 60, стр. 1 и сл.

[3] Раскопки И. Е. Забелина, ОАК, 1867—1868 гг.

[4] Ср. табл., рис. 8, 9, 10, 11, 12, 15, бронзовые и костяные наконечники стрел из этой же могилы.

[5] ОАК, 1892, стр. 37—39.

[6] І. В. Фабриціус. До питання про топографізацію племен Скифії, стр. 56.

[7] В. А. Городцов. Раскопки в Изюмском уезде Харьковской области в 1901 г., Тр. XII АС, т. I, табл. XIII.

[8] П. Д. Либеров. Курганы у хутора Харчевик, КСИИМК, вып. XLV (1952), рис. 2, 3, 5, 6, 7; стр. 74 и сл., рис. 31, *2*.

[9] П. Д. Либеров. Курганы у с. Константиновки, КСИИМК, вып. XXXVII (1951), стр. 172, рис. 43.

всегда впускных, погребениях Нижнего Поднепровья ни разу не встречены железные предметы. Чем объяснить отсутствие железа в этих погребениях? Предполагать, что оно здесь совершенно отсутствовало — невозможно. Об этом свидетельствует одно из ограбленных погребений в кургане Широкая могила. В могиле с деревянным погребальным сооружением, повидимому, на столбах, сохранилось одно медное копье и второе железное с бронзовым черенком киммерийского типа[1]. Очевидно, железо в предскифское время в степи было уже известно, но в силу большой ценности оно не вошло еще в быт местного населения в течение первой половины раннескифского периода. Несмотря на более широкое, по сравнению с Нижним Поднепровьем, употребление железа в Среднем Поднепровье, оно и здесь вплоть до середины VI в. до н. э. не могло еще заменить другие виды материала в изготовлении сбруи и вооружения. Поэтому бронзовые стремяновидные удила широко применяются, вероятно, до середины VI в. до н. э.

Таким образом, первая половина первого периода скифского времени характеризуется господством бронзы над железом. Последнее вплоть до рубежа VII—VI вв. до н. э. встречается редко и лишь в виде мелкого инвентаря бытового и военного назначения.

Руководящими формами материальной культуры в это время являются бронзовые удила, бронзовые и костяные наконечники стрел и, наконец, для Среднего Поднепровья — ранние формы чернолощеной керамики, инкрустированной белой пастой (чарки, шаровидные сосуды), связанные с формами керамики предскифского времени.

Достоверность хронологического определения инвентаря этого времени подкрепляется хорошо датированными предметами кавказского происхождения (бронзовые ситулы, топоры кобанского типа и др.), а также ранними формами костяных и других стрел, предшествующими скифскому времени. В течение первой половины первого периода господствующими являются связи с Северным Кавказом, устанавливаемые по значительному количеству инвентаря северокавказского происхождения. Связи с греческим миром только еще намечаются и проявляются весьма редко[2].

Вторая, сравнительно более яркая, половина этого периода предположительно ограничивается пределами VI в. до н. э. Погребальный инвентарь этого времени свидетельствует о большом росте богатства и изменении в общественных отношениях. Вместе с этим изменяется и направление связей Поднепровья с окружающим миром. Тесные сношения с Северным Кавказом уступают место развивающимся торговым отношениям с греческими городами. В конце VII или на рубеже VII—VI вв. до н. э. в дополнение к мелким хозяйственным предметам и оружию, сделанному из железа, появляется крупное железное оружие — мечи (курган № 524 у с. Жаботина) и копья, а также железные псалии и удила (курганы № 406, 407 у с. Журовки)[3]. Однако в начале VI в. до н. э. бронза в украшениях сбруи еще преобладает. Бронзовые удила и псалии доживают, вероятно, до середины VI в. и передают свою форму железным изделиям этого типа. Овладев искусством бронзолитейного дела, местные мастера не смогли еще преодолеть трудностей, связанных с плавкой железной руды. Они знали лишь сыродутный способ обработки железа и придавали железным предметам формы, выработанные еще для изделий из бронзы.

Возросшие потребности в оружии и недостаток меди рано вызвали попытки изготовления кованых железных наконечников стрел. От

[1] СГАИМК, т. I, стр. 200—204.

[2] Обломки милетского сосуда в погребении у с. Болтышка датируются VII в. до н. э.

[3] А. А. Бобринский. Раскопки в Чигиринском уезде Киевской губернии в 1903 г., ИАК, вып. 14, СПб., 1905, стр. 29—35; его же. Отчет о раскопках в Киевской губернии в 1913 г., ИАК, вып. 60, стр. 1 и сл.

спорадического изготовления таких стрел в первой половине рассматриваемого периода совершается переход к массовому их производству. В погребениях VI в. до н. э. железные наконечники стрел иногда количественно превосходят бронзовые и костяные наконечники, взятые вместе [1]. Железные псалии встречаются также рано. Они прежде всего появляются с бронзовыми стремяновидными удилами, а затем и с железными. Характерно, что ранние железные псалии, так же как и железные удила, воспринимают форму псалий бронзовых; у них, как и у бронзовых псалий, один конец загнут в виде рога, второй прямой, на одном конце, а иногда и на обоих, имеются обычные для бронзовых псалий пуговки (табл. I, *23*)[2]; сходство это наблюдается и в количестве отверстий и в устройстве последних на внутренней стороне псалий. Однако, наряду с изогнутыми псалиями иногда в одном и том же погребении встречаются псалии прямые и без пуговок [3]. К концу этого периода бронзовые и костяные псалии уже не встречаются в той форме, какую они имели раньше. В среднескифское время костяные псалии исчезают, а железные и бронзовые псалии меняют форму. Бронзовые удила, вероятно, также исчезают к середине VI в., но их форма передается удилам железным, которые, существуя короткое время наряду со своими бронзовыми прототипами, а затем некоторое время без них, быстро исчезают, уступая место обычным железным удилам с загнутыми в кольцо концами.

Эти последние еще ранее существовали некоторое время наряду с бронзовыми и железными удилами стремяновидной формы. Отмеченная последовательность смены типов удил стремяновидной и обычной формы и форм псалий позволяет наметить некоторые пути для установления хронологии. Однако имеющихся комплексов еще недостаточно для того, чтобы решить эту задачу окончательно. Накопление таких комплексов в будущем позволит с большей уверенностью подойти к решению этого вопроса. Тем не менее, имеющиеся уже сейчас факты представляют большой интерес. Приведем некоторые примеры.

Хорошо известная теперь по публикациям В. А. Ильинской Старша́я могила [4] среди богатого и разнообразного инвентаря содержала бронзовые (табл. I, *26*, *27*) и железные удила, железные (*24*), бронзовые (*25*) и костяные (*28*, *29*) псалии. Бронзовые удила имели стремяновидную форму, железные были обычными, с загнутыми в кольцо концами. Прямые железные псалии имели по три отверстия, проделанных ближе к одной из сторон стержня и образовавших полукруглые петли. Бронзовые псалии также прямые, но отверстия в них были сделаны посередине стержня и концы псалий украшены в зверином стиле. Звериный стиль господствует и в костяных псалиях. Заслуживает внимания отсутствие в комплексе бронзовых наконечников стрел ромбической формы (ср. табл. I, *33—45*).

На Днестре, у с. Ленковцы, в кургане № 1 в 1951 г. А. И. Мелюкова открыла раннескифское погребение, датируемое ею предварительно первой половиной VI в. до н. э. В этом погребении были найдены железные удила стремяновидной и обычной формы; там же был железный кинжал раннескифского типа, бронзовые наконечники стрел VI в. до н. э., железная секира, бронзовое зеркало с центральной конусовидной ручкой и боковой,

---

[1] А. А. Бобринский. Раскопки в Чигиринском уезде Киевской губернии в 1903 г., стр. 29, курган № 406.

[2] Ср. бронзовые псалии из курганов № 375, 376 у с. Константиновки, найденные с бронзовыми удилами кобанского типа (ИАК, вып. 4, рис. 2, 7), и бронзовые псалии из кургана № 524 у с. Жаботина (ИАК, вып. 60) с железными псалиями у бронзовых удил из кургана № 453 у с. Макеевки, раскопки Бранденбурга, 1900 г.

[3] А. А. Бобринский. Раскопки в Чигиринском уезде Киевской губернии в 1903 г., ИАК, вып. 14, стр. 29 (курган № 406).

[4] В. А. Ілліньска. Курган Старша́ Могила, Археологія, т. V (1951), Київ, стр. 196 и сл.

державшейся на заклепках (утрачена). Мы обращаем внимание на особенности зеркала и на тот факт, что здесь, так же как и в Старшóй могиле, нет наконечников стрел ромбической формы. Это может дать нам некоторое основание для датировки кургана. Правда, отсутствие бронзовых наконечников стрел может быть случайным, а равно и зеркало с двумя ручками, может быть, могло существовать уже с начала или в первой половине VI в. до н. э. Поэтому, не оспаривая пока даты, предполагаемой А. И. Мелюковой, мы приведем некоторые примеры обнаружения находок подобных зеркал в других погребениях. Так, в одном из погребений кургана Перепетовки около г. Фастова были обнаружены два бронзовых зеркала[1]. Одно зеркало, бóльших размеров, имело маленькую центральную треугольной формы ручку и закраины; край зеркала несколько обломан, следов боковой ручки в виде заклепок незаметно (табл. I, *68*). Второе зеркало было меньших размеров, без закраин; в центре заметен столбик, на котором ранее, надо полагать, была прикреплена кнопочка, сбоку зеркала имеется другая, цельнолитая ручка, сохранившаяся только частично (табл. I, *54*). Инвентарь этого погребения не древнее второй половины VI в. или рубежа VI—V вв. до н. э. Этому не противоречат и бронзовые наконечники стрел (табл. I, *81*). Стало быть, если руководствоваться указанной датировкой инвентаря Перепетовки, мы должны будем поставить под сомнение слишком раннюю датировку ленковецкого зеркала и, может быть, даже погребения Старшей могилы. Отсутствие ромбических наконечников стрел в погребениях позволяет значительно изменить дату последнего памятника в пределах VI в. до н. э., передвинув ее к середине или ко второй половине этого столетия. Отсутствие переходных форм среди железных псалий в Старшóй могиле и наличие железных удил с загнутым в кольцо концом также заставляют пересмотреть дату этих комплексов. Этого требует также и следующее обстоятельство. Зеркало с двойной ручкой происходит, вероятно, от соединения двух типов бронзовых зеркал. Если ранние бронзовые зеркала с боковой ручкой, встреченные в ряде групп памятников лесостепи, в том числе в западноподольской, тясминской и ворсклинской, имеют, по всей вероятности, ольвийское, происхождение[2], то невозможно пока этого сказать про бронзовые зеркала с центральной пуговкой, место изготовления которых еще не установлено. Такие зеркала встречаются довольно рано и доживают до среднескифского времени[3]. Надо полагать, соединение форм двух зеркал разных типов в одном зеркале происходит где-то в лесостепи в сравнительно более позднее время, чем время появления зеркал двух указанных различных типов.

В кургане № 407 у с. Журовки был обнаружен ранний и весьма интересный комплекс, сохранившийся от ограбления[4]. Здесь оказались пара железных наверший, железные удила обычной формы и костяные псалии (табл. I, *30*), изготовленные в зверином стиле, бронзовое зеркало с треугольной центральной ручкой, прямоугольное ситечко, бронзовый браслет, кнопки и височные привески, костяные пуговки типа Старшóй могилы, бронзовая шпилька (табл. I, *56*) типа курганов Синявки (курган № 100)[5] и ряд других предметов. Следовательно, многие предметы этого погребения соответствуют комплексу Старшóй могилы и указывают на близость во времени обоих курганов. К сожалению, в этом погребении отсутствуют

---

[1] Древности, изданные временною комиссией для разбора древних актов, Киев, 1846, табл. VII, 1, 1.

[2] Б. В. Фармаковский. Архаический период в России, МАР, № 34, стр. 32.

[3] А. А. Бобринский. Раскопки в Чигиринском уезде Киевской губ. в 1903 г., ИАК, вып. 14, стр. 11 (курган № 400).

[4] Там же, стр. 32 и сл.

[5] А. Бобринский. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы, т. III, СПб., 1901, фиг. 74.

наконечники стрел. Другое погребение этой группы в кургане № 406 было, видимо, не менее богатым, но оказалось ограбленным[1]. В нем осталось 129 наконечников стрел, в том числе бронзовых — 52, железных — 70 и костяных — 7; среди бронзовых наконечников стрел встречаются типично ромбические с шипом. В том же погребении имеются небольшое железное копье лавролистной формы (табл. I, *47*), пять пар железных удил стремяновидной формы (табл. I, *22*), железные изогнутые псалии, с пуговками на концах и прямые, без пуговок (табл. I, *23*), много керамики и другие предметы.

Несмотря на преобладание в инвентаре кургана № 406 железных предметов, ромбические бронзовые наконечники стрел и изогнутые псалии с пуговкой датируют это погребение временем не позднее конца первой половины VI в. до н. э. К этому периоду, надо полагать, относится и возникновение журовской курганной группы. Ее более поздний характер по сравнению с тясминской группой определяется тем, что среди 31 пары удил, найденных в тясминской группе, имеется 12 пар бронзовых, тогда как в журовской группе на 58 пар оказалась только одна пара бронзовых. Предложенное нами изменение даты Старшой могилы, по сравнению с датой кургана № 406, может показаться, противоречит тому факту, что в первом кургане имеются бронзовые удила, а во втором они отсутствуют. Однако такой вывод был бы неверен по ряду соображений: во-первых, в Старшой могиле нет преемственности в форме удил и псалий, которая наблюдается в кургане № 406; во-вторых, бронзовые наконечники стрел кургана № 406 представляются более ранними, чем наконечники Старшой могилы; в-третьих, изготовление железных изделий в правобережной части Среднего Поднепровья отмечается уже в доскифское время[2], и потому естественно, что здесь они появляются в погребениях раньше, чем в других местах, и раньше, чем в левобережной части Среднего Поднепровья.

Таким образом, сопоставление комплексов древнейших погребений скифского времени в лесостепной полосе приводит нас к убеждению в том, что некоторые погребения журовской группы (курган № 406), не говоря уже о тясминской, представляются более ранними, чем погребения в Посулье (Старшая могила) и Поднестровье (Ленковцы), что переходные формы от бронзовых удил и псалий к железным удилам и псалиям отмечаются прежде всего в правобережной лесостепной части Поднепровья, Левобережье же лесостепи и степь Нижнего Поднепровья таких форм не дают. В тясминской и журовской группах железо приобретает более раннее и более широкое распространение, нежели в посульской и других группах Левобережья, указывая тем самым на сравнительно раннее появление обработки железа в лесостепном Правобережье.

Широкое применение железа в течение второй половины раннескифского периода далеко не ограничивается только указанными видами изделий. Кроме удил и псалий, значительно расширяется производство железных наконечников стрел и других видов инвентаря, особенно оружия: мечей, кинжалов, копий, панцырей и, наконец, дротиков, появляющихся в конце этого периода. Для этого же времени довольно характерными являются некоторые виды предметов быта и украшений, в том числе разного рода булавки (табл. I, *56*), мелкие пастовые бусы, нанизываемые на нитку, иногда длиной до 3 *мм*, некоторые виды золотых, бронзовых и железных простых и в зверином стиле бляшек (табл. I, *53*, *66*) и ряд других предметов. В большом количестве встречаются чарки, доживающие до

[1] А. А. Бобринский. Раскопки в Чигиринском уезде Киевской губ. в 1903 г., ИАК, вып. 14, стр. 29 и сл.

[2] А. И. Тереножкин. Поселения и городища в бассейне р. Тясмина, КСИИМК, вып. XLIII (1952), стр. 80 и сл.

начала среднескифского периода, когда они исчезают совершенно. Можно было бы и дальше продолжать перечисление особенностей форм инвентаря этого времени. В этом, однако, нет необходимости, поскольку произведенная А. А. Спицыным классификация комплексов инвентаря достаточно убедительно отражает его особенности в отдельные периоды. Учитывая это, нам остается только наметить общий путь развития основных форм инвентаря и погребальных сооружений и определить основные черты, способствующие установлению общей хронологии. В этом смысле железный меч и бронзовые наконечники стрел служат основным источником, дающим возможность наиболее точно проследить основные этапы развития. Скифский меч-акинак нам известен только с VI в. до н. э. Его более ранние формы в бронзе почти отсутствуют, если не считать опубликованной А. Бобринским случайной находки бронзового меча в лесостепи Правобережья [1].

Правда, этот меч по форме напоминает железные мечи VI в., хотя типичная форма бабочковидного перекрестья меча раннескифского времени в нем только еще намечена. Самой характерной особенностью меча VI в. до н. э. является брусковидное навершие и высокое бабочковидное перекрестье. Изменение перекрестья и навершия в соответствии с другими данными дает возможность наметить довольно четкую хронологическую классификацию. Для VI в. до н. э. можно было бы указать на типичные мечи и кинжалы, например, из погребения Старшóй могилы, опубликованные В. А. Ильинской [2], из Мельгуновского клада (табл. I, *46*) [3], из погребений у с. Дарьевки [4], из погребения в кургане № 13 у с. Кириковки (на р. Ворскле) [5]. Находки таких мечей и кинжалов в настоящее время многочисленны. В сочетании с другим инвентарем они достаточно убедительно датируются VI в. до н. э.

Бронзовые наконечники стрел, как один из основных видов оружия, точно так же меняют свою форму и, особенно в последующие периоды, служат основным датирующим материалом. Первая половина раннескифского периода дает разнообразные формы бронзовых, железных и костяных наконечников стрел, но одной из наиболее типичных форм второй половины VII в. до н. э. являются бронзовые наконечники стрел ромбической формы (табл. I, *8*, *9*, *11*, *31*, *32*). Этот тип в начале VI в. исчезает, другие же формы, например, двухлопастные листовидные, трехгранные, трехлопастные с жалами и без них, продолжают существовать. Безошибочно можно сказать, что их разнообразие в VI в. до н. э. еще больше увеличивается (табл. I, *33—45*) в силу стремления найти более удобные и облегченные формы, стремления, вызванного дальнейшим совершенствованием всего вооружения в целом и дальнейшим улучшением техники литья. Уже в конце VI в. до н. э., наряду с двухлопастными и трехлопастными овальными стрелами с шипами и без шипов, получают широкое распространение более изящные конусовидные трехлопастные с небольшой втулкой бронзовые наконечники стрел, прототипы будущих стрел типа Чертомлыка. Чтобы убедиться в справедливости всего сказанного, достаточно взглянуть на бронзовые наконечники стрел Старшòй могилы [6].

---

[1] А. А. Бобринский. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы, т. III, табл. XI, рис. 5.

[2] В. А. Іллінська. Курган Старша́ Могила, Археологія, т. V (1951), Киев, стр. 199, табл. 1, рис. 1.

[3] Е. Придик. Мельгуновский клад 1863 г., МАР, № 31 (1911), стр. 4, рис. 2.

[4] А. Бобринский. Курганы и случайные археологические находки..., т. II, СПб., 1894, табл. XV, *7*.

[5] Е. Н. Мельник. Раскопки курганов в Харьковской губ. 1900—1901 гг., Тр. XII АС, т. I, Харьков, 1905, стр. 686, рис. 131.

[6] В. А. Іллінська. Курган Старша́ Могила, Археологія, т. V (1951), стр. 201, табл. II, *15—17*.

на стрелы из погребения кургана № 38 на Тясмине[1]. Наконечники стрел в процессе изменения, длящемся до конца скифского периода, приобретают известную однотипность.

Различная степень применения железа в лесостепи и степи Северного Причерноморья сказалась в разных областях жизни населения обоих этих районов. Выше были уже отмечены бедность инвентаря погребений в раннескифское время в степной части Нижнего Поднепровья, редкость или полное отсутствие железных предметов, незначительность следов социальной дифференциации. Между тем в это же время в лесостепи Среднего Поднепровья, особенно в его правобережной части, железо играет огромную роль в жизни племен не только как материал для изготовления оружия, но и в быту. Широкое применение железа в Среднем Поднепровье уже в раннескифское время сказывается во всей деятельности человека. Оно способствует созданию огромных оборонительных сооружений вокруг места поселения, благоприятствует созданию великолепных деревянных погребальных сооружений, приводит к более быстрому развитию производительных сил и накоплению богатств в руках племенной знати и на основе этого к разложению первобытно-общинных, родо-племенных отношений. Естественно, что эти условия довольно рано приводят к необходимости установления систематических связей с внешним миром. Этим объясняется, надо полагать, широкое развитие сношений, сначала с Северным Кавказом, а после возникновения греческих городов на северном побережье Черного моря прочных торговых связей с этими городами и через них со всем античным миром.

В лесостепи уже с начала VI в. до н. э. появляются богатые погребения родо-племенной верхушки с огромным количеством разнообразного инвентаря, растет количество парных и коллективных погребений, указывающих на ритуальное убийство рабов или родственников, зависимых от умершего. Характерен также рост числа погребений конных воинов как одно из проявлений развития отношении так называемой военной демократии.

В течение всего раннескифского периода наблюдается применение деревянных погребальных сооружений с шатровой крышей, существующих наряду с другими формами деревянных погребальных сооружений, например с простой облицовкой стен могилы при помощи частокола, иногда со столбами; только в среднескифское время столбовые сооружения начинают преобладать.

В начале VI в. до н. э. появляются типичные погребения в срубах, отмеченные в макеевской курганной группе и, как было показано выше, в мачухской и бельской группах. Исследования Н. Е. Бранденбурга[2] и Е. Ф. Покровской[3] Макеевского могильника показывают, что такие погребальные сооружения продолжают существовать еще в IV в. до н. э., что свидетельствует об их большой устойчивости. В Нижнем Поднепровье в раннескифское время деревянные погребальные сооружения весьма редки, господствуют обычные погребальные ямы, в большинстве впускные в курганы бронзовой эпохи. Здесь до сих пор не встречено компактных курганных могильников раннескифского времени. В течение всего этого периода в правобережной части лесостепи существует погребальный обряд с трупосожжением в его ранних формах: сожжение непосредственно в яме или на горизонте и в насыпи, при обязательном оставлении результатов сожжения на месте. Однако такая форма сожжения существовала и позднее

[1] А. Бобринский. Курганы и случайные археологические находки..., т. 1, табл. IV, *1*.

[2] Журнал раскопок Н. Е. Бранденбурга, 1888—1902 гг.

[3] Е. Покровская. Розкопки коло с. Макіївки, Археологічні пам'яткі УРСР, т. II, Киев, 1949, стр. 131, рис. 1.

наряду с новыми формами трупосожжения. Если в правобережной лесостепной части Днепра трупосожжение применялось систематически, то в левобережной его части оно встречается лишь спорадически, а в Нижнем Поднепровье совершенно отсутствует.

Таким образом, раннескифский период довольно четко делится на два хронологических отрезка. При этом первая его половина охватывает период до конца VII в. до н. э. и характеризуется господством бронзы; железо встречается редко, в виде мелких бытовых предметов и наконечников стрел. Вторая половина периода, охватывающая весь VI в. до н. э., отличается от первой преобладанием железа; однако в силу быстро возрастающих потребностей в металле при низкой технике обработки железа, ограничивающей его производство, применение бронзы в абсолютной массе не уменьшается, но увеличивается; особенно часто применяется бронза для изготовления наконечников стрел. Вместе с этим, возрастающие потребности в вооружении, вызванные ростом военных столкновений, приводят к необходимости применения изделий из кости: наконечников стрел, панцырей, частей сбруи и т. д. Звериный стиль находит более широкое применение не только в металле, но и в костяных изделиях. В течение второй половины периода заметно усиливаются рост отношений, характерных для военной демократии, и разложение родовых отношений, довольно четко прослеживаемые и в погребальном обряде и в инвентаре.

Среднескифский период охватывает V и, вероятно, часть IV в. до н. э. А. А. Спицын не совсем обоснованно относит весь IV в. к среднескифскому периоду.

В среднескифский период происходит значительное изменение форм инвентаря, погребальных сооружений и погребального обряда, наблюдается дальнейшее развитие экономики и социальных противоречий. Отличие этого периода от предыдущего настолько ощутительно, что имеется полная возможность дать краткую и четкую его характеристику.

При рассмотрении особенностей инвентаря этого периода обращает на себя внимание прежде всего исчезновение костяных псалий; почти полностью исчезают и типичные для Среднего Поднепровья в предыдущий период чарки с высокой ручкой, исчезают в погребениях и некоторые типы украшений (гвоздевидные золотые,серебряные и бронзовые серьги или привески, многочисленные мелкие пастовые бусы и др.), резко уменьшается количество местной лепной керамики, в богатых погребениях она заменяется привозной греческой посудой: чернолаковой, краснофигурной, амфорами.

Исчезает многообразие форм бронзовых наконечников стрел: двубоких ромбических и лавролистных, трехгранных и трехлопастных с длинной втулкой, с шипами и без шипов. Вместо них вырабатываются трехгранные и трехлопастные, с короткой шейкой или без нее и без обычного шипа, в небольшом числе встречавшиеся уже в предшествующий период. Наконечники стрел этого времени обнаруживают по нескольку сот в одном погребении (табл. I, *76—85*) [1]. Сохраняются еще костяные наконечники стрел с внутренней втулкой. Однако железные наконечники стрел почти исчезают. Можно полагать, что обилие бронзовых наконечников стрел свидетельствует о дальнейшем усовершенствовании литья бронзы и что отказ от производства железных наконечников указывает на отсутствие значительного прогресса в технике обработки железа по сравнению со второй половиной рассматриваемого периода. Не менее ясным представляется и то положение, что совершенствование техники литья бронзы, выразившееся в массовом производстве бронзовых наконечников стрел в их наиболее

[1] В кургане № 400 у с. Журовки в боковом погребении находилось 463 бронзовых наконечника стрел, ИАК, вып. 14, стр. 8 и сл.

целесообразной форме и в обилии бронзовых блях, исполненных в прекрасном зверином стиле (табл. I, *88—94*) [1], вызвано продолжающимся развитием отношений военной демократии и возрастающей военной опасностью.

Рост военной опасности и роли войны в жизни племен Поднепровья сказался и на развитии других видов оружия. Наряду с совершенствованием доспехов воина (шлем, панцырь) происходит и изменение наступательного оружия. Меч-акинак, ранее используемый как рубящее оружие и имеющий лезвие в форме широкой пластины, суживающейся только на самом конце, теперь приобретает более треугольную форму, приспособленную скорее для колющего удара (табл. I, *76*) [2]. Обычные для первого периода брусковидные навершия мечей исчезают и вместо них появляются навершия серповидные, в виде волют, голов и когтей птицы, а бабочковидное перекрестие становится более низким и уплощенным и постепенно теряет свою прежнюю форму (табл. I, *72, 74, 75*) [3]. Копья утрачивают лавролистную форму, перенятую от более древних типов копий. В среднескифское время распространен новый вид оружия — дротик, появившийся еще в конце раннескифского периода.

Железо в среднескифское время используется более широко и для изготовления удил и псалий (табл. I, *70, 71*). Тем не менее, бронза и теперь не теряет своего значения, она как украшение в виде фигурных псалий и большого количества блях, исполненных в зверином стиле, имеет еще большее применение, чем в предыдущем периоде. Таких украшений из бронзы много встречается в царских курганах (Солоха), в курганах тясмино-журовской, посульской и других групп. Бронза служит и для изготовления больших бронзовых котлов, типа солохинского. Следует отметить еще одну из наиболее важных особенностей инвентаря этого времени, отделяющую среднескифский от раннескифского периода. Эта особенность заключается в том, что уже в конце VI в. до н. э., т. е. на грани между первым и вторым периодами скифского времени, появляются псалии с двумя отверстиями (табл. I, *70*), затем ставшие господствующей формой, совершенно вытеснившей псалии раннескифского периода. Такие псалии с двумя отверстиями были найдены с мечом, типичным для среднескифского времени, в комплексе памятников конца раннескифского периода[4]. Этот факт свидетельствует, надо полагать, об одновременном появлении псалий с двумя отверстиями и меча данного типа. К сожалению, это пока еще почти единственная находка, но она служит иллюстрацией, подтверждающей правильность принятой классификации.

В течение среднескифского периода в лесостепи погребения с трупосожжением продолжают увеличиваться количественно при некотором изменении форм погребального ритуала. Если в первый период остатки сожжения, как правило, погребались на месте сожжения, то теперь они сбрасываются в заранее приготовленную яму или складываются в урну и затем покрываются курганной насыпью (курган № 1 у с. Яблоновки, курганы у с. Пастерского. Грушевки, Корсуни и др.).

На фоне общего сходства памятников материальной культуры в лесо-

---

[1] Ср. бронзовые бляхи из кургана № 401 (А. Бобринский. Курганы и случайные археологические находки...) и кургана «Солоха» (ОАК, 1913—1915, рис. 176—178, 179, 206, 209, 214).

[2] Н. И. Веселовский. ОАК, 1913—1915, стр. 108—109, рис. 180—181 и изображение воинов с короткими мечами на золотом гребне, стр. 112, рис. 184, *б, в*.

[3] А. Миллер. Раскопки в районе древнего Танаиса, ИАК, вып. 35, табл. V; А. Бобринский. Курганы и случайные археологические находки..., т. II, табл. XXII, *4*; А. Бобринский. Отчет о раскопках близ с. Журовки и Капитоновки (Чигиринского уезда Киевской губ.) в 1904 году, ИАК, вып. 17, стр. 98, рис. 37; ИАК, вып. 14, стр. 18; ОАК, 1913—1915, стр. 109, рис. 181.

[4] Б. Н. и В. И. Ханенко. Древности Приднепровья, вып. II, раскопки Мазараки, из кургана № 2 у с. Волковцы, рис. 316, 416, 516.

степи и степи Поднепровья в среднескифский период замечается дальнейшее расхождение в типах погребальных сооружений и формах погребального обряда. Именно в это время в лесостепи, особенно в правобережной части, происходит дальнейший процесс развития и усложнения деревянных сооружений с односкатной и двухскатной крышей, снабженных длинными, обшитыми деревом коридорами, ведущими в погребальную камеру. Погребения в таких сооружениях сопровождаются богатым и разнообразным погребальным инвентарем. В посульской группе захоронения совершались в менее сложных столбовых погребальных сооружениях, но иногда содержат более богатый инвентарь. Если такие погребальные сооружения в лесостепи ведут свое начало, во всяком случае, с раннескифского времени и в среднескифский период являются продолжением утвердившихся устойчивых традиций, то в Нижнем Поднепровье деревянные сооружения, бытовавшие еще в эпоху бронзы, в скифское время почти исчезают. Вместо них там строятся огромные и иногда очень сложные земляные сооружения — камеры-катакомбы. В раннескифский период они еще неизвестны, в среднескифском периоде нередки. Достаточно указать, например, на катакомбы в курганах Бабы, Раскопана могила и Солоха, принадлежавшие, судя по роскоши инвентаря, несомненно не рядовым представителям племени. Вместе с тем следует указать, что и в этот период наиболее богатые и ранние погребения Среднего Поднепровья оказываются старше, чем указанные погребения Нижнего Поднепровья. В Нижнем Поднепровье известно уже большое количество исследованных богатых погребений, и все они оказались более поздними. Может быть, последующие исследования откроют более ранние погребения этого типа и таким образом удастся ближе подойти к решению вопроса о возникновении камер-катакомб и уничтожить тот разрыв, который существовал до сих пор между ранними погребениями скифского времени и более поздними богатыми катакомбными погребениями.

Сравнивая время появления богатых погребений в Нижнем Поднепровье и сравнительно богатых парных и коллективных погребений в лесостепи, а также рассматривая процесс сложения форм военной демократии, прослеживаемый по данным погребального обряда (оружие, погребения с лошадьми), мы убеждаемся в том, что процесс разложения родоплеменных отношений в лесостепи начинается несколько раньше.

Не противоречат этому выводу, а скорее подтверждают его, многочисленные памятники северокавказского, а затем греческого происхождения. Они указывают на значительно более ранние связи племен Среднего Поднепровья с внешним миром. В настоящее время еще недостаточно ясно определились основные причины этого явления. Этот вопрос заслуживает особого исследования, для которого здесь нет места. Однако можно предположить, что основная причина заключается в различии форм ведения хозяйства, в характере занятий племен, населявших Поднепровье. Надо думать, что земледельческое оседлое население лесостепи находилось в более благоприятных условиях по сравнению с племенами степных кочевников. Характер занятий определял, вероятно, и степень развития внешних связей.

Таковы основные особенности среднескифского периода. Из рассмотрения этих особенностей вытекает, что V и начало IV в. до н. э. является временем наивысшего расцвета культуры лесостепи, развития основных форм инвентаря, строительной техники, искусства, временем развития военной демократии и дальнейшего разложения родо-племенных отношений.

Ведущими формами инвентаря, определяющими весь среднескифский хронологический период, являются новые формы оружия — мечей, копий и пр., а равно и различная керамика.

Среднескифский период, конечно, невозможно определить строго очерченными границами в пределах V — начала IV в. до н. э. Отдельные характерные для него явления отмечаются уже в конце раннескифского времени, в последней четверти VI в. до н. э., примером может служить изменение некоторых форм оружия и сбруи; в то же время в конце этого периода уже проявляются некоторые новые черты последующего третьего, позднего периода скифской культуры.

Позднескифский период начинается, вероятно, с конца V или с начала IV в. до н. э., захватывает весь III и, может быть, частично II в. до н. э. Известные теперь многочисленные археологические памятники Поднепровья указывают на весьма богатое содержание материальной культуры этого периода. Они являются свидетельствами дальнейшего процесса развития социальных отношений в скифском обществе и изменения в отношениях племен Нижнего и Среднего Поднепровья. Своеобразный облик культуры Среднего Поднепровья теряет теперь былую самостоятельность под сильным воздействием нижнеднепровских культурных элементов. Последние начинают проникать в Среднее Поднепровье, надо полагать, уже с середины IV в. до н. э. В степной полосе отмеченные уже выше отдельные богатые «царские» погребения, появившиеся по крайней мере уже в конце среднескифского периода (курган Солоха), приобретают широкое распространение в позднескифский период и по своему богатству и роскоши инвентаря (курганы Чертомлык, Деев, Чмырев, Александропольский и др.) далеко превосходят памятники этого времени в лесостепи. Все это свидетельствует о наступлении нового периода в развитии общества. Но не только указанные явления характеризуют новый период. Пожалуй, наиболее яркими признаками его представляются изменение старых и появление новых форм инвентаря, проникновение в Среднее Поднепровье из Нижнего Поднепровья таких форм погребальных сооружений и погребального инвентаря, которые ранее здесь не наблюдались. Железо приобретает все большее значение, и совершенствование оружия идет по линии дальнейшего изменения форм, вызванного ростом значения военного дела в жизни племен Северного Причерноморья. Стрелы приобретают более однообразную форму, определяемую упрощением техники литья и стремлением придать им большую ударную силу (табл. I, *103—112*, *116—120*). Изменяются и формы копья и меча: расширяется применение дротиков и появляется новый тип меча — меч однолезвийный.

Из более чем 70 бронзовых наконечников стрел, найденных в кургане Чертомлык, свыше двух третей оказались стрелами трехгранной формы без выступающей втулки, остальные наконечники были трехлопастной формы с короткой втулкой [1]. В кургане Малая Лепетиха из 81 бронзового наконечника стрел, указанных П. Рау, 40 имели трехгранную форму с ровными или несколько выступающими у ребер основаниями, остальные наконечники имели трехлопастную форму с короткими втулками [2]. В кургане № 487 близ с. Турьи (Среднее Поднепровье) [3] из 136 бронзовых наконечников стрел 90 наконечников имели трехгранную форму (69 — без втулок и 21 — с втулками), 45 наконечников стрел были трехлопастной формы [4], сходной с некоторыми весьма немногочисленными экземплярами из Чертомлыка (табл. I, *103*). Стрелы трехгранного типа, как правило, меньше стрел трехлопастных. Как видно из этих примеров, господствующей формой бронзовых наконечников стрел этого времени является форма трех-

[1] P. Rau. Die Gräber der frühen Eisenzeit im unteren Wolgagebiet, 1929, стр. 100, табл. XII.

[2] Там же, стр. 98, табл. X, *2*.

[3] А. А. Бобринский. Отчет о раскопках в Чигиринском уезде Киевской губ. в 1908 г., ИАК, вып. 35 (1910), стр. 67 и сл.

[4] Там же, стр. 70, рис. 7.

гранная. И трехгранные и трехлопастные наконечники имеют конус очень изящной формы, иногда с небольшим прогибом грани наружу, или башнеобразный.

Трехгранная форма бронзовых наконечников стрел не появляется впервые в этот период, она уже довольно часто встречается в середине или в конце среднескифского периода. Так, например, в кургане Солоха бронзовые наконечники стрел были найдены в большом количестве и, судя по публикации П. Рау, большинство их имело трехгранную форму[1]. Следует также заметить, что в Поднепровье в течение позднескифского периода не наблюдается железных наконечников стрел, которые нередко встречаются в других местах вместе с бронзовыми наконечниками и иногда в большом количестве. Напомним, например, 17 железных наконечников стрел трехлопастной формы с длинной втулкой, найденные вместе с поздними костяными и тремя бронзовыми наконечниками трехгранной формы типа Солохи в кургане № 3 у ст. Елизаветинской[2]. Аналогичное явление наблюдалось и в кургане № 2 у с. Мастюгино, где вместе с бронзовыми трехлопастными наконечниками стрел типа Чертомлыка находились железные трехлопастные наконечники с длинной втулкой (табл. I, *104*, *107*). Были там и образцы плоских железных наконечников стрел с длинной втулкой или с раздвоенным на конце стержнем (табл. I, *105*)[3], являющиеся прототипами железных наконечников стрел более позднего времени. В позднескифском периоде намечаются дальнейшие изменения в форме меча. Если в двулезвийных мечах лезвие сохраняет свою форму, аналогичную форме среднескифского периода (ср. табл. I, *75* и *102*), то часто изменяется форма навершия меча. Вместе с этим уже в начале этого периода появляется однолезвийный меч как рубящее оружие, пригодное более для конного воина. Такой меч найден, между прочим, в катакомбном погребении с конем в журовской группе Среднего Поднепровья (табл. I, *101*)[4]. Датировка его довольно твердо устанавливается инвентарем этого погребения, сходным в общем с инвентарем Чертомлыка, — бронзовыми наконечниками стрел (табл. I, *103*), сходством бронзового котла с одним из котлов Солохи и т. д. (табл. I, *115*), а также формой навершия рукоятки самого меча. В двулезвийных мечах заметно изменяется форма навершия и перекрестья рукояти. Меч из кургана Солохи имеет еще форму рукоятки среднескифского времени[5], тогда как мечи Чертомлыка и знаменитого Воронежского кургана (табл. I, *99*, *100*)[6] значительно отличаются от меча из кургана Солохи своим овальным навершием и сильно уплощенным бабочковидным перекрестьем. Бабочковидное перекрестье мечей Чертомлыка ведет прямым путем к новой, более поздней трапециевидной форме перекрестья, известной нам у меча из только что упомянутого кургана журовской группы и меча из кургана Мирзы Кекуватского[7].

В IV в. до н. э. в тясминской, журовской, каневской и других курганных группах Среднего Поднепровья появляется новый тип погребальных сооружений — камеры-катакомбы, ранее здесь неизвестные. Этот основной для Нижнего Поднепровья тип погребальных сооружений возникает в Среднем Поднепровье, надо полагать, в результате нового сильного проникновения в район лесостепи степных скифских элементов.

---

[1] P. Rau. Die Gräber der frühen Eisenzeit..., стр. 97, табл. IX, *1 А—В*.

[2] Там же, стр. 96, табл. VIII, *1 4*, *В*, *С*, *Д*, *Е*.

[3] Н. Е. Макаренко. Археологические исследования 1907—1909 годов, ИАК, вып. 43 (1911)), стр. 47 и сл. и стр. 54, рис. 59.

[4] А. А. Бобринский. Отчет о раскопках в Чигиринском уезде Киевской губ. в 1908 г., ИАК, вып. 35 (1910), стр. 70, рис. 8, *8а*.

[5] ОАК. 1913—1915 гг., стр. 108—109, рис. 180—181.

[6] М. И. Ростовцев. Воронежский серебряный сосуд, МАР, 34, 1914, табл. II, *5*.

[7] Там же, табл. V, *3*.

Укажем, например, погребение конного воина в катакомбе уже упоминавшегося кургана № 487 у с.Турьи (журовская группа)[1], где вместе с лошадью были найдены железные удила с псалиями чертомлыцкого типа, а в основной могиле находились большой бронзовый котел типа котлов из «царских» курганов и однолезвийный меч с рукояткой в золотой оправе, подражающей мечам Чертомлыка; погребение в катакомбе кургана № 4 у с. Рыжановки, где найден боспорский золотой статер конца IV в. до н. э., ряд других драгоценных предметов из золота и особенно женский золотой головной убор, сходный с такими же уборами из курганов Деева и Чертомлыка[2]; погребение у с. Ильинцы, давшее прекрасную золотую обивку налучья, до мельчайших деталей сходную с золотой обивкой налучья из Чертомлыка[3]. Можно было бы указать и на появление новых для Среднего Поднепровья украшений уздечного набора, имеющих аналогии в инвентаре Чертомлыка. Приведенные факты показывают, насколько сильными оказались элементы степной скифской культуры в культуре лесостепи позднескифского периода. Заметим кстати, что повсеместно распространенный в Среднем Поднепровье, особенно в течение этого периода, обряд трупосожжения совершенно не затрагивает погребений в катакомбах. Это и понятно. Ведь такой обряд погребения в Нижнем Поднепровье в скифское время совершенно не применялся.

Необходимо особо отметить также одну из важнейших черт позднескифского периода — изменение облика так называемого скифского звериного стиля. Расцвет звериного стиля, наблюдавшийся в предыдущий период в связи с расширением применения в быту бронзы и совершенствованием техники литья, сменяется теперь упадком. Появляются новые формы украшений конского убора и одежды людей в виде растительного орнамента и антропоморфных изображений на золотых и серебряных бляхах. Звериный же стиль характеризуется чрезвычайно сильной тенденцией к символизации и огрубению, доходящей нередко до создания совершенно неузнаваемых изображений животных. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить инвентарь Солохи или богатых погребений лесостепи тясминско-журовской и посульской групп среднескифского периода, которые дают большое количество бронзовых, серебряных и золотых блях, исполненных в обычном зверином стиле, с инвентарем погребений Чертомлыка или той же тясминско-журовской группы позднескифского периода, особенно тесно связанным по своему культурному облику со степью.

Особого внимания заслуживает вопрос о дальнейшем количественном росте погребений с трупосожжением. Локальные особенности применения этого обряда, отмеченные для предшествующих периодов, не меняются и в течение последнего времени. Как и ранее, в посульской группе он не становится сколько-нибудь выразительным в позднескифское время; не получает сколько-нибудь значительного распространения этот обряд и в других группах левобережной части Среднего Поднепровья; тем более не приходится говорить о его применении в Нижнем Поднепровье — здесь он совершенно отсутствует, как и в предыдущие эпохи.

Зато в правобережной части Среднего Поднепровья обряд трупосожжения приобретает все большее распространение и принимает формы, сближающие его с трупосожжением времени полей погребений. Мы имеем в

---

[1] А. А. Бобринский. Отчет о раскопках в Чигиринском уезде Киевской губ. в 1908 г. ИАК, вып. 35, стр. 67—72.

[2] А. А. Бобринский. Курганы и случайные археологические находки..., т. II, таб. XVI, *3*, *9* и др.; И. Ростовцев. Эллино-скифский головной убор, ИАК, вып. 63 (1917), табл. VI—VII.

[3] Б. Фармаковский. Золотые обивки налучий (горитов) из Чертомлыцкого кургана и из кургана в м. Ильинцах. Сб. археологических статей, поднесенный А. А. Бобринскому, СПб., 1911.

виду прежде всего каневскую группу, давшую наибольшее количество таких погребений, в которых обряд трупосожжения совершается в стороне от могилы, а остатки сожжения вместе с инвентарем укладываются на дно могильной ямы или складываются в урну. Время таких погребений достаточно убедительно устанавливается наличием в них поздней черно-лаковой керамики греческого происхождения, вероятно III и частично II в. до н. э. Учитывая наличие многих признаков культуры позднескифского периода, характерных позднее и для культуры полей погребений (инвентарь, столбовые сооружения в могилах и некоторые черты погребального обряда), можно полагать, во-первых, что культура позднескифского периода в Среднем Поднепровье почти непосредственно смыкается с культурой полей погребений корчеватовского типа [1]; во-вторых, что одним из основных компонентов культуры полей погребений является культура скифского времени и, наконец, что экономической основой обеих этих культур всегда оставалось земледелие, которое на корчеватовском этапе получило дальнейшее развитие.

Этим последним фактором, вероятно, и объясняется появление земледельческих орудий в погребениях культуры полей погребений [2]. Необходимо признать далее, что исчезновение культуры скифского времени и возникновение культуры полей погребений знаменуют собой новый этап в развитии племен Среднего Поднепровья, сыгравших, вероятно, весьма серьезную роль в исчезновении скифской культуры и в уничтожении возникающей государственности у скифских племен Нижнего Поднепровья. Надо думать, к падению скифского царства, существовавшего в Нижнем Поднепровье, причастны не только сарматские и другие племена эпохи позднего эллинизма, но и племена лесостепи, принесшие в Нижнее Поднепровье элементы культуры полей погребений корчеватовского и затем черняховского типа [3]. Но это уже новый период, уходящий за пределы нашей темы и не подлежащий рассмотрению в настоящей работе.

Если попытаться подвести краткий итог всему сказанному относительно этого последнего периода культуры скифского времени в Поднепровье, то нужно прежде всего подчеркнуть следующее. Во-первых, в это время продолжается последовательное совершенствование основных видов вооружения на основе дальнейшего развития производительных сил, производства металла и техники его обработки. Возрастающее значение оружия в жизни общества и его непрерывное совершенствование объясняются ростом военной опасности и роли войны как средства завоевания новой территории и материальных благ. Поэтому изменение форм оружия служит одним из основных признаков выделения третьего периода. Во-вторых, социально-экономические изменения, происшедшие в скифском обществе и связанные с развитием производительных сил и сосредоточением огромных богатств в руках скифской племенной знати степной полосы приводят к образованию в Нижнем Поднепровье скифского царства, захватническая политика которого проявилась, в частности, в стремлении овладеть древней земледельческой территорией лесостепи. В-третьих, заметные изменения в общественных отношениях приводят к соответствующим изменениям в культуре, в частности в развитии звериного стиля, значение которого заметно падает; вместо него широко распространяются изобразительные мотивы — растительный орнамент и антропоморфные изображения, указывающие на весьма сильное влияние античности на идеологию и вкусы племенной знати. Наконец, следует отметить, что проникновение

[1] П. Д. Либеров. К вопросу о связи культуры полей погребений с культурой скифского времени, КСИИМК, вып. XXXIV (1950), стр. 75 и сл.

[2] П. Д. Либеров. К истории земледелия у скифских племен Поднепровья эпохи раннего железа в VI—II вв. до н. э. Материалы по истории земледелия СССР, сб. I, М., 1952, стр. 103—106.

[3] Там же.

элементов степной скифской культуры в лесостепь не смогло изменить направления развития племен лесостепи (правобережье Днепра).

Такова самая общая характеристика особенностей периодов развития материальной культуры племен Поднепровья скифского времени. Из вышеизложенного следует, что выделение нами хронологических периодов этой культуры опирается не только на анализ погребальных инвентарей, лежащий в основе нашей хронологической классификации, но и на типы погребальных сооружений, на формы погребального обряда и на данные о связях этой культуры с внешним миром. Комплекс памятников материальной культуры в целом проливает свет на процесс исторического развития племен Поднепровья.

На основании всего изложенного представляется возможным поставить вопрос о том, каковы происхождение и исторические судьбы племен, создавших эту культуру.

Разумеется, на основе столь схематического рассмотрения основных особенностей памятников отдельных районов Поднепровья невозможно полностью решить поставленный вопрос. Для этого современная археологическая наука еще не обладает достаточными данными. Решение его зависит от новых полевых работ в районах междуречья Дона и Днепра, в бассейнах Северского Донца и Днепра и к западу от последнего, так как на этих территориях памятники исследованы далеко не удовлетворительно, а добытые материалы разбросаны по разным местам и в значительной части утрачены. Однако произведенный нами анализ имеющихся в нашем распоряжении памятников и хронологическая классификация их позволяют по крайней мере поставить этот вопрос, наметить основные вехи исторического развития племен и определить направление дальнейших исследований.

Если признать правильным утверждение М. И. Ростовцева о том, что в момент проникновения скифской культуры в лесостепь здесь существовала не менее развитая местная культура, элементы которой были отмечены А. А. Спицыным и которая в последние годы открыта А. И. Тереножкиным (памятники так называемого предскифского чернолесского этапа), то на фоне этой культуры представляется возможным выделить некоторые элементы скифской культуры.

В ходе рассмотрения памятников правобережной и левобережной части Среднего Поднепровья было отмечено, что в мачухской (на р. Ворскле) и макеевской (на р. Тясмине) курганных группах наблюдается довольно устойчивый обряд с устройством деревянных погребальных сооружений в виде срубов с меридиональной ориентировкой и с погребениями покойников головой на юг. В мачухской группе ориентировка эта сохранялась на протяжении всего скифского времени как господствующая, тогда как в макеевской группе преобладание ее заметно только в самое раннее время. В позднескифское время в Макеевском могильнике наряду со срубами такого типа встречаются и обычные деревянные сооружения на столбах, а их ориентировка, так же как и ориентировка погребений, теряет свою устойчивость. Необходимо заметить также, что погребальный инвентарь, и в том числе керамика этих могильников, между собой чрезвычайно сходны. На этом основании М. Я. Рудинский[1] высказал предположение о проникновении какой-то части племен с правобережья Днепра на левобережье, в данном случае на р. Ворсклу. Такое предположение не случайно, но основано на бесспорном сходстве этих памятников. Не приходится сомневаться в том, что проникновение в культуру левобережья правобережных форм и орнаментов керамики, а равно и приемов изготов-

[1] М. Я. Рудинський. Мачухська експедиція Институту археології 1946 Археологічні пам'ятки, т. II, Киев, 1949, стр. 69 и 79.

ления ее действительно имело место. Однако, отмечая факт сходства погребальных сооружений, погребального обряда и инвентаря Мачухского и Макеевского могильников, приходится констатировать большую вероятность проникновения какой-то племенной группы в обратном направлении — с левого на правый берег Днепра. Для этого имеется целый ряд оснований.

Во-первых, Макеевский могильник, давший погребальные сооружения типа срубов эпохи срубной культуры, выглядит совершенно одиноко и изолированно среди всех других обычных для правобережной части Среднего Поднепровья памятников. Эти сооружения, появившись здесь в раннескифское время не позднее первой половины VI в. до н. э., существовали в этом могильнике до позднескифского времени. В самом начале их ориентировка и ориентировка человеческих остовов была устойчивой, но позднее она стала меняться, и к этому типу погребальных сооружений в могильнике примешиваются другие погребальные сооружения.

Во-вторых, мачухская группа, как показал М. Я. Рудинский, датируется несколько более ранним временем, чем макеевская, ее появление относится, по крайней мере, еще к концу VII в. до н. э. и она не изолирована,— отдельные погребения такого типа встречаются в бельской и других группах Левобережья; вместе с этим мачухская группа имеет устойчивую ориентировку основных погребений в курганах. Особое значение имеет тот факт, что погребения в срубах, типичные для срубной культуры конца эпохи бронзы, в яркой форме были обнаружены В. А. Городцовым в правобережной части бассейна Северского Донца, откуда они могли распространиться в Среднее Поднепровье. Правда, существует известный хронологический разрыв между срубами конца эпохи бронзы на Северском Донце и срубами Среднего Поднепровья. Но следует заметить, что этот разрыв, вероятно, не столь велик, как представляется некоторым исследователям, и надо полагать, что дальнейшие археологические исследования в области, расположенной по течению Северского Донца и к западу от него и до-ныне весьма слабо исследованной, откроют недостающее звено. Во всяком случае, та общая историческая обстановка, которую мы наблюдаем в степях Украины к концу эпохи бронзы, в связи с передвижением сюда племен срубной культуры, вероятно, из Поволжья, как это признается все более широким кругом советских археологов, не противоречит, а, наоборот, подтверждает вероятность проникновения в Среднее Поднепровье какой-то части ираноязычных племен, известных позднее под именем скифов. Эта первая, самая ранняя волна указанных племен в Среднее Поднепровье, надо полагать, вызвала сильное сопротивление местных племен, объединившихся в связи с этим в более крупные коллективы и создавших уже на рубеже VII—VI вв. до н. э. мощные оборонительные сооружения в виде больших городищ, далеко превосходящих мелкие родовые городища раннего «чернолесского» времени. Однако ни объединение, ни упорная борьба не избавили племена Среднего Днепра от проникновения сюда пришельцев, прочно и надолго обосновавшихся и оставивших глубокий след не только в характере, но, вероятно, и в языке. К этому времени предположительно относится появление могильника у с. Мачухи, а несколько позднее и могильника у с. Макеевки. Почти одновременно с макеевской группой или, может быть, несколько позднее, на р. Суле возникает еще одна необычайно яркая по своему облику, так называемая посульская группа памятников. Ее отличительные особенности, однотипный характер погребений и хронологическое ограничение в пределах VI—IV и, может быть, III вв. до н. э., ставят эту группу в ряд исключительно своеобразных памятников, происхождение которых до сих пор неизвестно. Однако имеются основания считать, что она возникла в результате значительного передвижения некоторых скифских племен

в раннескифское время наряду с только что рассмотренными группами у с. Мачухи и у с. Макеевки. Но происхождение двух последних и посульской группы не было единым, так как посульская группа по типу погребальных сооружений резко отлична от мачухской и представляет собой группу, характерные признаки которой сложились в своей основе еще до появления носителей этой культуры на побережье р. Сулы. В этом нет ничего удивительного, так как столбовые сооружения в пределах Северского Донца существуют уже в эпоху бронзы и естественно, что в эпоху раннего железа они приобретают более широкое распространение.

Следовательно, в раннескифский период происходит большое передвижение некоторых более южных племен в сторону лесостепи, в результате которого здесь возникают новые своеобразные группы памятников и, как было показано выше, значительно меняется облик материальной культуры.

Степные, более южные племена уже в очень раннее время стремились проникнуть в район лесостепи, и это объясняется весьма существенными причинами. Во-первых, лесостепь, особенно правобережье Днепра, представляется ранним центром высокой культуры, свойственной оседлому населению, где уже на белогрудовском этапе поднепровские племена занимались обработкой железа, источники которого в виде болотной руды находились на месте. Как известно, племена степной части, в том числе и земледельческие племена Нижнего Днепра, в значительной степени были лишены таких источников, и это закономерно отразилось в более позднем появлении здесь железных орудий и оружия. Естественно, что обладание источниками железа и умение его обрабатывать способствовали более быстрому экономическому развитию племен Среднего Поднепровья.

Во-вторых, оседлый образ жизни племен, населявших Среднее Поднепровье, и сочетание занятия земледелием со скотоводством также создавали благоприятные условия для более быстрого экономического развития и вместе с этим для установления более прочных меновых связей с другими территориями, развитие которых наблюдается в Среднем Поднепровье уже на заре скифского времени. Хорошо известно, что оседлые племена Среднего Поднепровья имели широкие связи с внешним миром, в частности, с Северным Кавказом и ранними античными городами. Об этом свидетельствуют многочисленные находки предметов, связывающих лесостепь с указанными районами. Эти находки показывают также, что торговые связи шли в обход степи, огибая ее полукругом с севера и, вероятно, с запада и юго-запада (по Южному Бугу). Они шли в направлении на юго-восток (по Северскому Донцу и Дону), с одной стороны, и на северо-восток — с другой. В этом последнем направлении в область Приуралья, богатую пушниной, золотом, медью, железом, шли «священные пути», описанные Геродотом. Совершенно понятно, что все это привлекало внимание более южных племен и уже в раннескифское время побуждало их к проникновению в Среднее Поднепровье, сначала в район р. Ворсклы, затем на Среднеднепровское правобережье, несколько позднее, около середины VI в. до н. э., в район Посулья и, может быть, на р. Воронеж, где обнаружена группа «Частых курганов», датируемая временем не ранее рубежа VI—V вв. до н. э.

Возможно ли считать, что эти пришлые племена были оседлыми, и как решается вопрос об ираноязычной их принадлежности? Имеется много оснований полагать, что эти пришлые племена вели оседлый образ жизни; об этом говорит большая компактность курганных могильников и однообразие их содержания, наличие обычных для лесостепи городищ и состав скота, о котором мы можем судить по остеологическому материалу из городищ и погребений. Оседлый образ жизни пришельцев нисколько не противоречит положению об их ираноязычии, так как не все скифские ираноязычные племена были обязательно племенами кочевыми, наоборот,

значительная их часть на Нижнем Днепре, на Дону, на Северском Донце занималась земледелием.

Можно не без основания предполагать, что какая-то довольно большая их группа, обитавшая первоначально в районе Северского Донца, пришла в движение и, может быть, при напоре кочевников заняла новые места в лесостепи. Занимая эти места, новые пришельцы совершенно не были заинтересованы в разрушении существовавшей здесь старой культуры и налаженных уже внешних связей. Однако, ввиду того, что к этому времени на северном побережье Черного моря возникают греческие города и в силу движения скифских степных племен, существовавшие ранее сношения с Северным Кавказом порываются, их заменяют новые, более широкие внешние связи с Ольвией и другими греческими городами северного и северо-западного побережья Черного моря, достигающие своего расцвета в средний и частично в позднескифский период. О том, что приход в лесостепь новых элементов не привел к упадку существовавшей здесь ранее культуры, свидетельствует факт увеличения числа богатых, иногда роскошных погребений, принадлежавших племенной верхушке.

Надо полагать также, что эпоха военных столкновений между проникавшими в лесостепь племенами и древними насельниками привела не только к сооружению мощных укреплений в виде городищ, но и к развитию различных видов железного оружия, часто в большом количестве встречающегося в погребениях, к развитию украшений в «скифском» зверином стиле, обильно покрывавших сбрую лошади и оружие воина и, главное, более быстрому сложению отношений военной демократии и увеличению роли военного дела в жизни лесостепных племен. Приход новой этнической группы не мог не повлиять и на погребальный обряд. Уменьшение количества погребений с трупосожжением в раннескифский период по сравнению с предшествующим временем и затем последовательное увеличение их числа в средний и позднескифский периоды вплоть до того, что этот обряд стал господствующим в период полей погребений, свидетельствуют, надо полагать, во-первых, о том влиянии, которое оказали пришельцы, и, во-вторых, о том, что культура местных племен преодолела это влияние и приобрела решающее значение на последующих этапах.

Таковы истоки и условия развития культуры племен Среднего Поднепровья в скифское время. Что касается культуры скифских племен Нижнего Поднепровья, отставáвших в своем развитии от культуры племен лесостепи в раннескифский период и отчасти в течение первой половины среднескифского периода, то она уже в конце среднескифского периода приобретает новые черты, археологически проявившиеся в росте числа богатых, так называемых «царских» погребений и в возникновении городищ типа Каменского, с его признаками ремесленного центра. Очевидно, что соседство и связи с греческими городами в течение ряда столетий не остались бесследными для кочевых и оседлых племен Нижнего Поднепровья, а расширение торговли с греками, в которой не малое место, надо полагать, занимал хлеб, привело к сильному росту и обогащению племенной знати. В силу этих условий влияние племенной знати в жизни племен становится настолько сильным, а классовые различия настолько резкими, что возникают условия для образования начал государственности (царство Атея). Значение экспорта хлеба усиливается до такой степени, что в интересах дальнейшего расширения хлебной торговли нижнеднепровские скифские племена предпринимают походы не только на запад, но и в правобережную, лесостепную часть Среднего Поднепровья. Им удается на какое-то время захватить ее. Об этом свидетельствуют сохранившиеся в лесостепи памятники в виде камер-катакомб и погребального инвентаря типичных для погребений Нижнего Поднепровья форм. Эта вторая волна вторжения

была, однако, кратковременной и не внесла поэтому существенных изменений в жизнь местных племен. Наоборот, развитие форм погребального обряда с трупосожжением идет своим чередом и все более быстрыми темпами и уже в IV—III вв. до н. э. принимает ряд черт, характерных для позднейших погребений периода полей погребений.

Таким образом, на основании всего сказанного можно предположить, что скифский этнический и культурный элемент сыграл не малую роль в развитии материальной культуры и в жизни местных племен лесостепи скифского времени. Это влияние сказалось на всем облике материальной и духовной жизни племен лесостепи, и не исключена возможность того, что в какой-то степени оно отразилось и на развитии языка, если признать справедливой локализацию племен скифов-пахарей в соответствии с указаниями Геродота. Вместе с этим, на основании устойчивого сохранения традиций обряда трупосожжения, традиций, которые с течением времени все более усиливаются и наконец становятся в послескифское время господствующими, можно предположить, что местные этнические общности, развившиеся в лесостепной полосе еще в предскифское время, не были поглощены и ассимилированы пришельцами. Наоборот, эти местные элементы смогли впитать и переработать в себе все пришлое. И в этом смысле можно сказать, что элементы скифской ираноязычной культуры, проникшие на территорию лесостепи, были в конечном итоге поглощены и вошли в состав более поздней, как полагают раннеславянской, культурной общности.

В. А. Ильинская

КЕРАМИКА СКИФСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ ПОСУЛЬЯ

Выяснение локальных особенностей форм лепной керамики играет весьма существенное значение при разработке вопросов о территориальном размещении племенных групп, входивших в состав Скифии, а также при выяснении тех этнических и культурных компонентов, на основе которых сложились различные племена скифского времени.

Это обстоятельство обусловлено не только тем, что керамика, в силу своей сохранности, является наиболее массовым, а подчас и единственным видом археологического материала, но и самим характером этого вида археологического источника. В условиях родо-племенного строя выделка глиняной посуды была всецело связана с домашним производством. При общей примитивности гончарной техники создавалась многовековая устойчивая традиция, определенные каноны, в рамки которых вкладывалось народное творчество.

Изменение керамики протекало, как правило, постепенно, и лишь крупные сдвиги в условиях жизни влекли за собой более резкие и значительные изменения форм посуды и техники ее производства, причем и в этом случае чаще всего явственно наблюдаются черты связи с предшествующим периодом. В силу этого местная лепная керамика является одним из наиболее чутких показателей исчезновения или сохранения основного этнического состава населения при крупных историко-культурных сдвигах в доисторическое время.

Исследования последних лет, произведенные в области лесостепного Правобережья: на белогрудовских «зольниках»[1], чернолесских городищах[2], поселений на Тарасовой горе, близ Жаботина[3], показывают культурную преемственность от доскифского к скифскому времени, полнее всего прослеживающуюся на местной лепной керамике. В более западных районах эта преемственность засвидетельствована такими памятниками переходного этапа, как селище у с. Ворошиловки на Житомирщине[4] и поселение вблизи с. Сандраки возле Винницы[5].

---

[1] О. І. Тереножкін. Поселення білогрудівського типу биля Умані. Археологія, т. V (1950), стр. 182; С. С. Березанская и Г. Т. Титенко. Поселение предскифского времени у с. Собковка, Кр. сообщ. Ин-та Археологии АН УССР, вып. 1, Киев, 1952.

[2] А. И. Тереножкин. Поселения и городища в бассейне реки Тясмина, КСИИМК, вып. XLIII (1952), стр. 80.

[3] Раскопки Е. Ф. Покровской и М. И. Вязьмитиной. М. И. Вязьмитина. Поселение раннежелезного века в окрестностях с. Жаботина. Краткие сообщения Ин-та Археологии АН УССР, вып. 1.

[4] Е. Махно. Дві пам'ятки бронзовоі доби в бассейні р. Тетерева, Арх. пам. УРСР, т. II, Киев, 1949, стр. 205; последующие раскопки проводились Е. В. Махно, С. С. Березанской, Г. Т. Титенко.

[5] Е. Ф. Лагодовская. Археологические исследования в Хмельницком районе Винницкой области в 1949—1950 гг. Архив Ин-та археологии АН УССР.

Несмотря на наличие некоторых локальных особенностей, керамика этих памятников предскифского и раннескифского времени в лесостепном Правобережье, в Побужье и на Днестре имеет ряд общих черт; например, на всех этих территориях широко распространены чернолощенные черпаки с высокими ручками, сосуды в виде кубков с округлым корпусом и высокой цилиндрической шейкой и крупные широкоплечие корчаги с высокой шейкой и отогнутым венчиком. В украшении их применяется рельеф или резьба с инкрустацией. Обычны высокие, довольно узкие «тюльпановидные» горшки, часто украшенные налепным валиком с защипами, расположенным под краем венчика.

Эта общность, как становится ясным, обусловлена тем, что местная посуда скифского времени сформировалась здесь на основе керамики большой группы родственных между собой по культуре племен конца бронзового века.

На Левобережье памятники с аналогичной керамикой в раннескифское время известны в бассейне р. Ворсклы (Бельское городище, городище Разрытая могила, поселения типа Мачухи). Вопрос о генезисе их на этой территории пока еще недостаточно изучен. По мнению М. Я. Рудинского [1] и М. И. Артамонова [2], появление этих памятников в бассейне р. Ворсклы связано с передвижением сюда населения из среднеднепровского Правобережья. Выяснение особенностей местной культуры конца бронзового века для этой территории является одной из насущнейших наших задач. Предварительно можно отметить, что в пору поздней бронзы на р. Ворскле широко распространена срубная культура, известная по раскопкам Е. Мельник [3], Д. И. Багалея [4] и по материалам Полтавского музея [5].

Одним из наиболее неясных и малоизученных остается вопрос о керамике северо-восточной части лесостепной Скифии в бассейне рек Сулы и Псла. Известно, что в скифское время здесь обитала большая группа оседлого земледельческо-пастушеского населения, оставившая многочисленные курганные могильники и ряд укрепленных городищ [6]. Наибольшее количество памятников сконцентрировано в пределах лесостепного течения р. Сулы у городов Ромны и Лубны.

Массовые раскопки посульской группы курганов (всего было раскопано около 400 курганов) доставили обильный материал, относящийся ко времени от первой половины VI до конца IV — начала III в. до н. э. [7] Случайная находка бронзового топора кобанского типа у г. Лубен [8] и литых бронзовых удил закавказского типа в кургане из этой же местности [9] указывает на существование здесь памятников и более раннего времени. Основной инвентарь, как архаических, так и более поздних погребений в бассейнах рек Сулы и Псла — предметы вооружения, конского убора, украшения, изделия в зверином стиле —в общем вполне однотипен с одновременными памятниками Правобережья, степного Крыма, Нижнего Поднепровья и Кубани.

Наряду с общими чертами культуры, в погребальном обряде и инвен-

[1] М. Я. Рудинський. Археологічні збірки Полтавського музею, Збірник присв'ячений 35-річчю музею, Полтава, 1928, стр. 48.

[2] М. И. Артамонов. Происхождение славян. Л., 1950, стр. 33.

[3] Е. Мельник. Раскопки курганов в Харьковской губернии, Тр. XII АС, т. I, М., 1905, стр. 673.

[4] Д. И. Багалей. Раскопки курганов в Валковском и Богодуховском уезде Харьковской губернии летом 1903 г., Тр. XIII АС, т. I, М., 1907, стр. 369.

[5] М. Я. Рудинський. Археологічні збірки Полтавського музею.

[6] В. А. Іллінська. Розвідка пам'яток скіфського часу на Посуллі 1946 р., Арх. пам. УРСР, т. II, стр. 139.

[7] В. А. Іллінська. Пам'ятки скіфського часу на Посуллі, Археологія, т. IV (1950), Киев, стр. 184.

[8] Тр. VIII АС, т. IV, табл. XXII, 57.

[9] Хранятся в Киевском историческом музее.

таре наблюдается определенное местное своеобразие, составляющее как бы этнографические черты населения данной группы. К числу этих особенностей относятся: 1) устойчивый и единообразный обряд погребения с захоронением в деревянных камерах-срубах в вытянутом положении, головой на юг; 2) широкое распространение среди оружия железных боевых топоров; 3) массовое употребление изделий из резной кости; 4) частое применение шумящих наверший со звериными изображениями; 5) обычай носить в качестве украшений массивные ножные браслеты, литые из бронзы.

Локальные черты этой группы еще более подчеркиваются особенностями лепной посуды.

Керамика посульских и псельских погребений известна мало. Достаточно сказать, что изо всей массы различного вида глиняной посуды, находимой в целом виде и в обломках в погребениях и в насыпях среди остатков тризны почти в каждом из раскопанных курганов, только 14 сосудов имеются в публикациях. В музейных собраниях Москвы, Ленинграда и Киева нам удалось учесть еще около 80 неопубликованных сосудов[1].

Большинство керамики, найденной при раскопках, оказалось утраченной. Грубые лепные черепки, находимые в насыпях и в могилах, нередко выбрасывались на месте раскопок. Естественно, что такая неполнота материала отрицательно сказывается на возможностях исследования. Другая трудность заключается в том, что лишь некоторая часть керамики происходит из датируемых погребений. Многие сосуды, особенно из числа хранящихся в Киевском историческом музее, не имеют увязки с определенными комплексами. В ряде случаев известно лишь название курганной группы, или имеется еще более общее указание о происхождении «из курганов Роменского уезда».

Вся учтенная нами керамика из погребений в бассейнах рек Сулы и Псла сведена в приложенных к работе таблицах. На таблицах I и II она распределена по типам форм, на таблицах III—V эта же керамика дана в комплексе датирующих находок из погребения.

Из общего состава местной лепной посуды может быть выделено несколько сосудов, имеющих аналогии с керамикой киевско-ворсклинской. В количественном отношении она составляет не более 5—6% от общей массы. К этой группе относится большой (высотой около 90 см) биконический сосуд из погребения местного вождя времени конца VI в. до н. э. в известном кургане у хут. Шумейко (табл. I, *1*). Шумейковский сосуд, являющийся одним из лучших образцов сосудов «типа Вилановы» в Среднем Поднепровье, не имеет себе аналогий среди керамики данной группы. Аналоги его встречаются в Правобережье, где сосуды этого рода известны начиная с чернолесского времени; прекрасную аналогию ему составляет большой широкоплечий сосуд из погребения середины VI в. до н. э. в кургане у с. Глеваха под Васильковом[2].

К этой группе также относится кубок с округлым корпусом, цилиндрической шейкой и отогнутым венчиком, украшенный по плечу поясом геометрического орнамента в виде врезных треугольников (табл. I, *2*).

---

[1] Выражаю глубокую благодарность заместителю директора и заведующему II отделом археологии Государственного исторического музея А. П. Смирнову, директору Государственного Эрмитажа М. И. Артамонову, заведующему отделом первобытного общества Государственного Эрмитажа А. А. Иессену, заведующей скифским отделом Государственного Эрмитажа А. П. Манцевич, заместителю директора Киевского исторического музея А. П. Викторову и заведующей скифским отделом Киевского исторического музея О. Д. Ганиной за любезное разрешение использовать и опубликовать все необходимые мне материалы.

[2] А. И. Тереножкин. Курган у с. Глеваха, Археологія, т. IX. Ср. сосуд из Чернолесского городища, КСИИМК, вып. XXXVIII (1951), стр. 123, рис. 42, *а*.

Согласно публикации Ханенко[1], этот сосуд происходит из погребения времени первой половины V в. до н. э. в кургане № 2 у с. Волковцы. Однако принадлежность его к этому комплексу вызывает серьезное сомнение. Известно, что подобного рода кубки типичны для предскифских и раннескифских памятников Правобережья р. Ворсклы и, как правило, не встречаются позже конца арахаического периода. Присутствие этого более раннего сосуда в погребении Волковецкого кургана может объясняться или случайным попаданием его сюда из Правобережья или, что не менее вероятно, простой путаницей при составлении Ханенковского издания.

Характерную для правобережной и ворсклинской керамики форму имеют две кружки с биконическим корпусом и высокими ручками из погребений в курганах на Лысой Горе у Лубен (табл. I, *3*, *4*), а также два глубоких ковша из курганов VI в. до н. э. у с. Герасимовки (табл. I, *5*, *6*). Ковши имеют форму широкого открытого горшка с округлыми стенками, высоким прямым или слегка отогнутым венчиком. Высокая ручка ковша кончается утолщенным отростком. Еще один широкий низкий ковш с округлой придонной частью и конически суживающимся венчиком происходит из кургана у с. Малые Будки (табл. I, *7*). Лощение поверхности этих сосудов сильно уступает по качеству лощению посуды с правобережья, отсутствует обычный для этой посуды орнамент, формы и качество выделки рассматриваемых сосудов грубее. В целом описанная выше керамика не является массовой и характерной для Посулья. Аналоги ее ведут в смежные западные и юго-восточные области. Органической связи ее с местными памятниками предскифского периода, которые так отчетливо выступают на Правобережье, установить здесь не удается.

Вся остальная керамика составляет устойчивую группу и существенно отличается от керамики киевско-ворсклинской.

Главным видом посуды из погребений Сулы и Псла являются грубо вылепленные горшки, реже встречаются миски. Кроме посуды больших размеров, обычно употреблявшейся в быту, весьма часто встречаются горшочки и мисочки небольших размеров, вместимостью от 0,5 до 2,5 стаканов. Эти последние составляют одну из характерных особенностей местного погребального ритуала. Обычай ставить с покойником еду и питье выступает в данном случае в виде символического акта.

Можно было бы допустить, что некоторая часть подобной посуды, особенно такой, которая по своим размерам не могла быть использована в быту, изготовлялась специально для погребений. Однако в культурном слое городища у с. Басовка во время раскопок в 1947 г. было найдено более 10 небольших горшочков и мисочек[2]. Посуда такого типа могла также использоваться в погребениях. Последнее тем более вероятно, что посуда, ставившаяся в могилы, не отличалась какими-либо особыми формами или качеством выделки от употреблявшейся в домашнем обиходе. Как та, так и другая сделаны из глины с примесью шамота, имеют неровную, шероховатую поверхность, в отдельных случаях замытую или заглаженную травой, изредка слабо подлощенную. В изломе черепок двух- или трехцветный, часто черный, наружный цвет темный или красновато-бурый с темными или желто-серыми пятнами.

Преобладают горшки простых форм в виде банки или простого открытого горшка, с округло расширяющимся к поясу корпусом и слегка

---

[1] Б. Н. и В. И. Ханенко. Древности Приднепровья, вып. II, 1899, стр. 7. Ср. сосуды из курганов № 15, 375 у с. Константиновки. А. А. Бобринский. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смела, т. II, СПб. 1894, табл. XIII, *2* ИАК, 4, стр. 31, рис. 1.

[2] В. А. Іллінська. Верхньосульска експедиція 1947 р., Арх. пам. УРСР, т. IV, Киев, 1952.

отогнутым венчиком. Днища часто бывают высокими, с выступающей закраиной. Орнамент в виде налепного валика отсутствует. Обычны горшки с гладким неорнаментированным краем. Наряду с ними встречаются горшки, украшенные по венчику пальцево-ногтевыми нажимами, нажимами круглой, косо поставленной палочкой, сквозными проколами или наколами с выпуклинами.

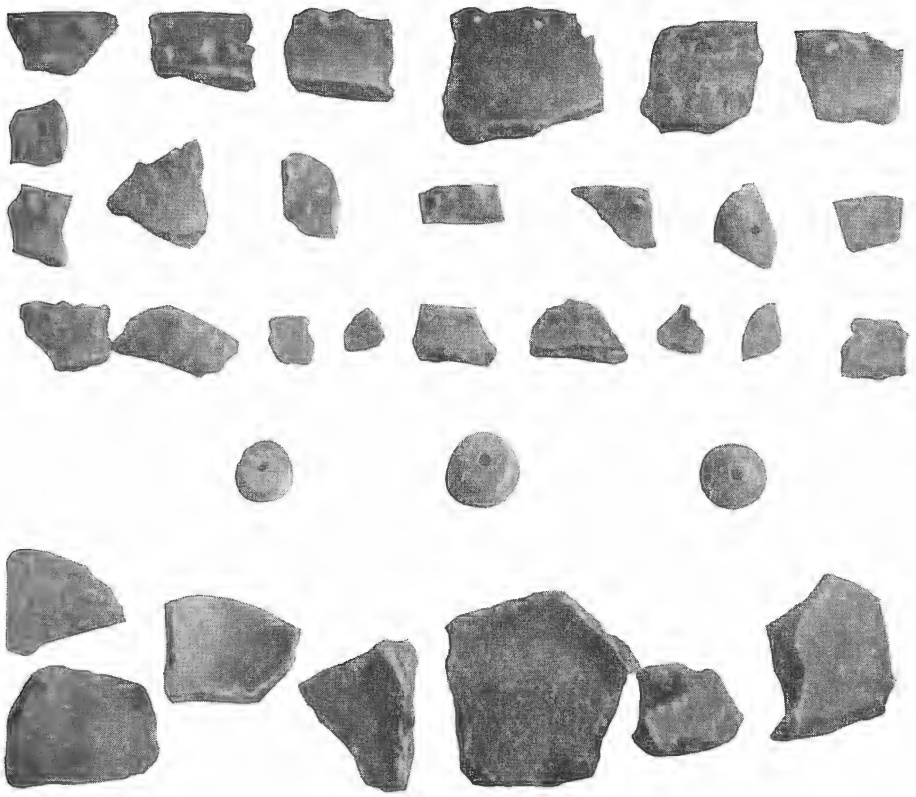


Рис. 1. Обломки керамики из насыпи кургана V в. до н. э., с. Хитцы.

Одной из характерных форм, встречающихся в погребениях, начиная с VI в. до н. э., являются высокие горшки с округло расширяющимися к поясу стенками, плавно отогнутым наружу венчиком, с гладким краем.

Горшок из кургана № 2 у с. Аксютинцы (табл. I, *8*) отличается вытянутыми пропорциями. Близкую аналогию ему представляет сосуд из недатированного погребения у Спасо-Преображенского монастыря близ Лубен (табл. 1, *9*), имеющий более округлый корпус и высокое днище с выступающей закраиной; поверхность сосуда темная, слабо подлощенная.

Сосуд из кургана № 2 у с. Волковцы (табл. I, *10*) имеет равномерно округленный корпус, расширяющийся у пояса, небольшое высокое днище со слабо выступающим краем, суженную шейку, плавно отогнутый венчик. На поясе имеются псевдо-ручки в виде небольших треугольных шишечек, расположенных попарно по четырем сторонам сосуда. Цвет бурый с темными пятнами, поверхность шероховатая, слегка заглаженная.

Сосуд из кургана № 2 у с. Герасимовки (табл. I, *11*) имеет широкое, плоское днище, профиль корпуса округленный у дна, конически сужающийся от пояса к шейке, венчик отогнут. На поясе две боковые налепные ручки в виде четырехгранных шишечек со сквозными вертикальными отверстиями. Поверхность темная с желтыми пятнами, слегка подлощенная.

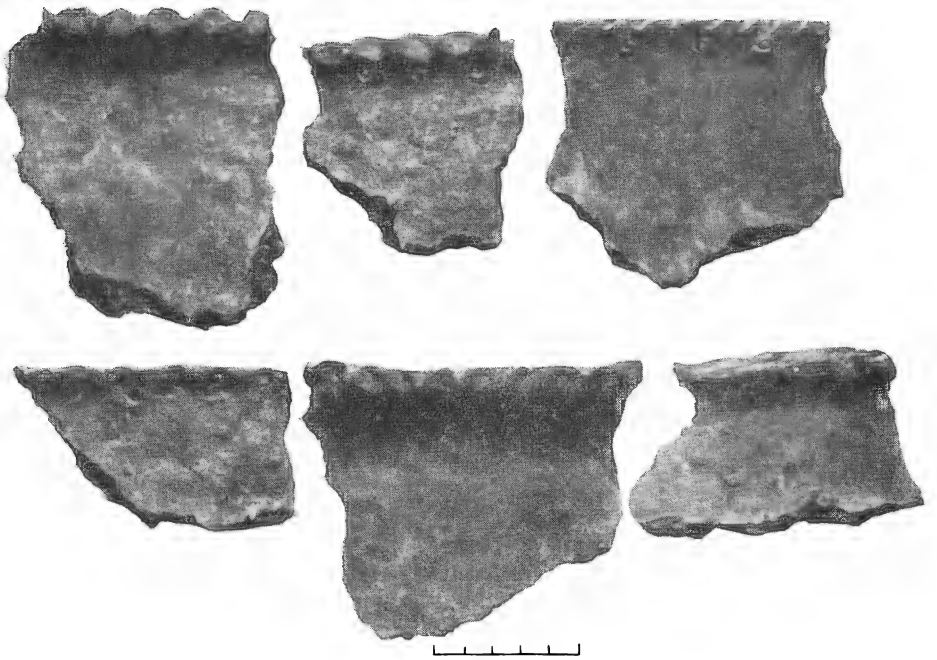


Рис. 2. Обломки керамики, найденные в выкиде из раскопанных курганов Аксютинецкого могильника

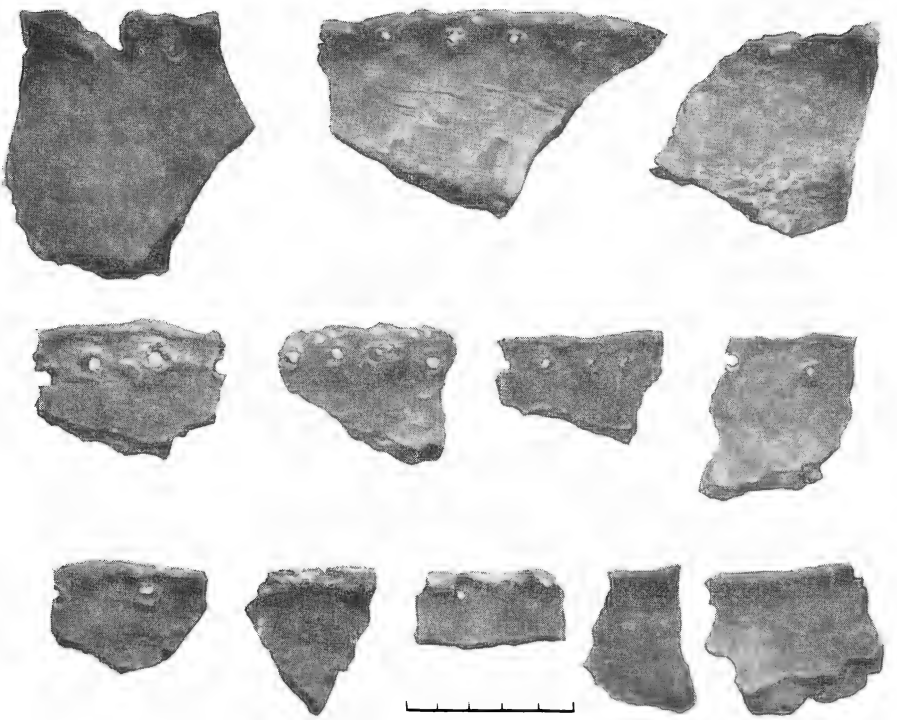


Рис. 3. Обломки керамики из курганов Аксютинецкого могильника

Близким к этому типом посуды являются невысокие открытые горшки с корпусом, расширяющимся к поясу или плечу, с широко раскрытым венчиком и сужающимися ко дну стенками. К сожалению, большинство подобных горшков происходит из недатированных погребений. Горшки этого рода чаще бывают украшены обычным для скифской посуды пальцево-ногтевым орнаментом или защипами по краю венчика, нажимами косо поставленной палочкой, со сквозными проколами или наколами.

Горшок, орнаментированный пальцевыми вдавлениями по краю венчика и сквозными отверстиями, происходит из кургана у с. Коровинцы (табл. I, *12*), где была найдена четырехгранная в сечении электровая гривна. Другой горшок из кургана № 504 у с. Броварки, сделанный из грубой глины с примесью шамота, имеет орнамент в виде сквозных отверстий ниже края гладкого венчика (табл. I, *13*). В каталоге вещей, найденных Т. В. Кибальчичем в курганах у с. Аксютинцы [1], занесены: под № 305 — глиняный горшок, сильно обожженный, с нарезным венчиком; под № 307— грубый горшок из черной глины с нарезным венчиком, украшенным дырочками; под № 319 — глиняный горшок, украшенный у венчика дырочками; под № 323 — разбитый глиняный горшок, украшенный дырочками; под № 353—413 — куски битых горшков, украшенных у венчика дырочками с грубой нарезкой.

Примером неорнаментированных горшков может служить горшок из погребения второй половины V в. до н. э. в кургане у с. Хитцы близ Лубен (табл. I, *14*).

Керамика этого рода особенно интересна тем, что она тесно связана с массовой бытовой посудой, встречающейся на скифских городищах Посулья. Характерно и то, что обломки таких горшков, чаще украшенных орнаментом, в массовом количестве встречаются в насыпях курганов среди остатков тризны. В насыпи упомянутого кургана у с. Хитцы, вместе с костями животных и фрагментами амфор, были найдены обломки более чем 14 горшков с венчиками, украшенными различного вида пальцевыми узорами, сквозными проколами, выпуклинами, обломки мисок и единственный фрагмент венчика, украшенный по шейке налепным валиком с защипами (рис. 1). Большое количество обломков таких же горшков с орнаментом было найдено сотрудниками Роменского музея в выкиде из раскопанных курганов Аксютинецкого могильника. Эти обломки, очевидно, в большинстве тоже являются остатками тризны (рис. 2 и 3).

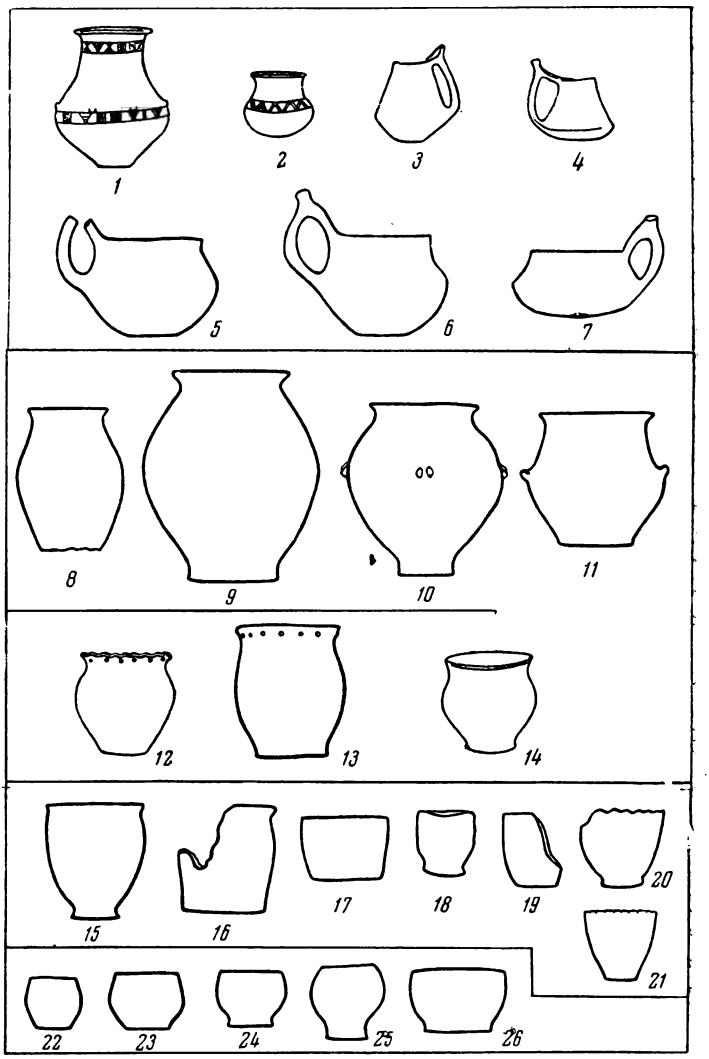
Сосуды небольших размеров можно разделить на следующие основные группы: 1) горшки баночной формы; 2) горшки с округленным корпусом и цилиндрическим венчиком; 3) горшки с округленным корпусом и венчиком с отогнутым краем; 4) кружки с петельчатыми ручками; 5) мисочки.

Горшки баночной формы известны из курганов VI в. до н. э., а также из ряда недатированных погребений. В кургане № 17 у с. Аксютинцы (VI в. до н. э.) найден глиняный горшок, имеющий стенки, плавно расширяющиеся ото дна кверху, шейка и отгиб венчика слабо намечены, днище высокое с выступающим краем (табл. I, *15*), глина грубая, цвет серо-желтый, поверхность шероховатая. В кургане у с. Сурмачевка (VI в. до н. э.) найден горшок баночной формы со стенками, поднимающимися почти вертикально от широкого плоского днища, шейка и отгиб венчика слабо выражены (табл. I, *16*), цвет буро-желтый, глина грубая, поверхность заглаженная.

Из кургана VI в. у с. Герасимовки происходит горшочек в виде низкой широкой открытой банки (табл. I, *17*; табл. IV, *2*) с плоским, широким днищем и с прямыми, расширяющимися кверху стенками. Глина с примесью

[1] Т. В. Кибальчич. Древности, Киев, 1876.

Таблица I



1 — сосуд из кургана, хут. Шумейко, Древности Приднепровья, вып. III, Киев, 1900, стр. 7, рис. 820; *2*—сосуд из кургана № 2, с. Волковцы, раскопки С. А. Мазараки 1897—1898 гг. Древности Приднепровья, вып. II, Киев, 1899, табл. XXXIV, *680*; *3* — сосуд из кургана №4 на Лысой Горе, Лубны, Киевская Старина, 1892, кн. XI, табл. II, *6*; Тр. АС, IV, табл. LXXXI, *35*; *4* — сосуд из кургана № 11 на Лысой Горе, Лубны. Киевская Старина, 1892, кн. XI, табл. I, *1*; Тр. VIII АС, IV, табл. LXXXI, *36*; *5* — сосуд из кургана № 1, с. Герасимовка, раскопки Д. Я. Самоквасова, ГИМ, №1710; *6* — сосуд из кургана № 2, с. Герасимовка, раскопки Д. Я. Самоквасова, ГИМ № 1747; *7* — сосуд из кургана, с. Малые Будки, Собрание Ханенко, Киевский Исторический музей; *8* — сосуд из кургана № 2, с. Аксютинцы, раскопки С. А. Мазараки, 1886, ГИМ, п. 61/15а; *9* — сосуд из кургана у Спасо-Преображенского монастыря, Лубны, ГИМ, п. 61/16б; *10* — сосуд из кургана № 2, с. Волковцы, раскопки С. А. Мазараки, 1886, ГИМ; *11* — сосуд из кургана № 2, с. Герасимовка, раскопки Д. Я. Самоквасова, ГИМ, № 1784; *12*— сосуд из кургана, с. Коровинцы, раскопки В. Ф. Беспальчева, ИАК, вып. 43, стр. 120, рис. 101; *13* — сосуд из кургана № 504, с. Броварки, раскопки Н. Е. Бранденбурга, Государственный Эрмитаж, Дн. 1932, 26/6; *14*— сосуд из кургана у с. Хитцы, близ Лубен, Архив Института археологии АН УССР; *15*—сосуд из кургана № 17, уроч. Стайкин Верх, с. Аксютинцы, раскопки Д. Я. Самокрасова, ГИМ, № 1648; *16*— сосуд из кургана, с. Сурмачевка, раскопки Д. Я. Самокрасова, ГИМ № 1771; *17*— сосуд из кургана № 1, с. Герасимовка, раск. Д. Я. Самоквасова, ГИМ, № 1709; *18*— сосуд из кургана № 7, уроч. Стайкин Верх, с. Аксютинцы, раскопки Д. Я. Самокрасова, ГИМ № 1580; *19* и *20*— сосуды из кургана в уроч. Камашья, с. Ярмолинцы, ГИМ, № 1764, 1763; *21*— сосуд «из курганов Роменского уезда», Киевский исторический музей, № 1552; *22* — сосуд из кургана № 12, уроч. Стайкин Верх, с. Аксютинцы, ГИМ, № 1616; *23*— сосуд из кургана № 13 у с. Поповка, Киевский исторический музей, № 1547; *24* — сосуд из кургана, с. Черебяки, раскопки В. В. Хройко, Киевский исторический музей; *25* — сосуд из кургана, с. Аксютинцы, Киевский исторический музей, № 1542; *26* — сосуд из кургана № 505, с. Броварки, раскопки Н. Е. Бранденбурга, Государственный Эрмитаж, Дн. 1932/27/10.

грубого шамота, цвет темный с желтыми пятнами, поверхность шероховатая. В кургане № 7 у с. Аксютинцы (VI в. до н. э.) найден небольшой горшочек на высоком днище с выступающим краем, стенки расширяются у дна на высоту трети сосуда, выше поднимаются вертикально (табл. I, *18*). Два баночных горшочка происходят из кургана у с. Ярмолинцы. Один из них (табл. I, *19*) имеет плоское днище, стенки его округло расширяются ото дна и вертикально поднимаются кверху; второй сосуд (табл. I, *20*) на высоком днище с выступающим краем, стенки плавно расширяются кверху, обрез венчика, орнаментированный пальцевыми нажимами, имеет вид волнистой линии. Глина темнобурая, поверхность шероховатая. Другой подобный сосудик «из курганов Роменского уезда» хранится в Киевском историческом музее (табл. I, *21*).

Баночные горшки, сужающиеся кверху, происходят из погребений VI и V вв. до н. э., а также из ряда недатированных погребений. Горшочек из кургана № 12 у с. Аксютинцы (табл. I, *22*) имеет днище без закраин, стенки его мягко расширяются у пояса и сужаются кверху. Поверхность заглажена, цвет темный с желтыми пятнами. Горшок из кургана рубежа VI—V вв. № 505 у с. Броварки (табл. I, *26*) имеет форму широкой открытой банки с высоким днищем, плавно расширяющимися ото дна стенками, слегка сужающимися кверху, цвет темный, поверхность шероховатая. Горшок подобного же профиля с выступающим краем на днище происходит из кургана первой половины V в. до н. э. № 2 у с. Волковцы (табл. V, *3*)[1]. К этому же типу относится горшочек из кургана № 13 у с. Поповки, имеющий широкое плоское днище (табл. I, *23*), и горшочек из кургана у с. Чеберяки на высоком днище с выступающим краем (табл. I, *24*). Особой высотой днища и выпуклостью стенок отличается сосуд из кургана № 1 у с. Аксютинцы (табл. I, *25*). Горшочек подобного профиля из кургана № 6 и у с. Волковцы (табл. II, *9*) имеет на плечике пару плоских налепных горизонтальных ручек.

Близки к этой форме горшочки с округло-выпуклым корпусом и прямым цилиндрическим или слабо отогнутым венчиком.

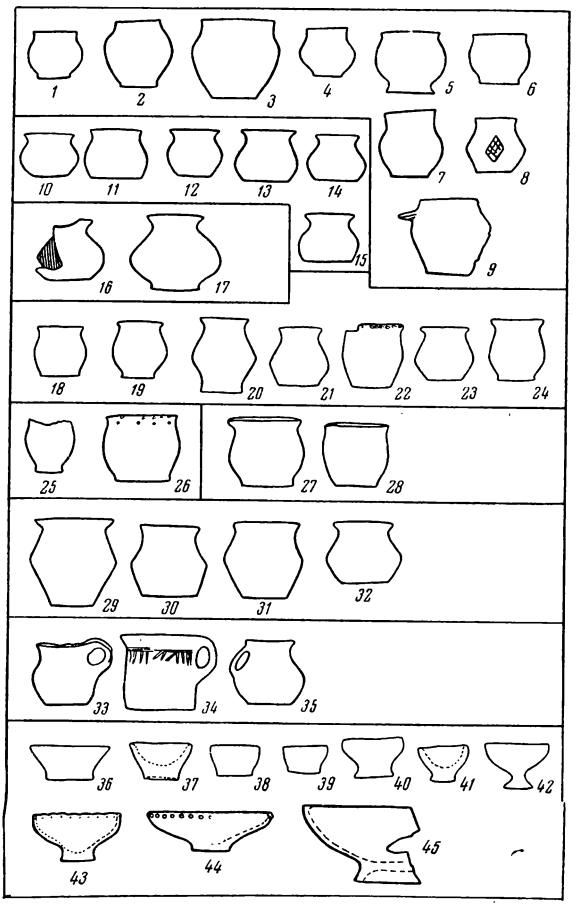
Среди датированных комплексов такие горшочки были встречены в курганах № 494 у с. Великие Будки (табл. II, *1*) и № 481 у с. Басовки (табл. II, *2*). Оба сосуда сделаны из грубо вымешанной глины, имеют неровную, шероховатую поверхность темного цвета. Остальные сосуды этой серии происходят из недатированных погребений, к их числу относятся: горшочек из кургана у с. Поповки (табл. II, *7*), отличающийся вытянутым вверх, слегка отогнутым венчиком, горшок из кургана № 7 у с. Великие Будки (табл. II, *3*) с плоским днищем и расширяющимися плечами, горшочек из кургана у с. Коржи (табл. II, *4*); два горшка из кургана у с. Броварки (табл. II, *5*, *6*). Один сосуд такого профиля «из курганов Роменского уезда» имеет на поясе орнамент в виде ромба, зачерченного косыми полосами с одной стороны и несколькими косыми черточками с другой (табл. II, *8*).

Большую группу составляют горшочки с выпуклым корпусом и отогнутым наружу венчиком. Из них к VI в. до н. э. относится горшочек с широким, низко опущенным поясом, суженной шейкой и отогнутым наружу венчиком, из кургана у с. Великие Будки (табл. II, *16*). Второй подобный сосуд (табл. II, *17*) происходит из кургана № 479 у с. Басовки, датировка которого не ясна. В обоих случаях поверхность сосудов покрыта черным лощением.

К другому типу сосудов этой же группы относится горшочек, найденный в погребении № 6 у с. Аксютинцы (табл. II, *25*), со слегка выпуклым

[1] Раскопки С. А. Мазараки 1897—1898 гг. Древности Приднепровья, вып. II, табл. XXXIV, *675*.

Таблица II



1 — сосуд из кургана № 494, с. Великие Будки, раскопки Н. Е. Бранденбурга, Государственный Эрмитаж, Дн. 1932 г. 19/11; *2* — сосуд из кургана № 481, с. Басовка, раскопки Н. Е. Бранденбурга, Государственный Эрмитаж, Дн. 1932, 7/1/; *3* — сосуд из кургана, с. Великие Будки, ГИМ, 61/13 а; *4* — сосуд из кургана, с. Коржи, Роменского уезда, Киевский исторический музей; Каталог XI АС, стр. 152, № 436; *5* и *6* — сосуды из курганов, с. Броварки, Киевский исторический музей, раскопки С. А. Мазараки и В. В. Хвойко; *7*— сосуд из кургана, с. Поповка, Киевский исторический музей, № 22343; *8* — сосуд «из курганов Роменского уезда», Киевский исторический музей; *9*— сосуд из кургана № 6, с. Волковцы, раскопки С. А. Мазараки, 1886, ГИМ; *10*, *11* — сосуды из кургана № 500, с. Басовка, раскопки Н. Е. Бранденбурга, Государственный Эрмитаж, Дн. 1932/13/1 и 13/2/; *12* — сосуд из кургана, с. Поповка, Киевский исторический музей, № 22290; *13* — сосуд из кургана, с. Волковцы, Киевский исторический музей, № 1298; *14* — сосуд из кургана № 3, с. Басовка, Киевский исторический музей, № 17999; *15* — сосуд из кургана № 15, с. Поповка, Киевский исторический музей; *16* — сосуд из кургана в уроч. Провалье, с. Великие Будки, раскопки Д. Я. Самоквасова, ГИМ, № 1703; *17* — сосуд из кургана № 479, с. Басовка, раскопки Н. Е. Бранденбурга, Государственный Эрмитаж, Дн. 1932, 6/1; *18* — сосуд из кургана № 2, с. Волковцы, раскопки С. А. Мазараки, 1897—1898 гг.; Древности Приднепровья, вып. II, табл. XXXIV, 676; *19* — сосуд из кургана № 504, с. Броварки, раскопки Н. Е. Бранденбурга, Государственный Эрмитаж. Дн. 1932, 26/5; *20*— сосуд из кургана № 2, с. Великие Будки, раскопки С. А. Мазараки, 1886, ГИМ, № 61/13 а; *21*— сосуд из кургана № 505, с. Броварки, раскопки Н. Е. Бранденбурга, Государственный Эрмитаж. Дн. 1932, 27/9; *22*— сосуд из кургана, с. Броварки, раскопки В. В. Хвойко, Киевский исторический музей, № 1294; *23*— сосуд из кургана № 11, с. Поповка, Киевский исторический музей, № 1474; *24*— сосуд из кургана № 12, с. Поповка, Киевский исторический музей, № 22228; *25* — сосуд из кургана № 6, уроч. Стайкин Верх, с. Аксютинцы, раскопки Д. Я. Самоквасова, ГИМ, № 1579; *26* — сосуд из кургана № 8, уроч. Стайкин Верх, с. Аксютинцы, раскопки Д. Я. Самоквасова, ГИМ, № 1583; *27* — сосуд из кургана № 9, с. Волковцы, раскопки С. А. Мазараки и В. В. Хвойко, Киевский исторический музей, № 17975; *28*— сосуд из кургана, с. Малые Будки, раскопки Е. В. Махно, 1950 г.; Скіфськи кургани коло с. Малі Будки, Археологія, т. VIII; *29*— сосуд из кургана № 5, с. Волковцы, раскопки С. А. Мазараки, Киевский исторический музей, № 17974; *30*— сосуд из кургана № 7, с. Поповка, Киевский исторический музей; *31*— сосуд из кургана № 16, с. Поповка, Киевский исторический музей, № 22216; *32* — сосуд из кургана № 3, с. Басовка, Киевский исторический музей, № 17978; *33* — сосуд из кургана № 12, уроч. Стайкин Верх, с. Аксютинцы, раскопки Д. Я. Самоквасова, ГИМ, № 1617; *34*— сосуд из кургана, с. Будки, раскопки С. А. Мазараки, Киевский исторический музей, № 10937; Древности Приднепровья, вып. II, табл. XXXIV, 672; *35*— сосуд из кургана, с. Малые Будки, раскопки Е. В. Махно, 1950 г. Скіфськи кургани коло с. Малі Будки, Археологія, т. VIII; *36*— сосуд из кургана, с. Будки, раскопки В. В. Хвойко, Киевский исторический музей, № 25485; *37* — сосуд из кургана № 494, с. Великие Будки, раскопки Н. Е. Бранденбурга, Государственный Эрмитаж, Дн. 1932, 19/13; *38* — сосуд из кургана, с. Аксютинцы, раскопки В. Антоновича, 1878 г., Киевский исторический музей; *39* — сосуд из кургана № 9, у с. Поповка, Киевский исторический музей, № 1575; *40* — сосуд из кургана № 15, с. Поповка, Киевский исторический музей, № 22309; *41* и *42* — сосуды из кургана № 494, с. Великие Будки, раскопки Н. Е. Бранденбурга, Эрмитаж. Дн. 1932, 19/10, 19/12; *43* — сосуд из кургана № 15, уроч. Стайкин Верх, с. Аксютинцы, раскопки Д. Я. Самоквасова, ГИМ, № 1634; *44*— сосуд из кургана № 3, с. Поставмуки, раскопки Авенариуса, ГИМ, № 1773; *45*— сосуд из кургана, уроч. Кругляк, с. Сурмачевка, раскопки Д. Я. Самоквасова, ГИМ № 1770.

поясом и слабо отогнутым венчиком. Второй слабо профилированный широкий горшочек, орнаментированный по краю венчика насечками и сквозными проколами, происходит из погребения, относящегося, видимо, к V в до н. э. в кургане № 8 у с. Аксютинцы (табл. II, 26).

Довольно большую серию составляют низкие широкие горшочки с широким же, плоским днищем, расширяющимися у пояса и сужающимися к шейке стенками, широко отогнутым наружу венчиком. Таковы горшочки из курганов № 13 и 15 у с. Поповка (табл. II, *12*, *15*); из кургана № 500 у с. Басовка (табл. II, *10*,*11*); из кургана у с. Волковцы (табл. II, *13*). Горшочки этой формы часто имеют заглаженную или слегка залощенную поверхность. К сожалению, все они происходят из недатированных погребений. Однако мы имеем основание причислить курганы у с. Поповки к числу одних из наиболее ранних (VI—V в.) на Посулье.

Следующую группу составляют более узкие горшочки с расширяющимся к поясу корпусом. Диаметр пояса лишь немного превышает диаметр венчика. Среди них укажем горшочек из кургана № 2 у с. Волковцы (табл. II, *18*); горшочек из кургана № 504 у с. Броварки (табл. II, *19*); из кургана № 11, 12 у с. Поповки (табл. II, *23*, *24*); из кургана № 2 у с. Великие Будки (табл. II, *20*). Цвет сосудов темный, темнобурый, желто-серый, обычны сосуды с неровной шероховатой, реже с залощенной поверхностью. Указанные горшочки имеют мягкие округлые очертания корпуса. Наряду с ними встречаются горшки с остроребериым профилем, например горшки из кургана № 7 и № 16 у с. Поповки (табл. II, *30*,*31*); № 5 у с. Волковцы (табл. II, *29*); № 3 у с. Басовка (табл. II, *32*). Два слабо профилированные горшочка имеют на венчике носики для слива. Один из них происходит из кургана IV в. до н. э. у с. Малые Будки (табл. II, *28*); второй — из недатированного погребения (табл. II, *27*).

Своеобразным местным типом посуды являются кувшинчики или кру́жки с боковыми петельчатыми ручками. Один кувшинообразный сосуд происходит из кургана № 12 у с. Аксютинцы (табл. II, *33*). Основу формы его составляет горшок с широким, плоским днищем, расширяющимися у пояса стенками, суженной шейкой и развернутым венчиком. Ручка, круглая в сечении, слегка поднимается над краем сосуда, один конец ее прикреплен к верхнему краю венчика, второй к поясу сосуда. Второй сосуд типа кружки с боковой ручкой был найден в богатом погребении IV в. до н. э. у с. Будки. Он представляет собой высокую банку с вертикальными стенками, слегка расширяющимся венчиком и боковой ручкой в виде петли (табл. II, *34*; табл. V, *8*). Под краем венчика нанесен орнамент в виде глубоких врезных косых и вертикальных линий. Цвет сосуда серый, в тесте примесь толченой ракушки. Третий небольшой кувшинчик темного цвета с лощеной поверхностью найден в кургане IV в. до н. э. у с. Малые Будки (табл. II, *35*); по форме он сближается с невысокими горшочками с широким поясом.

Наконец, последнюю группу керамики в погребениях Посулья составляют глиняные миски больших и миниатюрных размеров. В кургане № 15 у с. Аксютинцы, вместе с архаическим наконечником стрелы и бронзовым топориком была найдена открытая миска на высоком днище (табл. II, *43*). По краю нанесен пальцевой орнамент, ниже ряд сквозных проколов. Поверхность буро-красная, незалощенная, что несколько необычно для сосудов этого типа.

В кургане этого же времени у урочища Кругляк у с. Сурмачевки найдена миска на кольцевом поддоне (табл. II, *45*). Венчик плоско срезанный, со слегка выступающим внутрь бортиком. Цвет миски серый, поверхность залощена. Третья миска на невысокой ножке с расширяющимися кверху стенками и округленным краем венчика происходит из кургана первой половины V в. до н. э. у с. Поставмуки (табл. II, *44*). Цвет ее серый,

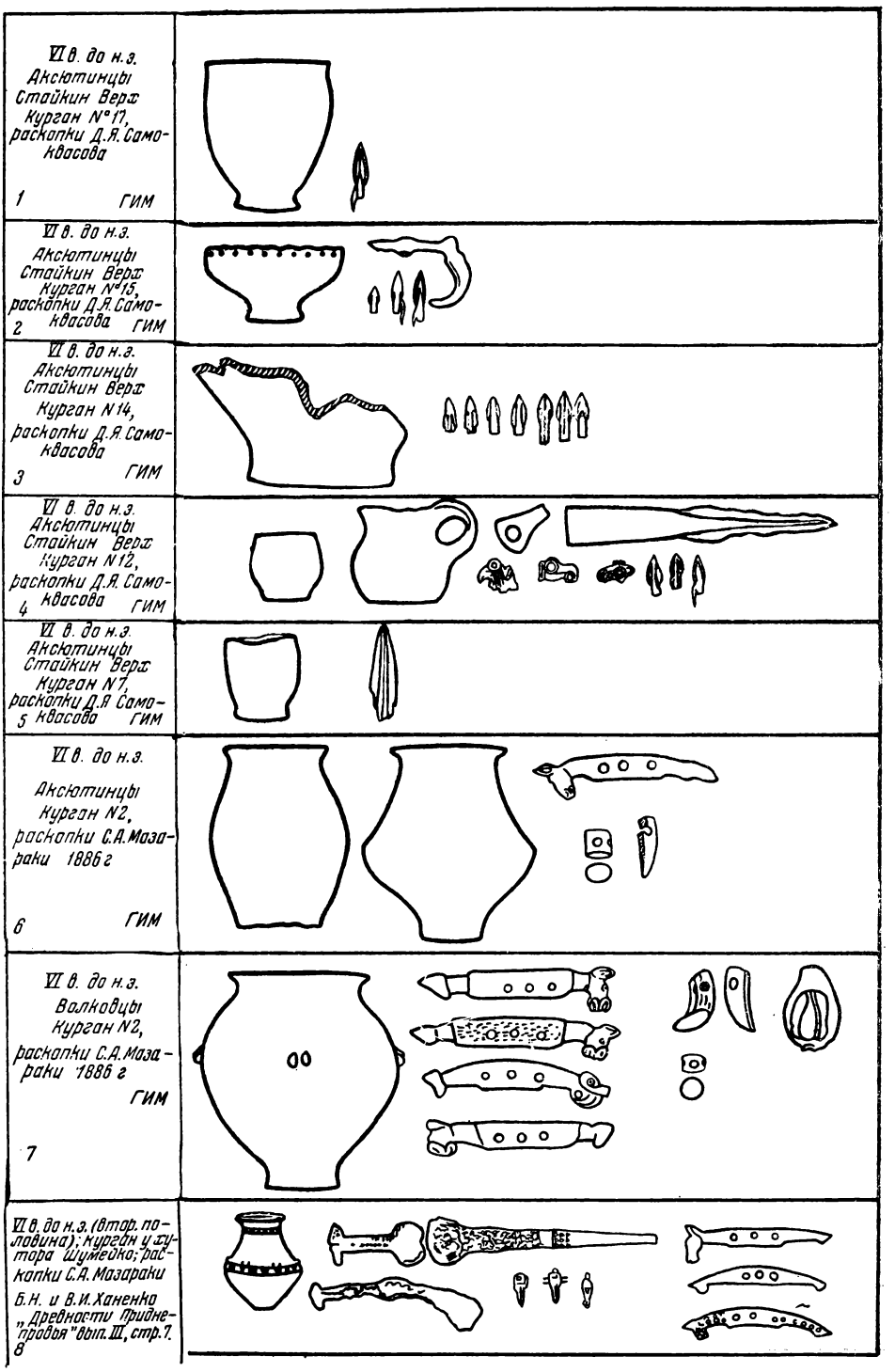


Таблица III. Комплексы из курганов Посулья

поверхность подлощенная. Ниже края нанесен орнамент в виде ряда наколов изнутри и выпуклин с наружной стороны. В кургане у с. Будки найдена небольшая мисочка на высоком днище с прямыми расширяющимися кверху стенками (табл. II, *36*). Близкой по форме к ней является одна из мисочек кургана № 494 у с. Великие Будки (табл. II, *37*). Стенки ее расширяются кверху, на дне имеется небольшое углубление. Другая мисочка из этого кургана (табл. II, *41*) имеет высокое днище и скругленные кверху стенки. Третья мисочка (табл. II, *42*) вазообразной формы. Такую же вазообразную форму имеет мисочка из кургана № 15 у с. Поповка. Глина, из которой сделаны мисочки, грубая, поверхность их неровная, в отдельных случаях заглаженная. Цвет темный с серыми, бурыми, желтыми пятнами.

Такова массовая, рядовая керамика, встречающаяся в погребениях бассейна Псла и Посулья. Несмотря на различные варианты, формы ее в общем весьма однообразны и тесно связаны между собой. Большинство сосудов в том или ином варианте воспроизводят форму простого открытого горшка с мягко очерченным профилем. Типологическое расчленение керамики не дает пока возможности выделить какие-либо определенные признаки, присущие различным хронологическим периодам. Последнее обстоятельство в значительной степени является следствием плохой датировки материала. Несомненно, однако, что сосуды основных форм, так же как и большинство их вариантов, встречаются начиная с VI в. до н. э. и нередко попадаются затем в памятниках более поздних.

Те же особенности, что и лепная посуда погребений, имеет керамика городищ и селищ. На территории севернее бассейна р. Ворсклы до сих пор не открыто ни одного поселения, где была бы керамика с налепными валиками и чернолощеная посуда с геометрическим орнаментом и инкрустацией.

Раскопки Басовского городища в 1947 г. показали наличие здесь ранних культурных слоев VI в. до н. э. Основной керамикой городища являются обломки горшков с расширяющимися к поясу стенками, высоким днищем с выступающим краем и отогнутым наружу венчиком. Обычный орнамент — разного вида пальцево-ногтевые нажимы, защипы, оттиски круглой, косо поставленной палочкой по краю венчика, наколы с выпуклинами и сквозные проколы ниже края.

Этот вид керамики, как указывалось выше, особенно близок к виду сосудов, обнаруживаемых среди остатков тризны. Большой процент на городище составляют также горшки с гладкими неорнаментированными венчиками, встречаются высокие горшки-корчаги, лощеные миски, небольшие сосудики в виде горшочков, мисочек, кувшинчиков[1].

Отмечая своеобразие местной керамики бассейнов Сулы и Псла, нельзя обойти молчанием вопрос о характере керамики скифского времени в бассейне лесостепного течения Северского Донца. К сожалению, здесь погребения скифского времени почти не известны. Все, чем мы располагаем, ограничивается далеко не полными, отрывочными, в большинстве случаев не опубликованными сведениями о местной керамике городищ и мест поселений, известных здесь в большом количестве. По наблюдениям И. И. Ляпушкина[2], все обследованные им здесь памятники дали исключительно керамику «позднезольничного», т. е. посульского типа. Городище у с. Большая Гамольша, раскопанное в 1948 г. С. А. Семеновым-Зуссером[3], по характеру культурных отложений и типу местной керамики представляет ближайшую аналогию Басовскому городищу на Суле.

Все это дает основание считать, что особенности местной керамики,

---

[1] В. А. Іллінська. Верхньосульська експедиція 1947 р.

[2] И. И. Ляпушкин. Поселения зольничной культуры (скифов-пахарей) в северной полосе днепровского лесостепного левобережья, СА XII (1950), стр. 41 и сл.

[3] С. А. Семенов-Зуссер. Скифское городище Большая Гамольша, Арх. пам. УРСР, т. V.

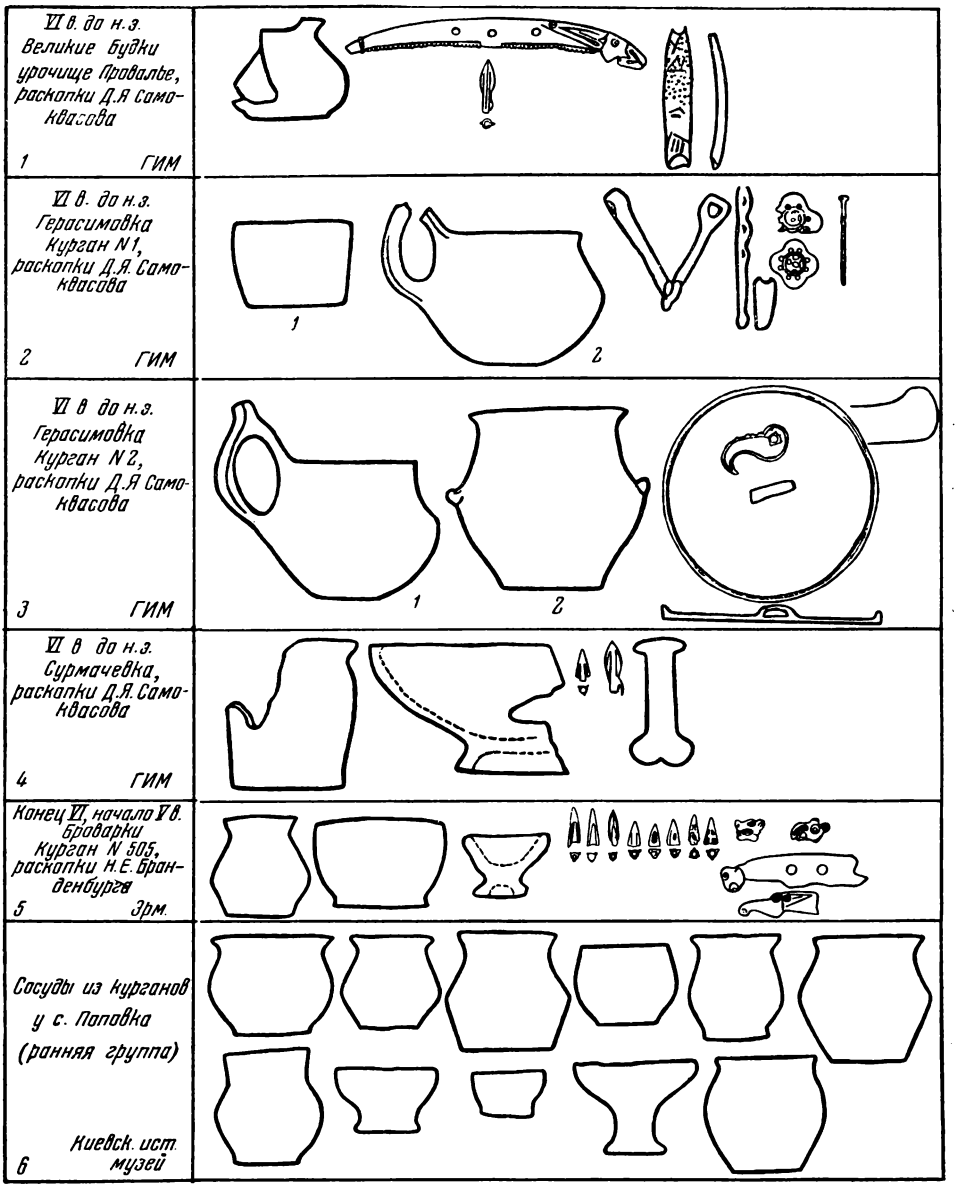


Таблица IV. Комплексы из курганов Посулья

выявляемые для находок из бассейна Псла и Сулы, не являются узко локальными, а охватывают довольно широкую территорию северо-восточной части левобережья, включая, помимо бассейнов названных рек, также среднее и верхнее течение Северского Донца.

Возникает вопрос о причинах такого своеобразия.

И. И. Ляпушкин полагает, что керамика типов, распространенных в северо-восточной части левобережья лесостепи, названная им «позднезольничной», могла сформироваться исключительно на основе посуды «раннезольничной» с налепными валиками, черным лощением, геометрическим орнаментом с инкрустацией, хорошо представленной на поселениях и в курганах на р. Ворскле. Соответственно с этим он полагает, что скифская культура в северо-восточной части левобережья появилась в IV в. до н. э. в связи с передвижением сюда населения из Поворсклья [1].

Однако изложенные выше факты свидетельствуют, что культура скифского времени в развитом виде появилась в бассейне Псла и Сулы не позже первой половины VI в. до н. э., причем уже на этом раннем этапе со всей отчетливостью обнаруживаются особенности, отличающие местную керамику от остальных групп керамики Среднего Поднепровья. Напомним, что в одновременных ранним посульским курганам погребениях Тясмина, Каневщины, на р. Ворскле вблизи Бельского городища [2] преобладают столовая посуда в виде черпаков и кубков с черным лощением, геометрическим орнаментом с инкрустацией и кухонные горшки с налепными валиками, украшенными защипами.

Связать генетически происхождение памятников Посулья скифского времени с памятниками Ворсклы не представляется нам возможным. Соответственно этому в другой плоскости должен быть поставлен вопрос о причинах явного своеобразия керамики скифского времени Сулы, Псла и Северского Донца.

Выше уже отмечалось, что формы архаической керамики правобережья возникают в предскифский период. В раннескифское время здесь наблюдается дальнейшее развитие известных ранее основных форм, пока импорт греческой посуды не вытесняет производства древней местной художественной керамики.

Возникает вопрос, не может ли являться своеобразие керамики северо-восточных районов левобережной лесостепи результатом того, что она сформировалась здесь на иной культурной основе. При этом следует иметь в виду, что в доскифское время оба эти района резко различались между собой по культуре. К западу от Днепра в конце II — начале I тысячелетия до н. э. известен ряд родственных между собою культур, характеризуемых чернолощеной керамикой, связанных со среднеевропейскими культурами. На левобережье наиболее ярко выраженной культурой конца эпохи бронзы является господствующая на юго-востоке Европы срубная культура, один из крупных центров которой находится на Северском Донце.

Рассматривая керамику посульских погребений с точки зрения возможности связей ее с северо-западной группой памятников срубной культуры, нельзя не отметить существенного типологического сходства между

---

[1] И. И. Ляпушкин. Поселения зольничной культуры (скифов-пахарей) в северной полосе днепровского лесостепного левобережья, стр. 41 и сл.; его же. Поселения зольничной культуры скифов-пахарей в бассейне р. Сейма, КСИИМК, вып. XXVII (1949), стр. 67; его же. Памятники культуры полей погребений первой половины первого тысячелетия н. э. днепровского лесостепного левобережья, СА XIII (1950), стр. 7 и сл.

[2] Курган № 432 у Расправы, ИАК, 17, стр. 88; Курган № 447 у с. Журовки, ИАК, 17, стр. 93—94; Курганы № 35 у с. Бобрицы и № 100 у с. Синявки. А. А. Бобринский. Курганы и случайные археологические находки близ м. Смелы, т. III, СПб., 1901, стр. 114, 141; Курган № 1 у с. Осняг, № 1, 2 у Скоробора, Тр. XIV АС, т. III, М., 1911, стр. 127, 140.

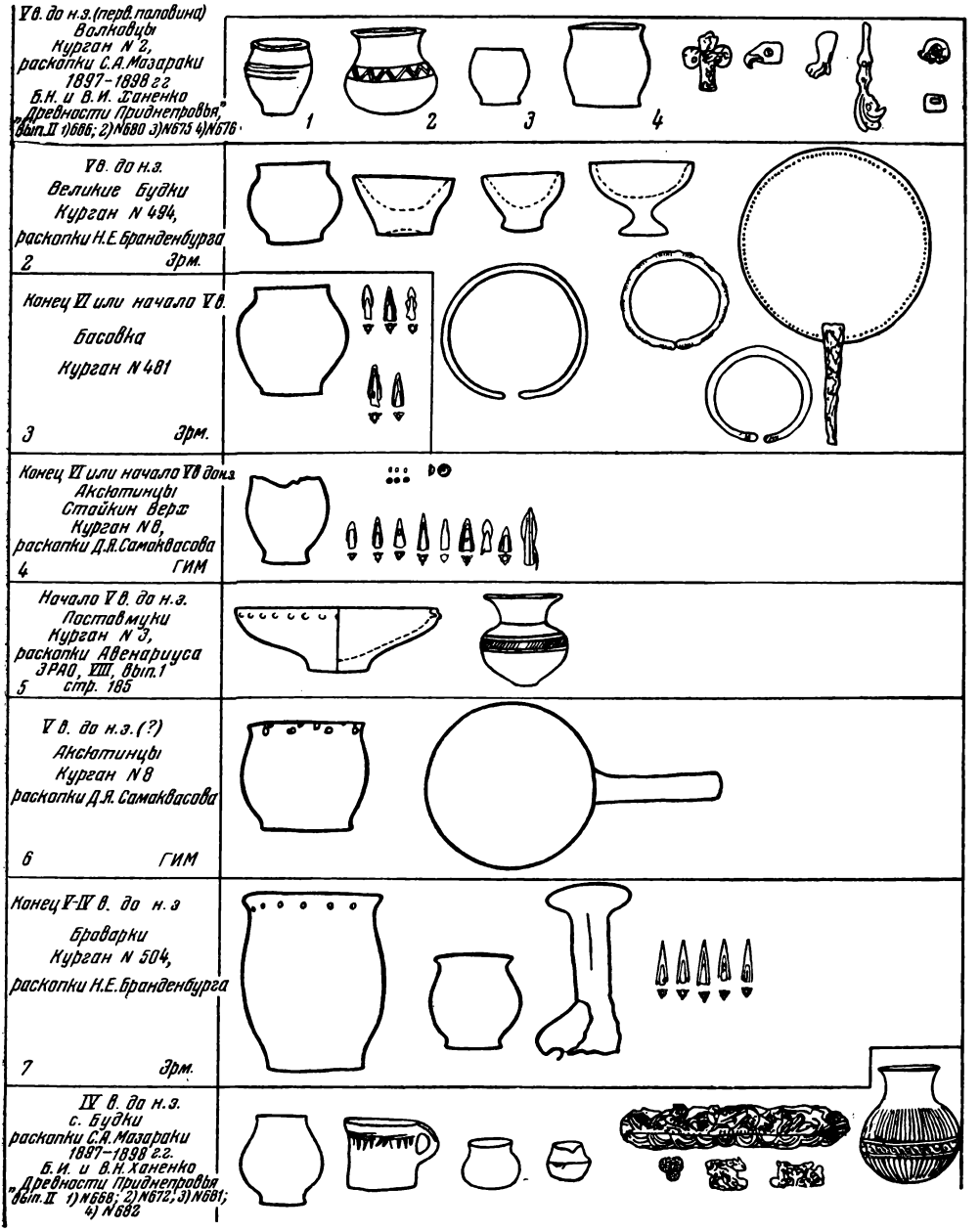


Таблица V. Комплексы из курганов Посулья

позднесрубной керамикой и основными типами посуды скифских погребений и поселений Посулья в скифское время.

Срубная культура — явление большое и сложное. Она распространяется на огромную территорию Юго-Восточной Европы от правобережья Нижнего Днепра до Урала, включает в себя на левобережье не только степную но, частично, и лесостепную зоны. В настоящей работе мы касаемся только вопроса об исторических судьбах небольшой части населения, оставившего нам памятники срубной культуры, части, обитавшей в бассейне Северского Донца. Важно установить, произошло ли здесь в начале I тысячелетия до н. э. коренное изменение этнического состава населения, или же в скифское время здесь сохранился прежний этнический массив, воспринявший скифскую культуру.

Весьма показательно, что В. А. Городцов, один из первых исследователей срубной культуры Северского Донца, ученый, никогда не отрывавшийся от фактов, писал: «Имеются признаки, указывающие на то, что народность, хоронившая своих покойников в насыпях и на горизонте (т. е. «поздне-срубники».—*В. И.*), оставалась на берегах Донца до вторжения греко-скифской культуры и позднее, восприняв последнюю» [1].

С началом железного века в жизни населения Юго-Восточной Европы происходят большие изменения. В то время, как у племен лесостепи зарождается пашенное земледелие, степные племена переходят от оседлого пастушества к кочевому скотоводству. Ряд исследователей полагает, что кочевые скифы причерноморских степей генетически восходят к носителям срубной культуры, обитавшим в степях к востоку от Дона [2]. Можно допустить, что судьбы различных племен, носителей срубной культуры, в период перехода от бронзы к железу в различных исторических и географических условиях могли быть различны. Те из них, которые обитали в лесостепи и сохранили земледельческий уклад, могли войти в состав многоэтнического образования причерноморской Скифии, оставаясь на прежних местах своего обитания или же, под влиянием межплеменной борьбы, переместившись в более глубокие районы лесостепи.

Для решения всех этих вопросов особенно важно исследование памятников переходного этапа VIII—VII вв. до н. э. на территории левобережья. Данные, которыми мы располагаем, пока еще крайне малочисленны.

Анализируя характер развития позднесрубной керамики, О. А. Гракова отмечает, что в начале I тысячелетия до н. э. из основных форм срубной посуды развиваются горшки, близкие к скифским, с округленным выпуклым плечиком, отогнутой шейкой, узким днищем. Из мотивов орнамента наиболее характерным является налепной валик с защипами или насечками на плечиках сосуда [3]. Керамика этих переходных форм встречается на территории лесостепного левобережья. Два горшка баночного типа с узким дном, округленным профилем туловища, слабо отогнутым венчиком, украшенным ниже края налепным валиком с пальцевыми нажимами найдены в долине р. Псла у с. Барановка. По мнению М. Я. Рудинского, они относятся к последнему периоду эпохи бронзы в лесостепном левобережье [4]. Переходный характер имеет и керамика, собранная с

---

[1] В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде, Тр. XII АС, т. 1, стр. 209.

[2] О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник, Труды ГИМ, вып. XVII, М., 1948, стр. 147 и сл.; М. И. Артамонов. К вопросу о происхождении скифов, ВДИ, 1950, № 2, стр. 37 и сл.; А. И. Тереножкин. Предскифский период, КСИИМК, вып. XLVII (1952).

[3] О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник, стр. 154.

[4] М. Я. Рудинський. Археологічні збірки Полтавського музею, стр. 41.

поселений периода поздней бронзы на Северском Донце Д. Я. Телегиным в пунктах Боровская 5, Дробышово, Хайловка, Студенок[1].

Особый интерес представляет открытое в 1948 г. поселение у с. Мерефа в долине р. Мжи, юго-западнее Харькова. Исследование этого памятника производила группа работников Харьковского музея под руководством И. Ф. Левицкого[2]. По мнению И. Ф. Левицкого, Мерефинское поселение существовало от конца II — начала I тысячелетия до н. э. вплоть до развитого скифского времени. Материал Мерефинского поселения широко намечает органическую связь срубной культуры со скифской. Промежуточным, связующим звеном являются слои позднесрубного, или, как называет их автор, киммерийского времени. Керамика скифского слоя этого поселения имеет все основные черты, типичные для керамики северо-восточных групп памятников скифской культуры. К сожалению, этот в высшей степени важный и интересный материал остается пока еще не опубликованным.

Знакомство с материалом Мерефинского поселения позволяет нам смелее выдвигать вопрос о генетических связях племен скифского времени в бассейнах Сулы, Псла и Северского Донца с племенами периода позднесрубной культуры Северского Донца. Об этих связях скифского времени можно судить по особенностям местной лепной керамики.

---

[1] Д. Я. Телегин и С. Н. Одинцова. Северодонецкая экспедиция 1949 г. Архив Ин-та археологии АН СССР.

[2] И. Ф. Левицкий. Мерефинское поселение. Архив Ин-та археологии АН УССР.

Е. И. Крупнов

О ПОХОДАХ СКИФОВ ЧЕРЕЗ КАВКАЗ

В общей историографии нашей Родины киммерийская и скифская проблемы, начиная с XVIII в., всегда и совершенно справедливо расценивались как одни из самых узловых проблем всей древней истории нашей страны. Научно-историческое значение этих проблем и, в первую очередь, значимость скифского вопроса не только для истории степной Украины и Кавказа, но для древней истории любой области Юго-Восточной Европы определяется, между прочим, и тем обстоятельством, что некогда скифские племена соприкасались со многими народами и племенами, являвшимися далекими предками и родоначальниками культур некоторых современных нам народов.

Термин «скифы» распространялся на самые различные в этническом отношении племена, иногда даже не связанные общностью происхождения и языка, но объединенные между собою в глазах историков и археологов лишь единством культуры «скифского облика»[1].

Скифская культура в таком широком ее понимании — это величайшее культурно-историческое явление в древней истории нашей страны, явление, сыгравшее огромную роль в жизни многих племенных групп и народностей, с которыми генетически связаны некоторые современные народы Советского Союза.

Скифские племена, как выяснено рядом исследований[2], были не только «всеразрушающими варварами»; они явились и большой творческой силой, в значительной степени определившей весь ход культурно-исторического процесса на юго-востоке нашей страны. С одной стороны, они способствовали распаду старых рабовладельческих государств древнего Востока, с другой,— они культурно связывали разрозненные области древнего мира. Наконец, скифы не исчезли бесследно; скифские этнические элементы, безусловно, участвовали в процессе сложения и формирования некоторых народов юга нашей страны и Кавказа.

Естественно поэтому, что и кавказоведы при изучении некоторых вопросов, связанных с восстановлением истории древнего местного населения, например Северного Кавказа, или с освещением его культуры VIII —V вв. до н. э., считают для себя крайне необходимым учитывать и такие значительные события, как военные походы киммерийцев и скифов в Переднюю Азию через Кавказ.

Общее признание исторической наукой массового участия и крупной роли киммерийцев и скифов в том большом движении племен и народов

---

[1] В настоящей статье термин «скифы» понимается именно в этом расширительном его значении, охватывающем все племена Северного Причерноморья скифского времени, а не только этнически-родственные племена собственных ираноязычных скифов.

[2] Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья, Л., 1949, стр. 122, 130.

в Передней Азии и в Закавказье, которое привело к гибели такие могущественные государства древнего Востока, как Ассирия и Урарту [1], обязываст нас со всем вниманием отнестись к решению вопроса об общем направлении и конкретных путях движения этих «северных варваров» в южные страны, поскольку они неминуемо должны были пройти через территорию Кавказа, в том числе и Северного Кавказа, и оставить там свои следы. Наличие этих следов действительно подтверждается многочисленными памятниками материальной культуры скифского типа, обнаруженными на Кавказе.

Как известно, самый факт продвижения киммерийцев и скифов через Кавказ никогда ни у кого не вызывал сомнений. И если четыре десятилетия тому назад В. Ф. Смолину, специально занимавшемуся вопросом передвижения геродотовских скифов в Передней Азии, казалось невозможным определить этапы скифского передвижения [2], то в настоящее время исторической наукой установлены три этапа проникновения киммерийских и скифских племен на территорию Передней Азии [3]: первый этап — это первое проникновение киммерийцев в конце VIII в. дон. э.; второй—продвижение скифов с севера в середине VII в. до н. э. и, наконец, третий этап, как это установил В. В. Струве [4],— вторжение скифских (вернее, сакских) племен из Средней Азии уже в ахеменидское время (в середине VI в. до н. э.). Последний этап может меньше интересовать нас, так как относящиеся к нему походы саков пролегали через Среднюю Азию. Два же первых этапа походов киммерийцев и скифов непосредственно связываются с территорией Кавказа и, естественно, в аспекте нашей темы должны быть нами рассмотрены.

Приведем те конкретные сведения о киммерийцах и скифах, содержащиеся в наиболее древних письменных источниках (в ассирийских хрониках, библейских и урартских текстах и у античных авторов), которые в той или иной степени, даже косвенным образом, могут оказаться полезными для наших целей.

Последовательное изучение восточных текстов, в частности ассирийских клинописных хроник, привело к обнаружению более древних источников, чем греческие свидетельства о киммерийцах и скифах [5]; это обстоятельство позволило уже более точно установить время появления самого этнонима — «скифы», а при надлежащем сопоставлении полученных данных с археологическими разысканиями несомненно позволит уточнить и датировку возникновения самой скифской культуры.

Рассмотрим интересующие нас свидетельства в хронологической последовательности.

Наиболее древние упоминания о киммерийцах имеются на глиняных таблетках ассирийского клинописного архива конца VIII в. до н. э., найденного в дворцовых развалинах Ниневии на холме Куюнджик. В письме

---

[1] Б. Б. Пиотровский. История и культура Урарту, Ереван, 1944, стр. 298; его же. Археология Закавказья, стр. 121.

[2] В. Ф. Смолин. О передвижении геродотовских скифов в Передней Азии, Казань, 1915, стр. 10—11.

[3] Б. Б. Пиотровский. Скифы в Закавказье, УЗЛГУ, сер. ист. наук, вып. 13 (1949), стр. 172.

[4] В. В. Струве. Поход Дария I на саков-массагетов, ИАН ОИФ, 1946, № 3, стр. 243; его же. Дарий I и скифы Причерноморья, ВДИ, 1949, № 4, стр. 28.

[5] См. обширную библиографию вопроса как на русском, так и на западноевропейских языках в работах: В. Ф. Смолин. О передвижении геродотовских скифов в Передней Азии, Казань, 1915; Б. Б. Пиотровский. История и культура Урарту, Ереван, 1944; его же. Скифы в Закавказье, УЗЛГУ, сер. ист. наук, вып. 13 (1949), в труде C. Lehmann-Haupt. Armenien Einst und Jetzt, Bd. I, Berlin, 1930; наконец, в соответствующих томах ВДИ, начиная с № 1 за 1947 г., в приложении к которым переиздавался свод В. В. Латышева «Известия древних писателей о Скифии и Кавказе» с дополнением восточных текстов в переводе Д. Г. Редера.

ассирийского разведчика Ашшурисуа царю Саргону II (722 — 705 гг. до н.э.) неоднократно упоминается народ «гимирра», враждебный Урарту, и страна «Гамирр», находящаяся в районе Каппадокии [1].

В одном из своих исследований, посвященных обоснованию тезиса, что киммеры прошли в Закавказье Меото-Колхидской дорогой, вдоль восточного берега Черного моря, Я. А. Манандян высказал предположение, что киммерийцы в VIII в. до н. э. уже были в районе нынешнего Карса и Ленинакана; вместе с тем Я. А. Манандян не отрицал их распространения и в Каппадокии [2].

Известно, что даже средневековые армянские историки Каппадокию продолжали называть «Гамирк», а в родословную родоначальников армянского народа включали имена Гомера и Торгома, упоминаемые в Библии[3]. Впоследствии эти имена стали восприниматься как этнонимы.

В донесении другого ассирийского разведчика Арадсина начальнику дворца говорится, что «киммерийцы выступили из области Манна (?) и в страну Урарту они вторглись...». Этот документ относится к самому концу VIII в. до н. э.[4] Из него явствует, что в этот период киммерийцы оказались и на восточных окраинах Урартского государства. Здесь уместно вспомнить толкование этих текстов Б. Б. Пиотровским, который считает, что в более ранних клинописных текстах давались недифференцированные сведения и о киммерийцах и о скифах.

Важные свидетельства о киммерийцах и скифах содержит и Библия, которая в ряде случаев может служить достоверным историческим источником. В десятой главе «Книги Бытия», в так называемой «Таблице народов» читаем: «Вот родословие сынов Ноевых — Сима, Хама и Иафета. Родились у них дети после потопа. Сыновья Иафета: Гомер и Магог, и Мадай, и Иаван, и Тубал, и Мешех, и Тирас. А сыновья Гомера: Ашкеназ, и Рафат, и Тогарма»[5].

Под именами Гомер и Ашкеназ общепризнано разуметь киммерийцев и скифов («Гомер» — киммеры-киммерийцы, «Ашкеназ» — ассирийское — «ашкуза» — скифы). Необходимо отметить, что некоторыми авторами и «Магог» отождествляется со скифами.

По мнению ряда ученых (Б. А. Тураев, В. Ф. Смолин и др.), те же киммерийцы под именем «народов дальних», наводящих ужас на народы Востока, фигурируют и в библейской книге пророка Исайи. Проповеди пророка Исайи относятся к самому рубежу VIII—VII вв. до н. э.[6]

В документах первой половины VII в. до н. э. продолжают еще встречаться упоминания о киммерийцах. Так, в одном ассирийском письме названа «страна Гимирраи», а в одной из вавилонских хроник говорится о том, что «киммерийцы вторглись в Ассирию и были разбиты»[7]. Ассирийский царь Асархаддон (681—668 гг. до н.э.) оставил надпись на призме, в которой повествуется: «И Теушпу киммерийца, воителя Манда, обитающего далеко, поразил я на земле страны Хубушна вместе с его войсками оружием моим»[8]. Под термином Манда здесь можно подразумевать мидян и вообще кочевые племена, известные под названием «Умман-манда»[9].

Из ряда документов начала VII в. до н. э. явствует, что ассирийских царей Асархаддона и его сына Ашшурбанипала серьезно беспокоят

---

[1] ВДИ, 1947, № 1, стр. 266—267.
[2] Я. А. Манандян. О некоторых проблемах истории древней Армении и Закавказья, Ереван, 1944, стр. 45—47 и 54—55.
[3] Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья, стр. 121.
[4] ВДИ, 1947, № 1, стр. 268.
[5] Там же, стр 265.
[6] Там же, стр. 267.
[7] Там же, стр. 269.
[8] Там же, стр. 270.
[9] Б. Б. Пиотровский. Кармир-блур, т. II, Ереван, 1952, стр. 13.

агрессивные действия не только киммерийцев, но и скифов. О такой тревоге за северные границы государства свидетельствуют, например, вопросы Асархаддона к богу Шамашу, сохранившиеся в оракулах, составленных для царя, и письмо царевича Ашшурбанипала к своему отцу[1].

Другой круг источников — библейские тексты уже VII—VI вв. до н. э.— также содержат упоминание о нашествии северных племен, но толкуют преимущественно о скифах («Ашкеназ»). Скифы рисуются грозной разрушительной силой для народов Востока. Библейские пророки Иеремия, Цефания и Иезекииль не находили лучшего способа устрашать свои народы, как грозить им нападением грозных северных варваров[2].

Таковы краткие сведения о последовательном вторжении в Переднюю Азию киммерийских и скифских полчищ, содержащиеся в древневосточных источниках. Появление киммерийцев впервые регистрируется в ассирийских памятниках конца VIII в., скифов — в начале VII в. до н. э. Как те, так и другие, как известно, обитали в причерноморских степях, в Приазовье и частично на Северо-Западном Кавказе, что доказывается рядом древнегреческих текстов.

Так, в «Одиссее» Гомера говорится: «Закатилось солнце, и покрылись тьмою все пути, а судно наше достигло пределов глубокого Океана. Там народ и город людей киммерийских, окутанные мглою и тучами» (Odys., XI, 12—15)[3]. Столь же расплывчатое определение первоначального местонахождения киммерийцев содержится и в древних схолиях к «Одиссее», основанных на более ранних, утраченных сочинениях. В одной из схолий опять повторяется: «Киммерийцы — народ, живущий вокруг океана»[4].

Только Гекатей Милетский (конец VI в. до н. э.) в своем географическом труде «Землеописание» проявил большую осведомленность об азиатской части Боспора и о Западном Кавказе, назвав ряд конкретных скифских и кавказских племен и городов. Так, им впервые были упомянуты дандарии, обитавшие, по сведениям более поздних авторов и по данным боспорских надписей, на юго-востоке Приазовья[5].

У Гелланика Митиленского (V в. до н. э.) имеются некоторые определенные указания на размещение отдельных племен северо-западного Кавказа и Приазовья. Так, в схолиях к Аполлонию Родосскому сохранился следующий отрывок из сочинения Гелланика «О народах».: «Когда проплывешь Боспор, будут синды, выше же их — мэоты скифы»[6]. Здесь засвидетельствованы не только местные племена Прикубанья синды и меоты, но и скифы.

Рассмотрим теперь те сообщения Геродота (V в. до н. э.) о походах киммерийцев и скифов в Малую Азию, в основе которых лежали более древние греческие предания. Для нас оказывается далеко не безразличным выяснение как общего направления этих передвижений, даваемого самим «отцом истории», так и тех конкретных путей движения киммерийцев и скифов из южнорусских степей в Переднюю и Малую Азию, через территорию Кавказа, которые могут быть прослежены по археологическим данным.

В IV книге «Истории» Геродота говорится: «... скифы вторглись в Азию вслед за изгнанными ими из Европы киммерийцами и, преследуя бегущих, дошли, таким образом, до Мидийской земли.

---

[1] Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья, стр. 122.
[2] В. Ф. Смолин. О передвижении геродотовских скифов в Передней Азии, стр. 8.
[3] Перевод В. В. Латышева. SC, I, 2, стр. 300.
[4] Там же, стр. 304.
[5] SC, I, 1, стр. 1.
[6] SC, I, 2, стр. 436.

От озера Меотиды до реки Фасиса и владений колхов тридцать дней пути для хорошего пешехода, а из Колхиды недалеко уже пройти в Мидию; между этими странами живет только один народ — саспиры; миновав его, будешь в Мидии. Скифы, однако, вторглись не этим путем: они уклонились в сторону и пошли по верхней, гораздо более длинной дороге, имея по правую руку Кавказскую гору. Здесь мидяне сразились со скифами, но потерпели поражение и потеряли свое господство, а скифы завладели всей Азией.

Отсюда скифы пошли на Египет. Когда они появились в Палестинской Сирии, египетский царь Псамметих, выйдя к ним навстречу, дарами и просьбами отклонил их от дальнейшего движения...Скифы господствовали в Азии двадцать восемь лет...» (Herod., I, 103—106)[1].

В другом месте, передавая легенды о появлении скифов и о вытеснении ими киммерийцев, Геродот снова уточняет путь движения тех и других через Кавказ. Он говорит: «И теперь еще есть в Скифии Киммерийские стены, есть Киммерийские переправы, есть и область, называемая Киммерией, есть и так называемый Киммерийский Боспор. Киммерийцы, очевидно, бежав от скифов в Азию, поселились на полуострове, где ныне стоит эллинский город Синопа. Видно также, что скифы гнались за ними и вторглись в Мидийскую землю, сбившись с дороги; ибо киммерийцы постоянно бежали вдоль моря, а скифы гнались за ними, имея Кавказ по правую руку, пока не вторглись в Мидийскую землю, свернувши внутрь материка» (Herod., IV, 12)[2].

Пространные, хотя и не совсем ясные свидетельства греков (особенно Геродота) содержат ряд таких географических (топонимических) названий, как Боспор Киммерийский (Керченский пролив), Киммерийская область (северо-восточная часть Керченского полуострова), селение Киммерик, Киммерийские стены, Киммерийские переправы, Киммерида и др., которые позволяют прийти к выводу, что значительная часть киммерийцев в доскифское время была сосредоточена в пределах Керченского и Таманского полуостровов.

Крайне любопытно отметить, что не только историческая традиция греков, но и традиция древневосточных народов также локализовала исходную территорию киммерийцев где-то в пределах северо-западного Кавказа. А один из поздних греческих авторов — Дионисий Периегет (II в. н. э), основываясь на более ранних источниках, помещал киммерийцев между синдами и керкетами, т. е. между такими историческими племенами, местоположение которых хорошо засвидетельствовано именно на северо-западном Кавказе.

Реальность прошлого бытования киммерийцев на северо-западном Кавказе (с учетом и материальных остатков их культуры — бронзовых кельтов, наконечников копий, ножей и кинжалов особого типа и пр.) признавалась почти всеми исследователями, интересующимися киммерийской проблемой[3]. Следовательно, вполне закономерно рассматривать Западное Прикубанье как исходную территорию киммерийцев при их вторжении в Закавказье.

Перед нами, таким образом, как будто совершенно ясная картина движения киммерийцев в Закавказье по восточному побережью Черного моря,

---

[1] Перевод В. В. Латышева. SC, I,1, стр. 4—5.

[2] Перевод В. В. Латышева. SC, I, 1, стр. 15.

[3] В. Д. Блаватский. Киммерийский вопрос и Пантикапей. Вестник МГУ, 1948, № 8, стр. 9—10; М. И. Артамонов. Вопросы происхождения скифов, ВДИ, 1950, № 2, стр. 47; А. П. Смирнов. К вопросу о формировании кабардинского народа по археологическим данным. Ученые записки Кабардинского научно-исследовательского ин-та, т. IV (1948), Нальчик, стр. 69; Е. И. Крупнов. Древняя история Кабарды. Ученые записки Кабардинского научно-исследовательского ин-та, т. VII (1952), Нальчик; Ю. С. Крушкол. К вопросу о киммерийцах. Археология и история Боспора, Симферополь, 1952.

а скифов — вдоль северных предгорий Кавказского хребта, в обход его через издавна известный Дербентский проход. Только двигаясь этими путями и могли киммерийцы оказаться в Каппадокии, в Лидии и на северо-восточных границах урартов, а скифы—в Мидии и на юго-восточных окраинах государства Урарту. Второй путь для скифов отчасти доказывается и находкой клада, содержащего предмет скифской культуры начала VII в. до н. э., обнаруженного у г. Сак-Кыза в иранском Курдистане [1].

Между тем реальность обоих этих путей долгое время подвергалась сомнению. Так, многие зарубежные ученые (Абель, Нейман, Э. Мейер, Гельцер, Масперо и др.) считали наиболее возможным проникновение киммерийцев в Малую Азию через Дунай и Фракию. Но в свете показаний ассирийских и других источников этот вариант кажется теперь мало вероятным.

Своими специальными исследованиями, посвященными выяснению пути киммерийского нашествия и занятию киммерийцами северо-западных областей Армении, Я. А. Манандян, как нам представляется, убедительно доказал, что путь киммерийцев в Закавказье проходил по известной грекам и вполне доступной прибрежной Меотидо-Колхидской дороге[2]. Учитывая массовость археологических материалов скифского облика из Прикубанья, а также данные топонимики юго-западного Кавказа, этот путь через Колхиду мы считаем единственно возможным. Здесь уместно вспомнить и некоторые лингвистические данные. Так, армянский термин «ска» (хска) — «исполин, великан» — уже давно сопоставляется с племенным названием скифов[3], а грузинский термин «гимир» или «гмири» — «герой» — считается производным от названия киммеров — киммерийцев[4].

Еще более спорным является вопрос о направлении скифских походов в Переднюю Азию через Закавказье. Прямые указания Геродота о движении скифов вдоль Кавказского хребта, причем они имели «по правую руку Кавказскую гору», послужили поводом для некоторых ученых видеть этот путь в Военно-Грузинской дороге — через Дарьяльский проход; при этом гора Казбек, действительно, остается справа. Такого мнения придерживался, в частности, английский ученый Е. Миннз[5], как нам представляется, не без оснований.

Я. А. Манандян, ссылаясь на свидетельства Ксенофонта, говорившего о скифинах Страбона и Плиния, упоминавших «сакасанов» в районе нынешнего Чороха, резонно допускал вероятность скифского вторжения по той же Меотидо-Колхидской дороге, по которой прошли киммерийцы; однако и он полностью не отрицал возможность походов скифов в VII в. до н. э. и через Дербентский проход[6]. Если к доводам Я. А. Манандяна добавить, что путь проникновения скифов по восточночерноморскому побережью Кавказа в какой-то степени может быть прослежен и по археологическим данным, то придется признать, что исключить этот вариант скифского вторжения в Закавказье и Малую Азию мы не можем. Н. В. Анфимов признает, что одним из второстепенных маршрутов движения скифов через Прикубанье могли являться долина р. Белой и Белоречен-

[1] R. Girschmann. Le Trésor de Sakkez. Artibus Asia, т. XIII, № 3 (1950). Освещению и анализу Саккызского клада был посвящен специальный доклад Б. Б. Пиотровского на Скифском пленуме ИИМК АН СССР 30 января 1952 г. СА, XIX, 1954, стр. 141 и сл.

[2] Я. А. Манандян. О некоторых проблемах истории древней Армении и Закавказья, Ереван, 1949, стр. 44—45.

[3] Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья, стр. 120.

[4] Г. А. Меликишвили. О происхождении грузинского народа. Стенограмма публичной лекции, Тбилиси, 1952, стр. 36.

[5] E. H. Minns. Scythians and Greeks, Cambridge, 1913, с. IX.

[6] Я. А. Манандян. О некоторых проблемах истории древней Армении и Закавказья, стр. 47.

ский перевал[1]. Как известно, на этом пути расположены большие курганы с богатыми захоронениями со скифскими вещами (Келермесские и др.).

В этом же плане очень убедительными свидетельствами проникновения скифов и их культуры в Абхазию и в Колхиду через Прикубанье нам кажутся и замечательные погребения VII—VI вв. до н. э. с типичным скифским инвентарем и с чертами скифского погребального обряда, вскрытые в 1948 и в 1951 гг. М. М. Трапшем у сел. Куланурхва близ г. Гудаута[2], находка в 1951 г. железного акинака в великолепных бронзовых ножнах у сел. Колхида Гагрского района (Абхазия)[3] и результаты самых последних раскопок А. Н. Каландадзе в г. Сухуми. Эти данные вместе с ранее известным случайным материалом с Черноморского побережья Западного Кавказа (скифские акинаки из Абхазии, из окрестностей Нового Афона, с речки Сукко в собрании ГИМ и другие находки) говорят в пользу признания и восточночерноморского пути одной из возможных дорог, пройденных скифами при их продвижении в Закавказье и в Малую Азию.

Если учесть довольно многочисленные находки скифских бронзовых и железных предметов вооружения, частей конской сбруи и образцов скифского звериного стиля в таких пунктах Северной Осетии, как с. Кумбулта (могильник «Верхняя Рутха»), с. Галиат (могильник «Фаскау»), Дигорский канал, святилище Реком на северном склоне Кавказского хребта, в районе древней дороги через Мамисонский перевал, а также соответствующие находки в Раче, по ту сторону хребта, то следует предположить, что дорога в Западную Грузию, позднее ставшая известной под названием Военно-Осетинской, также могла быть использована скифами при их продвижении через Кавказ.

Из Дигории, откуда происходит основная масса находок скифского типа, легко можно попасть через вполне доступный Кион-хохский перевал на Военно-Осетинскую дорогу, а по ней через Мамисонский перевал в Западную Грузию, откуда также известны уже многочисленные предметы скифской культуры. Находки скифского типа вещей в Грузии за последние годы стали настолько многочисленны, что это дало повод даже усомниться в скифском происхождении этих предметов. Так, в одной из своих статей Г. Ф. Гобеджишвили писал: «... скифские железные секиры и акинаки так многочисленны в погребениях VII—V вв. что приходится ставить вопрос о распространении на север этого рода оружия из Закавказья»[4]. Здесь, конечно, нужно различать две стороны вопроса: появление скифских типов оружия извне и местное изготовление этого оружия по скифским образцам, что, конечно, исключаться не может. Мы должны рассмотреть и мнение о Дарьяльском проходе, как о возможном, но, разумеется, не единственном пути, которым скифы проникли в Закавказье; на этом мнении настаивал еще Е. Миннз. При рассмотрении этого пути мы также не можем игнорировать показаний археологического материала, как с территории Северной Осетии, из районов, прилегающих к Военно-Грузинской дороге, так и особенно из Грузии. А такой материал становится все более обильным. Предметы явно скифского происхождения (оружие и предметы конского убранства) мы знаем не только из равнинных населенных пунктов Северной Осетии, как, например, селения Дигора или Карман-Спндзикау[5], но и из других мест. Еще более показательными являются

[1] Н. В. Анфимов. Древние поселения Прикубанья, Краснодар, 1935, стр. 9.

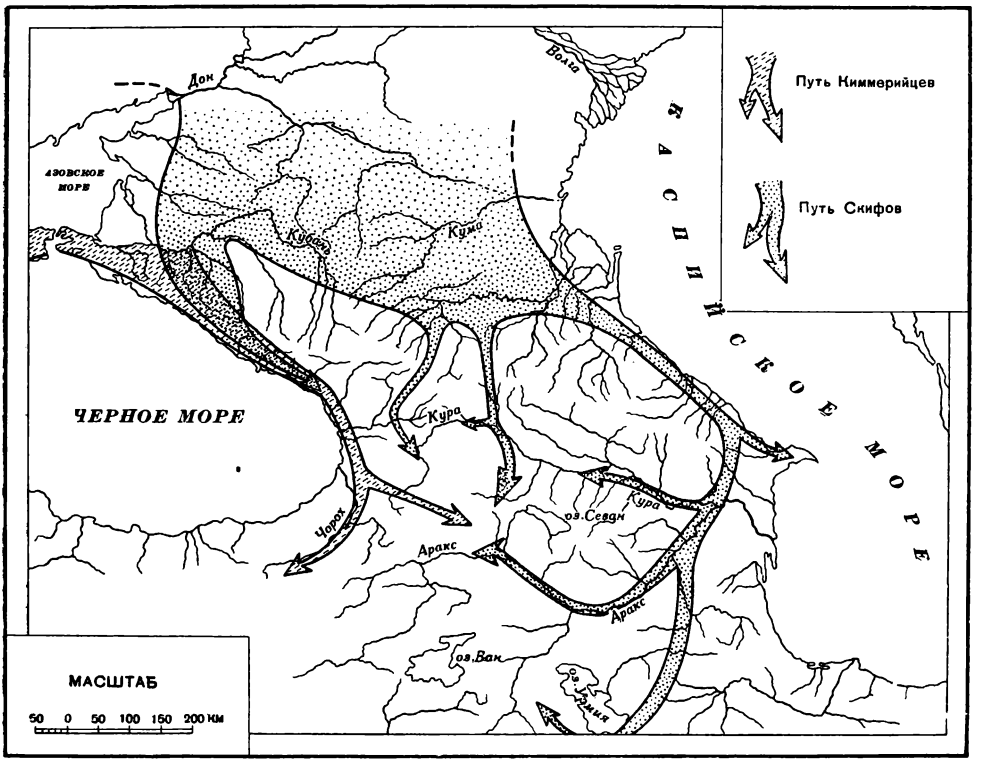
[2] М. М. Трапш. Куланурхвинский древний могильник (автореферат диссертации), Сухуми, 1951, стр. 13.

[3] Газ. «Советская Абхазия», 22 февраля 1952 г.

[4] Г. Ф. Гобеджишвили. Памятники древнегрузинского горного дела и металлургии в окрестностях с. Геби. Сообщения АН Груз. ССР, т. XIII, 1952, № 3, стр. 188.

[5] Изв. Северо-Осетинского научно-исследовательского ин-та, т. XI (1947), Дзауджикау, стр. 26.

нередкие погребальные комплексы, открытые, особенно в советский период, на знаменитом Самтаврском могильнике в г. Мцхета на Военно-Грузинской дороге. В могильном инвентаре местные формы материальной культуры встречаются вместе с типичными образцами раннескифской культуры (например, комплекс из могилы № 293 раскопок 1947 г.)[1]. Примером



Походы киммерийцев и скифов через Кавказ (карта)

взаимосвязей Кавказа со Скифией может служить и Дванский некрополь в Карталинии, исследованный С. И. Макалатия, где особенно интересным оказалось погребение с костями коня и с предметами скифского вооружения и конского убора[2].

Обнаружение погребений с предметами скифской культуры и в других пунктах Центральной Грузии, в сел. Цицамури[3], близ г. Мцхета, в Бешташени[4] и в других местах, свидетельствует в пользу признания и Дарьяльского пути, как одного из возможных маршрутов, пройденных скифами при их продвижении в Закавказье.

Но, конечно, главным направлением движения скифов из Предкавказья в Переднюю Азию было то, на которое указал Геродот, т. е. путь через Дербентский проход. С этим положением Геродота вполне согласуются многочисленные случаи обнаружения соответствующих могильников и курганов и отдельных находок скифских вещей на северо-восточном Кав-

[1] Экспозиция Государственного музея Грузии в Тбилиси 1950 г.
[2] СА, XI (1949), стр. 231.
[3] O. G. Wesendonk. Archäologisches aus dem Kaukasus, Archäologische Anzeiger, XL, Berlin, 1925, S. 55.
[4] Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, Тбилиси, 1941, стр. 42—46.

казе, особенно в степных и предгорных районах Грозненской области[1] и в Азербайджане[2] (в частности в Мингечауре, близ Баку, на Апшеронском полуострове и других пунктах). Они как бы отмечают путь прохождения скифов и самый факт наиболее раннего участия скифских отрядов в исторических событиях, имевших место в северо-восточных районах Передней Азии: в Мидии, Ассирии и Урарту.

Итак, исторически засвидетельствованное древними авторами мощное движение киммерийцев и скифов в Переднюю и Малую Азию было осуществлено ими через Кавказский перешеек в два этапа и несколькими путями, являющимися древнейшими и давно освоенными путями связей и общений между племенами Северного Кавказа и Закавказья, известными еще с эпохи энеолита и бронзы[3]. Так, киммерийцы прошли в Закавказье и Малую Азию по Меото-Колхидской дороге. Скифы же воспользовались древними проходами и прошли четырьмя маршрутами — по Меото-Колхидской дороге, через Мамисонский перевал, через Дарьяльский и Дербентский проходы, причем основным для скифов оказался Дербентский проход (см. карту). Такое поразительное совпадение исторических свидетельств о продвижении скифов в Переднюю Азию и топографии археологических находок скифского типа на Кавказе на путях этого продвижения убеждает в реальности пребывания скифов на Кавказе и большего их влияния на культурное развитие племен и народов Кавказа, чем это казалось раньше.

---

[1] Труды ГИМ, вып. XVII (1948), стр 22—23; КСИИМК, вып. XXXII (1950), стр. 95—98.

[2] С. М. К а з и е в. Археологические раскопки в Мингечауре. Материальная культура Азербайджана, Баку, 1949, стр. 25, 43.

[3] МИА, № 23, М., 1951, стр. 72.

К. Ф. Смирнов

ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ САРМАТСКИХ ПЛЕМЕН И ИХ КУЛЬТУРЫ В СОВЕТСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

Среди ряда важнейших проблем советской археологии одно из первых мест занимает проблема изучения сарматов и их культуры на юге нашей страны.

Из современных народов Советского Союза лишь осетины являются прямыми потомками северокавказской группы сарматских (аланских) племен. Однако изучение истории и культуры сарматов важно не только для истории и культуры осетинского народа. В последние века античного периода, начиная со II в. до н. э. и вплоть до «великого переселения народов», сарматский мир занимал важное место в истории юга Европейской части нашей страны. В это время сарматы, создавшие крупные союзы родственных племен, известные в истории под названием аорсов, сираков, роксоланов и аланов, занимали обширную, в основном степную территорию, граничащую на востоке с Аральским морем.

Прикаспийские и волжские степи, Северный Кавказ вплоть до Кавказского хребта, основные степные районы причерноморской Скифии между Доном и Днепром были сплошной территорией сарматского расселения, а сарматская культура, сменив на значительной части этой территории культуру скифскую, оказала большое воздействие на развитие культуры соседних племен и народностей, в том числе на среднеазиатские народы, многочисленные племена горных районов Кавказа, нижнеднепровских и крымских скифов, греческие города Северного Причерноморья, а также наложила свой отпечаток на культуру полей погребений, основными носителями которой признаются восточнославянские племена. Устойчивость сарматской культуры проявилась в так называемой сарматизации соседнего несарматского населения, т. е. в принятии им сарматского костюма, вооружения, художественного стиля, многих сторон погребального обряда и т. д. Игнорируя сарматское население греческих городов Северного Причерноморья, особенно Боспорского царства, нельзя понять своеобразия их исторического и культурного развития в первые века н. э. Вместе с германскими, славянскими и другими племенами сарматы приняли участие в разгроме одряхлевшего рабовладельческого мира, в том числе форпостов этого мира в Северном Причерноморье. В эпоху «великого переселения народов» единство сарматского мира было нарушено: часть сарматских племен (аланы) осталась на Северном Кавказе, часть была увлечена гуннским движением далеко на запад, значительная часть была ассимилирована новыми пришельцами с Востока и, вероятно, славянскими племенами Поднепровья. Без учета роли отдельных групп сарматского населения степей нашего юга, постепенно потерявших свой язык (кроме северокавказских аланов), нельзя изучать племенные объединения и раннефеодальные

образования юго-востока нашей страны, в частности сложение и развитие в Приазовье болгарского союза, образование царства волжских болгар и Хазарского каганата, основным населением которого были, очевидно, потомки поволжских и предкавказских сарматов[1].

Культура раннесредневекового населения степного Подонья, Приазовья, всего Северного Кавказа и отчасти Поволжья, представленная памятниками археологии, развилась на базе общесарматской культуры первых веков н. э. Некоторое воздействие оказали сарматы на развитие культуры восточных славян. Однако последний вопрос остается пока еще слабо исследованным, хотя заслуженно все более привлекает к себе внимание археологов, занимающихся изучением ранних славян.

Уже более 100 лет ведется накопление памятников сарматской культуры юга нашей страны, составляющих ценнейшие коллекции отечественных музеев, особенно Государственного Эрмитажа, Государственного Исторического музея, музеев Саратова, Краснодара, Киева и др.

В результате археологических исследований 1901 и 1903 гг. в б. Изюмском и Бахмутском уездах В. А. Городцов впервые выделил подлинные массовые сарматские памятники[2], в то время как ряд крупнейших русских археологов (в том числе и А. А. Спицын[3]) ошибочно приписывали сарматам характерные скифские памятники IV—III вв. до н. э., а яркие сарматские памятники Прикубанья считались их исследователем Н. И. Веселовским римскими[4], несмотря на то, что уже И. И. Толстой и Н. П. Кондаков правильно определили кубанские памятники, как сарматские[5]. Так же их рассматривал и Ю. А. Кулаковский[6]. М. И. Ростовцев, помещая сарматов на Кубани, дал первую далеко не полную сводку сарматских памятников Южного Приуралья, Нижнего Поволжья, Прикубанья, Подонья и Украины[7].

Планомерное и систематическое исследование рядовых сарматских памятников (городищ, бескурганных и курганных могильников), особенно на территории степного Поволжья, Дона и Кубани, является целиком заслугой советской археологии. Многолетние научно проведенные раскопки в этих районах, прибавившие к старым археологическим материалам ценнейшие вещественные источники для изучения сарматов и их культуры, научная разработка источников позволили советским археологам поставить и попытаться разрешить целый ряд важнейших вопросов сарматской истории и археологии.

В настоящее время лучше изучены древнейшие сарматские области, составлявшие большую часть Азиатской Сарматии Птолемея, простиравшейся на восток от Дона. В результате полевой работы ряда советских археологов (П. Рау, Б. Н. Гракова, И. В. Синицына, К. В. Сальникова, Т. М. Минаевой и др.) в Южном Приуралье и Нижнем Поволжье уже накануне Великой Отечественной войны было исследовано более 600 сарматских погребений VI в. до н. э. — IV в. н. э., большинство которых частично или полностью опубликовано и послужило основой для создания ряда

---

[1] М. И. Артамонов. Очерки древнейшей истории хазар, Л., 1937.

[2] В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губ. 1901 г., Тр. XII АС, т. I; его же. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губ. 1903 г., Тр. XIII АС, т. I.

[3] А. А. Спицын. Курганы скифов-пахарей, ИАК, вып. 65, 1918.

[4] Н. И. Веселовский. Курганы Кубанской области в период римского владычества, Тр. XII АС, т. I, стр. 341—373.

[5] И. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, вып. II, III, 1889—1890.

[6] Ю. Кулаковский. Аланы по сведениям классических и византийских писателей, Киев, 1899.

[7] М. И. Ростовцев. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма, МАР, вып. 37, 1918; его же. Скифия и Боспор, 1925.

исследовательских работ в этой области. За последние 15 лет подверглись исследованию также городища на северо-восточной периферии сарматского мира (в Челябинской обл.)[1], по берегам Исети, Миасса, Синары и других рек Южного Зауралья. Эти городища и одновременные им курганы Челябинской области имеют много общих черт с памятниками так называемой прохоровской культуры Южного Приуралья (бассейн р. Урала), но еще ближе они стоят к памятникам соседних северо-восточных районов нижнего течения Исети и Тобола[2].

Первые годы широких археологических исследований на новостройках ознаменовались открытиями новых сарматских памятников. В 1951—1952 гг. на левом берегу Волги между Сталинградом и Саратовом Сталинградской экспедицией ИИМК было исследовано несколько сот новых сарматских погребений, среди которых большую часть составляют погребения прохоровской культуры (III—II вв. до н. э.), ранее известные в большом количестве только в южноуральских районах. За последние годы увеличилось количество исследованных сарматских памятников на Дону в результате работ Волго-Донской экспедиции ИИМК в районе Цимлянского водохранилища. Сарматские погребения на Дону оказались тождественными поволжским. Следовательно, задонские и поволжские степи составляли в древности единую территорию сарматских кочевий.

Изучение сарматских памятников Поволжья и Приуралья привело большинство советских исследователей, работающих в области сарматской археологии, к представляющемуся достаточно прочным выводу: основной территорией формирования сарматских племен являлись задонские и поволжско-уральские степи, где, начиная с VI в. до н. э., прослеживается более чем тысячелетнее развитие одной и той же культуры[3].

Археологические памятники и палеоантропологические материалы с территории Поволжья, Южного Приуралья и Западного Казахстана позволяют установить генетическую связь сарматов с носителями андроновской и срубно-хвалынской культур эпохи бронзы, причем родство андроновцев и сарматов по палеоантропологическим данным убедительно доказано работами Г. Ф. Дебеца[4]. Археологические же данные еще весьма незначительны и требуют специального изучения. Генетические связи носителей андроновской и раннесарматской культур выявляются более четко, чем связи сарматов с носителями срубно-хвалынской культуры. Так, например, обряд трупосожжения, отмеченный для эпохи бронзы изредка в Саратовской[5] и значительно чаще в Челябинской[6] областях, продолжает спорадически существовать в Приуральских районах и в сарматскую эпоху, особенно на ее раннем савроматском этапе (VI—IV вв. до н. э.).

В 1952 г. савроматское трупосожжение обнаружено И. В. Синицыным и на Волге, в молчановской курганной группе. Каменные кольца

---

[1] К. В. Сальников. Три года работы на городище Чудаки, КСИИМК, вып. V, стр. 69—71; его же. Древнейшее население Челябинской области, Челябинск, 1948.

[2] П. А. Дмитриев. Мысовские стоянки и курганы Тюменского округа Уральской области, ТСА РАНИОН, т. IV, 1928.

[3] P. Rau. Die Gräber der frühen Eisenzeit im unteren Wolgagebiet, Pokrowsk, 1929; его же. Prähistorische Ausgrabungen auf der Steppenseite des deutschen Wolgagebiets im Jahre 1926, Pokrowsk, 1927; Б. Н. Граков. Пережитки матриархата у сарматов, ВДИ, 1947, № 3; К. Ф. Смирнов. Сарматские курганные погребения в степях Поволжья и Южного Приуралья, ДСИФ МГУ, вып. V, 1947; его же. Сарматские племена Северного Прикаспия, КСИИМК, вып. XXXIV.

[4] Г. Ф. Дебец. Материалы по антропологии СССР (Нижнее Поволжье), «Антропологический журнал», 1936, № 1, стр. 65—80; его же. Палеоантропология СССР, М.—Л., 1948, стр. 146—148, 167—171.

[5] И. В. Синицын. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья, Саратов, 1947, стр. 6 и сл.

[6] К. В. Сальников. Древнейшее население Челябинской области, стр. 34—35.

в основании курганов, свойственные памятникам андроновской культуры, продолжают существовать в сарматскую эпоху в Приуралье. Можно наметить некоторые общие черты в форме и орнаментике керамики позднебронзового и раннесарматского времени.

Раскопками большого количества рядовых сарматских погребений опровергнута точка зрения М. И. Ростовцева о том, что в степях Северного Прикаспия сарматы представляли лишь господствующее племя наездников, а не сплошное этнически однородное население кочевников, занимавшее всю территорию волжско-уральских степей. Исследованиями советских археологов и прежде всего Б. Н. Гракова в Южном Приуралье [1] доказана также несостоятельность представления Ростовцева о том, что савроматы не могут быть отождествлены с более поздними сарматами якобы потому, что последним были чужды характерные для общественного строя савроматов сильные пережитки матриархата[2].

Несмотря на скудность письменных и археологических источников по социальному и политическому строю сарматов, глубокие следы уже отжившего матриархального строя прослежены у сарматов последних веков до н. э.[3]

Создана четырехчленная хронологическая классификация памятников сарматской культуры волжско-уральских степей, основы которой были заложены П. Рау. Последний разделил в 1927 г. известные ему сарматские погребения Поволжья на два этапа, соответствующие двум ступеням развития сарматской культуры: этап *А* —I—II вв. н. э. и этап *Б* —III—IV вв. н. э.[4], в основном правильно определил характерные особенности каждой ступени развития сарматской культуры, выраженные в погребальном обряде и инвентаре. Несколько позже он выделил группу ранних савроматских погребений[5]. Схема эволюции сарматской культуры, намеченная П. Рау, была принята как в советской, так и в зарубежной археологии. Однако она потребовала значительных исправлений и дополнений в свете новых археологических открытий.

Исходя из предвзятого мнения о некотором отставании в развитии Поволжья по сравнению с «варварским» миром западных областей Европы (влияние М. Эберта), П. Рау приблизительно на столетие «омолодил» выделенные им ступени развития сарматской культуры в рамках четырех первых веков н. э. Хронологические рамки двух ступеней развития сарматской культуры, выделенных П. Рау, за последнее время были уточнены Б. Н. Граковым и К. Ф. Смирновым[6], с учетом новых археологических данных и на основании анализа инвентаря из сарматских могил главным образом Подонья и Прикубанья. Кубанские могилы I в. до н. э. дали все основные типы вещей среднесарматского этапа Поволжья, следовательно, начало этого этапа (или ступени *А* по П. Рау) надо отнести к I в. до н. э., а начало позднесарматского этапа ко II в., а не к III в. н. э., так как уже во II в. н. э. мы имеем налицо все руководящие типы вещей этого этапа: длинные мечи без металлического перекрестия, фибулы различных форм, в том числе и с подвязанным

---

[1] Б. Н. Г р а к о в. Курганы в окрестностях пос. Нежинского Оренбургского уезда по раскопкам 1927 г., ТСА РАНИОН, т. IV, 1928, стр. 145—156.

[2] M. R o s t o v t z e f f. Iranians and Greeks in South Russia, Cambridge, 1923, стр. 113.

[3] Б. Н. Г р а к о в. Пережитки матриархата у сарматов, ВДИ, 1947, № 3.

[4] P. R a u. Die Hügelgräber römischer Zeit an der unteren Wolga, Pokrowsk, 1927.

[5] P. R a u. Die Gräber der frühen Eisenzeit im unteren Wolgagebiet.

[6] Б. Н. Г р а к о в. Пережитки матриархата у сарматов, ВДИ, 1947, № 3; К. Ф. С м и р н о в. Сарматские курганные погребения в степях Поволжья и Южного Приуралья, ДСИФ МГУ, вып. V, 1947; его же. Сарматские племена Северного Прикаспия, КСИИМК, вып. XXXIV.

приемником, маленькие зеркальца-подвески, ритуальные четырехугольные сосудики, янтарные плоско-овальные, стеклянные золоченые многочленные бусы, сердоликовые и стеклянные пронизки в виде четырнадцатигранников и пр.

Хронологическая классификация и этапы развития поволжских сарматов, намеченные П. Рау, не отражали всего, более чем тысячелетнего, развития сарматских племен Нижнего Поволжья и почти не касались степных районов Приуралья. Ранняя савроматская ступень развития (блюменфельдская культура) поволжских и приуральских сарматов была четко определена в пределах VI—IV вв. до н. э. и отделена от последующей ступени развития савромато-сарматской (прохоровская культура IV—II вв. до н. э) Б. Н. Граковым. В работе Б. Н. Гракова «ГΥΝΑΙΚΟΚΡΑΤΟΥΜΕΝΟΙ (Пережитки матриархата у сарматов)» поименованы и уточнены все четыре ступени развития сарматской культуры прикаспийских степей, дана краткая характеристика особенностей каждой ступени по новейшим археологическим материалам из Поволжья и Южного Приуралья. Установленная хронологическая классификация отражает основные этапы развития сарматских племен Поволжья и Южного Приуралья и во многом соответствует уже намеченным этапам развития мэото-сарматской культуры Прикубанья[1]. Опыт наших последних, еще не опубликованных исследований сарматской культуры Северного Причерноморья убеждает, что последние два этапа развития сарматской культуры на ее родине (среднесарматский I в. до н. э. — II в. н. э., позднесарматский II — IV вв. н. э.) вполне применимы и для сарматов Северного Причерноморья, в степях между Доном и Днепром.

На савроматском этапе (VI—IV вв. до н. э.) культура сарматов (блюменфельдская по Б. Н. Гракову) чрезвычайно близка скифской; ее отличительные черты от последней были подмечены П. Рау и Б. Н. Граковым, наметившими ее две основные локальные области[2], которые нами названы Поволжским и Самаро-Уральским сарматскими районами[3]. Вероятно, указанный Поволжский район, находящийся между Доном и р. Уралом, и был территорией геродотовских савроматов, составлявших отдельное племя или отдельную, соседнюю скифам, группу сарматских племен. Родство культуры скифов и савроматов в данном случае соответствует их языковому родству, о котором знал Геродот: «Савроматы говорят на скифском языке, но издревле искаженном...» (Herod., IV, 117).

Мы располагаем очень скудными письменными свидетельствами о социально-экономическом и политическом развитии савроматов. Немного в этом отношении дает и археологический материал, который, правда, вполне подтверждает одну из характерных особенностей общественного строя савроматов — сильные пережитки матриархата. Находки в могилах убеждают нас также, что мы имеем дело с кочевниками и вооруженными всадниками. На больших степных просторах от Волги до Уральских гор в VI—V вв. до н. э. кочевало население, которое не оставило больших курганных групп, хорошо нам известных для более позднего времени. У савроматов заметна социальная и имущественная дифференциация.

---

[1] Доклад Н. В. Анфимова о хронологии грунтовых могильников Прикубанья сарматского времени на секции древней истории научной сессии ИИМК АН СССР и Государственного Эрмитажа, посвященной археологии Закавказья, 1948, КСИИМК, вып. XXIV, стр. 16—17; К. Ф. Смирнов. Основные пути развития мэото-сарматской культуры Среднего Прикубанья, КСИИМК, вып. XLVI.

[2] P. Rau. Die Gräber der frühen Eisenzeit...; B. Grakov. Monuments de la culture scythique entre la Wolga et les monts Oural, ESA, III, 1928; его же. Deux tombeaux de l'époque scythique aux environs de la ville d'Orenbourg, ESA, IV, 1929.

[3] К. Ф. Смирнов. Сарматские племена Северного Прикаспия, КСИИМК, вып. XXXIV, стр. 99, рис. 28.

В небольшом количестве на Волге и значительно больше в каменистых степях между Бузулуком, Уральском и Чкаловым обнаружены отдельные богатые могилы прямоугольной или овальной формы с оружием, конским убором в своеобразном савроматском стиле и с предметами жреческого культа (каменные курильницы), принадлежащие вождям-воинам, родовым жрецам или жрицам. Большинство же могил этого времени, выделенных П. Рау, представляет собой небольшие ямы, впущенные в отдельные курганы эпохи бронзы, с очень скудным погребальным инвентарем (лепной грубый горшок с плоским дном) или вовсе без вещей. Ориентировка как богатых, так и бедных савроматских могил широтная, погребенные, как правило, ориентированы головами на запад и значительно реже на восток. Вооружение савроматов мало чем отличалось от скифского, что указывает на родство военной тактики обоих народов. Однако, в отличие от скифов, савроматы были вооружены и длинными всадническими мечами. Нам известно несколько таких мечей из заволжских степей: они имеют длинные обоюдоострые клинки, сердцевидное перекрестье, плоскую рукоятку без навершья.

Родство по языку и тесные общения савроматов и скифов, прослеженный Б. Н. Граковым торговый путь[1], идущий из Ольвии через Скифию вглубь савроматских земель,— все это и определило общий скифский характер сарматской культуры на ее раннем этапе. В дальнейшем эти связи нарушаются и с IV—III вв. до н. э. мы наблюдаем самостоятельное развитие сарматской культуры, все более и более теряющей скифские черты.

Следующие два этапа развития сарматов волжско-уральских степей (раннесарматский IV—II вв. до н. э. и среднесарматский I в. до н. э. и II в. н. э.), резко отличающиеся между собой по материальной культуре и значительно меньше по погребальному ритуалу, отражают большие изменения в жизни и быте сарматских племен. Вместо почти единой для всей территории формы погребального обряда, с IV—III вв. до н. э. появляется несколько погребальных типов, свидетельствующих об усложнении племенного состава сарматского общества. Их территориальное размещение, при учете особенностей погребального инвентаря, особенно керамики, позволило наметить несколько локальных вариантов сарматской культуры в Поволжье—Приуралье[2]. Здесь происходило формирование союзов аорсов, роксоланов и аланов, которые со II в. до н. э. расширили свою территорию до пределов Кавказа на юге и до Днепра на западе. Культура сарматов приобретает много общих черт с культурами кочевых народов среднеазиатского Востока[3], земледельческого населения среднего течения Сыр-Дарьи[4] и Хорезма[5].

Антропологический материал для изучения раннесарматского этапа указывает на неоднородный состав сарматов поволжских и приуральских степей. Если в сарматском Заволжье основную часть сарматского населения составляли потомки андроновцев, то в Южном Приуралье мы имеем другой антропологический тип — памиро-ферганский (черепа из прохоровских и урал-сайских курганов), характерный и для ряда обла-

---

[1] Б. Граков. Чи мала Ольвія торговельні зносини з Поволжям і Приураллям в архаїчну та класичну епохи? Археологія, I, Киев, 1947.

[2] К. Ф. Смирнов. Сарматские племена Северного Прикаспия, КСИИМК, вып. XXXIV.

[3] М. В. Воеводский и М. П. Грязнов. Усуньские могильники на территории Киргизской ССР, ВДИ, 1938, № 3; А. Н. Бернштам. Кенкольский могильник, Л., 1940.

[4] А. Тереножкин. Памятники материальной культуры на Ташкентском канале. Изв. Узб. фил. АН СССР, 1940, № 9; Т. Г. Оболдуева. Курганы каунчинской и джунской культур в Ташкентской области, КСИИМК, вып. XXIII.

[5] С. П. Толстов. Древний Хорезм, М., 1948; его же. По следам древнехорезмийской цивилизации, М.—Л., 1948.

стей Средней Азии. Сарматские черепа из района Астрахани также отличаются от саратовских: одними исследователями они сближаются с памиро-ферганскими (Т. А. Трофимова)[1], другими — с брахикефалами катакомбных погребений эпохи бронзы (Г. Ф. Дебец)[2]. Усложнение антропологического состава сарматских районов последних веков до н. э. находится в полном соответствии с увеличением числа типов погребальных сооружений, выражающим усложнение племенного состава сарматов указанных областей. Сибирские и среднеазиатские элементы материальной культуры сарматов последних веков н. э., выявляющиеся в керамике, ритуальных сосудах, украшениях и пр., свидетельствуют не только об усилении общения сарматских племен со своими соседями на востоке и юго-востоке, но и о включении в сарматскую среду родственных северокаспийским сарматам подвижных кочевых групп населения сибирских и среднеазиатских степей. Очевидно, шел и обратный процесс — передвижение отдельных сарматских групп из северокаспийских районов в степные районы Средней Азии.

Однако сарматская культура и формирующиеся союзы отдельных сарматских племен были вполне самостоятельными. Находясь в тесном контакте с обширным и родственным миром массагетских племен Средней Азии, сарматы все же не составляли подчиненную часть массагетской конфедерации и выступали как вполне самостоятельная сила.

На раннесарматском этапе (в IV—II вв. до н. э.) в Южном Приуралье складывается так называемая прохоровская культура, созданная, по нашему представлению, формирующимся аорсским союзом сарматских племен. В погребальном обряде сарматов этого времени наблюдаем развитие многих погребальных традиций савроматского этапа: продолжают существовать прежние формы могил, обычно несколько уменьшенных по размерам, изредка сохраняется западная ориентировка погребенных, ярко прослеживается культ огня в виде погребальных костров, засыпки могил золой или горячим углем и пр.

Признавая тесную генетическую связь носителей савроматской и прохоровской культур, мы не можем, однако, полностью отождествить тех и других. Безусловно, в IV—III вв. до н. э. произошли значительные изменения в социально-политической и племенной структуре поволжско-уральских сарматов, о чем свидетельствуют новые, ранее неизвестные черты их культуры. Именно в это время распространяются в сарматской среде новые типы погребальных сооружений: круглые могилы, могилы с уступами-заплечиками и особенно катакомбы и подбойные могилы с устойчивой южной ориентировкой погребенных, изредка встречаются характерные для следующего этапа так называемые диагональные погребения.

Наиболее ранние и богатые погребения прохоровской культуры известны в Южном Приуралье, которое, вероятно, было центром сложения этой культуры. Отсюда она быстро распространяется в задонско-волжские степи, приобретая здесь своеобразные локальные черты, выраженные прежде всего в иной по форме и орнаментации керамике. Пока лишь в заволжских степях нам известны ранние экземпляры коротких и длинных мечей с кольцевидным навершьем, которые существовали совместно с длинными и короткими мечами прохоровского типа (с прямым или серповидным навершьем). Как известно, до новых открытий в Поволжье И. В. Синицына мечи с кольцевым навершьем датировали не ранее

[1] Т. А. Трофимова. Краниологический очерк татар Золотой Орды, «Антропологический журнал», 1936, № 2.

[2] Г. Ф. Дебец. Материалы по палеоантропологии СССР (Нижнее Поволжье), «Антропологический журнал», 1936, № 1; его же. Палеоантропология СССР. М.—Л., 1948, стр. 107—171.

I в. до н. э., хотя уже и раньше были известны отдельные находки мечей с кольцевым навершьем в погребениях более раннего времени. Среди «скифских» акинаков изредка встречались экземпляры с кольцевым навершьем, от которых, вероятно, и произошли короткие сарматские мечи с подобным навершьем. Таковыми являются акинак в золотых ножнах из кургана № 1 близ ст. Елизаветовской в устье Дона из раскопок А. А. Миллера в 1910 г.[1] и акинак из курганной группы на горе Барановской в центре г. Кисловодска[2]. Один из ранних типов сарматского короткого меча с кольцевым навершьем и с перекрестьем в виде слегка согнутого под тупым углом бруска был найден вместе с мечом прохоровского типа А. А. Миллером у железнодорожной станции Марычевка б. Бузулукского уезда[3]. В кургане *Б*—I у б. хутора Шульц на Торгуне (Сталинградской обл.) в сарматской могиле меч с кольцевым навершьем был найден с кинжалом, имеющим прямое брусковидное перекрестье и навершье[4]. Последний является разновидностью мечей, характерных для прохоровской культуры III—II вв. до н. э.

Раскопки последних двух лет дали новые доказательства появления в Поволжье меча с кольцевым навершьем, типичного для среднесарматского этапа, еще на предшествующем раннесарматском (прохоровском) этапе. Короткий меч с кольцевым навершьем был найден И. В. Синицыным вместе с длинным мечом прохоровского типа в одной из могил (курган № 11, погребение 2) при раскопках 1950 г. курганного могильника Кара-Оба на левом берегу Малого Узеня, близ с. Джангалы (Новая Казанка) в Западном Казахстане[5]. Другой меч с кольцевым навершьем был найден вместе с бронзовыми стрелами IV—III вв. до н. э. в одной из могил раннесарматского времени при раскопках И. В. Синицына в 1952 г. курганной группы у с. Бережновки Николаевского района, Сталинградской области (в нижнем течении р. Еруслана). Длинные мечи с кольцевым навершьем, датируемые II—I вв. до н. э., были найдены Нижне-Волжским отрядом Сталинградской экспедиции ИИМК (К. Ф. Смирнов) в курганах у сс. Политотдельского и Быково в 1953—1954 гг.

Раскопки последних лет показали, что прохоровская культура в различных своих вариантах с IV—III вв. до н. э. становится общесарматской культурой, распространенной от южных предгорий Урала до задонских и манычских степей. Намеченный еще в 1949 г. Поволжский район распространения прохоровской культуры[6] по новым данным может быть расширен на юго-запад до Дона (в районе Цимлянской), на юг до с. Рахинки на левом берегу Волги в 50 км севернее Сталинграда, на юго-восток до низовья Узеней в Западном Казахстане.

В этом районе погребения прохоровской культуры встречаются целыми группами чаще всего в курганах эпохи бронзы. Каждая группа погребенных, вероятно, была связана семейно-родовыми узами; еще хорошо сохранившиеся пережитки матриархата выражены такими археологическими признаками, как частые случаи женских погребений с оружием. Судя по находкам длинных, иногда более 1 м всадниче ских мечей, уже в III—II вв. до н. э. в сарматском обществе создаются сильные конные дружины, обеспечивающие сарматам военное преимущество во время столкновений

---

[1] ОАК за 1909—1910 гг., стр. 145, рис. 210; ИГАИМК, т. IV, 1925, стр. 105, рис. 4.

[2] ИГАИМК, вып. 109, стр. 216, рис. 200.

[3] Материал не опубликован, хранится в ГИМе.

[4] P. Rau. Die Hügelgräber römischer Zeit..., стр. 27—29, рис. 29 и 33.

[5] И. В. Синицын. Археологические исследования в Саратовской области и Западном Казахстане, КСИИМК, вып. XLV, 1952, стр. 67, рис. 27, *4,5*.

[6] К. Ф. Смирнов. Сарматские племена Северного Прикаспия, КСИИМК, вып. XXXIV, 1950, стр. 99, рис. 28.

со скифами и другими племенами. С этого времени начинаются военные успехи отдельных сарматских союзов, приведшие к завоеванию роксоланами ряда степных районов Скифии; в то же время аорсы и сираки начали интенсивное освоение предкавказских степей, продвинувшись вплоть до Кавказских гор. Эти конные дружины сарматов явились основой для формирования в I—II вв. н. э. тяжеловооруженных сарматских катафрактариев, с которыми воевали римляне на границах своей империи.

Начавшееся интенсивное расселение сарматских племен, усиление связи с племенами Северного Кавказа и Закавказья, с античными городами Северного Причерноморья приводят на среднесарматском этапе (I в. до н. э. — II в. н. э.) к установлению во всем Северном Причерноморье и в северокаспийских степях весьма однообразной сарматской культуры с различными ее локальными вариантами в результате воздействия на нее древних местных культур, подвергшихся определенной сарматизации. Сарматская культура становится культурой не только собственно сарматов, но и ряда соседних племен.

В поволжско-уральских степях на этом этапе продолжают существовать в основном те же типы погребений, которые появились на предшествующем этапе. Курганные могильники этого времени нередко насчитывают до сотни курганов с индивидуальными погребениями (например, Сусловский могильник). В этих курганных группах по обилию инвентаря и особо тщательному оборудованию могил выделяются диагональные погребения, которые составляют около 30% сарматских могил этого времени. В результате исследований К. В. Сальникова в Южном Приуралье[1] и И. В. Синицына в Заволжье за последние годы обнаружены могилы с диагональным положением погребенных и однотипным набором погребального инвентаря в районе Магнитогорска (II Мало-Кызылский могильник), в бассейне Узеней, на левом берегу Волги, близ селений Бережновки и Политотдельского. Диагональные погребения, исследованные в группе курганов у сс. Политотдельского и Бережновки Николаевского района, Сталинградской области во время работы Заволжского и Нижневолжского отрядов Сталинградской экспедиции ИИМК 1952—1954 гг. под руководством И. В. Синицина и К. Ф. Смирнова, образуют на территории могильников компактные группы, вероятно, семейно-родового характера.

Среди сарматских племен волжско-уральских степей, очевидно, происходит определенная политическая перегруппировка, в результате которой выделяется наиболее значительная и, очевидно, руководящая группа сарматов, для погребений которых характерно диагональное положение погребенных. Ее, вероятно, следует связывать с роксолано-аланской группой сарматских племен, судя по территории их расселения в первые века н. э. от Магнитогорска на востоке, левого берега Днепра на западе и г. Степного на юге, т. е. в области кочевий аланов и роксоланов по письменным свидетельствам.

Кочевой характер сарматских племен Поволжья и Приуралья подтверждается находками в могилах остатков повозок, костей барана и лошади, конской сбруи, удобной при постоянных передвижениях деревянной посуды. Можно говорить и о неразвитой форме земледелия, судя по находкам в отдельных могилах проса и жженой пшеницы. Железное оружие, орудия и инструменты, многообразие местных керамических изделий, пряслица, поделки из дерева, дуба, алебастра и кости, металлическая посуда в сарматских погребениях свидетельствуют о большом искусстве сарматов в кузнечном деле, о широком развитии гончарного ре-

[1] К. В. Сальников. Древнейшие памятники истории Урала, Свердловск, 1952, стр. 96—97.

месла, прядения, ткачества, токарного дела, плетения, литья, плотницкого дела, обработки кости, выделки кож и пр. Однако до сих пор в степях Северного Прикаспия не обнаружено ни одного сарматского поселения. Очевидно, сарматы этих областей базировались на укрепленные поселения Нижнего Дона и Северного Кавказа, в частности Прикубанья, которые были центрами развития ремесленного производства. Ярким свидетельством тесных связей поволжских сарматов с Нижним Доном и Северным Кавказом является распространение в Поволжье нижнедонских и северокавказских форм глиняной посуды (кувшинов, мисок), изготовленной на гончарном круге. В то же время в Поволжье начинают изредка попадать предметы античного производства (краснолаковая посуда, кувшины боспорского типа, очень редко стеклянные сосуды).

На позднесарматском этапе (II—IV вв.) сарматские племена Северного Прикаспия, и прежде всего аорсы и аланы, входили в состав аланской конфедерации, яркая характеристика которой дана Аммианом Марцеллином (Amm. Marc., XXXI, 2,13; 2,17; 2,21). Археологический материал по сарматам II—IV вв. с любой территории, будь то Поволжье или Северный Кавказ, бассейн Дона или Днепра, весьма однообразен. Это однообразие, очевидно, объясняется результатом политической и экономической общности сарматских племен в рамках аланского союза племен, основанного, вероятно, еще в I в. н. э., когда аланы впервые столкнулись с Римской империей (при Нероне) и государствами Закавказья.

Сохраняя большинство черт погребального обряда предшествующего этапа, сарматские погребения Северного Прикаспия II—IV вв. н. э. отличаются от более ранних не только составом погребального инвентаря, но и диаметрально противоположной северной ориентировкой погребенных, широким распространением искусственной деформации черепа (83% всех позднесарматских погребений дали деформированные черепа), наличием густой меловой посыпки дна могил, наконец, очень узкими и довольно глубокими могилами в виде простых ям или подбоев.

Стандартизация погребений и всей культуры поволжско-уральского населения в целом — результат сложения единого этнического массива аланских и аорских племен (аланорсы Птолемея).

На культуру поволжских сарматов II—IV вв. н. э. значительное воздействие оказала гуннская группировка племен: среди сарматского вооружения появляются длинные гуннские луки с костяными обкладками; широкое распространение обычая деформации головы также, вероятно, произошло под гуннским воздействием. По китайским источникам известно, что уже во II в. н. э. гунны распространяли свою власть на значительную территорию Средней Азии вплоть до Каспийского моря (Хоу-Хань-шу, 78, л. 2). Можно надеяться, что среди погребений позднесарматского этапа в Поволжье в дальнейшем удастся выделить целую группу гуннских погребений. Некоторые деформированные черепа погребений этого времени в Поволжье носят монголоидные признаки. В 1952 г. во время разведочных работ на трассе будущего Волжско-Уральского самотечного канала И. В. Синицын исследовал близ Уральска несколько погребений кенкольского типа, которые, вероятно, следует связать с гуннским политическим объединением.

В результате полевых работ в Поволжье за последние годы выделена группа погребений позднесарматского типа в подбоях, с деформированными черепами, давшая материал V—VIII вв. н. э.[1] Дальнейшее изучение этих погребений, а также обнаруженных ранее «речных погребений»

[1] И. В. Синицын. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья, стр. 23—24.

и курганов с кострищами V в. н. э. даст возможность разрешить вопрос о сарматском наследии у племен Поволжья эпохи раннего средневековья. Эти поздние погребения сарматского типа указывают на то, что в период «великого переселения народов» часть сарматских племен сохранилась в Поволжье. Очевидно, здесь они подвергались тюркизации, так как с этого времени Поволжье на многие столетия связывается с историей тюркских народов.

Накопленный в основном за советский период большой археологический материал, характеризующий культуру сарматов волжско-уральских степей, позволяет поставить ряд новых вопросов о взаимосвязях сарматов этих областей с соседними племенами на севере (носителями ананьинской культуры) и на востоке, в частности поставить вопрос о характере взаимосвязей с Хорезмом и среднеазиатскими гуннами, подчинившими себе в конце концов северокаспийских сарматов. Для нас еще совершенно неясна восточная граница расселения сарматских племен, для чего необходимо прежде всего развертывание больших археологических исследований в пределах Западного Казахстана между р. Уралом и Аральским морем.

Далеко не одинаково исследованы памятники сарматской культуры Северного Кавказа и предкавказских степей. Большой заслугой советских археологов в этой области является систематическое исследование городищ и грунтовых могильников Прикубанья (раскопки Н. А. Захарова, А. А. Миллера, В. А. Городцова, М. В. Покровского, Н. В. Анфимова, Т. М. Минаевой и др.), и по среднему течению Терека и левому берегу Сунжи. К сожалению, большинство вновь добытых ценных материалов еще не опубликовано. За последние годы были открыты памятники сарматской культуры и в прикаспийской части Дагестана[1], которые ближе всего стоят к поволжским. Таким образом, тесная связь древних племен прикаспийской части Дагестана, к которым прежде всего следует отнести удинов, с северокаспийскими аорсами подтверждается новыми археологическими открытиями. Эти археологические факты подтверждают указание Страбона (Strabo, V, 8) о существовании торгового пути аорсов через Дагестан в Закавказье и Мидию и объясняют западнокаспийский этноним Плиния «утидорсы» (Plin., Hist. Natur., VI, 36), в котором следует видеть смешение удинских племен с аорсами.

Раскопки Таркинского и Карабудахкентского могильников в Прикаспийской части Дагестана (1947—1951 гг.) показали, что население этого района в сарматское время состояло в основном из потомков древнего местного населения, жившего здесь еще в конце эпохи бронзы. Об этом свидетельствуют древние погребальные традиции, уходящие вглубь веков: сохранение обряда скорченности и вторичных («расчлененных») захоронений, каменные оградки и каменные гробницы, ведущие свое происхождение от оградок и каменных ящиков каякентско-хорочоевской культуры (первая половина I тысячелетия до н. э.). Наряду с этим мы наблюдаем здесь ряд чисто сарматских черт погребального обряда, выраженных в положении некоторых погребенных, в меловой посыпке дна могилы и помещении в могилы кусков мела, разбитых зеркал и пр. В Таркинском могильнике, в захоронениях которого древние местные

[1] Е. И. Крупнов. Археологические работы на Северном Кавказе, КСИИМК, XXVII, стр. 19—20; его же. Новый памятник древних культур Дагестана, МИА, № 23, стр. 208—225; К. Ф. Смирнов. Новые данные по сарматской культуре Северного Кавказа, КСИИМК, XXXII, стр. 113—119; его же. О некоторых итогах исследования могильников мэотской и сарматской культуры Прикубанья и Дагестана, КСИИМК, XXXVII, стр. 159—160; его же. Археологические исследования в районе Дагестанского селения Тарки в 1948—1949 гг., МИА, № 23, стр. 226 и сл.; его же. Археологические исследования в Дагестане в 1948—1950 гг., КСИИМК, XLV.

погребальные традиции прослеживаются меньше, чем в погребениях Карабудахкентского могильника, были найдены погребения первых веков н. э., тождественные нижневолжским по набору погребального инвентаря (бронзовые зеркальца, бусы, каменные пряслица, железные черешковые стрелы, фибулы и пр.) и по его расположению в могиле. Очевидно, часть поволжских сарматов (аорсов) к началу н. э. передвинулась в Северный Дагестан, смешавшись с местным населением. В 1951 г. М. И. Пикуль во время своих разведок по Северному Дагестану обнаружила первое поселение сарматского времени у с. Новая Надежда. Собранная ею керамика с этого поселения тождественна керамике Карабудахкентского и Таркинского могильников.

В поволжских могилах первых веков н. э. встречаются сосуды, тождественные или почти тождественные по форме и орнаменту ряду сосудов Дагестана (ритуальные чашки, кувшины, кубки, миски). Особенно близка дагестанской керамике сарматская керамика из южных районов Нижнего Поволжья, ближе расположенных к Дагестану.

Во время разведывательных работ в северных районах Грозненской области в 1952 г. Е. И. Крупнов обнаружил несколько впускных сарматских погребений. Сарматские памятники в этих районах почти не были известны, если не считать нескольких погребений из раскопок В. А. Городцова у Святого Креста (Подкумск, ныне Буденновск)[1] и небольшого подъемного материала разведок Е. И. Крупнова.

В свете последних работ в Дагестане и новых находок в Грозненской области становится ясно, что всестороннее изучение северокаспийской группы сарматов, прежде всего аорсов, невозможно без параллельного изучения более южных прикаспийских районов.

Еще слабо изучен бассейн р. Маныча (древнего Ахардея) — центр сиракских племен Страбона[2]. Здесь мы встречаем отдельные памятники савроматского времени, тесно связанные с Поволжьем. Более поздние сарматские погребения, сохраняющие прежнюю — западную — ориентировку погребенных, указывают на непосредственное развитие сарматской культуры последних веков до н. э. от савроматской. Вероятно, сираки Маныча являются прямыми потомками задонских савроматов. Западная савроматская ориентировка погребенных продолжает существовать на раннесарматском и среднесарматском этапах не только по Манычу, но и по Нижнему Дону. Широкое распространение с последних веков до н. э. погребений с западной ориентировкой и сарматским обрядом в грунтовых могильниках и курганах восточных районов Среднего Прикубанья, вероятно, объясняется распространением сиракской территории на юг, в бассейн Кубани.

Некоторые советские ученые, последователи Н. Я. Марра (И. А. Джавахишвили, Л. А. Мацулевич), отрицая принадлежность языка сарматов к североиранской языковой группе, считали Кавказ прародиной сарматов[3]. Мнения о кавказском происхождении основной группы сарматов

---

[1] В. А. Городцов. Результаты археологических исследований на месте развалин г. Маджар в 1907 г. (IX. Раскопки во владениях города Св. Крест), Тр. XIV АС в Чернигове 1909 г., т. III, М., 1911, стр. 202—208.

[2] М. И. Артамонов. Работы на строительстве манычского канала, ИГАИМК, вып. 109, стр. 201 и сл.; Археологические исследования в РСФСР в 1934—1936 гг., М.—Л., 1937, стр. 201—204; его же. Раскопки курганов в долине р. Маныча в 1934—1935 гг., СА, т. IV, стр. 93—131; его же. Раскопки курганов на р. Маныче в 1937 г., СА, XI, стр. 365 и сл.; Б. В. Лунин. Археологические раскопки и разведки в Ростовской области в 1938—1939 гг., сборник «Памятники древности на Дону», I, 1940, Ростов н/Дону, стр. 19—21.

[3] И. А. Джавахишвили. Основные историко-этнологические проблемы истории Грузии, Кавказа и Ближнего Востока древнейшей эпохи, ВДИ, 1939, № 4, стр. 30 сл.; Л. А. Мацулевич. Аланская проблема и этногенез Средней Азии, СЭ, VI—VII, 1947, стр. 125 и сл.

(аланов) придерживались и некоторые дореволюционные русские ученые (например, Ю. А. Кулаковский)[1]. Мы располагаем некоторыми археологическими данными, как будто бы подтверждающими довольно раннее появление сарматов в западной части Предкавказья, на Кубани[2]. Однако лишь с III—II вв. до н. э. на Северном Кавказе (Прикубанье, Грозненская область) появляются более яркие признаки уже давно сформировавшейся в задонско-волжских и прикаспийских степях сарматской культуры. Здесь прежде всего следует упомянуть появление катакомбных и подбойных могил с сарматскими чертами погребального обряда (мел, разбитые зеркала) в грунтовых могильниках и курганах Прикубанья (западнее Лабы), распространение вещей прохоровской культуры: зеркал с широким ободком, мечей с прямым перекрестьем и серповидным навершьем и пр.

Судя по археологическим данным, на основании старых раскопок Н. И. Веселовского и исследований грунтовых могильников именно в это время начинается интенсивное заселение Прикубанья сарматами и их смешение с древним земледельческим мэотским населением. Основное население Северного Кавказа VI—IV вв. до н. э. отличалось по погребальному обряду от савроматов задонских и волжских степей. Появление сарматов (прежде всего сираков, судя по письменным источникам) в Прикубанье не нарушило дальнейшего развития местной, более высокой культуры мэотов, приобретавшей все более и более общесарматские черты[3]. Проникновение сарматов в Прикубанье не было катастрофическим для местного населения: очевидно, сираки, а затем аланы, видя большие экономические выгоды для себя от освоения богатых земель Прикубанья, постепенно здесь оседали, что привело в последний век до н. э. к резкому увеличению количества поселений в этой области. Целый ряд различий в погребальном обряде и в материале городищ позволили Н. В. Анфимову высказать мнение, что основной границей расселения мэотских и сарматских племен Прикубанья является левый приток Кубани — Лаба[4]. Эта гипотеза основывается на материалах последних веков до н. э. и первых веков н. э. Отсутствие достаточного археологического материала VI—IV вв. до н. э. из районов восточнее Лабы пока не позволяет определенно утверждать, что они были уже в это время сплошь заселены сарматскими племенами.

Для позднего времени мнение Н. В. Анфимова подтверждается и материалами из раскопок Н. И. Веселовского. Определенная группа погребений зубовско-воздвиженского типа с характерными чертами сарматского обряда, в которой ранние курганы датируются III—II вв. до н. э., а самые поздние —II в. н. э., занимает в основном закубанские районы на восток от Лабы и может быть связана с сираками[5]. Это вовсе не означает, что сарматы не проникали западнее: следы их пребывания в первые века н. э. отмечены археологическими исследованиями и на Таманском полуострове, в землях Боспорского царства[6].

---

[1] Ю. Кулаковский. Аланы по сведениям классических и византийских писателей. Киев, 1899.

[2] К. Ф. Смирнов. Основные линии развития мэото-сарматской культуры Среднего Прикубанья, КСИИМК, вып. XLVI.

[3] Н. В. Анфимов. Мэото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской, МИА, № 23, стр. 155 и сл.

[4] Н. В. Анфимов. Мэотские поселения Восточного Приазовья, КСИИМК, вып. XXXIV, стр. 85—86; его же. Мэото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской, МИА, № 23, стр. 204.

[5] К. Ф. Смирнов. Основные линии развития мэото-сарматской культуры Среднего Прикубанья, КСИИМК, вып. XLVI.

[6] В. Д. Блаватский. Раскопки в Фанагории в 1938—1939 гг., ВДИ, 1940, № 3—4, стр. 293; его же. Отчет о раскопках в Фанагории в 1936—1937 гг., Труды ГИМ, вып. XVI, 1941.

Сарматские типы могил и сарматский погребальный обряд прикубанских курганов I в. до н. э. — II в. н. э. не оставляют сомнений в значительном приливе сарматов в Прикубанье из задонско-волжских степей.

Исследования мэото-сарматских городищ и могильников, произведенные В. А. Городцовым[1], М. В. Покровским и Н. В. Анфимовым[2], показали, что в Прикубанье рано создается очаг довольно развитого плужного земледелия[3]. В отличие от господствующего в степях Задонья и Заволжья скотоводческого кочевого хозяйства, у мэотов и сарматов Прикубанья и дельты Дона в течение всего периода сосуществовали два хозяйственных уклада: оседлый земледельческо-скотоводческий и полукочевой. Нижнедонские и прикубанские земледельческие поселения были также центрами различных ремесел, среди которых особого развития достигло гончарное производство. Таким образом, в свете последних исследований сарматские центры в дельте Дона (вокруг Танаиса)[4] и в Прикубанье, находящиеся в тесном контакте с Боспорским царством, выступают как наиболее передовые среди сарматского мира. Приблизительно с I в. до н. э. в Поволжье начинают проникать античные изделия и еще больше сарматские вещи (особенно керамика) нижнедонского и прикубанского типа. В политических событиях на Боспоре и в Закавказье начиная с I в. до н. э., если не ранее, принимают активное участие предкавказские сираки и аорсы, а с I в. н. э. аланы.

Исследования могильников IV—V вв. н. э. в Среднем Прикубанье (Пашковский могильник № 1)[5] и в верховьях Кубани (Гилячские могильники, могильник Байтал-Чапкан)[6] показали, что культура населения Прикубанья в это время развивалась на базе мэото-сарматской культуры Северного Кавказа первых веков н. э., причем Т. М. Минаевой выявлены генетические связи аланов верховья Кубани с сарматами Поволжья[7].

В это время на Северном Кавказе все более распространяется обычай искусственной деформации головы, существование которого как массового явления во II—IV вв. н. э. доказано для Поволжья.

---

[1] В. А. Городцов. О результатах археологических исследований Елизаветинского городища и могильника в 1934 г., СЭ, 1935, 3, стр. 71—76; его же. Елизаветинское городище и сопровождающие его могильники по раскопкам 1935 г. СА, I, стр. 171—185; Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг., М.—Л., 1937, стр. 210—213.

[2] М. В. Покровский и Н. В. Анфимов. Карта древних поселений и могильников Прикубанья, СА, IV, стр. 265—274; М. Покровский. Городища и могильники Среднего Прикубанья, Труды Краснодарского пединститута, IV, вып. 1, Краснодар, 1937, стр. 3 и сл.; Археологические исследования в РСФСР в 1934—1936 гг., стр. 215—218; Н. В. Анфимов. Земляные склепы сарматского времени в грунтовых могильниках Прикубанья, КСИИМК, вып. XVI; его же. Мэото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской, МИА, № 23.

[3] Н. В. Анфимов. К вопросу о населении Прикубанья в скифскую эпоху, СА, XI; его же. Земледелие у мэото-сарматских племен Прикубанья, МИА, № 23, стр. 144 и сл.

[4] А. А. Миллер. Краткий очерк о работах Северокавказской экспедиции АН в 1923 г., ИГАИМК, т. IV, 1925; его же. Северокавказская экспедиция 1926—1927 гг., СГАИМК, т. II, 1929; Б. В. Лунин. Очерки истории Подонья—Приазовья, Ростов н/Д, 1949; Т. Н. Книпович. Танаис, М.—Л., 1949.

[5] М. В. Покровский. Пашковский могильник № 1, СА, I, стр. 159—171; Археологические исследования в РСФСР в 1934—1936 гг., М.—Л., 1941, стр. 215; К. Ф. Смирнов. Новые данные по сарматской культуре Северного Кавказа, КСИИМК, XXXII, стр. 125; его же. О некоторых итогах исследования могильников мэотской и сарматской культуры Прикубанья и Дагестана, КСИИМК, XXXVII, стр. 155—159.

[6] Т. М. Минаева. Могильник Байтал-Чапкан. «Материалы по изучению Ставропольского края», вып. 2—3, 1950, стр. 205 и сл.; ее же. Археологические памятники на р. Гиляч в верховьях Кубани, МИА, № 23, стр. 273 и сл.

[7] Т. М. Минаева. Археологические памятники на р. Гиляч в верховьях Кубани, МИА, № 23, стр. 297; ее же. Могильник Байтал-Чапкан, стр. 235.

Неравномерное исследование сарматских памятников Северного Кавказа и Предкавказских степей еще не позволяет создать полного монографического труда, посвященного северокавказским сарматам. За исключением Прикубанья, сарматские памятники Северного Кавказа и Предкавказья изучены слабо. Кроме единичных, хотя и очень ярких сарматских памятников Ставропольского плато, мы не имеем для этого района материальных свидетельств сарматской истории. Также до сих пор известно очень мало сарматских памятников из центральных районов Северного Кавказа и степей Северо-Западного Прикаспия (бассейн Терека и Кумы). Если нам в основных чертах теперь становится ясной картина распространения сарматов и их культуры в Прикубанье, то этого нельзя сказать в отношении центральных районов Северного Кавказа, которые были заняты в сарматское время аланскими племенами. Необходима скорейшая ликвидация «белых пятен» на археологической карте степей Предкавказья, где сарматские племена появляются довольно рано (отдельные памятники прохоровской культуры на Ставропольщине и в Грозненской области).

Самым слабым местом в советском сарматоведении является изучение сарматов и их культуры в основных районах Европейской Сарматии Птолемея, т. е. в Северном Причерноморье, между Доном и Днестром. Между тем проблема развития на этой территории сарматской культуры находится в неразрывной связи с проблемой истории ранних славян и их культуры. Хотя ираноязычные сарматы и не составляли части соседнего с ними обширного мира славянских племен, однако взаимосвязи их с этим миром оставили в культуре и древних славян и сарматов заметные следы. Изучение сарматов Северного Причерноморья — одна из важнейших насущных задач советской археологии.

Большой вред изучению культуры сарматов Северного Причерноморья, как и всей советской археологии, нанесла «теория стадиальности» Н. Я. Марра, яркое выражение которой, применительно к археологии, мы находим у В. И. Равдоникаса [1]. В соответствии с «теорией» Н. Я. Марра, В. И. Равдоникас, полностью отрицая роль миграции и взаимосвязей в истории древнего населения юга нашей страны в сложении древних культур и признавая лишь голый автохтонный процесс, не считал сарматов конкретно-историческими племенами, отличными от скифов. Сарматская эпоха в Северном Причерноморье, которая начинается у В. И. Равдоникаса слишком рано (IV—III вв. до н. э.), по его мнению, «стадиально не может быть оторвана от «скифской». В. И. Равдоникас не заметил больших экономических изменений в жизни населения Северного Причерноморья в последние века до н. э., борьбы сарматов со скифами и вытеснения первыми последних из ряда областей старой Скифии, хорошо прослеживаемого на основании письменных и археологических источников. Для В. И. Равдоникаса между скифами и сарматами различия лишь социальные, так как в сарматский период в Причерноморье «возникает настоящее классовое. расслоение» [2].

Недооценка роли сарматов в истории Северного Причерноморья нашла свое отражение в вузовском учебнике А. В. Арциховского, где неверно указывается, что «правильнее говорить не о вытеснении одного народа другим (т. е. скифов сарматами — *К. С.*), а только о смене господствующего племени» [3]. В этой связи следует вспомнить свидетельство Диодора Сицилийского, который прямо говорит о большомопустошительном

---

[1] В. И. Равдоникас. Пещерные города Крыма и готская проблема в связи со стадиальным развитием Северного Причерноморья, Готский сборник, ИГАИМК, т. XII, вып. 1—8, 1932.

[2] Там же, стр. 85.

[3] А. В. Арциховский. Введение в археологию. М., 1947, стр. 94.

завоевании Скифии сарматами, приведшем к вытеснению или уничтожению значительной части скифского населения: «Эти последние (т. е. сарматы — *К. С.*) много лет спустя, сделавшись сильнее, опустошили значительную часть Скифии и, поголовно истребляя побежденных, превратили большую часть страны в пустыню» (Diod. Sic., II, 43).

Сарматы между Доном и Днестром — не автохтонное, а пришлое население. Первое передвижение сарматов к западу от Дона, зафиксированное письменными источниками, относится ко второй половине IV в. до н. э. Так перипл псевдо-Скилака помещает в Европе, т. е. западнее Дона, одно из савроматских племен — сирматов: «[за скифами сирматы] народ и река Танаис, [которая] составляет границу Азии и Европы» (Ps.-Scyl., 68).

Б. Н. Граков первые передвижения сарматов в пределы Скифии ставит в связь с ослаблением скифского царства после гибели скифского царя Атея в 339 г. до н. э. Однако сарматские памятники этого времени на правобережье Дона нам пока еще неизвестны.

Очевидно, постепенное просачивание отдельных сарматских племен на запад от Дона во II в. до н. э. закончилось большим завоеванием основных земель Скифии крупными сарматскими силами, среди которых Страбон называет сарматов-языгов, занявших территорию западнее Днестра, и роксоланов, расселившихся между Днепром и Доном (Strabo, VII, 3, 17). В языгах и роксоланах Страбона следует видеть не отдельные племена, а крупные союзы племен, получившие свое название от руководящих племен языгов и роксоланов. Ко II в. до н. э. относится присоединение к политическому союзу государств Малой Азии (ок. 179 г. до н. э.) царя европейских сарматов Гатала (Polyb., XXV, 2,12) и участие роксоланов в союзе с Палаком в борьбе против Диофанта (в конце II в. до н. э.)[1] (Strabo., VII, 3,17).

В полном соответствии с этими свидетельствами находятся археологические данные. Наиболее ранние, пока лишь единичные, сарматские погребения между Доном и Днепром, т. е. на территории роксоланов, относятся к III—II вв. до н. э.[2]

К этому времени относится одно впускное погребение (курган III, погр. 4) в курганной группе у деревень Раздольское и Новоселки на правом берегу р. Береки (бассейн Северного Донца, б. Змиевский уезд Харьковской губ.). В инвентаре этой могилы найдено зеркало прохоровского типа (судя по описанию инвентаря в каталоге выставки XII Археологического съезда)[3].

Второе погребение (курган № 11) раннесарматского времени обнаружено в 1907 г. Н. Е. Макаренко близ д. Вороной на левобережье Днепра (б. Новомосковский уезд Екатеринославской губернии)[4]. Погребение явно поволжского типа — диагональное, с юго-западной ориентировкой погребенного, при котором были найдены бронзовые наконечники стрел.

В группе курганов у с. Верхние Серогозы было обнаружено впускное погребение с глиняным горшком, по форме и орнаменту почти тождественным одному из характерных типов сосудов Поволжья III—II вв. до н. э.[5]

Находка диагонального погребения на левом берегу Днепра, далеко на запад от основной группы диагональных погребений, сосредоточенной

[1] Iospe, I, № 185.

[2] К. Ф. Смирнов. О погребениях роксолан, ВДИ, 1948, № 1, стр. 213 сл.

[3] Каталог выставки XII Археологического съезда, Харьков, 1902, стр. 215—219, № 19—28.

[4] Н. Е. Макаренко. Археологические исследования 1907—1909 гг., ИАК, вып. 43, стр. 87—88.

[5] Ф. А. Браун. Отчет о раскопках в Таврической губернии в 1898 г., ИАК, вып. 19, стр. 88—89, рис. 25.

в степях Поволжья, является археологическим подтверждением начавшегося в III—II вв. до н. э. продвижения сарматов на запад. Немногочисленность ранних сарматских памятников между Доном и Днепром не может еще служить доказательством незначительности проникновения сарматов в скифские земли. Здесь мы встречаемся лишь с фактом слабой изученности этих районов.

В известной сводке М. И. Ростовцева [1] собрана очень небольшая часть сарматских памятников Северного Причерноморья, накопленных в дореволюционное время русской археологией. М. И. Ростовцев использовал в основном лишь некоторые материалы из опубликованных раскопок В. А. Городцова и Е. П. Трефильева. Надо отбросить неправильное представление о незначительном числе сарматских погребений в Северном Причерноморье.

До сих пор не привлекали должного внимания материалы сарматского времени из раскопок Н. Е. Бранденбурга, Д. Я. Самоквасова, А. А. Бобринского, Е. Н. Мельник, Н. Е. Макаренко, Д. И. Эварницкого и др. В советский период новые сарматские погребения были вскрыты у с. Нещеретова Харьковской области (раскопки А. А. Потапова и И. Н. Луцкевича, 1928—1929 гг.), в Полтавской области у с. Кантемировка (раскопки М. Я. Рудинского, 1924 г.)[2] и у селений Климовки и Абазовки (раскопки М. Я. Рудинского, 1926—1927 гг.)[3], близ Никополя (раскопки Б. Н. Гракова 1939 г); в Запорожской области в районе Днепрогэса (во время строительства в 1930 г.), у г. Большой Токмак (раскопки В. Ф. Пешанова, 1950 г., и К. Ф. Смирнова, 1952 г.), у г. Мелитополя (могильник в Кизиярской балке, обследованный К. Ф. Смирновым в 1948 г.) и у с. Ново-Филипповки Ново-Васильевского района, где раскопки были начаты Т. Г. Оболдуевой в 1947 г.[4], а в 1951 г. под руководством А. И. Тереножкина вскрыто несколько десятков курганов, входящих в большой сарматский могильник. Последнее крупное открытие показало, что на территории Украины имеются такие же массовые могильники рядового сарматского населения, как и в Поволжье, и только отсутствие почти до последних лет планомерных разведок и раскопок сарматских памятников не позволяло обнаружить их в большом числе [5].

Теперь мы имеем более 200 сарматских погребений различного времени между Доном и Южным Бугом, большинство которых обнаружено восточнее Днепра (рис. 1). Для начала систематического изучения сарматских племен и их культуры в Северном Причерноморье, таким образом, необходима прежде всего сводка археологического материала на этой территории с его детальной хронологией и выявлением локальных особенностей. Этот материал издан лишь частично, чаще всего в виде кратких публикаций без достаточных иллюстративных приложений, и пользоваться ими в таком виде весьма затруднительно. К сожалению, многие коллекции сарматских вещей и архивные материалы, хранившиеся в музеях юга нашей страны, уничтожены фашистскими оккупантами во время Отечественной войны.

---

[1] М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор, ч. II, 1925.

[2] М. Рудинський. Кантемирівські могили римської доби, Записки ВУАК, вып. 1, Киев. 1931, стр. 127—156; его же. Археологічні збірки Полтавського музею, Збірник присвячений 35 річчю музею, т. I, Полтава, 1928, стр. 54—55; А. Спицын. Поля погребальных урн, СА, X, стр. 66—67.

[3] М. Рудинський. Досліди на Полтавщині, Коротке звідомлення ВУАК за 1926 рік, Киев, 1927, стр. 114—150.

[4] Т. Г. Оболдуева. Сарматські кургани біля м. Мелітополя, Археологічні пам'ятки УРСР, т. IV, Киев, 1952.

[5] 1951 г. ниже Никополя у с. Усть-Каменки на правом берегу Днепра был обнаружен новый характерный сарматский курганный могильник.

Имеющиеся археологические материалы, особенно полученные за последние годы, не оставляют никакого сомнения в происхождении основной массы северочерноморских сарматов из задонских и волжско-уральских степей. Основная масса сарматских погребений II в. до н. э. — II в. н. э. в степной части между Доном и Днепром, т. е. на территории страбоновских роксоланов, тождественна поволжским (особенно саратовским) погребениям по типам погребальных сооружений, деталям погребального обряда и основному набору погребального инвентаря. И здесь и там в одном и том же могильнике встречаются одновременно различные типы погребений, в том числе и диагональные, которые нигде в количественном отношении не преобладают над другими видами погребений. Диагональные погребения встречаются и в бассейне Северского Донца, и в Северном Приазовье, и на левобережье Нижнего Днепра[1]. Основной район их распространения во II в. до н. э. — I в. н. э. по последним данным — степи между Доном и Уралом, на широтах между Саратовом и Сталинградом. Этот тип погребения был перенесен и на левый берег Днепра не позже II в. до н. э., очевидно, завоевателями Скифии—роксоланами. Западнее Днепра, несмотря на присутствие и там типичных сарматских комплексов вещей и отдельных погребений, диагональных погребений пока неизвестно. Очевидно, прародиной роксоланского союза сарматских племен следует считать Нижнее Поволжье последних веков до н. э.

Как и в Поволжье, диагональные погребения на Украине одновременно и в одной и той же группе встречаются с другими типами погребений, с подбойными могилами и с погребениями в простых прямоугольных ямах; все эти типы погребений объединяются единством погребального обряда и инвентаря. Господствующей ориентировкой сарматских могил I в. до н. э. — II в. н. э. между Доном и Днепром была, как и в Поволжье, южная, хотя довольно часто встречается и западная. Последняя чаще встречается в бассейне Дона и Северского Донца. Эта характерная группа сарматских погребений в степях между Доном и Днепром объясняется, вероятно, не столько передвижением определенных сарматских групп из-за Дона, в частности из бассейна Маныча, где жили сираки, сколько переживанием обряда, принадлежавшего местному скифскому населению, которое было покорено сарматами и постепенно слилось с этими пришельцами. Сильное воздействие скифской культуры на сарматскую хорошо прослеживается по материалам сарматских погребений на р. Молочной (курган у селений Ново-Филипповка и Терпение, Мелитопольского района). Здесь, при наличии поволжских черт погребального обряда, общих для сарматов всех районов форм оружия и металлических украшений, мы встречаем наряду с поволжскими формами керамики и иные формы, отличающиеся от сарматской керамики восточных областей Сарматии. Некоторые лепные сосуды сохраняют черты местной скифской керамики. Среди сосудов много кувшинов гончарной работы, попавших к сарматам, вероятно, с нижнеднепровских укрепленных поселений, удерживаемых в первые века н. э. скифами. В бассейне Дона и Северского Донца картина иная: сарматы этих районов сохранили более тесную связь со своей родиной; сарматская керамика этих районов очень близка задонско-поволжской группе.

Изучение сарматской культуры бассейна Дона и Днепра, выявление ее локальных особенностей невозможно без изучения позднескифских памятников этой территории, без изучения скифских нижнеднепровских городищ, культура которых, несомненно, оказывала влияние на культуру сарматов. Несмотря на меньшее количество сарматских памятников степных районов между Доном и Днепром по сравнению с сарматскими па-

[1] К. Ф. Смирнов. О погребениях роксолан, ВДИ, 1948, № 1.

мятниками Задонья и Поволжья, в первой области сарматского расселения нам известны очень богатые погребения первых веков н. э., часть из которых вошла в литературу под названием кладов. Сюда относятся: Воронежский клад[1], Мигулинская золотая чаша[2], инвентарь кургана Хохлач (или Новочеркасский клад)[3], погребение близ ст. Голубинской на правом берегу Дона[4], Таганрогский клад[5], Старобельский клад[6], курган № 3 у Сватовой Лучки б. Купянского уезда, Харьковской губернии[7], курган № 2 у слободы Селимовки б. Изюмского уезда, Харьковской губернии[8], Янчокракский клад[9]. По богатству инвентаря с этими могилами могут соперничать лишь богатые прикубанские курганы раскопок Н. И. Веселовского[10]. Материал этих погребений дает нам право сделать заключение, что имущественная и социальная дифференциация сарматов Прикубанья и бассейнов Дона и Днепра была значительно сильнее, чем в Поволжье. Богатые могилы Дона и Днепра принадлежали сарматским вождям или «царям» или их дружинникам, которые являлись представителями нарождавшейся государственной власти, порывавшей с традициями первобытно-общинного строя.

Письменные источники и тем более археологический материал не позволяют говорить о создании самостоятельных сарматских государств в Северном Причерноморье. Отдельные сарматские союзы племен, подобные тем, какие были у аорсов, сираков и роксоланов, вероятно, уже носили в себе зачатки государственной организации, выражавшей интересы сарматской знати и направленной на эксплуатацию рядовых членов этих племен. Об этом говорит и наличие рабов и работорговли у сарматов. Сарматская тяжеловооруженная конница также формировалась не из всего состава сарматских воинов, а из богатой верхушки сарматского общества. Вещи из сарматских «кладов» и из прикубанских богатых погребений и изображения на стенах керченских склепов дают нам представление о вооружении и снаряжении богатой сарматской конницы: золотые и серебряные фалары и бляхи высокохудожественной работы, железные кольчуги и пластинчатые панцыри, железные конические шлемы, длинные копья и мечи, рукоятки которых были украшены золотом и

[1] А. П. Смирнов. Новый сарматский могильник в Воронежской области, ВДИ, 1940, № 3—4, стр. 363—366.

[2] «Древности», т. I, стр. 197—200; Русские древности, т. III, стр. 138; Я. И. Смирнов. Восточное серебро, Атлас, СПб., 1909, табл. X, *27*; М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор, стр. 584—585; его же. Надпись на золотом сосуде из ст. Мигулинской, ИАК, вып. 63, стр. 106—108.

[3] ОАК за 1864 г., стр. XX—XXI; Русские древности, т. III, 1890, стр. 132—140; М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор, стр. 582—585.

[4] ОАК за 1890 г., стр. 118; М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор, стр. 585.

[5] ИАК, вып. 29, стр. 27.

[6] Д. И. Багалей. Объяснительный текст к археологической карте Харьковской губернии, Тр. XII АС, т. I, стр. 76, 81; А. С. Фалары южной России, ИАК, вып. 29, стр. 27—28, 43—45.

[7] Е. П. Трефильев. Археологические экскурсии в Купянский уезд, Харьковской губернии, Тр. XII АС, т. I, стр. 135—138; Д. И. Багалей. Объяснительный текст к археологической карте Харьковской губернии, Тр. XII АС, т. I, стр. 63; Каталог выставки XII АС в Харькове, 1902, стр. 122—123, 128, № 7—70, 157; М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор, стр. 586—587.

[8] В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде, Харьковской губернии 1901 г., Тр. XII АС, т. I, стр. 210—232, 236—237, 240—241, табл. XIV; Каталог выставки XII АС, стр. 62—63, № 295—306; М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор, стр. 587.

[9] А. С. Фалары южной России, ИАК, вып. 29, стр. 28, 29, 52; В. Pharmakowsky. Archäologische Funde im Jahre 1907 Südrussland. Jahrbuch des Keiserl. Deutsch. Archäologisch. Instituts, 1902, 2 (рис.); М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор, стр. 588—589; отчет Московского исторического музея, М., 1907, стр. 13, табл. I.

[10] Н. И. Веселовский. Курганы Кубанской области в период римского владычества, Тр. XII АС, т. I, М., 1905, стр. 341—373.

цветными стеклянными вставками, золотые бляшки, украшавшие костюм воина, золотые фибулы от плащей.

Сарматские могилы Причерноморья, подобно поволжским, характеризуют кочевой образ жизни сарматов этой области. Однако не исключена возможность обнаружения при дальнейших исследованиях укрепленных сарматских городищ не только в Прикубанье и в нижнем течении Дона, но и в глубине северочерноморских степей. Нам известен в бассейне Дона, в его среднем течении, один сарматский бескурганный могильник. Он находится у хут. Батальщикова близ ст. Мигулинской[1], откуда происходит знаменитая Мигулинская чаша. Близ этого могильника находится городище, окруженное валом и рвом, которое еще ждет своего исследователя[2].

Погребения позднесарматского, аланского типа (II—IV вв. н. э.) также хорошо известны на всей территории между Доном и Днепром. Они тоже очень близки поволжским и многие костяки в них имеют искусственно деформированные черепа. Вероятно, не случайно то обстоятельство, что большинство этих погребений нам известно в районе Северского Донца, т. е. на территории распространения салтовской культуры, происхождение которой от сарматской (аланской) культуры первых веков н. э. ни у кого теперь не вызывает сомнения.

На Полтавщине, в бассейне Орели и Ворсклы, все известные сарматские погребения относятся к позднему времени (II—IV вв. н. э.), т. е. мы наблюдаем как будто бы картину расселения некоторой группы сарматских племен на север. Здесь встречались и одиночные позднесарматские погребения с северной ориентировкой, как, например, в кургане № 3 близ с. Афанасьевки б. Новомосковского уезда[3], в кургане у с. Новые Сенжары на левом берегу р. Ворсклы[4], у с. Лихачевки между реками Мерлом и Ворсклой[5], и, повидимому, целые курганные группы, в которых исследовано по нескольку могил, как, например, курганы у с. Котовки на Орели, у с. Климовки на р. Орчике (правый приток Орели)[6].

Сосуды из этих погребений представляют типичные степные сарматские формы, очень близкие сосудам салтовской культуры. В мужских могилах были найдены кости коня и кольчатые удила, наиболее распространенные в позднесарматских могилах Поволжья.

Позднесарматские погребения, некоторые с деформированными черепами, известны и в низовьях Днепра на его левобережье. Таковы находки у селений Малые Копани[7] и Нов. Шабо (Виноградный)[8] и у д. Черненьки[9].

Следовательно, имеющийся в нашем распоряжении археологический материал позволяет говорить о расширении во II—IV вв. н. э. сарматской территории между Доном и Днепром, с одной стороны, на север, в пограничные юго-восточные районы раннеславянской культуры полей погребений, с другой стороны — в низовья Днепра, т. е. на территорию

---

[1] Археологические исследования в РСФСР в 1934—1936 гг., стр. 172—174.

[2] Там же.

[3] Д. И. Эварницкий. Раскопки курганов в пределах Екатеринославской губернии, Тр. XIII АС, т. I, стр. 139—141.

[4] М. Рудиньськiй. Археологічні збірки Полтавського музею, збірник, присвячений 35 річчю музею, т. I, Полтава, 1928, стр. 52.

[5] И. А. Зарецкий. Заметки о древностях Харьковской губернии Богодуховского уезда, слободы Лихачевки, Полтава, 1887.

[6] М. Рудиньськiй. Досліди на Полтавщині, Коротке звідомлення ВУАК за 1926 рік, Киев, 1927, стр. 144—150.

[7] Літопис Херсонського історико-археологічного музею, 1927—1928 р., Херсон, 1929, стр. 9.

[8] Там же, стр. 10, табл. II, *4*.

[9] В. И. Гошкевич. Летопись Херсонского музея за 1909—1910 гг., Херсон, 1912, стр. 20.

Малой Скифии Страбона. Дальнейшее накопление материала позволит наметить общие контуры локальных вариантов сарматской культуры Северного Причерноморья и сделать первую попытку связать их с наиболее крупными племенными образованиями на этой территории, указанными Страбоном и Птолемеем.

С конца IV в. н. э. на территории Северного Причерноморья распространяется особый тип богатых погребений, так называемые «речные погребения»[1], которые известны особенно хорошо в низовьях Днепра и в Северном Приазовье, а также в Поволжье[2] и сравнительно далеко на севере, в верховьях р. Псла (близ г. Суджи)[3], и на западе в бассейне Прута (Концешты)[4].

Изучение этих погребений связано с вопросом гунно-сарматских (аланских) отношений, как на территории Поволжья, так и Северного Причерноморья. Их датировка (конец IV—V вв. н. э.) определена Л. А. Мацулевичем[5] и А. Алфёльди[6], но остается невыясненным вопрос, нужно ли их связывать с сарматами-аланами или с гуннами.

Как правило, это могилы богатых воинов, погребенных в низких местах — лощинах, оврагах, в пойме рек, т. е. в местах, заливаемых в весеннее время водой. Вместе с воинами хоронились кони, отдельные кости коня или богатые конские уборы и оружие. Погребальный обряд этих могил тесно связан с сарматским погребальным обрядом. Прежде всего напомним в этой связи условия находки ряда сарматских богатых «кладов» более раннего времени, которые представляли не что иное, как погребения богатых сарматских воинов. Так, например, Старобельский и Янчокракский «клады» были найдены на дне балок, заливаемых весной водой. В их составе, как и в речных погребениях, преобладают дорогие предметы конского убора. Сарматская принадлежность этих «кладов» несомненна. Культ коня, ярко представленный в «речных погребениях», особенно четко выявляется по материалам позднесарматских погребений Поволжья. Связанная с этим культом символизация коня в погребениях сарматских воинов сначала выражается в положении в могилу конской упряжи, удил, нагаек, железных пут, а позже ко всему этому прибавляется захоронение с воином отдельных костей лошадей, в том числе копыт и черепов, которые не могли являться заупокойной пищей погребенного. То же мы наблюдаем в одновременных могилах Северного Причерноморья.

Почти все вещи погребального инвентаря «речных погребений» связаны с характерными вещами сарматских могил первых веков н. э. Среди оружия — железные трехлопастные черешковые стрелы позднесарматских типов, длинные мечи без перекрестья, массивные копья, кольчуги, т. е. полный набор оружия тяжеловооруженного сарматского воина. Среди конской упряжи — сарматские кольчатые удила с обоймами на подвижном кольце для ремней, золотые накладки на сбрую с цветными вставками из стекла, янтаря, гранатов или альмандинов. В составе конской упряжи появляются впервые на территории Северного Причерноморья жесткие седла с передней высокой лукой. В ряде «речных погребений» были найдены обкладки седел из тонких золотых листов с пунктирным или чешуйчатым орнаментом.

---

[1] Л. А. Мацулевич. Погребение варварского князя в Восточной Европе. ИГАИМК, вып. 112.

[2] И. В. Синицын. Позднесарматские погребения Нижнего Поволжья, Известия Саратовского Нижневолжского ин-та краеведения им. М. Горького, т. VII, Саратов, 1936, стр. 71—86.

[3] Л. А. Мацулевич. Ук. соч.

[4] Л. А. Мацулевич. Ук. соч., стр. 56—57.

[5] Л. А. Мацулевич. Ук. соч.

[6] A. A. Alföldi. Funde aus der Hunnenzeit und ihre ethnische Sonderung, Archealogia Hungarica, IX, Budapest, 1932.

Довольно часто встречались диадемы из тонкого листового золота на медной или бронзовой основе с огромным количеством цветных вставок. Диадема, судя по кургану «Хохлач» в Новочеркасске, являлась знаком отличия особо знатного и богатого представителя сарматского общества, возможно даже — царским венцом. Новочеркасская «корона» была украшена сверху изображением деревьев и оленей. Роскошный, выполненный в полихромном стиле венец из «речного погребения» в Кизиярской балке под Мелитополем[1] был украшен по верхнему краю рядом стилизованных головок (лошадей?) и растений. Найденные в Кизиярской балке зеркало-подвеска с боковой ручкой и котелок, клепанный из тонких бронзовых листов, также аналогичны вещам из позднесарматских погребений Поволжья, Прикубанья и степей Украины.

Намечающиеся черты сходства погребального обряда сарматских курганных погребений и «речных погребений», весь сарматский облик погребального инвентаря «речных погребений» заставляют скорее склониться к мнению, что эти памятники были оставлены сарматами в пору борьбы и союзнических отношений их с гуннами, вторгшимися в Восточную Европу. Благодаря гуннам вещи сарматского типа, подобные вещам «речных погребений», распространяются на широкой территории: от Западного Казахстана[2] на востоке до Венгрии на западе[3] и до Северного Дагестана[4] на юге.

Нам до сих пор неизвестны характерные сарматские памятники, которые говорили бы о сколько-нибудь заметном и длительном пребывании сарматских племен в Крыму, хотя определенная сарматизация Крыма, в частности Неаполя и греческих городов Крыма, да и не только Крыма, но и всего Северного Причерноморья, в первые века н. э., бесспорна. Со всей необходимостью встает вопрос о выяснении характера этой сарматизации. Советскими археологами-античниками проделана уже большая работа по выяснению роли местных, в частности, сарматских элементов в истории и культуре античных городов Северного Причерноморья. Совместная работа античников и специалистов по скифо-сарматской археологии над этой проблемой может принести еще большие результаты; кроме того, она позволит уточнить датировки самых сарматских комплексов.

Хуже обстоит дело с сарматскими памятниками в степных районах западнее Днепра, хотя отдельные памятники известны на Ингульце, Ингуле и Буге, в том числе в самой Ольвии. В этих районах прежде всего необходимы большие полевые исследования. Необходимо выделить сарматские элементы в культуре местных городищ и грунтовых могильников, выявленных в низовье Днепра и Южного Буга.

Из старых раскопок известны некоторые курганные погребения сарматского времени на Нижнем Днестре, в районе Тирасполя и Днестровского лимана. Однако и в этом районе еще необходимы большие полевые исследования, чтобы выяснить вопрос: оставили ли сарматы заметные следы своего пребывания в юго-западных районах нашей страны, через которые они прошли на Дунай, к границам Римской империи.

Несколько сарматских погребений, открытых за последние годы на правом берегу Днепра, например в Никопольском курганном могиль-

---

[1] Случайная находка 1948 г.; вещи не опубликованы, хранятся в Мелитопольском музее.

[2] А. Козырев. Раскопки кургана в урочище Кара-Агач, Акмолинского уезда, ИАК, вып. 16, 1905, стр. 27—36; А. Н. Бернштам. Находки у оз. Борового в Казахстане. Сборник Музея антропологии и этнографии, М.—Л., 1951, стр. 216—229.

[3] A. Alföldi. Ук. соч.

[4] ОАК за 1882—1888 гг., стр. CCCXXXI.

нике[1], типично сарматские вещи из Ольвии (например, алебастровые сосуды с зооморфными ручками, меч с кольцевым навершьем[2]), комплекс сарматских вещей поволжско-кубанского типа у с. Траяны б. Балтского уезда[3] (бронзовое зеркало с ободком и короткой ручкой I в. до н. э. — I в. н. э., бронзовый котелок с зооморфными ручками, бронзовые колокольчики, каменные пряслица и пр.) и ряд других курганных погребений между Днепром и Бугом показывают, что на Правобережной Украине мы можем обнаружить такие же массовые памятники сарматской культуры, как и на р. Молочной.

Основная масса сарматских памятников Северного Причерноморья занимает степные области и непосредственно граничит с юго-восточной областью распространения памятников культуры полей погребений[4]. На левобережье Днепра, как мы уже отмечали выше, лишь несколько позднесарматских погребений вклиниваются в лесостепную зону по Ворскле и в верховьях Псла. Исключение составляет компактная группа погребений Днепровского правобережья, занимающая южные районы Киевской (по Роси и Россаве) и северные районы Кировоградской (по Тясмину и Выси) областей. Эти погребения, в основном впускные, с северной ориентировкой погребенных и с характерным сарматским инвентарем, известны по старым раскопкам А. А. Бобринского, Н. Е. Бранденбурга и Д. Я. Самоквасова[5]. Находки в этих погребениях типичных форм сарматского оружия, конского убора, керамики, украшений и ритуальных сосудов свидетельствуют не только о взаимосвязи сарматов с древним несарматским населением, но и о частичном проникновении сюда отдельных сарматских групп из соседних степей. Таким образом мы можем наметить две основные области сосуществования сарматских и раннеславянских групп населения, где особенно интенсивно шел процесс взаимодействия двух этнически и культурно различных племенных массивов: лесостепные районы Днепровского левобережья и правобережья.

Вопрос о культурных взаимосвязях сарматов и славян, поставленный еще В. А. Городцовым[6], в последние годы вновь поднят советскими археологами-славяноведами.

Мы пока не можем сказать, когда проникли отдельные группы сарматского населения в лесостепные районы Днепровского правобережья: в период ли наиболее интенсивного натиска сарматов из-за Дона в последние века до н. э. или их расселение сюда произошло несколько позже. Однако ни одно из погребений с сарматским инвентарем в этом районе не может быть датировано позже I—II вв. н. э. Если сюда проникли отдельные сарматские группы, то они вскоре были сметены или ассимилированы ранними славянами. В могильниках черняховского типа именно этой

[1] Б. Н. Граков. Никопольская археологическая экспедиция. Предварительный отчет о раскопках 1938 и 1939 гг. Архив Института археологии АН УССР, ф. 16, д. № 6 и 7; М. Воеводский. Обзор полевых археологических исследований в 1939 г. ВДИ, 1940, № 2, стр. 190.

[2] ОАК за 1908 г., стр. 84, рис. 75.

[3] ОАК за 1913—1915 гг., стр. 201.

[4] Ю. В. Кухаренко. Юго-восточная граница расселения раннеславянских племен (Архив ИИМК).

[5] А. А. Бобринский. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы, т. I—III; ОАК за 1896 г., стр. 88 и сл.; А. Бобринский. Отчет о раскопках 1903 г. в Чигиринском уезде Киевской губернии, ИАК, 14, стр. 29—30; его же. Отчет о раскопках в Чигиринском уезде Киевской губернии в 1908 г., ИАК, 35, стр. 50—51; его же. Отчет об исследовании курганов в Черкасском и Чигиринском уездах Киевской губернии в 1909 г., ИАК, 40, стр. 51; Журнал раскопок Н. Е. Бранденбурга 1888—1902, СПб., 1908; Д. Я. Самоквасов. Могилы русской земли, М., 1908; его же. Основание хронологической классификации могильных древностей Европейской России, Варшава, 1892.

[6] В. А. Городцов. Дако-сарматские религиозные элементы в русском народном творчестве, Труды ГИМ, т. I, стр. 7—36.

территории мы наблюдаем некоторые черты сарматского обряда или инвентаря[1].

Ю. В. Кухаренко удалось проследить постепенное продвижение памятников культуры полей погребений с левобережья Днепра в верховья Северского Донца[2], где носители этой культуры непосредственно сталкивались с сарматами. И в этой области памятники полей погребений приобретают ряд черт сарматской культуры. Здесь процесс взаимодействия сарматов и славян ощущается сравнительно сильно и поэтому возникает вопрос: все ли памятники полей погребений бассейна Ворсклы и верховьев Донца связаны со славянами? Во всяком случае такие памятники, как Кантемировские курганы IV в. н. э., по обряду погребений могут быть признаны только сарматскими и, таким образом, не могут быть включены в группу памятников культуры полей погребений. И тем более ошибочно увлечение некоторых украинских археологов, отождествлявших типичные сарматские памятники степных районов Северского Донца с памятниками культуры полей погребений[3]. С другой стороны, необходимо отметить определенное воздействие культуры полей погребений на соседние позднесарматские (очевидно, аланские) племена бассейна Северского Донца. Вопрос о взаимодействиях раннеславянских племен с сарматами на юго-восточной окраине славянского мира в первой половине I тысячелетия н. э. заслуживает большого внимания: несмотря на то, что степи были заняты населением, чуждым славянам и по языку, и по экономическим основам, и по общему облику культуры, отдельные поселения культуры полей погребений уже в первые века н. э. появляются в Днепровской луке[4], а отдельные элементы этой культуры (трупосожжение, керамика и пр.) проникают еще далее на юг и юго-восток, например в Крым (Инкерманский и Чернореченский могильники, исследованные Е. В. Веймарном), и даже в Прикубанье[5].

В 1952 г. в бассейнах Днепра и Ингульца, в степных районах, обнаружены новые памятники культуры полей погребений — могильники близ Каменских кучугур и у с. Гавриловки Херсонской области, городища и селища с керамикой культуры полей погребений. Таким образом, в бассейнах Нижнего Днепра и Ингульца во II—IV вв. н. э. мы находим памятники различного облика, одни из которых связываются с культурой скифов, другие — сарматов и третьи — очевидно, ранних славян. Весьма важно изучить памятники этого района, чтобы выяснить характер взаимоотношений пришедших в соприкосновение разноязычных племен, отличающихся по своему образу жизни и по культуре.

На нижнеднепровских городищах первых веков н. э., которые, очевидно, еще принадлежали скифам, встречаются типичные сарматские вещи, например, бронзовые браслеты, зеркальца-подвески[6]. С другой стороны, некоторые формы керамики Молочанской группы сарматов связываются с местными формами скифского времени, другие (посуда, изготовленная на гончарном круге) — с городскими северочерноморскими формами. В результате соседства и тесных общений мы наблюдаем посте-

[1] Ю. В. Кухаренко. Юго-восточная граница расселения раннеславянских племен.

[2] Там же.

[3] І. Луцкевич. Матеріали до карти поширення пам'яток культури полів поховань на території Харківської області, Археологія, т. II, Киев, 1948.

[4] Ю. В. Кухаренко. Юго-восточная граница расселения раннеславянских племен.

[5] К. Ф. Смирнов. О некоторых итогах исследования могильников мэотской и сарматской культуры Прикубанья и Дагестана, КСИИМК, вып. XXXVI, стр. 159.

[6] M. Ebert. Ausgrabungen bei dem «Gorodok Nikolajevka» am Dnjepr, gouv. Cherson, Präxistorische Zeitschrift, Bd. V, Hft. 1—2, Leipzig, 1913, стр. 80—100; В. И. Гошкевич. Древние городища по берегам низового Днепра, ИАК, вып. 47, стр. 134, рис. 34.

пенное изменение облика культуры сарматов и скифов на Нижнем Днепре и по Молочной.

Другой интересный район взаимодействий различных культур, сарматской и культуры полей погребений,— это район Полтавщины и Северского Донца. В восточных, пограничных районах культуры полей погребений, как это показал Ю. В. Кухаренко, могильники содержат значительный процент трупоположений, некоторые погребенные лежат в тех же позах, что и сарматы (вытянуто на спине, одна из рук на тазовых костях, иногда ноги в голенях перекрещены).

Керамика культуры полей погребений Северского Донца несколько отличается от черняховской не только в деталях формы, но и по составу глины и характеру лощения. Отдельные ее экземпляры находились и в позднесарматских могилах Северского Донца.

Очевидно, через сарматские придонские и предкавказские районы, а возможно, и через Крым, отдельные элементы культуры полей погребений попали и в Прикубанье в IV в. н. э. Так, в Пашковском могильнике № 1 среди трупоположений было обнаружено одно погребение с сожжением[1], тогда как обряд трупосожжения для более раннего времени вовсе не известен в западных районах Северного Кавказа. Некоторые сероглиняные сосуды этого могильника, например миски, очень близки по форме и тесту (с большой примесью песка) северодонецким. Наконец, в обоих районах мы встречаем одинаковые типы фибул, поступавшие туда, вероятно, из одного центра производства где-то в Северном Причерноморье.

Для плодотворного разрешения целого ряда важнейших вопросов сарматской археологии, к которым прежде всего относятся вопросы происхождения сарматских племен, сложения их культуры и ее развития, социально-экономического и политического развития отдельных сарматских групп на обширной территории их расселения, при хронологическом сопоставлении сарматских памятников с известными из письменных источников наиболее крупными племенными образованиями, расселения сарматов, их роли в истории античных рабовладельческих центров Северного Причерноморья, взаимосвязи сарматов с их соседями — со скифами, населением Средней Азии, Кавказа и особенно с ранними славянами, участия поздних сарматов в племенных и политических образованиях юго-востока Европейской части нашей страны в эпоху раннего средневековья, значения их культуры в формировании культур населения юга нашей страны и в том числе славянской культуры,— необходима совместная работа специалистов по скифо-сарматской археологии с археологами-античниками, кавказоведами, специалистами по археологии Средней Азии и славяноведами, а также с антропологами и лингвистами. С неотложной необходимостью встает задача проведения больших полевых разведочных и раскопочных работ в наименее исследованных районах сарматского расселения и прежде всего на Украине, в Приаральском районе, в Предкавказье, центральных районах Северного Кавказа и в Крыму.

Начавшиеся в 1951 г. большие археологические исследования в Поволжье (на Еруслане) и на Украине (по р. Молочной) уже привели к открытию новых ценных памятников сарматской культуры. Дальнейшее расширение запланированных полевых исследований на новостройках в ближайшие годы дадут советским археологам огромный вещественный материал для постановки и разрешения ряда важнейших проблем истории и культуры народов СССР.

[1] К. Ф. Смирнов. Новые данные по сарматской культуре Северного Кавказа, КСИИМК, вып. XXXII, 1950, стр. 125; его же. О некоторых итогах исследования могильников мэотской и сарматской культуры Прикубанья и Дагестана, КСИИМК, вып. XXXVI, 1951, стр. 155—159.

М. И. Вязьмитина

САРМАТСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ У С. НОВО-ФИЛИППОВКА

Группа сарматских могильников в окрестностях с. Ново-Филипповка Ново-Васильевского района Запорожской области открыта Молочанской экспедицией Института археологии Академии наук УССР в 1951 г.[1] Могильники были обнаружены на северной окраине с. Ново-Филипповка при тракторной вспашке поля, когда на поверхности земли в разных местах четко обозначились круглые желтые пятна — следы от распаханных ранее насыпей небольших курганов.

Первое же их этих пятен, раскопанное Е. Ф. Покровской, дало погребение сарматского воина (погр. 1). На северной окраине с. Ново-Филипповка раскопано 6 таких пятен; из них с сарматскими погребениями 1, 4, 5 и 6; 34 пятна с сарматскими погребениями открыты также на землях совхоза Аккермень[2]. На восточной окраине с. Ново-Филипповка раскопано два небольших кургана: 2 и 4. Два впускных сарматских погребения обнаружено в курганах эпохи бронзы № 1 (погр. 15) и 2 (погр. 2) у северной окраины села.

Всего в окрестностях с. Ново-Филипповка и совхоза Аккермень раскопано 42 сарматских погребения.

Кроме того, два впускных сарматских погребения (погр. 1, 6 и повидимому 3) открыты в 1951 г. у южной окраины с. Долиновка в кургане 6 эпохи бронзы[3].

Раскопанные могильники дают три основных типа погребальных сооружений: 1) широкие прямоугольные ямы, почти квадратной формы (табл. I, *1*) с остатками деревянных конструкций[4]; 2) узкие прямоугольные[5] или овальные[6] (табл. I, *2*), изредка с камышевым перекрытием[7] и 3) ямы с подбоями (табл. I, *3*). Последние обычно представляют собой прямоугольную или овальную яму, в западной части которой сделан нишеобразный подбой, соединенный с ямой небольшой ступенькой. Вход в подбой обычно ничем не заложен; в одном случае он был закрыт камышевыми стеблями[8].

---

[1] Начальник экспедиции А. И. Тереножкин. Кроме научных сотрудников Института археологии Академии наук УССР М. И. Вязьмитиной, В. А. Ильинской и Е. Ф. Покровской, в работах экспедиции принимали участие сотрудники Киевского исторического музея О. Д. Ганина и А. И. Рассадович.

[2] В восточной группе 1—14 и в западной — 1—3, 5—21.

[3] Раскопан научным сотрудником Института археологии АН УССР А. И. Фурманской.

[4] Размеры: длина 2,00—2,40 м; ширина 1,90—2,00 м; глубина 0,65—1,75 м от поверхности земли.

[5] Размеры: длина 1,00—2,30 м; ширина 0,55—1,48 м; глубина 0,30—2,30 м.

[6] Размеры: длина 1,45—2,55 м; ширина 0,45—1,35 м; глубина 0,43—1,65 м.

[7] Аккермень, западная группа, погр. 1.

[8] Ак. II, западная группа, погр. 10.

Среди раскопанных погребальных сооружений численно преобладают узкие прямоугольные ямы (21), далее следуют ямы с подбоем (10) и, наконец, квадратные ямы (7).

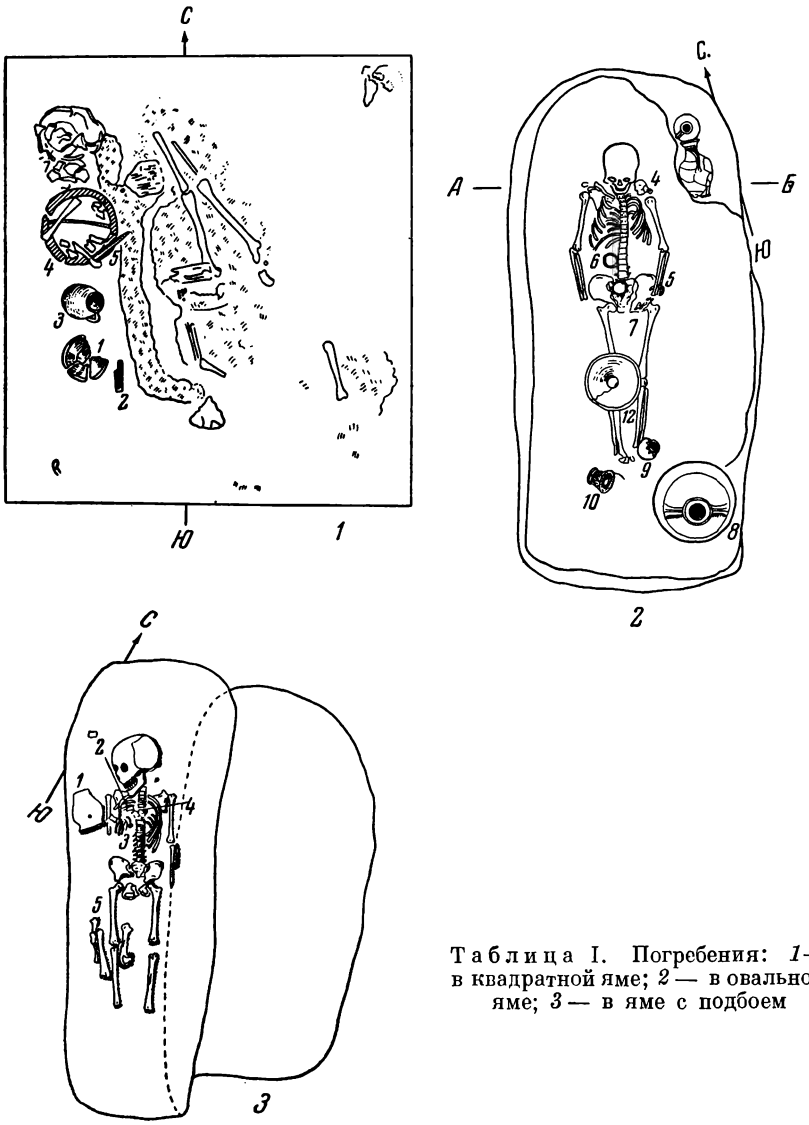
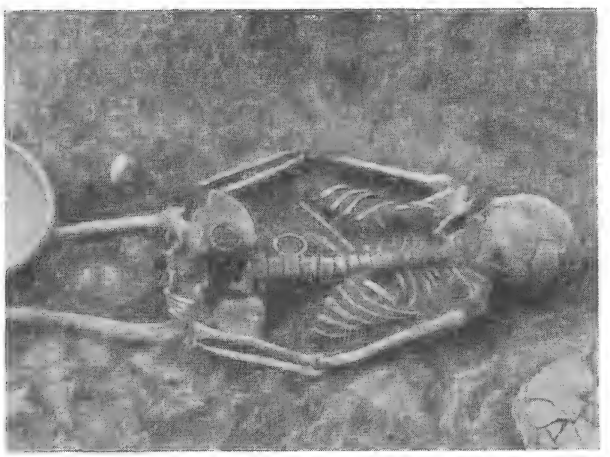


Таблица I. Погребения: *1* — в квадратной яме; *2* — в овальной яме; *3* — в яме с подбоем

Погребенный лежит, как правило, на спине, с вытянутыми вдоль туловища руками. В одном случае[1] у погребенного ноги скрещены ниже колен и кисть согнутой в локте левой руки лежит на тазе. В одной могиле[2] обнаружено скорченное погребение.

Характерная особенность погребения в квадратных могилах — положение костяка по диагонали ямы и, как общее правило, южная ориентировка головы, с небольшими отклонениями к востоку или западу. В узких прямоугольных и овальных могилах отмечается преобладание

[1] Ак. II, восточная группа, погр. 2.
[2] Там же.



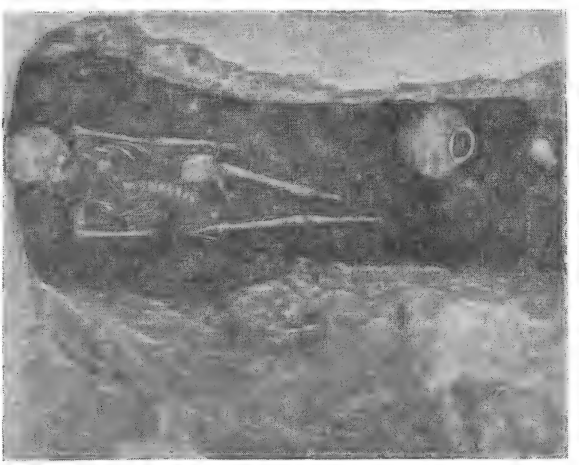


Таблица Ia. Погребения

южной ориентировки. В подбойных могилах встречаются и северная и южная ориентировки, с незначительным преобладанием северной.

В ряде подбойных погребений на ступеньке наблюдались следы кострищ [1]. В одном случае возле кострища стоял перевернутый лепной горшок со следами копоти[2]. Следы кострища наблюдались иногда на дне могилы[3] или над погребением в засыпке могилы [4].

В некоторых могилах обнаружены остатки напутственной пищи: лопатка и ноги овцы с ножом возле них, лежащие на блюде[5] (табл. 1, *1*), ноги овцы, положенные поперек ног погребенного[6]; в одном погребении в насыпи над покойником обнаружен целый костяк собаки, повидимому, принесенной в жертву[7].

В некоторых квадратных могилах на деревянном настиле пола лежала плотная подстилка из морской травы (камки)[8] (табл. 1, *1*). Иногда дно этих ям поверх подстилки было

---

[1] Ак. II, вост. гр., погр. 2 и 5.
[2] Ак. II, вост. гр., погр. 5.
[3] Ак. II, зап. гр., погр. 14.
[4] Ново-Филипповка, вост. окраина, кург. № 4.
[5] Ак. II, вост. гр., погр. 1,
[6] Н.-Ф., сев. окраина, погр. 1.
[7] Ак. II, вост. гр., погр. 14.
[8] Ак. II, вост. гр., погр. 1 и 5.

посыпано песком и ракушками[1]. В одном кургане[2] под погребенным обнаружен камышевый настил. Можно предполагать иногда и наличие войлочной подстилки или кошмы[3].

Раскопанные погребения дали большое количество разнообразных изделий из глины, металла, кости, стекла, пасты, кожи и камня. Анализ инвентаря отдельных погребений свидетельствует о наличии определенной имущественной разницы между погребенными. В одних могилах весь инвентарь ограничивается одним-двумя глиняными сосудами и каким-нибудь мелким предметом (наконечник стрелы, оселок, пряжка), в других он представлен целым рядом сосудов (до семи) и другими вещами, среди которых большое место занимают дорогие импортные изделия из кости, стекла, металла и т. д. Наиболее богатым инвентарем отличаются погребения в квадратных ямах, что и послужило причиной их ограбления еще в древности.

В наибольшем количестве представлены в инвентаре погребений глиняные сосуды. По технике изготовления они разделяются на лепные и кружальные. Лепные сосуды сделаны из грубой глины со включением зерен кварца и извести. Поверхность шероховатая, иногда заглажена и слегка залощена. Обжиг слабый, неравномерный. В изломе тесто обычно серо-черного цвета. Кружальные сосуды сделаны из хорошо отмученной глины, они отличаются более тонкой выделкой и хорошим обжигом.

ЛЕПНЫЕ СОСУДЫ

Наиболее ранним из лепных сосудов, найденных в Молочанской группе могильников, является тыквообразный сосуд с высокой цилиндрической шейкой, обрамленной у основания рядом кружков, нанесенных на тело сосуда полым стеблем (табл. II, *1*). Сосуд этот обнаружен под сарматским погребением первых веков н. э.[4] По форме он напоминает круглодонные сосуды раннесарматского периода в Поволжье (IV—II вв. до н. э.). Повидимому, его можно датировать этим временем.

Остальные сосуды относятся к рубежу и первым векам н. э. Остановимся на описании отдельных форм и их разновидностей.

Сосуд с яйцевидным туловищем и расширяющейся кверху шейкой (табл. II, *2*)[5]. Дно слегка закруглено. Украшен прочерченным линейным орнаментом: пятью параллельными линиями на шейке и пучками ритмично повторяющихся вертикальных борозд, спускающихся от основания горла и перечеркнутых вверху зигзагообразной линией. Датируется найденными с ним трехперыми железными черешковыми наконечниками стрел (I в. до н. э. — I в. н. э.).

Низкоплечий корчагообразный сосуд. Плоскодонный с округло-биконическим туловищем, низкой шейкой с перехватом посередине и воронкообразно отогнутым венчиком[6] (табл. II, *3*).

Корчагообразные сосуды с высокими плечами[7]. Узкодонные, с округлым туловом и воронкообразно отогнутым венчиком. Венчики у этих сосудов имеют различный наклон, профиль венчика прямой или изогнутый (табл. II, *4*).

Горшковидные сосуды трех типов.

---

[1] Ак. II, вост. гр., погр. 5.
[2] Н.-Ф., вост. окр., кург. № 2, погр. 1.
[3] Н.-Ф., вост. окр., погр. 4.
[4] Ак. II, зап. гр., погр. 3.
[5] Н.-Ф., вост. окр., кург. № 2, погр. 2.
[6] Ак. II, вост. гр., погр. 5.
[7] Н.-Ф., сев. окр., погр. 6; Ак. II, вост., погр. 7; зап. гр., погр. 19 и 21.

Тип 1. Приземистый, с широким округлым туловом и воронкообразно отогнутым венчиком[1] (табл II, *5*).

Тип 2. С сильно закругленным вверху и резко сужающимся книзу туловом и широкой, слегка расширяющейся кверху шейкой[2] (табл. II, *6*).

Тип 3. Более вытянутых пропорций, со слабо выпуклыми боками и воронкообразно отогнутым венчиком[3] (табл. II, *7*).

Вышеописанные сосуды характеризуются рядом общих признаков, отмечаемых в технике их выработки и в оформлении отдельных частей. Стенки у всех описанных сосудов, за небольшим исключением, довольно тонкие, что делает сосуды сравнительно легкими и отличает их от обычной грубой лепной посуды. Венчик обычно косо срезан; у некоторых сосудов (табл. II, *7*) по краю среза — ряд крупных или мелких вдавленных ямок[4], иногда чередующихся с косыми насечками[5]. Отмечается разделка внешней поверхности сосудов расчесами, идущими в разных направлениях[6], или вертикальными рядами сверху вниз[7], что придает сосудам несколько архаичный вид. Плечи одного сосуда (табл. II, *8*), ниже основания шейки, украшены еще орнаментальным мотивом из трех вдавленных ямок, соединенных в виде трилистников, расположенных в трех местах на плечиках сосуда на равных расстояниях друг от друга. На сосуде из погр. 17 (Ак. II, зап. гр.) вокруг основания шейки прочерчена зигзагообразная линия (табл. II, *7*).

Кроме описанных приемов орнаментации при помощи оттиска палочкой или пальцем и прочерчивания, в отделке поверхности сосудов отмечается применение и налепного рельефного орнамента. Он состоит обычно из чередующихся острых шишечек и подковообразных налепов[8] (табл. II, *4*) или из небольших вертикально расположенных налепов[9] (табл. II, *6*). Налепной орнамент обычно располагается в верхней части тулова, несколько ниже основания шейки.

На основании анализа инвентаря, сопровождающего сосуды, их можно разделить на две хронологические группы, из которых одна датируется рубежом нашей эры и I в. н. э., а другая II—III вв. н. э. Основанием для датировки сосудов 1-й группы служит наличие в погребениях вместе с ними красноглиняного кувшина с росписью полосками, сделанными жидкой белой краской, и железных трехперых черешковых наконечников стрел. Основанием для датировки 2-й группы (к ней относятся сосуды с налепным орнаментом в виде шишечек, подковообразных налепов) служат совместные находки сосудов этой группы с небольшими зеркальцами-подвесками с рельефным тамгообразным узором и с небольшой красноглиняной чашечкой с петельчатым ушком[10], датировка которой II—III вв. н. э. подтверждается нахождением вместе с такой же чашечкой в одном из погребений на Боспоре стеклянных сосудов II—III вв. н. э.[11]

Шаровидные сосудики имеют небольшое плоское или слегка округленное дно, низенькую шейку с перехватом посередине и отогнутый наружу венчик. Поверхность их слегка залощена, иногда имеет почти

---

[1] Ак. II, зап. гр., погр. 20.
[2] Ак. II, зап. гр., погр. 17.
[3] Ак. II, зап. гр., погр. 10 и 17.
[4] Ак. II, зап. гр., погр. 10, 17, 21.
[5] Ак. II, зап. гр., погр. 21.
[6] Ак. II, вост. гр., погр. 7; Ак. II, зап. гр., погр. 10, 13 и 21.
[7] Ак. II, зап. гр., погр. 19.
[8] Ак. II, зап. гр., погр. 19.
[9] Ак. II, зап. гр., погр. 17.
[10] Ак. II, зап. гр., погр. 19.
[11] Тиритака, склеп V, МИА, № 4, стр. 81, рис. 118.

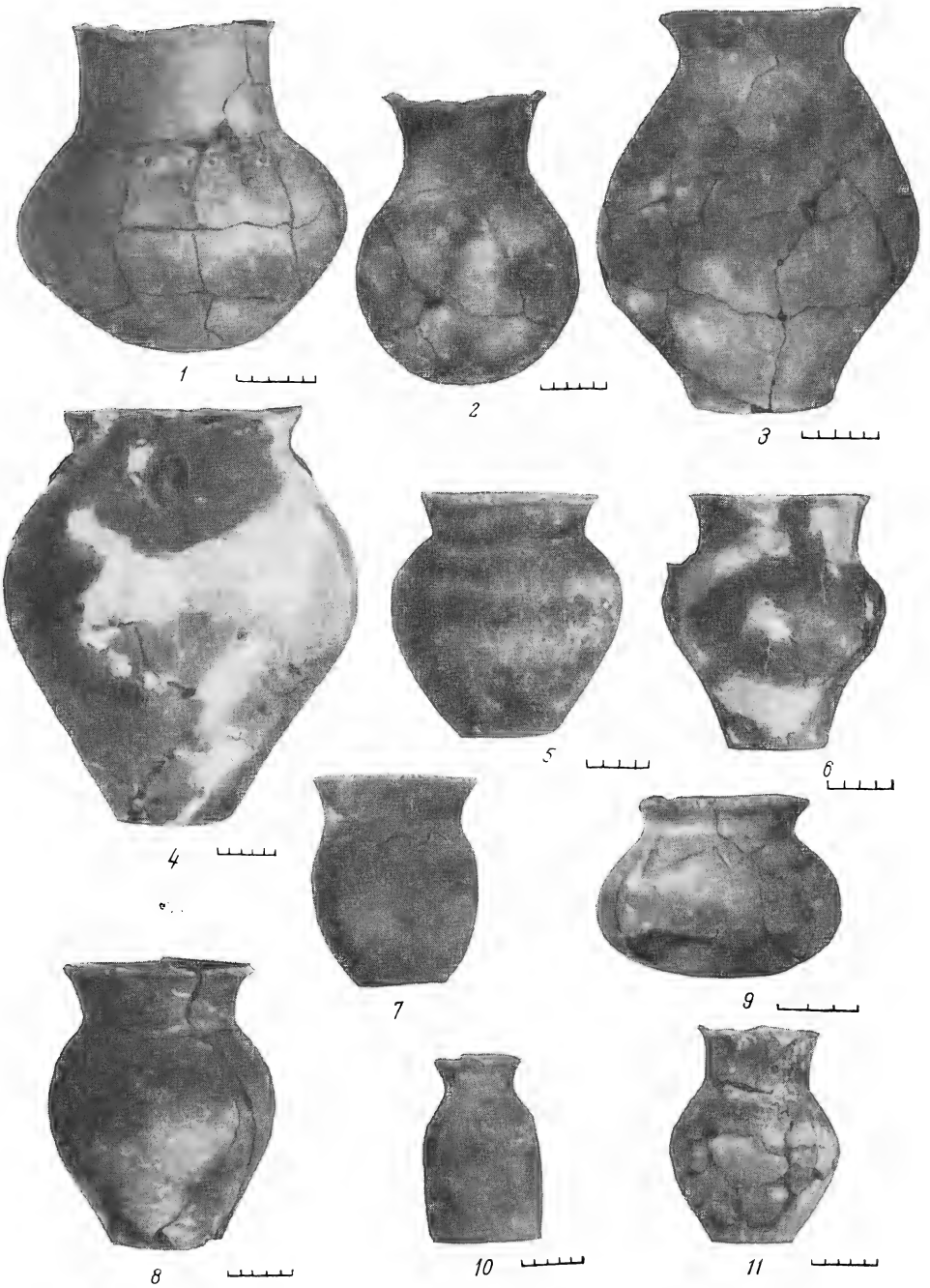


Таблица. II. Керамика из погребений

черный цвет[1]. Плечики некоторых из этих сосудиков украшены прочерченной зигзагообразной (табл. II, *9*)[2], волнистой гребенчатой[3] или волнистой линией, от которой книзу спускаются вертикальные бороздки[4]. Датируются описанные сосудики I и II вв. н. э. Основанием для более ранней из указанных датировок служит совместная находка с этими сосудиками зеркальца-подвески с выпуклым ободком и конической выпуклостью в центре[5] (табл. V, *8*), для более поздней — находка сероглиняного двуручного сосуда, представляющего собой позднюю имитацию античного канфара (табл. IV,*2*).

Бутылеобразный сосуд[6], широкодонный, с покатыми плечиками, низкой шейкой с перехватом посередине и отогнутым наружу воронкообразным венчиком; толстостенный, с шероховатой поверхностью, грубой выделки (табл. II, *10*). Повидимому, относится к I в. н. э.

Кувшинообразный сосуд[7], плоскодонный, с яйцевидным туловом и высокой, слегка отогнутой наружу шейкой. Поверхность заглажена (табл. II, *11*). Найден вместе с предыдущим сосудом.

Одноручные кувшины двух типов. Тип 1. Плоскодонный, с округлым яйцевидным туловом, высокой шейкой, со слегка отогнутым наружу венчиком и петлеобразной ручкой, соединяющей среднюю часть тулова с нижней частью или основанием шейки[8]. Поверхность слегка залощена. Шейка одного из таких кувшинов (табл. III, *1*), обрамлена у основания четырьмя врезанными параллельными линиями[9]. Датируются на основании совместной находки с железным трехперым наконечником стрелы в пределах рубежа нашей эры и I в. н. э.

Тип 2. Широкодонный со сплющенным биконическим туловом, воронкообразной шейкой и петельчатой ручкой, помещенной внизу плечика (табл. III, *2*). Поверхность светлосерого цвета, покрыта тонким слоем ангоба и залощена. Датируется на основании наличия в инвентаре погребения краснолакового блюда I—II вв. н. э.

Цилиндрические миниатюрные сосудики с прямыми или несколько наклонными стенками[10]. Такой сосудик из погребения 6 (табл. III, *3*), с сопровождающим его красноглиняным кувшинчиком с белой росписью и всем остальным комплексом датируется I в. н. э.

Курильница (табл. III, *4*) состоит из двух конической формы стаканов, из которых меньший вставлен в больший[11]. Больший сосудик отличается наличием выступающего наружу поддона и горизонтально отогнутого борта. Наружные стенки обоих сосудов украшены прочерченной волнистой линией, пространство между крутыми изгибами которой заполнено глубокими наколами. Горизонтальный бортик большего сосуда также орнаментирован прочерченной волнистой линией и наколами.

Другая, подобной же формы, курильница найдена в обломках[12]. Наружные стенки ее также украшены прямой и волнистой линиями, но выполненными в технике налепного рельефного орнамента (табл. III, *5*). Обе курильницы датируются упомянутым выше зеркальцем (табл. V, *8*)

[1] Н.-Ф., сев. окр., погр. 4; Ак. II, вост. гр., погр. 3, 8; Ак. II, зап. гр., погр. 1, 3, 10.
[2] Ак. II, вост. гр., погр. 8.
[3] Ак. II, вост. гр., погр. 3.
[4] Ак. II, зап. гр., погр. 10.
[5] Ак. II, вост. гр., погр. 8.
[6] Н.-Ф., сев. окр., погр. 4.
[7] Н.-Ф., сев. окр., погр. 4.
[8] Ак. II, зап. гр., погр. 21, 18.
[9] Ак. II, зап. гр., погр. 21.
[10] Ак. II, вост. гр., погр. 1.
[11] Ак. II, зап. гр., погр. 1 и 6.
[12] Ак. II, вост. гр., погр. 8.

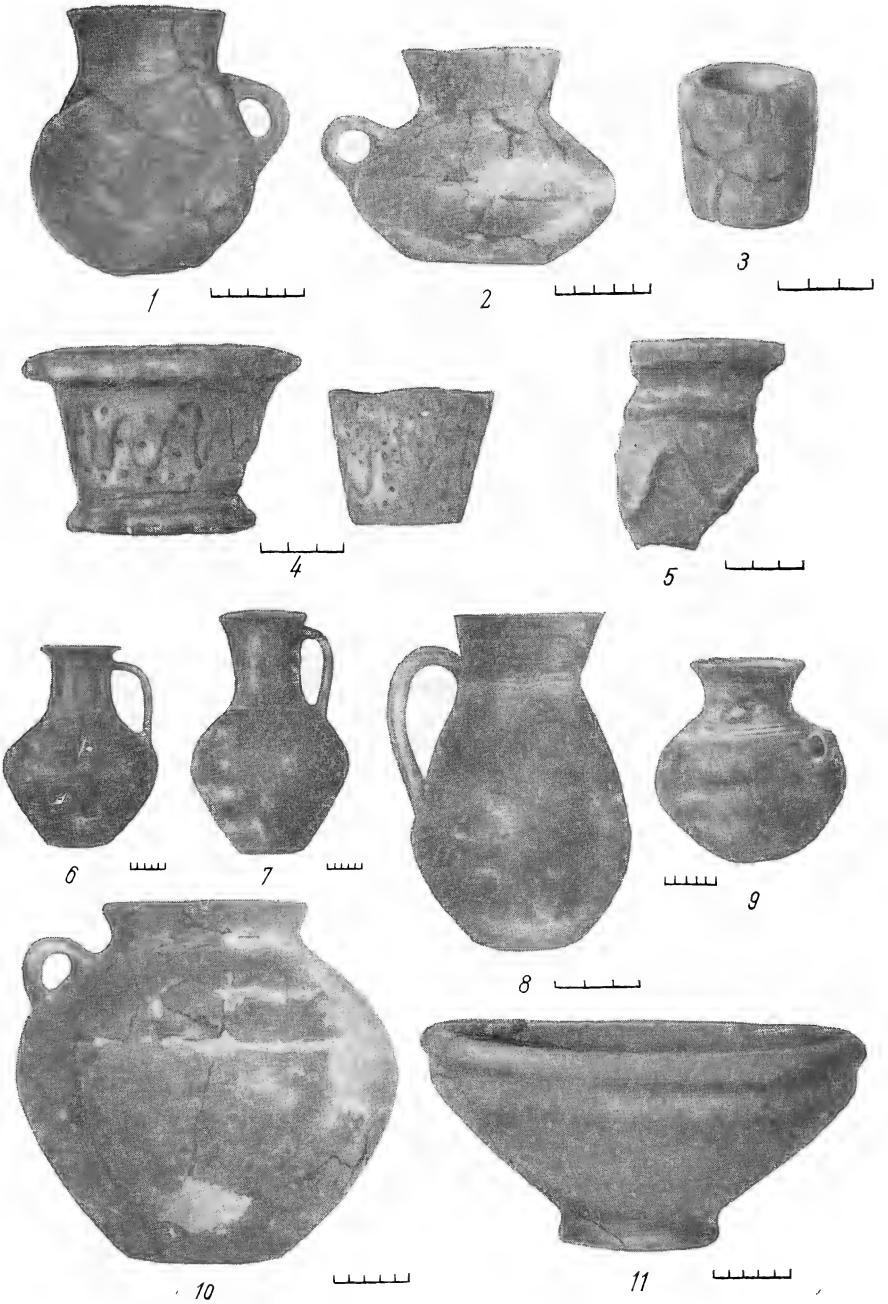


Таблица III. Керамика из погребений

с конической выпуклостью в центре и краснолаковой чашечкой с вертикальным бортиком (табл. VI, *2*) I в. н. э.

Среди перечисленных сосудов отметим ряд форм, имеющих определенные черты сходства с поволжской группой сарматских памятников. К ним принадлежит описанный выше сосуд (табл. II, *2*) с орнаментом из ритмично повторяющихся вертикальных борозд, спускающихся от основания шейки. Подобные сосуды распространены в Нижнем Поволжье на ранне- и среднесарматском этапе[1], а также на раннесарматском этапе в Чкаловской области[2]. Они найдены также в погребениях Левобережной Украины[3]. Орнаментация подобного рода наблюдается и на одноручных сарматских кувшинах с округлым туловом и воронкообразной шейкой, относящихся к концу I в. до н. э. и к I в. н. э.[4]

Также характерен для Поволжья и шаровидный сосудик. Особенно много найдено таких сосудиков в Сусловском могильнике в Поволжье[5]. Но они известны и в целом ряде других курганов: у с. Дмитриевки Астраханской области, у селений Верхнего Колышлея и Харьковки Сараговской области, а также в бассейне Дона.

Для Поволжья характерны также и курильницы в виде двух вставленных один в другой сосудиков цилиндрической или конической формы. На дне подобных курильниц в Поволжье находились угольки, иногда остатки ароматического вещества. Орнаментированные курильницы на территории УССР обнаружены в сарматских погребениях I в. н. э. на Северском Донце. В кургане № 3 у с. Раздольного Змиевского района Харьковской области найдена курильница из двух сосудиков. Судя по описанию, она напоминает курильницу из погребения 8, у совхоза Аккермень (вост. гр.): тот же орнамент в виде прочерченной волнистой линии и точек[6]. В кургане № 2 у с. Родионовка на р. Бахмуте найдена курильница, состоявшая из двух цилиндрических баночек с орнаментом по верхнему краю и с рельефным ободком по середине стенок[7]. Аналогична ей курильница из кургана № 2 I в. н. э. у с. Переездной на р. Бахмуте[8]. В кургане № 3 у Сватовой Лучки[9] курильница с наленным орнаментом также представляет известную аналогию вышеописанной разбитой курильнице из Аккерменя.

Форма кувшина с приземистым туловом (табл III, *2*) и небольшой петельчатой ручкой на плече[10] имеет близкие аналогии в керамике Дона[11], Нижнего Поволжья[12] и Кубани[13].

---

[1] И. В. Синицын. К материалам по сарматской культуре на территории Нижнего Поволжья, СА, VIII (1946), кург. *Е*, 14, погр. 15 в с. Краснополье, рис. 10; кург. *Е*, 20, погр. в с. Боаро, рис. 19.

[2] Б. Н. Граков. Курганы в окрестностях поселка Нежинского, Оренбургского уезда по раскопкам 1927 г., ТСА РАНИОН, вып. IV (1929), стр. 150, рис. 4.

[3] Курган № 26 в Запорожье, раскопки на Днепрострое.

[4] Курган № 263 у Славянска, Журнал раскопок Н. Е. Бранденбурга 1888—1902 гг., СПб., 1908, стр. 162; В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губ., 1903 г., Тр. XIII АС, т. I.

[5] Ученые записки Саратовского гос. ун-та, т. IV, вып. 3. Саратов, 1925.

[6] Каталог выставки XII АС, Харьков, 1901, стр. 217, № 19, 20.

[7] В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губ. 1903 г., Труды XIII АС, т. I, стр. 304.

[8] Там же, стр. 309.

[9] Е. П. Трефильев. Археологические экскурсии в Купянский уезд Харьковской губ. летом 1901 г., Тр. XII АС, т. I, стр. 136—137, рис. 18, 19.

[10] Ак. II, вост. гр., погр. 1.

[11] Сосуды из ст. Гниловской, ГИМ, № 1413, 64, 10 в.

[12] Кург. № 1 у Верхнего Колышлея; И. В. Синицын. Сарматские курганные погребения в северных районах Нижнего Поволжья. Сб. Нижневолжского краевого музея, Саратов, 1932, табл. III, *3а*.

[13] Сосуды из Пашковского могильника № 1 (раскопки К. Ф. Смирнова 1949 г.). Коллекция ГИМ. Сероглиняный кувшин из Усть-Лабинского могильника.

Из форм лепных сосудов, имеющих местные корни, отметим биконический низкоплечий сосуд (табл. II, *3*) с узким дном и воронкообразным венчиком. Прототипы его мы находим в раннескифской керамике рубежа VI—V вв. до н. э.[1] и в керамике скифских курганов IV—III вв. до н. э.[2] Высокоплечие узкодонные сосуды (табл. II, *4, 6*,) имеют известные аналогии в сосудах корчеватовско-зарубинецкого типа[3]. Однако последние значительно отличаются от сарматских совершенно иной техникой выработки; они имеют толстые стенки и очень тяжелы. Они отличаются также иной обработкой поверхности, покрытой густым глянцевитым черным лощением.

Описанный прием орнаментации сосудов, состоящий в чередовании рельефных шишечек или тамгообразных мотивов и вертикальных налепов на плечиках сосуда, встречается довольно часто на корчеватовско-зарубинецких сосудах и имеет давнюю историю: он известен еще в эпоху поздней бронзы и в переходное к скифскому время[4]. В сарматское время этот прием, вместе с формой узкодонных сосудов, снова получает широкое распространение. Он известен и на городищах и поселениях низового Днепра (Козацкое городище, городища Гавриловка и Любимовка, поселение у Золотой Балки, поселение у с. Змеевки Херсонской области) и в некоторых пунктах по Южному Бугу[5] и Днестру[6], а также на городище Неаполя в Крыму[7]. Обломок с подковообразным налепом обнаружен также на мэотском поселении у станицы Ново-Джерельевской в Восточном Приазовье[8]. Отличительная особенность сарматских сосудов — помещение упомянутых налепных орнаментов в верхней части плечика, ниже основания шейки, а не внизу плечика, как мы наблюдаем это на корчеватовских сосудах.

Форма и орнаментация венчика вышеописанных сосудов генетически связываются с сосудами из Каменского городища IV—III вв. до н. э., но первые отличаются от последних более узким дном. В них наблюдаются как бы возрождение древних местных форм. Любопытно отметить отсутствие упомянутых сосудов в сарматских погребениях восточной части Днепровского левобережья, по Северскому Донцу, где преобладают, наоборот, типы, близкие к поволжским.

Н. В. Анфимов. Мэото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской, МИА, № 23, стр. 193, рис. 15, *6*.

[1] Сосуд из кург. IV у с. Яблоновка. Б. Н. Граков. Древности Яблоновской группы, ТСА РАНИОН, II, М., 1928.

[2] Курган из с. Макеевки в раскопках Е. Ф. Покровской (Археологічні пам'ятки УРСР, II, табл. II, *1*).

[3] І. М. Самойловський. Корчуватський могильник, Археологія, т. I, Киев, 1947, рис. 4 и 5; Збірник, присвячений 35-річчю Полтавського музею, т. I, Полтава, 1928, табл. V, *16*, *17* и др.

[4] На поселениях поздней бронзы в Подгорцах и Бортничах из разведок и раскопок В. Н. Даниленко, в раскопках А. И. Тереножкина на поселении переходного времени на Субботовском городище и на поселении у Собковки на Уманьщине в раскопках С. С. Березанской и пр.

[5] Сосуд, украшенный двумя подковообразными и двумя вертикальными налепами, хранится в Николаевском историческом музее (инв. 5702). Подковообразные налепы известны и в Ольвии. Т. Н. Книпович. Керамика местного производства из раскопа «И», Ольвия, т. I, Киев, 1940, табл. XXVIII, *1*.

[6] Сосуды с шишками и ямочками по венчику известны в Шабалате (коллекция ГИМ, II 65/81).

[7] Несколько иную форму, напоминающую ручки металлических сосудов, имеет налеп на одном из сосудов из раскопок Н. И. Веселовского в Неаполе (ГИМ, инв. 25824, II, 57/17 в.). Как любезно сообщил Б. Н. Граков, корчагообразные узкодонные сосуды хорошо известны в Неаполе.

[8] Н. В. Анфимов. Мэотские поселения Восточного Приазовья, КСИИМК, вып. XXXIV, стр. 92, рис. 26, *4*.

КРУЖАЛЬНЫЕ СОСУДЫ

Среди сосудов, сделанных на гончарном круге, по технике выработки различаются две большие группы: 1) сероглиняные и черноглиняные сосуды и 2) красноглиняные сосуды.

А. Группа сероглиняных сосудов

Характерной особенностью этой группы является серый цвет (различных оттенков) глины, получившийся в результате восстановительного обжига, и применение сплошного или орнаментального лощения поверхности сосуда.

В этой группе мы различаем восемь форм сосудов: кувшин, крупный корчагообразный сосуд с биконическим туловом, крупный шарообразный сосуд с петельчатой ручкой, чаша с округлыми стенками на кольцевой подставке, чаша с косыми стенками, чаша на высокой ножке, двуручная шаровидная амфора и двуручный «канфар». Преобладающей формой в этой группе являются кувшины двух типов.

К у в ш и н ы. Т и п I. Кувшин с высокой изогнутой ручкой (табл. III, *6*, *7*). Найдены три разновидности: 1) Кувшины с шаровидным или слегка сплющенным туловом на низенькой кольцевой подставке, с цилиндрическим горлом с отогнутым венчиком и плоской или реберчатой ручкой, верхним концом прикрепленной к горлу ниже венчика, а нижним — к скату плеча (табл. III, *6*)[1]. Оба кувшина, относящиеся к этой разновидности, имеют некоторые отличия в пропорциях, в профилировке венчика, в изгибе ручки, в характере лощения. В то время как один из них украшен по горлу и в нижней части тулова лощеными концентрическими кругами, второй[2] пролощен вертикальными полосками по шейке и густой сеткой идущих в разных направлениях линий на плечах. Он отличается от первого более черным цветом и блестящей поверхностью. 2) Плоскодонный кувшин с округло-биконическим туловом, высоким цилиндрическим горлом, со слегка отогнутым венчиком и боковым сливом. Округло выгнутая ленточная ручка, с глубоким желобком посередине, верхним своим концом прикреплена под венчиком, а нижним к верхней части плеча, у основания шейки, отделенной от тулова рельефным ободком Сосуд тяжелый, массивный (табл. III, *7*). Поверхность его черная, блестящая, хорошо залощена[3]. Датируется находкой в том же погребении зеркала-подвески с рельефным орнаментом II—III вв. н. э. (табл. V, *9*). 3) Небольшой кувшинчик[4] серого цвета, с удлиненным яйцевидным туловом, плоским дном, воронкообразным горлом и треугольной в сечении округло выгнутой ручкой, прикрепленной одним концом к основанию горла, а другим к средней части туловища (табл. III, *8*). Вытянутые пропорции этого сосудика и сопровождающий его материал (зеркало-подвеска с рельефным орнаментом) позволяют датировать и его II—III вв. н. э.

По форме сосуды 1-й разновидности I типа восходят к античным образцам, но отделка их поверхности характерна для местного производства. Сосуд 2-й разновидности отличается большей тяжеловесностью форм, хотя в оформлении слива и напоминает ойнохойю. Он имеет ближайшие аналогии на Дону (Гниловское городище), в Поволжье (Сусловский могильник, погребения на р. Торгуне, у Верхнего Колышлея) и на Кубани (Усть-Лабинский могильник I—II вв. н. э.). На территории УССР этот тип сосуда встречается в погребениях у селений Яблоновка

[1] Н.-Ф., сев. окр., погр. 5; Н.-Ф., вост. гр., кург. № 2, погр. 1.
[2] Н.-Ф., кург № 2, погр. 1.
[3] Ак. II, зап. гр., погр. 19.
[4] Ак. II, зап. гр., погр. 17.

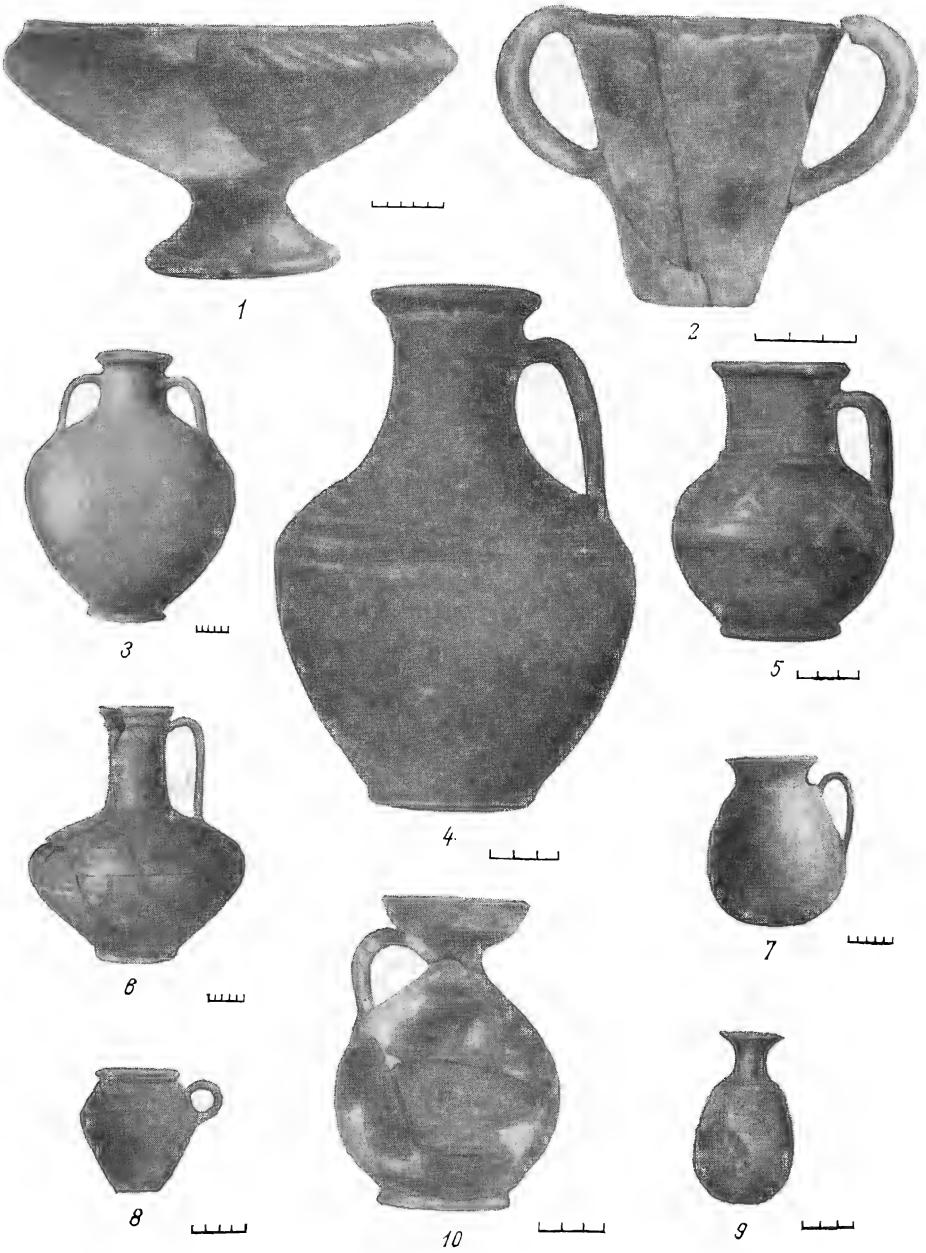


Таблица IV. Керамика из погребений

Харьковской обл., Усть-Каменка Днепропетровской обл., Нижняя Дуванка (на Северском Донце).

Тип II. Кувшин с петельчатой ручкой. Найдены две разновидности: 1) темносерый плоскодонный кувшин с шарообразным, несколько сплющенным туловом, невысоким расширяющимся кверху горлом, с боковым сливом и петельчатой ручкой, прикрепленной в нижней части плеча, на плечах — две небольшие продолговатые шишечки по обе стороны от ручки[1], ниже основания горла по плечикам идут три глубоко врезанные параллельные бороздки (табл. III, *9*); 2) кувшин, отличающийся от первой разновидности более сплющенным биконическим туловом; две небольшие шишечки с седловинкой посередине расположены в верхней части плечика, ближе к ручке[2];— обе разновидности датируются II в. н. э.; аналогичные формы характерны для Дона (Гниловская), Поволжья (Верхний Колышлей), Кубани (Усть-Лабинский могильник, Пашковский могильник № 1). Описанные формы в позднейшее время особенно характерны для салтовских кувшинов, которые отличаются большой приземистостью тулова.

Корчагообразный сосуд с биконическим туловом — плоскодонный, с низенькой шейкой с перехватом посередине и округло-утолщенным венчиком, немного свисающим над шейкой. У основания шейки две прочерченные линии. Поверхность серого цвета, залощена. Найден в погребении, датируемом II—III в. н. э.[3]

Шарообразный сосуд с петельчатой ручкой — плоскодонный, с низенькой шейкой с перехватом посередине и воронкообразным венчиком. С внутренней стороны у края венчика небольшой уступ: повидимому, сосуд накрывался крышкой. На скате плечика — петельчатая ручка (табл. III, *10*)[4]. Найден в погребении, датируемом I—II вв. н. э.

Чаша с округлыми стенками[5] на кольцевой низенькой подставке; края стенок загибаются внутрь; поверхность темносерого цвета. Внутри и в верхней части стенок снаружи чаша залощена концентрическими полосками. Аналогичной формы чаши (обычно красноглиняные) широко распространены в Северном Причерноморье. Отделка поверхности характерна для изделий ольвийских[6] и боспорских мастерских. Датируется I—II вв. н. э.

Чаша с косыми стенками (табл. III, *11*) имеет более высокую, несколько расширяющуюся книзу, кольцевую подставку и слабо выраженные плечики, переходящие в округло-выпуклый край; темносерого цвета, покрыта тонким слоем ангоба и залощена. Аналогичная чаша найдена в Николаевке на Днепре, в подбойной могиле, которую М. Эберт неправильно датировал I в. н. э. Форма фибулы и стеклянного сосуда из этого погребения говорят о принадлежности его ко II—III вв. н. э. В профилировке венчика наша чаша имеет некоторое сходство с мисками корчеватовского типа, сходство с которыми имеют и миски из городищ Нижнего Днепра, но она совершенно отлична от них по общему характеру выделки.

Чаши на высокой ножке имеют две разновидности:

1. Чаша серого цвета с округлыми, слегка загнутыми внутрь стенками, на конической полой ножке плавно изогнутого профиля[7]; поверхность залощена. Датируется I в. н. э.

---

[1] Ак. II, вост. гр., погр. 2.
[2] Ак. II, зап. гр., погр. 14.
[3] Ак. II, зап. гр., погр. 17.
[4] Ак. II, вост. гр., погр. 1.
[5] Там же.
[6] Красноглиняная чаша из Николаевского исторического музея, инв. 2714.
[7] Ак. II, зап. гр., погр. 6.

2. Чаша с конусовидной нижней частью, переходящей почти под прямым углом в широкий борт с выпуклым краем, орнаментально оформленный косым рифлением (табл. IV, *1*)[1]; она имеет коническую полую ножку с плавно изогнутым профилем. Поверхность чаши серая, хорошо залощена. Датируется чаша всем комплексом вещей погребения I в. н. э. (краснолаковая чашечка (табл. V, *2*; лекиф, табл. IV, *10*; костяная пиксида, табл. V, *10*). Точных аналогий эта чаша не имеет. Некоторое сходство в отделке борта можно найти в ольвийской керамике и в позднейшей группе сероглиняных сосудов черняховского типа. Форма чаши на полой высокой ножке известна в курганах Среднего Поднепровья еще с VI в. до н. э.[2] по IV в. до н. э.[3] Но большее распространение она получает в сарматское время[4], особенно в виде так называемой «плошки» довольно грубой выделки на городищах Низового Днепра, в поселениях у Ольвии. Подобная же «плошка» обнаружена вместе с огромным узкодонным лепным сосудом в одном из курганов у северо-западной окраины с. Ново-Филипповка[5].

Заканчивая характеристику этой группы, остановимся еще на описании двух сосудов, представляющих собой местную переработку античных форм. К ним относятся двуручная амфора и сосуд типа канфара.

Д в у р у ч н ы й сосуд — «канфар»[6] конусовидной формы, плоскодонный, с двумя овальными в сечении, округло выгнутыми ручками, верхним концом прикрепленными к венчику сосуда, а нижним несколько ниже середины тулова (табл. IV, *2*). Поверхность сосуда темносерого цвета, хорошо залощена вертикальными полосками. Описанная форма, повидимому, является местной переработкой формы античного канфара. Аналогичная форма кубка известна в нескольких экземплярах из раскопок в Ольвии. Ольвийские кубки имеют серое лощение[7], буро-черное глазурованное покрытие[8] или красную поверхность[9] с росписью темно-красными концентрическими полосками. Наиболее близкими нашему сосуду являются кубки с черной облицовкой, датируемые III—II вв. до н. э., они отличаются от него большей округлостью стенок и изогнутостью ручек. Из сероглиняных двуручных кубков, обнаруженных в погребениях III—I в. до н. э. у станции Усть-Лабинской, наиболее близки нашим кубки из раскопок А. А. Миллера[10] и Н. В. Анфимова[11], но они отличаются наличием низенькой кольцевой подставки.

Известны близкие аналогии нашему сосуду и в более позднее время (II—III в. н. э.). Это — миниатюрный сосудик, найденный в Инкерманском могильнике (экспозиция Музея пещерных городов в Бахчисарае),

---

[1] Ак. II, вост. гр., погр. 4.

[2] В кургане № 340, 382 у с. Грушевка, № 406 у с. Журовка.

[3] В кургане № 494 в Волковцах из раскопок Н. Е. Бранденбурга; в кургане у с. Ерковцы из раскопок В. Н. Даниленко в 1948 г.

[4] В Таркинском могильнике I—III вв. н. э. (Дагестан). См. К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки в 1948—1949 гг., МИА, № 23, стр. 266, рис. 20, *2*. В Краснодарском крае: в могильнике у ст. Тифлисской I в. н. э. См. Н. В. Анфимов. Земляные склепы сарматского времени в грунтовых могильниках Прикубанья, КСИИМК, вып. XVI, стр. 153, рис. 54 и в более раннее время — в могильнике у ст. Усть-Лабинской. Н. В. Анфимов. Мэотосарматский могильник у станицы Усть-Лабинской, МИА, № 23, стр. 176, рис. 8—10. На территории УССР встречена в погребении 3 в кургане № 21 у г. Никополя, I в. н. э.

[5] Из раскопок М. Я. Рудинского 1951 г., кург. № 4.

[6] Ак. II, вост. гр., погр. 3.

[7] ГИМ, инв. 40711 (А, 65) из раскопок Ю. Ю. Кулаковского в 1900 г.

[8] ГИМ, инв. 40711, VII 51/12а; из мог. № 80 в раскопках Б. В. Фармаковского в 1901 г.

[9] Николаевский исторический музей, инв. 1337 НИМ-а-1163.

[10] СГАИМК, т. I, стр. 87, рис. 1.

[11] МИА, № 23, стр. 181, рис. 11, *2*.

и небольшой кубок из погребения на горе Митридат в Керчи[1]. Последний довольно грубой выделки. Таким образом, как мы видим, форма плоскодонного двуручного кубка бытует довольно долгое время. Ранние его формы характеризуются наличием небольшой кольцевой подставки, в более поздних она исчезает. Двуручный сероглиняный кубок из Молочанского могильника, повидимому, является промежуточным звеном между ольвийскими эллинистическими кубками и грубыми сероглиняными кубками из Инкермана и Керчи и может быть датирован I—II вв. н. э.

Амфора[2] (табл. IV, *3*) с шаровидным туловом, на невысоком коническом поддоне; имеет короткое цилиндрическое горло с нависающим выпуклым венчиком. Плоские, широкие, округло выгнутые ручки с ребром посередине одним концом прикреплены к средней части горла, другим к середине покатых плечей. У основания горла рельефный кант и ниже по плечику — мелкий желобок. Точных аналогий описанной амфоре мы пока не знаем. Наиболее близкой к ней является красноглиняная амфора, найденная в той же Ново-Филипповке, на ее северо-западной окраине, в погребении 1 кургана №4[3]. Анализ вещей, найденных в погребении вместе с амфорой (например, зеркальце-подвеска с конической выпуклостью в центре), позволяет датировать ее I в. н. э.

Б. Группа красноглиняных сосудов

В группе красноглиняных сосудов, которую в основном характеризуют античные формы, можно выделить (по характеру отделки поверхности) две подгруппы: 1) сосуды без покрытия и 2) сосуды с глазурным покрытием. В этой группе представлены: кувшин, «лекиф», флакон, узкогорлая амфора, чашечка с кольцевидной ручкой, миниатюрная чашечка с вертикальным бортиком, блюдо.

Среди этих сосудов, как и в группе сероглиняных сосудов, преобладающей формой является одноручный кувшин. Он представлен шестью типами.

Тип I. Кувшин с шаровидным или яйцевидным туловом, на кольцевой подставке, с цилиндрическим горлом, заканчивающимся профилированным венчиком, и с плоской в сечении ручкой, которая прикреплена обычно ниже венчика и спускается на расширенную часть тулова[4] (табл. IV, *4*). Тип этот имеет несколько разновидностей, которые отличаются одна от другой размерами и пропорциями сосудов, большей или меньшей округлостью или вытянутостью тулова, высотой и шириной горла, сечением (плоская, овальная, реберчатая) и изогнутостью (под прямым углом, с округло или остро изогнутой верхней частью) ручки, профилировкой венчика (с округло-выпуклым краем, горизонтально отогнут, расширен кверху, расширен книзу) и поддонной части (кольцевая подставка с прямым срезом дна, с небольшой припухлостью или плоским круглым выступом в центре).

Тип II. Отличается от первого узким высоким горлом[5].

Тип III. Имеет более широкие пропорции тулова и горла и прямоугольное сечение ручки[6] (табл. IV, *5*).

---

[1] Мог. № 29, раскопки В. Д. Блаватского в 1949 г.

[2] Ак. II, вост. гр., погр. 8.

[3] Из раскопок М. Я. Рудинского в 1951 г. Аналогии нашей амфоре, как любезно сообщила нам Т. Н. Книпович, известны на Дону, где они датируются II в. н. э.

[4] Н.-Ф., сев. окр., погр. 1 (2 кувшина); Ак. II, вост. гр., погр. 1,5, погр. 8 (2 кувшина), погр. 11.

[5] Ак. II, вост. гр., погр. 5.

[6] Ак. II, зап. гр., погр. 6.

Часть этих кувшинов имеет ничем не покрытую поверхность, другие покрыты красной[1] или буро-черной глазурью[2]. Обычно это покрытие не доходит до дна и оставляет свободной от окраски нижнюю часть сосуда. Кувшины, покрытые глазурью, отличаются более тонкой выделкой, профилированным венчиком, ребристой ручкой. Обычно кувшины имеют рельефный кантик у основания горла и две углубленные бороздки на плечах или в верхней части тулова, ниже венчика. На одном кувшине с узким горлом эти бороздки располагаются с некоторыми промежутками по всей поверхности и тулова сосуда[3]. На другом кувшине (табл. IV, *4*)[4] жидкой белой краской наведен ряд полосок: одна под венчиком и три на изгибе тулова.

На небольшом кувшинчике (табл. IV, *5*)[5] белой краской начерчены косые кресты с точками, а на горле продолговатые полоски. Подобная роспись белыми полосками встречается и на других сосудах из сарматских погребений I в. н. э. в степной Украине[6]. Известна она и на единичных экземплярах керамики из мэото-сарматского могильника у ст. Усть-Лабинской[7].

Такая роспись более характерна для позднеэллинистического времени и известна в большинстве случаев на красноглиняной посуде из Северного Причерноморья; изредка она встречается и на сосудах I в. н. э.

Все перечисленные кувшины датируются в основном I в. н. э. Формы их широко распространены в Северном Причерноморье в первые века н. э.

Тип IV. Кувшин с широким округло-биконическим туловом, высоким цилиндрическим горлом с несколько вогнутым контуром стенок, низким конусовидным поддоном и согнутой под углом ребристой ручкой с тремя желобками, которая верхним концом прикреплена к горлу под выпуклым и нависающим над горлом венчиком, а нижним — к середине покатого плечика. Горло под венчиком опоясано рельефным ободком, отходящим от ручки. У основания горла рельефный кантик, вверху — три желобчатые линии. Кувшин покрыт, за исключением дна и нижней части тулова, красной глазурной облицовкой (табл. IV, *6*)[8]. Датируется, повидимому, II в. н. э.

Тип V. Кувшин с яйцевидным суженным кверху туловом, с плоским дном и расширяющейся кверху шейкой, образующей при соединении с туловом ступенчатый уступ. Иногда, ниже уступа, прочерчены три желобчатые линии, либо выступает рельефный кантик. Ленточная или овальная в сечении реберчатая ручка верхним своим концом прикреплена к ступенчатому уступу, а другим — к нижней части тулова (табл. IV,*7*)[9]. Поверхность этих сосудов обычно облицовки не имеет. Этот тип дает ряд вариантов в форме тулова, профилировке венчика, изгибе ручки и месте ее прикрепления, толщине стенок и отделке поверхности. Эта форма в основе своей также имеет античный образец и нередко встречается среди красноглиняных сосудов Северного Причерноморья (Боспор, Ольвия и др.).

---

[1] Ак. II, вост. гр., погр. 8.
[2] Ак. II, вост. гр., погр. 5 и 8.
[3] Ак. II, вост. гр., погр. 5.
[4] Ак. II, вост. гр., погр. 5.
[5] Ак. II, зап. гр., погр. 4.
[6] Никопольстрой, кург. № 1, погр. 18.
[7] МИА, № 23, стр. 195, рис. 16, *1*.
[8] Ак. II, зап. гр., погр. 14.
[9] Ак. II, вост. гр., погр. 1, 3; Ак. II, зап. гр., погр. 3, 6 и 15.

Тип VI. Красноглиняные небольшие кувшины с двумя петлеобразно изогнутыми ручками на скате плечей[1].

Кружечка с кольцевой ручкой, плоскодонная, с биконическим туловом, с отогнутым наружу под острым углом невысоким венчиком и овальной в сечении петлеобразной ручкой, без покрытия (табл. IV, *8*)[2]. Подобные кружки в различных вариантах известны по всему Северному Причерноморью (Боспор, Херсонес, Ольвия, Тира, Козырка, Неаполь). Датируются II—III вв. н. э.

Сосудик типа флакона — с яйцевидным корпусом, плоским дном и высоким, плавно расширяющимся кверху горлом, переходящим в отогнутый венчик[3] (табл. IV, *9*). Покрыт красным ангобом. Датируется I в. н. э.[4]

Сосуд типа лекифа имеет почти шарообразное тулово, переходящее в узенькую шейку с широким воронкообразным венчиком; на низком коническом поддоне. Овальная в сечении небольшая ручка прикреплена верхним концом у основания воронки, а нижним к середине плечика. Покрыт красной облицовкой. Наружная сторона дна в центре имеет легкую выпуклость[5] (табл. IV, *10*). Аналогичная форма «лекифа», но только с витой ручкой, известна по раскопкам В. В. Шкорпила в Керчи[6].

Чаша с округлыми стенками с загибающимся внутрь краем (табл. V, *1*)[7]. Одна из таких чаш покрыта красной облицовкой (погр. 7).

Чашечка краснолаковая на кольцевой подставке, с конической нижней частью, переходящей в прямой вертикальный борт, снабженный в нижней части выпуклым ребром, а в верхней — венчиком[8] (табл. V, *2*), по форме и лаку характерна для малоазийских изделий I в. н. э. Аналогичные чашечки известны из находок на Боспоре, в Ольвии и в других античных городах.

Блюдо краснолаковое с конической нижней частью и с наклонно стоящим бортиком, имеющим снаружи вверху выпуклый венчик[9] (табл. V, *3*). На внутренней части дна прочерчен круг. По краям его в трех местах заметны три матовых круглых кружка, повидимому, отпечатки от глиняных прокладок, клавшихся между сосудами во время обжига[10]. Блюдо — малоазийского происхождения. Обломок блюда подобной формы с наклонным под тупым углом бортиком найден в Ольвии[11]; подобной же формы блюдо найдено в кургане № 406 у с. Журовки Кировоградской области[12].

К этой же группе сосудов можно отнести и своеобразной формы узкогорлую амфору с яйцевидным туловом и плоским дном, на цилиндрическом поддоне. Две реберчатые, овальные в сечении ручки с одним желобком посередине, округло изогнутые в верхней части, одним концом

---

[1] Кург. № 5 на сев.-зап. окраине Ново-Филипповки, раскопки М. Я. Рудинского.

[2] Ак. II, зап. гр., погр. 19.

[3] Ак. II, вост. гр., погр. 4.

[4] Аналогичный сосуд обнаружен в раскопках Фанагории в 1951 г.

[5] Ак. II, вост. гр., погр. 4.

[6] ИАК, вып. 30, рис. 15. Известны два таких лекифа в собрании ГИМ № 16168, VII, 66/4 в, II 680—4; собрание Забелина № 28/2.

[7] Ак. II, вост. гр., погр. 7; зап. гр., погр. 16.

[8] Ак. II, вост. гр., погр. 4.

[9] Ак. II, вост. гр., погр. 1.

[10] Такие же отпечатки наблюдались Т. Н. Книпович на обломке краснолакового блюда из Ольвии. Т. Н. Книпович сближает это блюдо с образцами из Чендерли. T. Knipowitsch. Die Keramik römischer Zeit aus Olbia in der Sammlung der Ermitage, Materialen zur römisch-germanischen Keramik, IV, 1929, стр. 47—48.

[11] T. Knipowitsch. Ук. соч., табл. VI, 7.

[12] ИАК, вып. 14, стр. 29.

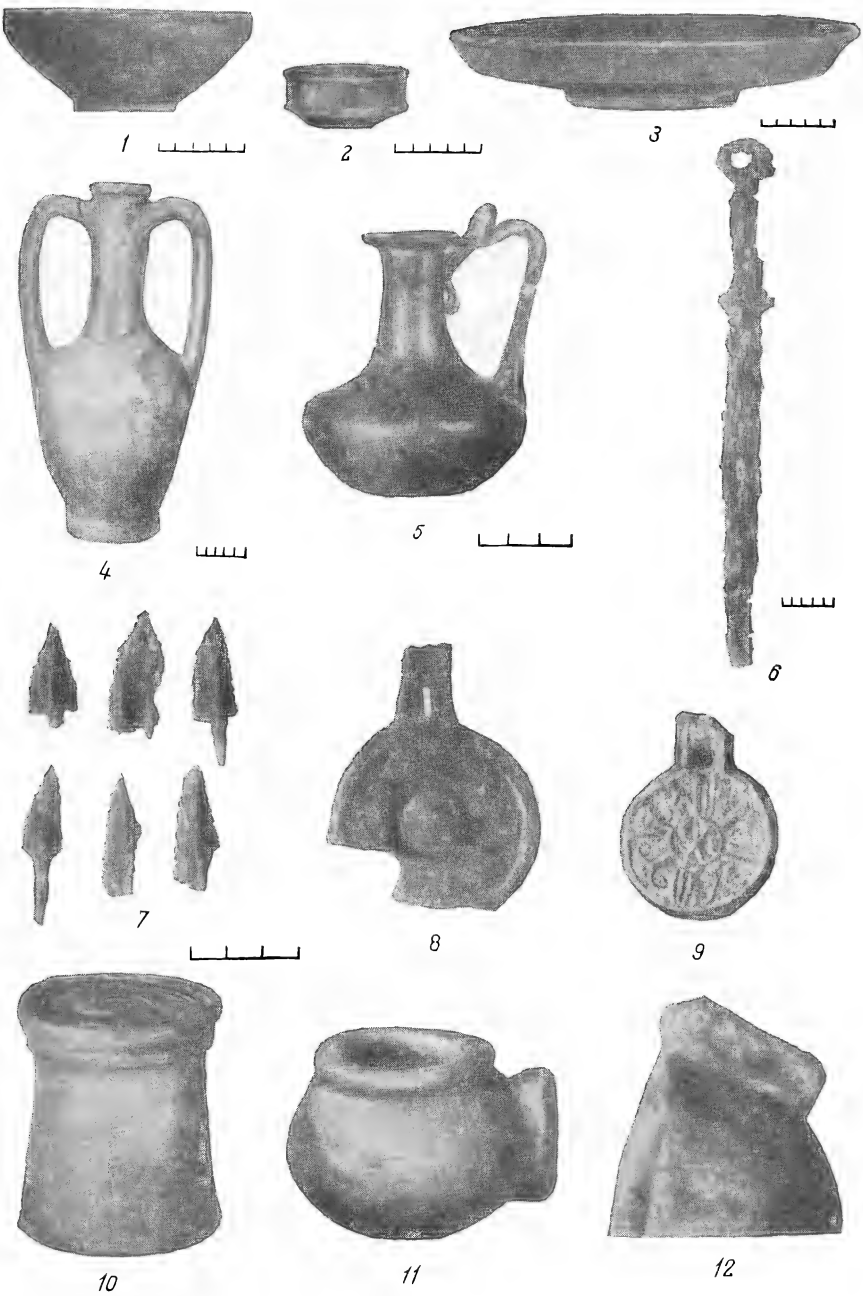


Таблица V. Вещи из погребений: *1—2* — чашки краснолаковые; *3* — блюдо; *4* — амфора; *5* — флакон стеклянный; *6* — меч железный; *7* — стрелки железные; *8—9* — зеркала; *10* — пиксида костяная; *11—12* — чашечки алебастровые

прикреплены под округлым краем венчика, а другим — к краю плеча (табл. V, *4*)[1]. Глина, из которой сделана амфора, отличается по цвету от глины большинства красноглиняных сосудов: она более светлого, желтоватого тона. Аналогии к описанной амфоре нам пока неизвестны. Найденный вместе с амфорой стеклянный флакон с ручкой (табл. V, *5*), датируемый II в. н. э., позволяет относить к этому времени и амфору.

На некоторых красноглиняных сосудах встречаются парные круглые дырочки, служившие для скрепления стенок треснувшего сосуда. Это свидетельствует о том, что посудой дорожили. Подобные парные дырочки обнаруживаются иногда даже на лепных сосудах.

Глиняные сосуды являются наиболее обычным инвентарем всех погребений.

В размещении сосудов в могильной яме наблюдается известное постоянство. Если в погребении сосудов немного — один или два, они обычно стоят в ногах погребенного (табл. Ia, *1,3*). Если сосудов больше, их ставили в ногах и около головы (табл. Ia, *2*). В подбойных могилах один или два сосуда иногда стоят на ступеньке [2]. В квадратных могилах (табл. I,*1*) сосуды располагаются вдоль стенок могилы с одной стороны или по обе стороны от погребенного[3].

Обычно в составе инвентаря мужских могил встречаются железный меч с кольцевым навершием и прямым перекрестием (табл. V, *6*), трехперые железные черешковые стрелы небольших размеров (табл. V, *7*), железный нож с деревянной ручкой, точильный брусок продолговатой прямоугольной или овальной формы с отверстием для подвешивания. В одной могиле найдены остатки узкого кожаного ремня с продетыми сквозь него тонкими витыми проволочками и прямыми скобочками[4]. В других могилах встречались поясные круглые бронзовые пряжки с подвижным язычком[5]. Один раз была обнаружена круглая фибула с рельефной розеткой и стеклянной вставочкой в центре: она лежала на правом плече погребенного[6].

Женские погребения отличаются бо́льшим богатством и разнообразием инвентаря. Здесь мы встречаем, кроме глиняных сосудов, стеклянные флаконы (табл. V, *5*)[7] и металлические зеркальца-подвески с небольшим прямоугольным ушком для подвешивания двух типов: наиболее ранний (табл. V, *8*) тип с круглым ободком по краю и конической выпуклиной в центре (датируется обычно I в. н. э.) и несколько более поздний с тамгообразным рельефным орнаментом на оборотной стороне (II—III в. н. э.). Зеркальца эти лежат обычно возле плечевой кости левой руки. Кроме того, в женских погребениях найдены бронзовые браслеты гладкие[8] с коническими шишечками на концах (табл. VI, *1*)[9], с расплющенными концами и с продолговатым отверстием на одном из них[10]. Все они относятся к I в. н. э. В погребении II—III вв. н. э. обнаружен браслет с круглыми шишками на концах[11]. Подобные браслеты и пряжки известны из целого ряда мест: Николаевки, Ольвии, Херсонеса, Симферополя, из ст. Тифлисской Краснодарского края (из раскопок Н. И. Веселовского 1902 г.). Последний экземпляр явно не

[1] Ак. II, зап. гр., погр. 14.
[2] Ак. II, вост. гр., погр. 5.
[3] Ак. II, вост. гр., погр. 1.
[4] Там же.
[5] Н.-Ф., сев. окр., погр. 6; Ак. II, вост. гр., погр. 4, 9 и др.
[6] Ак. II, вост. гр., погр. 10.
[7] Ак. II, зап. гр., погр. 14.
[8] Ак. II, вост. гр., погр. 8.
[9] Ак. II, зап. гр., погр. 5 (детское).
[10] Ак. II, зап. гр., погр. 5.
[11] Ак. II, зап. гр., погр. 19.

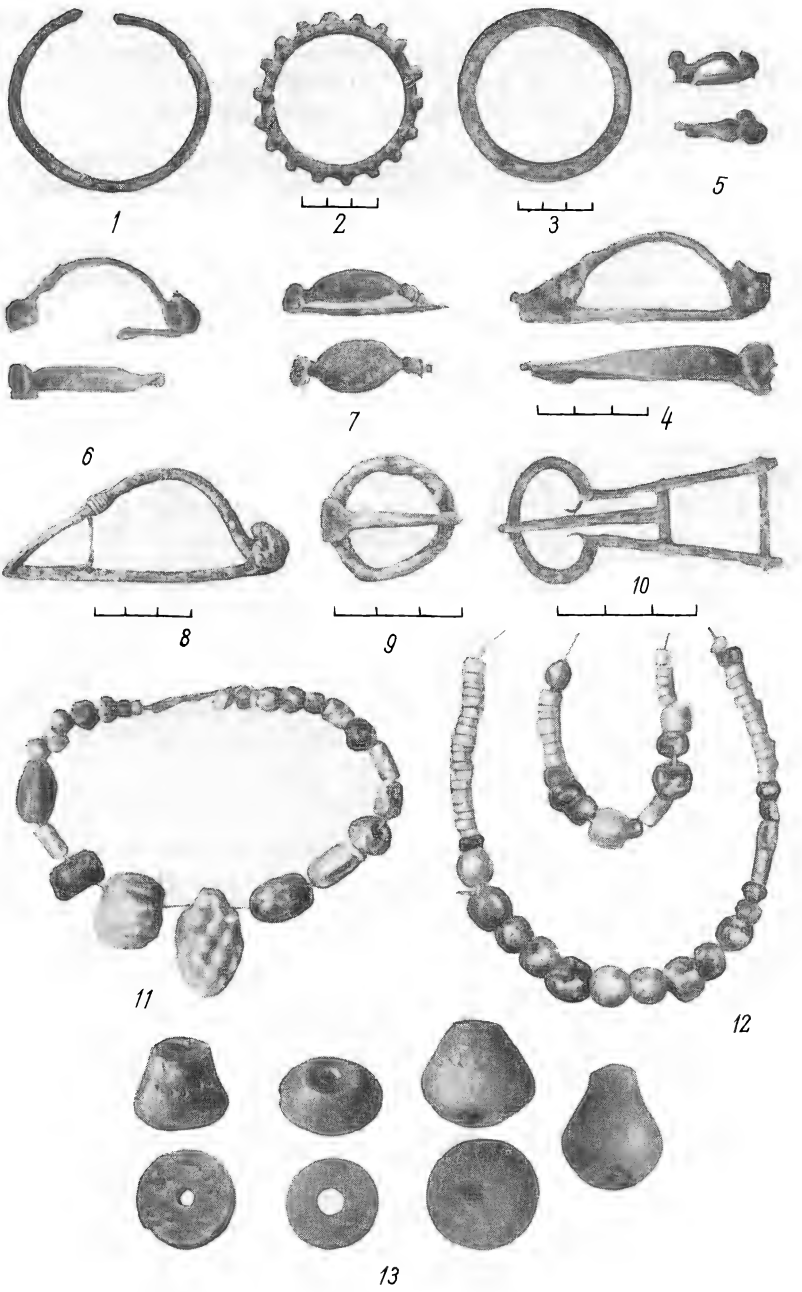


Таблица VI. Вещи из погребений: *1*— браслет бронзовый; *2—3*— кольца бронзовые; *4—8* — фибулы бронзовые; *9—10* — пряжки; *11—12* — бусы; *13* — пряслица

служил браслетом, так как имел боковой отросток (сломан). Датируются они различно — от раннеэллинистического времени до первых веков н. э. Кроме браслетов, в погребении № 8 (табл. Ia, *2*) в области таза погребенного было найдено круглое бронзовое кольцо (табл. VI, *2*) с тройными шишками по ободу, там же лежало и гладкое бронзовое кольцо (табл. VI, *3*), служившее, повидимому, пряжкой. В женских погребениях найдены также бронзовые височные кольца с заходящими и со связанными концами[1].

При скелетах обнаружены фибулы двух типов: 1) поздне-латенского типа с пластинчатой дужкой, четырехвитковой пружиной с верхней тетивой и пластинчатым широким приемником[2]; на дужке фибул прочерчен геометрический орнамент: на одной — точечный (табл. VI, *4*); на другой — косыми штрихами (табл. VI, *5*), на третьей — зигзагообразной линией, обрамленной с двух сторон косыми штрихами (табл. VI, *6*); 2) фибула с подвязанной ножкой, в двух вариантах: одна[3] — с пластинчатой дужкой овальной формы, украшенной точечным орнаментом (табл. VI, *7*), другая — из круглой в сечении проволоки (табл. VI, *8*). Обе с четырехвитковой пружиной и верхней тетивой[4]. Первый вариант фибулы датируется I в. н. э.; второй, на основании совместной находки зеркальца-подвески с рельефным тамгообразным узором, следует датировать II—III в. н. э.,[5] хотя самый этот тип фибул восходит к рубежу н. э. Фибулы с удлиненно-овальной дужкой, украшенной точками и зигзагообразным орнаментом, с четырехвитковой пружиной, верхней тетивой и пластинчатым широким приемником с загибающимся вверх краем также, на основании того же типа зеркала и стеклянного флакона, нельзя датировать временем раньше II в. н. э.

Изделия из кости в женских погребениях представлены тремя костяными коробочками-пиксидами (табл. V, *10*) для хранения ароматических веществ и румян[6]. Пиксиды имеют цилиндрическую или несколько сужающуюся кверху форму и снабжены крышечкой, украшенной концентрическими кружками с точкой в центре. Датируются I в. н. э.

Для той же цели служили и небольшие алебастровые вазочки (табл. V, *11*, *12*), обычно шаровидной формы с двумя ручками в виде лежащих львов[7]. Подобная же вазочка был найдена во впускном женском погребении в кургане № 6 у с. Долиновки.

Время бытования подобных сосудиков устанавливается на основании находок с ними в кубанских курганах резных стеклянных сосудов, датируемых римскими монетами последних годов республики и первых годов империи[8].

---

[1] Ак. II, зап. гр., погр. 1 и 18.

[2] Ак. II, вост. гр., погр. 4; зап. гр., погр. 10, 19.

[3] Форма этой фибулы довольно оригинальна и в целых образцах до сих пор не была известна. Другая такая же, но обломанная фибула найдена в 1947 г. Т. Г. Обелуевой в кургане № 2 у сев.-зап. окраины Ново-Филипповки. Археологічні пам'ятки УРСР, т. IV (1952), стр. 43 и сл. Аналогии этому типу фибул находим в фибулах из раскопок В. В. Шкорпила в Керчи в 1903 и 1906 гг. (ГИМ, 87, 9а) и из раскопок Н. И. Веселовского в окрестностях Симферополя (ГИМ, 87/50 б), но в обоих случаях у фибул сломана узкая часть дужки. Аналогичный экземпляр, найденный в Ольвии (погр. 30, 1904 г., раскопки Б. В. Фармаковского), не имеет закрученной проволоки на дужке.

[4] Ак. II, вост. гр., погр. 5; зап. гр., погр. 17.

[5] Аналогии им находим в Ольвии (ГИМ, V, 583, V, 581) и в Николаевке (M. E b e r t. Ausgrabungen bei dem «Gorodok Nikolajewka am Dniepr», рис. 108, *д*).

[6] Ак. II, вост. гр., погр. 4; зап. гр., погр. 18; Н.-Ф., вост. окр., кург. № 2, погр. 1.

[7] Н.-Ф., сев. окр., кург. № 1, погр. 15 (впускное).

[8] Ср., например, находки в кургане у хут. Зубовского (ИАК, вып. 1, рис. 27 и 28), в кургане № 43 между станицами Казанской и Тифлисской раскопок 1901 г. (ГИМ, инв. 42381), в Сусловском могильнике. Интересно отметить, наконец,

Среди женских украшений в могильнике найдено большое количество разнообразных по форме и цвету бус (табл. VI, *11*, *12*): пастовые (белые, голубоватые, зеленоватые, синие и пестрые), стеклянные (белые, желтоватые, черные и золоченые), сердоликовые, халцедоновые, янтарные, коралловые, глиняные, бронзовые. Любопытно отметить бусы, сделанные из рыбьих позвонков, очевидно служившие амулетами. Кроме бус, обнаружены подвески и пронизи из голубой египетской пасты в виде виноградной грозди (табл. VI, *11*), миниатюрного скарабея. Целая серия таких амулетов в виде скарабея, виноградной грозди, амфориска, небольшого жертвенника и руки с апотропеическим знаком была найдена весной 1951 г. в кургане № 5 на северо-западной окраине с. Ново-Филипповка. Наличие в могилах описанных амулетов свидетельствует о вере в их охранительную силу. Особенно большое распространение у сарматов имел скарабей. Часто также встречается и рука с апотропеическим знаком, долженствующая отвращать злые и враждебные силы от погребенного. Что же касается жертвенника, то он, очевидно, связан с культом огня, имеющим распространение у сарматов. В этом отношении интересно вспомнить найденную в Танаисе каменную плиту начала II в. н. э. с рельефным изображением всадника, стоящего перед подобным алтарем с пылающим на нем огнем, или изображение перед горящим алтарем коня на фаларах из Бори.

Найденные в женских погребениях бусы обычно лежали у шеи, входя в состав ожерелья. Отдельные крупные бусины находились на груди (застежки)[1], возле рук, на тазовых костях. Мелкие резаные пастовые бусы — бисеринки находились у рук и возле ног, что свидетельствует о применении их в качестве обшивки рукавов и подола одежды: наличие этого обычая было установлено анализом поволжских сарматских погребений. В женском погребении в кургане № 5 у северо-западной окраины с. Ново-Филипповка и во впускном сарматском погребении в кургане № 6 у южной окраины села Долиновки были обнаружены золотые нитки, которыми, очевидно, была заткана одежда. Золотыми нитями прошивалась иногда и женская обувь (см. погребение в кургане у Сватовой Лучки Ворошиловоградской области, I в. до н. э. — I в. н. э.)[2].

Для инвентаря женских погребений характерны также глиняные пряслица (табл. VI, *13*). Пряслица найдены шести форм: плоское, кольцевое, шаровидное, биконическое, бочонкообразное, в форме усеченного конуса и бутылкообразное. Одно из пряслиц украшено орнаментом из точек[3]. В погребениях II в. н. э. пряслица имели форму биконическую или коническую (с несколько округленными сторонами).

Следует отметить, что в женских погребениях изредка находятся железные черешковые трехперые стрелы[4].

Основанием для датировки части погребений I в. н. э. служат находки в них краснолаковой чашечки (табл. V, *2*) малоазийского происхождения, бронзового зеркальца-подвески (табл. V, *8*) с округлым валиком по краю

совершенно идентичный сосудик из кургана в районе Бами в Южной Туркмении (ЮТАКЭ, раскопки А. А. Марущенко в 1951 г.). Известны подобные сосудики и из раскопок Б. В. Фармаковского в Ольвии (хранятся в Государственном Эрмитаже). Отметим в этой же связи сарматский золотой круглодонный сосудик с цилиндрическим горлом и крышечкой,— украшенный сканью и сердцевидными подвесками,— с такими же фигурками лежащих львов на обеих сторонах тулова сосудика и на его крышке. Я. Смирнов. Восточное серебро. Атлас древней серебряной и золотой посуды, СПб., 1909, табл. XII, *31*; ОАК, Альбом 1868 г., табл. I, *10*.

[1] Ак. II, зап. гр., погр. 10 и 19.

[2] Е. П. Трофильев. Археологические экскурсии в Купянском уезде Харьковской губ. летом 1901 г., Тр. XII АС, т. I, стр. 136—138.

[3] Н.-Ф., вост. окр., кург. № 4.

[4] Н.-Ф., вост. окр., кург. № 2.

и конической выпуклиной в центре, костяных пиксид. Для II—III вв. н. э. характерно бронзовое зеркальце-подвеска с боковым ушком и рельефным тамгообразным орнаментом на оборотной стороне диска (табл. V, *9*) и кувшинообразный плоскодонный сосудик из серой глины с воронкообразным горлом (табл. III, *8*) с характерной для III в. вытянутостью форм.

Наличие в могильнике различных типов погребальных сооружений и особенности погребального ритуала свидетельствуют о разноплеменности обитавшего здесь в первые века н. э. населения, в среде которого выделяется своей зажиточностью определенная племенная группа, погребения которой характеризуются квадратными ямами и диагональным положением погребенного. Эту группу К. Ф. Смирнов[1] и другие исследователи связывают с роксоланами.

Обращает на себя внимание почти полное тождество типов погребальных сооружений, обнаруженных в нашем могильнике, с погребальными сооружениями Поволжья. Погребения в квадратных могилах с диагональным положением погребенного известны на Поволжье с конца II в. до н. э. В Саратовской области они составляют 40% всех погребений. Восточная граница их распространения в настоящее время намечается уже в землях Западного Казахстана и Южного Зауралья[2]. Как показали раскопки Молочанской экспедиции, этот тип погребения в I в. до н. э.—I в. н. э. был распространен и в долине р. Молочной одновременно с другими формами захоронений: в прямоугольных ямах и в подбойных могилах. Западная граница его распространения, как на то указывают раскопки сарматского могильника, открытого в 1951 г. Е. В. Махно в Усть-Каменке, устанавливается уже на правом берегу Днепра.

Погребения в подбоях засвидетельствованы также на Кубани, в Восточном Приазовье, на Боспоре, где они известны со II в. до н. э., и в окрестностях Ольвии (с III в. до н. э. и даже ранее). В отличие от кубанских погребений, где отмечена западная и южная ориентировка, в Молочанском могильнике в подбоях наблюдается южная и северная ориентировка погребенных.

Все вышесказанное говорит об определенной этнической близости населения приазовских степей к сарматским племенам Поволжья; часть этих племен, как о том свидетельствуют археологические данные, в последние века до н. э. передвинулась в левобережные днепровские степи, а в I в. н. э. перешла уже на правый берег Днепра. Таким образом, сообщения античных авторов о передвижении сарматских племен на запад, в частности на территорию степной полосы современной Украины, в последнее время, благодаря раскопкам советских археологов получают все более и более веское подтверждение в археологическом материале.

Анализ всех групп керамики приводит к выводу, что в быту сарматских обитателей долины р. Молочной были широко распространены как лепные, так и кружальные сосуды, отличающиеся большим разнообразием форм. Среди лепных сосудов отмечается ряд форм местного происхождения, некоторые формы несомненно связываются с Поволжьем и Доном. В группе сероглиняной керамики наблюдается наличие античных форм, но с применением местных приемов обработки поверхности. Одновременно встречаются и местные переработки античных форм (амфора, канфар). Со II в. н. э. начинают преобладать сарматские формы сосудов, для которых характерны приземистый, раздутый корпус, петельчатые ручки.

---

[1] К. Ф. Смирнов. О погребениях роксолан. ВДИ, 1948, № 1.

[2] К. В. Сальников. Археологические исследования в Курганской и Челябинской областях, КСИИМК, вып. XXXVII (1951), стр. 94; его же. Древнейшие памятники истории Урала, Свердловск, 1952, стр. 96—99.

воронкообразное горло со сливом. Что касается красноглиняных сосудов, в основе форм которых лежат античные образцы, то они, вероятно, импортировались сюда из северопричерноморских городских центров (Боспор, Танаис, Ольвия), хотя не исключена возможность и изготовления их где-нибудь в ближайших пунктах Приазовья, где могло существовать местное производство глиняной посуды.

Сравнительное изучение форм отдельных сосудов, предметов вооружения, металлических изделий, изделий из кости, алебастра, египетской пасты свидетельствует о большом распространении в первые века н. э. на широких просторах северокаспийских, кубанских, приазовских и причерноморских степей совершенно однородных изделий. Этот широкий обмен был вызван ростом производительных сил, подъемом местного гончарного, железоделательного и бронзолитейного производств, получивших в первые века н. э. большое развитие в ряде крупных приморских центров Приазовья и Северного Причерноморья, что, в свою очередь, вызвало оживленный торговый обмен между кочевыми обитателями степей и оседлым населением приморских городов.

Это массовое проникновение в глубину степей однородной продукции городского ремесла постепенно начинало сглаживать локальные различия между отдельными племенными группами и способствовало установлению известной общности материальной культуры. Ее характер, естественно, обусловливался массовым заселением Северного Причерноморья сарматскими племенами, которые проникли и в городские центры, где они составляли довольно значительную часть населения. О последнем свидетельствует увеличение количества «варварских» имен в эпиграфических памятниках Северного Причерноморья.

Для ближайшего определения образа жизни и характера хозяйства обитателей долины р. Молочной нет еще достаточных данных. Однако такие факты, как сосредоточение в одном сравнительно небольшом месте значительного количества погребений, наличие в них большого количества глиняной посуды и различных изделий, связанных больше с бытом городского населения, генетическая преемственность отдельных форм от более ранних местных образцов посуды (корчаги, горшкообразные сосуды с налепами и насечкой по краю), наличие зернотерок (из прежних раскопок курганов на северо-западной окраине с. Ново-Филипповка), преобладание в жертвенной пище костей козы, овцы могут до известной степени служить доказательством того, что обитавшее здесь население в какой-то степени было оседлым и занималось скотоводством и земледелием.

Нахождение здесь ранних типов мечей и черешковых наконечников стрел говорит о преобладании среди воинов легко вооруженных лучников. Стрельба из лука не чужда была, повидимому, и женской половине населения.

Довольно большое количество привозных изделий характеризует оживленный торговый обмен между обитателями долины р. Молочной и причерноморскими городами, снабжавшими местное население краснолаковой и красноглиняной посудой, стеклянными флаконами, изящными костяными коробочками для румян и белил, бронзовыми зеркалами и фибулами, бусами из стекла и полудрагоценных камней, различными амулетами из египетской пасты.

До сих пор на территории степной Украины не обнаружены еще сарматские поселения. Однако свидетельства Плиния и Птолемея, черпавших сведения из официальных римских документов, периплов и итинерариев своего времени, говорят о наличии на Азовском побережье и вдоль впадающих в Азовское море рек значительного количества населенных пунктов, как сельских, так и городских, принимавших деятельное участие в продвижении товаров вглубь страны. Многочисленные тому доказательства

мы находим в лесостепной полосе Украины в виде красноглиняных кувшинов и чаш, металлических ковшей с латинскими надписями на ручках, бронзовых гидрий, разнообразных изделий ювелирного мастерства и, наконец, большого количества кладов римских монет.

Немаловажную роль в этом обмене играли и городища Низового Днепра, вблизи которых могли располагать свои стойбища и сарматские скотоводческие племена.

Дальнейшей первоочередной задачей в изучении сарматских памятников Приазовья является выявление на этой территории сарматских поселений, следы которых уже обнаружены разведками Б. Н. Гракова в 1949 г. в западной части Приазовья и Молочанской экспедицией в 1951 г. Не менее важными вопросами, требующими разрешения, является вопрос об установлении в этой части приазовских степей ряда промежуточных звеньев между памятниками эпохи бронзы и памятниками сарматского времени, а также задача составления карты расселения на этой территории отдельных сарматских племен и выяснения их взаимоотношений с местными оседлыми племенами пограничных со степями областей.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВДИ — Вестник древней истории.
ВИ — Вопросы истории.
ВЛГУ — Вестник Ленинградского гос. университета.
ВУАК — Всеукраинский археологический комитет.
ГИМ — Государственный исторический музей.
ДСИФ МГУ — Доклады и сообщения Исторического факультета Московского государственного университета.
ДП — Древности Поднепровья.
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения.
ИАК — Известия Археологической комиссии.
ИАНОИФ—Известия Академии Наук, Отделение истории и философии.
ИАН СССР — Известия Академии Наук СССР.
ИГАИМК — Известия Государственной Академии истории материальной культуры
ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности.
ИТУАК — Известия Таврической ученой архивной комиссии.
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры.
МАР — Материалы по археологии России.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
ОАК — Отчет Археологической комиссии.
РД — Русские Древности.
СА — Советская Археология.
СГАИМК — Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры.
ТОИПКЭ — Труды Отдела истории первобытной культуры Эрмитажа.
ТР АС — Труды археологического съезда.
ТСА РАНИОН — Труды Секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук.
УЗЛГУ — Ученые записки Ленинградского государственного университета.
ESA — Eurasia Septentrionalis Antiqua.
IosPE — Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini.
SC — Scythica et Caucasica (В. В. Латышев, Известия древних авторов, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе).

СОДЕРЖАНИЕ

Н. Н. Погребова (Москва) — Состояние проблем скифо-сарматской археологии к конференции ИИМК АН СССР 1962 г. . . . . .

Б. Н. Граков и А. И. Мелюкова (Москва) — Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях Европейской части СССР в скифское время 39

А. И. Тереножкин (Киев) — Культура предскифского времени в Среднем Поднепровье (Чернолесский этап) 94

А. А. Иессен (Ленинград) — Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э. на Северном Кавказе 112

П. Д. Либеров (Москва) — Хронология памятников Поднепровья скифского времени 132

В. А. Ильинская (Киев) — Керамика скифских погребений Посулья 168

Е. И. Крупнов (Москва) — О походах скифов через Кавказ 186

К. Ф. Смирнов (Москва) — Вопросы изучения сарматских племен и их культуры в советской археологии 195

М. И. Вязьмитина (Киев) — Сарматские погребения у с. Ново-Филипповка. . 220

Утверждено к печати
Институтом истории материальной культуры
Академии Наук СССР

Редактор издательства *Н. Я. Мерперт*
Технический редактор *Т. А. Землякова*
Корректор *В. Н. Стаханова*
Оформление художника *А. А. Люминарского*

РИСО АН СССР 41-46В. Т-06933. Издат. № 487.
Тип. заказ № 461. Подп. к печ. 27/IX 1954 г.
Формат бум. 70×108$^{1}/_{16}$. Бум. л. 7,88 + 2 вкл.
Печ. л. 21,23 + 2 вкл. Уч.-издат. 21,8+0,7 вкл.
Тираж 2500.

Цена по прейскуранту 1952 г. 14 р. 80 к.

2-я тип. Издательства Академии Наук СССР
Москва, Шубинский пер., д. 10

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
52	25 сн.	1930	1931
56	1 св.	неожидонного	неожиданного
71	1 сн.	1953	1954
78	6 сн.	Поселения	Поселения
84	2 сн.	Кишеневском	Кишиневском
87	1 св.	черепков	черпаков
99	15 сн.	Шумайко	Шумейко
149	15 св.	датируют	датирует
152	22 св.	Старшей	Старшóй
210	21 св.	Днестра	Днепра